

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
白俄罗斯教育部

МИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
明斯克国立语言大学

ФАКУЛЬТЕТ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ
中文系

ПУТИ ПОДНЕБЕСНОЙ
中国之路

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
论文集

ВЫПУСК 9
第九辑

Минск, МГЛУ, 2022
明斯克，明斯克国立语言大学，2022

УДК 811.58(082)
ББК 81.2Кит.я43
П90

Сборник основан в 2006 году

Рекомендовано
Редакционным Советом УО «МГЛУ»
24 февраля 2022 г., протокол № 1/62

Редакционная коллегия:
доктор филологических наук, профессор *А.Н. Гордей* (отв. ред.)
кандидат филологических наук, доцент *Н.В. Михалькова* (зам. отв. ред.)
доктор исторических наук, профессор *С.Ф. Свилас*
кандидат филологических наук, доцент *М.С. Филимонова*
кандидат искусствоведения, доцент *Е.Ф. Шунейко*

Рецензенты:
кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков УО «МГЛУ»
Н.В. Дардыкова
кандидат филологических наук, зав. кафедрой восточных языков БГУ
К.В. Карасёва

ISBN 978-985-28-0112-6

Пути поднебесной : сб. науч. тр. Вып. IX / редкол. : А.Н. Гордей (отв. ред.) [и др.]. —
Минск : МГЛУ, 2022. — 288 с.

Сборник научных трудов подготовлен по материалам IX Международной научной конференции «Китайская цивилизация в диалоге культур», проходившей в Минске 1-2 марта 2022 г. Представленные в сборнике научные статьи касаются широкого круга китаеведческих проблем в таких отраслях научного знания, как лингвистика, литературоведение, международные отношения, география, история, философия, юриспруденция, религиоведение, искусствоведение, педагогика.

Для научных работников, преподавателей китайского языка и литературы, аспирантов, магистрантов и студентов, а также всех, интересующихся китаеведением.

УДК 811.58(082)
ББК 81.2Кит.я43

ISBN 978-985-28-0112-6

© УО «Минский государственный
лингвистический университет», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ	6
<i>Белая Ирина Витальевна. Смени шелковое платье на нищенскую рясу: о женском подвижничестве в даосской школе Цюаньчжэнь.....</i>	<i>6</i>
<i>Гордей Александр Николаевич. Метасематические правила комбинаторики 的 de</i>	<i>14</i>
<i>Коваль Владимир Иванович. Образ птицы с железным клювом в китайских и восточнославянских фольклорных текстах</i>	<i>19</i>
<i>Новиков Леонид Иванович. Предпосылки формирования и особенности теории китайского социализма.....</i>	<i>23</i>
<i>Свилас Светлана Францевна, Ши Дандань. Общество дружбы «Беларусь-Китай» как институт народной дипломатии</i>	<i>28</i>
<i>Стабурова Елена Юрьевна. 110 лет с начала Синьхайской революции и некоторые вопросы истории Китая в историографии КНР</i>	<i>32</i>
<i>Emelchenkova Elena Nikolaevna. Chinese lexicon expansion at the turn of 20th century.....</i>	<i>40</i>
<i>Федорова Татьяна Владимировна. Проблемы развития экономики КНР в условиях пандемии covid-19</i>	<i>47</i>
<i>Шунейко Евгений Феликсович. Неодадаизм Хуан Юнпина 1980-х – 2010-х гг.....</i>	<i>54</i>
<i>Шимелевич Анна Генриховна. К вопросу об оксидентализме в искусстве Китая: фарфоровые реплики лиможских эмалей.....</i>	<i>58</i>
СЕКЦИЯ 1. КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	62
ПОДСЕКЦИЯ 1	
<i>Михалькова Надежда Васильевна. Мотивированность китайских иероглифических номинаций одной семантической области</i>	<i>62</i>
<i>Гэн Цзянь. Омофония и иероглифическое письмо в китайском языке</i>	<i>68</i>
<i>Панюсько Виктория Юрьевна. Способы репрезентации пространственных отношений в китайском языке</i>	<i>71</i>
<i>Чжан Аньци. Употребление интернет-сленгизмов носителями русского и китайского языков (на материале анкетирования)</i>	<i>77</i>
<i>Юй Вэй. Об особенностях семантических соответствий между русскими и китайскими финансовыми наименованиями</i>	<i>84</i>
<i>Бадилова Анастасия Сергеевна. Отражение особенностей китайской культуры еды на примере устойчивых выражений с компонентом 糗</i>	<i>89</i>
<i>Богданова Ольга Андреевна. Редупликация как способ знакообразования в иероглифической системе китайского языка.....</i>	<i>94</i>
<i>Рачковская Ксения Тимофеевна. Функционирование пословиц в современном китайском языке (на примере чэньюй)</i>	<i>97</i>
<i>Степанюк Виктория Александровна. Энантиосемия в рекурсивной реконструкции</i>	<i>101</i>
<i>Трецинская Анна Юрьевна. Лексико-синтаксические особенности китайских рекламных текстов.....</i>	<i>104</i>
<i>Тумилович Ирина Витальевна. Особенности выражения концепта «любовь» во фразеологических единицах китайского языка</i>	<i>111</i>
<i>Якубович Арина Дмитриевна. Особенности производных иероглифических знаков китайского языка (на материале радикалов 大 «большой», 小 «маленький» и 𠂇 «крошечный»).....</i>	<i>114</i>
<i>Янкович Татьяна Сергеевна. Семантические свойства иероглифических знаков китайского языка с детерминативом 心 ‘сердце’</i>	<i>117</i>
ПОДСЕКЦИЯ 2	
<i>Филимонова Марина Сергеевна. Лингвокогнитивные особенности китайской письменности.....</i>	<i>120</i>

Заголовец Анастасия Васильевна. Коммутативность как признак устойчивых словосочетаний в китайском языке	126
Москалёва Алеся Юрьевна. Инкорпоративный комплекс ёгенов как синтаксическое целое.....	129
Гибкий Павел Валерьевич. Лингвистический и металингвистический аспект временных отношений в китайском языке	134
Антонович Юлия Алексеевна. Специфика образования наименований блюд китайской кухни.....	140
Батуро Карина Викторовна. Особенности перевода терминов, обозначающих верховное божество, на китайский язык	144
Бирюк Джейн Леонидовна. Специфика перевода текстов библии на китайский язык (на материале 3-й Главы Первого Послания к Тимофею).....	147
Буренкова Софья Александровна. Морфемная контракция терминологической лексики общественно-политической сферы в китайском языке (на материале терминов сферы международных отношений).....	150
Выборная Евгения Юрьевна. Семантическое разнообразие названий китайских фильмов	155
Лукашевич Вероника Дмитриевна. Выразительные возможности чэньюев параллельной конструкции (на примере чэньюев с компонентами-зоонимами «феникс» (凤) и «дракон» (龙))	159
Слепцова Анастасия Сергеевна. Анализ эвфемизмов, описывающих внешность, в китайском и русском языках.....	162
Томилова Ольга Сергеевна. Латентные признаки в семантике китайских прецедентных имен.....	166
Умецкий Иван Александрович. Специфика перевода реалий украинской и южнорусской жизни средних веков и Нового времени (на материале произведений Н.В. Гоголя)	168
Чигоревская Анастасия Викторовна. Соответствие вербальных и невербальных признаков в китайской социальной рекламе.....	172
Якубецкая Елизавета Леонидовна. Специфика перевода поздравительных выступлений Председателя КНР Си Цзиньпина: вынужденные меры или переводческие ошибки? ..	177
СЕКЦИЯ 2. КИТАЙСКАЯ КУЛЬТУРА: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ	182
ПОДСЕКЦИЯ 1	
Аксёничков-Бирюков Святослав Юрьевич. О внутренней форме чэньюй с компонентом тигр.....	182
Аксёникова-Бирюкова Ангелина Александровна. Некоторые особенности жанровой манеры и символы стихотворений Ли Цинчжао	186
李博. 中国牡丹的起源及其绘画艺术的发展.....	190
张靖. 景德镇外销青花瓷对欧洲陶瓷艺术发展的影响.....	192
Ли И. Эволюция приемов создания образов персонажей в традиционном и современном изобразительном искусстве Китая	195
Liu Zichun. Acting Styles and Actor Training in Modern Chinese Drama Theatre – on the Example of Nanjing Academy of Art	198
Пэн Синьчжэн. Особенности китайской живописи на городскую тему.....	200
У Сянь. Творчество китайских художников-модернистов во второй половине XX вв.	202
Фэн Синь. Кукольный театр провинции Фуцзянь в ритуально-обрядовой практике времен династий Мин И Цин	208
Чжун Цяньцян. Следы мыслей об инь-ян в традиционной китайской литературе ...	214
Чэнь Цаньбинь. Мастера ксилографии периода Китайской Республики 1910-х –1940-х гг.	215
ПОДСЕКЦИЯ 2	

Гу Чэньюань. Батальные сцены Пекинской оперы: специфика взаимосвязи звукового и зрительного пластов.....	220
Лу Ся. Актуализация традиционного костюма ханьцев.....	227
Лю Сюаньэр. Сравнительный анализ восточнославянских и китайских народных сказок о "снеге".....	230
Лю Фэй. Стилистический диапазон китайской живописи начала XXI века, раскрывающей образ города.....	233
Сюе Лина. Мысль о гармонии в традиционной китайской культуре.....	236
Хуан Ичэн. Культурная индустрия культуры КНР: становление и развитие.....	238
Хуан Цзиньюань. Национальные традиции культуры Китая и современность: проблема взаимодействия.....	243
Цзяляльна. Государственно-частное партнерство как инструмент развития инновационной системы образования КНР.....	246
Чжоу Лэчжэн. Культурная дипломатия во внешней политике КНР в период председательства Си Цзиньпина.....	249
Чжао Сылу. Национальные особенности стилей дисциплинирования детей в китайских семьях: влиянием традиционной культуры.....	252
СЕКЦИЯ 3. ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ КИТАЕВЕДЕНИЯ	254
Свилас Светлана Францевна. Ткачук Карина Ивановна. О некоторых аспектах взаимодействия между Бразилией и Китаем в духовной и социальной сферах.....	254
Свилас Светлана Францевна. Станкевич Юлия Викторовна. О вкладе Фонда им. Курта Кёрбера в содействие взаимопознанию и взаимопониманию между Китаем и Европой.....	258
Жэнь Сюе. Конфуцианство и политика Китая.....	262
Ли Чан. Фестиваль как пространство межкультурной коммуникации: теоретико-методологический аспект.....	263
Мэйди Айниваэр. Влияние Движения за новую культуру на развитие китайской литературы.....	270
Су Тао. Адаптация китайских студентов к социокультурной среде Беларуси: лонгитюдное исследование.....	274
Хань Ваньчэнь. О реализации потенциала китайско-украинского сотрудничества в сфере высшего образования.....	276
Крыцук Мікіта Іванавіч. Агульначалавечы базіс і варыятыўнасць культурна-цывілізацыйных праграм.....	279
Придеин Василий Вадимович. Китай в образах Санкт-Петербурга.....	285

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Белая Ирина Витальевна
доктор философских наук
ведущий научный сотрудник отдела Китая
Институт Востоковедения РАН
(г. Москва, Российская Федерация)

СМЕНИ ШЕЛКОВОЕ ПЛАТЬЕ НА НИЩЕНСКУЮ РЯСУ: О ЖЕНСКОМ ПОДВИЖНИЧЕСТВЕ В ДАОССКОЙ ШКОЛЕ ЦЮАНЬЧЖЭНЬ

На рубеже XII—XIII вв. даосизм входит в новую фазу своего развития, которую можно назвать периодом оформления, распространения и доминирования на институциональном уровне учения Полного совершенства (Цюаньчжэнь 全真)¹. Это учение было основано даосским деятелем Ван Чун-яном 王重陽 (1112—1170) во второй половине XII в. К XIV в. школа Цюаньчжэнь из маленького религиозного сообщества превращается в мощное идеологическое и религиозное движение с институтом монашества и охватывает всю территорию Китая. Наставники Цюаньчжэнь активно проповедовали свое учение среди женщин, о чем свидетельствует более сотни стихотворений, которые они посвятили «отшельницам» (*сань жэнь* 散人), «сестрам» (*гу姑*) и «монахиням» (*нюй гуань* 女冠) своей школы². Эти поэтические наставления помогают составить представление о женском подвижничестве на раннем этапе распространения школы Цюаньчжэнь.

В стихотворении второго патриарха Ма Юя 馬鈺 (*дао хао* Дань-ян 丹陽) (1123—1183) из поэтического сборника «Сияние, излучаемое духом Дань-яна» (*Дань-ян шэнь гуан цань* 丹陽神光燦) говорится о даосской монахине по фамилии Ли, которая обратилась к нему с вопросом с его нужно начинать совершенствоваться в даосской алхимии (*сю лянь* 修鍊 – досл. «совершенствоваться в очищении»). Первый этап, согласно учению Цюаньчжэнь, состоит в пестовании внутренней природы (*син* 性). Ма Юй советует отстраниться от мирских забот, что будет способствовать обузданию сердца от страстей и желаний и прекращению безостановочного потока мыслей. Только если разорвать все мирские привязанности и упорно трудится на стезе самосовершенствования, можно будет избежать встречи с владыкой Подземного узилища (*ди юй* 地獄) Янь-ло-ваном 閻羅王, который карает грешников за преступления, совершенные при жизни. Ма подчеркивает, что практикуя недеяние (*у вэй* 無為), чистоту и покой (*цин цзин* 清靜), можно постичь сокровенное и глубочайшее Дао – величайший закон мироздания.

Вторая часть поэтических наставлений посвящена совершенствованию жизненной силы (*мин* 命) – когда дух-*шэнь* и дыхание-*ци* соединятся друг с другом, образуется драгоценный эликсир (*дань бао* 丹寶 – досл. «Киноварная драгоценность») – символ бессмертия. В качестве

¹ Общая характеристика учения Цюаньчжэнь представлена в работах Е.А. Торчинова [1, с. 361–384]; Яо Тао-чуна [2, р. 567–593]; С. Эскилдсена [3, р. 1–18]; Л. Комяты [4, р. 34–62]; П. Марсона [5, р. 1111–1159]. О причинах популярности и жизнеспособности учения Цюаньчжэнь см. исследование автора этих строк: [6, с. 5–12]. С избранной библиографией по данному вопросу, а также с некоторыми особенностями истории и современного состояния школы Цюаньчжэнь заинтересованный читатель может познакомиться в работе С.В. Филонова: [7] и нашей статье [8].

² Больше всего стихотворений даоскам посвятил второй патриарх Цюаньчжэнь Ма Юй.

награды, которая ждет даоску, решившуюся посвятить себя духовному подвижничеству, Ма Юй обещает ей путешествие на Три острова (*сань дао* 三島) – местожительство Небожителей-сяней – Пэнлай 蓬萊, Фанчжан 方丈 и Инчжоу 瀛洲, куда ее доставят волшебные облака.

Преподнес сестрице Ли из деревни Сяохуцунь

(Цзэн Сяохуцунь Ли гу 贈小胡村李姑)

Сестрица, сестрица, когда ты совершенствуешься в очищении¹,

Прислушайся ко мне, снова повторяюсь:

Сначала нужно оборвать-искоренить досады-огорчения².

Поймать-обуздать сердце-обезьяну и мысли-лошадь,

И не допускать, чтобы они вертелись и брыкались.

姑姑修鍊，聽予重告，先要斷除煩惱。

擒捉心猿意馬，休使返倒。

Подобно человеку, преисполненному решимости,

Не смей колебаться, но и не будь небрежной.

Скорее приступай,

Добивайся своей цели очень прилежно,

Тогда избежишь визита к [владыке ада] Янь-лао³.

如同男兒決烈，莫躊躇，更休草草。

速下手，仗十分苦志，免參閻老。

Одним разом оборвешь все виды мирских привязанностей,

Обретешь подлинное ликование, подлинную радость,

Постепенно проникнешь в сокровенное и глубочайшее.

Втайне оберегай недеяние, чистоту и покой,

Самоестественный Путь-Дао.

萬種塵緣一削，得真權真樂，漸通玄奧。

密護無為清靜，自然之道。

Откликайся [всем] существам, [сама пребывая]

в совершенном постоянстве, уединении и безмолвии.

Тогда дыхание-ци и дух-шэнь вместе соединятся,

образуя Киноварную драгоценность.

Заслуги и [добродетельные] дела преисполнятся,

Оседлаешь благовещие облака,

И отправишься назад на Три острова⁴.

應物真常幽閨，氣神相結成丹寶。

¹Досл. «Совершенствоваться в очищении» (*сю лян* 修煉), что означает очищать дух-шэнь 神, дыхание-ци 氣, эссенцию-цзин 精 (у мужчин) или кровь –юэ сюэ 月血 (у женщин) с помощью даосских методов «внутренней алхимии» (*нэй дань* 內丹).

²Досады-огорчения (*фань нао* 煩惱) – китайская смысловая калька санскр. термина *kleśa*.

³Янь-лао 閻老 – владыка Подземного узилища (*ди юй* 地獄) Янь-ло-ван 閻羅王 (санскр. *Yama* 王).

⁴Три острова (*сань дао* 三島) – Пэнлай 蓬萊, Инчжоу 瀛洲 и Фанчжан 方丈 – три из пяти чудесных гор-островов даосской космогонии, где, согласно легендам, живут бессмертные – метафора бессмертной жизни или беззаботного состояния блаженства и счастья.

功行滿，跨祥雲，歸去三島。

[9, с. 489].

В стихотворении из «Собрания [поэтических произведений] “О постепенном пробуждении”» (*Цзянь у цзи 漸悟集*) Ма Юй обращается к двум женщинам по имени Яо Шоу-цин 姚守清 и Ли Шоу-цзин 李守靜, призывая их покинуть Горящий дом – символ бренного мира, оставить мирские удовольствия и развлечения, чтобы посвятить себя изучению даосизма. Он советует им познать жизненную силу и внутреннюю природу – «облака» и «воду», т.е. тело и сердце, добиться контроля над сердцем и мыслями – «крепко схватить мысли-лошадь и сердце-обезьяну». Преодоление мирских страстей и привязанностей, согласно Ма Юю, будет способствовать восполнению духа-шэнь и обретению долголетия.

Преподнес Яо Шоу-цин и Ли Шоу-цзин

(Цзэн Яо Шоу-цин Ли Шоу-цзин 贈姚守清李守靜)

Изучающим Дао-Путь надо сбежать из Горящего дома¹,
Доискиваться до сокровенного, справляться-расспрашивать
о хороших связях.

Шоу-цин, Шоу-цзин, прекратите гулять и развлекаться,
Просите и требуйте для себя лучших условий.

學道須離火院，搜玄參訪良緣。

守清守靜絕般般，乞覓於身大便。

Облака и воду надо познать внутри и снаружи,
Крепко схватить мысли-лошадь и сердце-обезьяну.
Тьма привязанностей не проявятся, полнота духа-шэнь обретется,
Получите награду за большое усердие в практике совершенствования.

雲水須明內外，牢擒意馬心猿。

萬緣不著得神全，酬了修行大願。

[10, с. 503].

В стихотворении из собрания «Сияние, излучаемое духом Дань-яня» (*Дань-ян шэнь гуан цань 丹陽神光燦*) Ма Юй противопоставляет образ жизни мирских последовательниц и монахинь школы Цюаньчжэнь. В представлении Ма Юя, женщина, которая решила посвятить себя изучению даосизма должна отказаться от дорогих платьев, облачившись в нищенскую рясу, пренебречь заботой о своей внешности и даже ходить с грязным лицом и взлохмаченными волосами, что идет в разрез с прекрасными образами даосок, воспетых поэтами эпохи Тан (618–907). Только те из них, которые не побоялись преодолевать трудности и невзгоды, чтобы познать Дао, смогут с помощью методов даосской «внутренней алхимии» «перемещать солнце и луну в своем теле» – дыхание-ци сердца и почек, и создать «Чудесную жемчужину» (*шэнь чжун 神珠*) – символ эликсира долголетия.

Преподнес всем [даосским] сестрицам (Цзэн чжун нью гу 贈眾女姑)

Досадающим на ветер и боящимся солнца,
Дорожащим и пекущимся о внешности и манерах
Таким проживать в глубине разукрашенных залов больше подходит.
Перед зеркалом расчесываться и прихорашиваться,
Приводить в порядок шелковые платья с золотыми нитями.

嫌風怕日，愛惜容儀，畫堂深處相宜。

對鏡梳妝，整頓金縷羅衣。

¹Горящий дом (*хо юань 火院*) = Море страданий (*ку хай 苦海*), т.е. бренный мир.

Но так как слышат об оболочках цикад летающих *сяней*,
Восхищаются подлинным совершенствованием,
Сильны решимостью и не имеют сомнений.
Отказавшись от красоты и роскоши,
Даже с растрепанной головой и грязным лицом,
В некрашеной одежде находят приют.
因聞風仙蟬蛻，慕真修，決烈無疑。

棄華麗，便蓬頭垢面，布素歸依。

В прежние дни корень их души-*лин* подхватил недуг,
Знают теперь, что должны
Приниматься за самолечение.
Перемещают и вращают солнцу и луну в своем теле,
Напрямую соединяются со всем миром.
昔日靈根受病，知今卻鬢當、下手親醫。

搬運身中日月，直接天涯。

Самоестественно Дерево и Металл¹ превращаются в драгоценность,
Образуя Чудесную жемчужину
Ослепительного блеска и безупречной формы.
И сразу же узнают, что об этом
Невозможно размышлять и рассказать.
自然木金成寶，現神珠，晃曜清沂。

方知道，這些兒，不可思議。

[9, с. 490].

На начальном этапе развития школы Цюаньчжэнь нищенский образ жизни считался наиболее способствующим духовному росту. Известно, что первые наставники Цюаньчжэнь проповедовали ученикам идеал «чистой бедности» (*цин тинь* 清貧). В «Записях речей совершенного человека Дань-яна» (*Дань-ян чжэнь жэнь юй лу* 丹陽真人語錄) говорится, что «Даос не должен испытывать отвращение к бедности. Бедность это основа пестования жизни (*ян шэн* 養生). Если голодны, тогда съешьте одну пиалу жидкой каши. Если ложитесь спать – постелите одну вязанку соломы. В заштопанной одежде проводите день изо дня. Это правильный образ жизни даоса. Поэтому вы должны понять, что единственная практика чистоты и покоя не может быть приобретена богачом» [11, с. 406].

В поэме из «Собрания [поэтических произведений] Чун-яна о Полном совершенстве» (*Чун-ян Цюаньчжэнь цзи* 重陽全真集) Ван Чун-ян призывал своих учеников «в страдании искать свободу» (*ку чжун сюнь сянь* 苦中尋閑) [12, с. 327]. Жизнеописания первых наставников этой школы так же содержат множество примеров аскетического подвижничества². Лю Чу-сюань 劉處玄 (1147–1203) «очищал внутреннюю природу, смешавшись с пылью суетного мира», ведя жизнь нищего на улицах г. Лоцзина 洛京 (совр.

¹ Дерево и Металл, согласно теории Пяти первоэлементов (*у син* 五行), соотносятся с печенью и легкими.

² Об аскетизме в раннем учении Цюаньчжэнь обстоятельно писал С. Эскилдсен [3, р. 39–56]. Некоторые аспекты аскетического подвижничества первых наставников этой школы затрагиваются в работах Л. Комяты [4, р. 167–173] и П. Марсона [5, р. 1138]. На русском языке об аскетизме Семи совершенных людей школы Цюаньчжэнь можно прочесть в нашей статье [13, с. 11–12].

Лоян). Когда люди давали подношения – ел, не давали – не роптал. Если спрашивали его о чем-то, отвечал жестами, не спрашивали – целыми днями молчал [14, с. 45]. Цю Чу-цзи 丘處機 (1148–1227) в Паньси 磻溪 6 лет воздерживался от сна, а затем продолжил аскетическую практику (*ку син* 苦行) в Лунчжоу 龍州, в горах Лунмэньшань 龍門山. Раз в день он ходил просить на пропитание в соломенной накидке, за что его прозвали «Учитель в соломенном плаще» (*Со-и сянь-шэн* 蓑衣先生) [15, с. 65]. Хао Да-тун 郝大通 (1140–1212) неподвижно сидел в нищенской рясе на мосту в Вочжоу 沃州 (пров. Хэбэй) в течении 3 лет, не прося ни еды, ни воды. Когда люди оскорбляли его, он не испытывал злости и смиренно сносил насмешки, не промолвив ни слова, поэтому его называли «Немой учитель» (*Бу-юй сянь-шэн* 不語先生) [14, с. 51]. Ван Чу-и 王處一 (1142–1217) вел отшельническую жизнь в уезде Вэньдэн 文登 на горе Течашань 鐵查山 в ските Юньгуандун 雲光洞 (досл. «Пещера облаков и сияния»). Девять лет он стоял под палящим солнцем летом и три года спал в снегу зимой. Каждую ночь, чтобы не заснуть, Ван Чу-и стоял на утесе перед бушующим морем на одной ноге в течение девяти лет, за что получил прозвище «Учитель Железконогий» (*Те-цзяо сянь-шэн* 鐵腳先生) [14, с. 50].

Тань Чу-дуань 譚處端 (1123–1185) просил милостыню на улицах г. Эрцзу 二祖, (окр. Цичжоу, пров. Хэнань). Однажды пьяница ударом кулака выбил ему зубы, но наставник, улыбаясь, выплюнул ему их в пригоршню и ушел, напевая и танцуя [15, с. 63]. В «Записях речей Совершенного человека Дань-яна» (*Дань-ян чжэнь жэнь юй лу* 丹陽真人語錄), говорится, что Ма Юй жил подаяниями, носил одну и ту же одежду и ходил босиком круглый год. Даже в самые холодные зимы он не разжигал в хижине огонь, чтобы согреться, поклявшись жить таким образом 10 лет [11, с. 405].

Известно, что подвижничество монахинь школы Цюаньчжэнь было не менее суровым, чем у мужчин. Так, в «Записях о правильной линии преемства [школы] Золотого лотоса» (*Цзинь лань чжэнь цзун цзи* 金蓮正宗記) говорится, что Сунь Бу-эр 孫不二 (1119–1182)¹ по пути к могиле Ван Чун-яна приходилось спать лежа на снегу. Обморожение обезобразило ее лицо, но она не считала это страданием [14, с. 52]. Часто женщины намеренно уродовали свою внешность, чтобы избежать нежелательного замужества и иметь возможность уйти в монастырь или обезопасить себя во время паломничества к даосским обителям. В «Жизнеописании достопочтенной наставницы Пу-ча, Совершенной, постигшей тонкости [Дао-Пути]» (*Тун-вэй чжэнь жэнь Пу-ча цзунь ши чжуань* 通微真人蒲察尊師傳) рассказывается об ученице патриарха Цюаньчжэнь Цю Чу-цзи 丘處機 по имени Пу-ча Дао-юань 蒲察道淵 (1152–1204) которая изуродовала свое лицо, чтобы избежать замужества и посвятить себя даосизму [17, с. 627; 18, с. 22]. На «Стеле о даосских деяниях владычицы Ао-дунь, наставницы во внутренней алхимии» (*Нюй лань ши Ао-дунь цзюнь дао син бэй* 女煉師奧敦君道行碑) рассказывается о другой ученице Цю Чу-цзи которую звали Ао-дунь Мяо-шань 奧敦妙善 (1199–1275). Для того чтобы до конца порвать с мирской жизнью Ао-дунь отрезала

¹ Сунь Бу-эр 孫不二(1119–1182), даосское прозвище «отшельница Чистоты и покоя» (*Цин-цзин сань-жэнь* 清靜散人) – жена второго патриарха Цюаньчжэнь Ма Юя. Вслед за своим мужем стала ученицей Ван Чун-яна. Подробно о жизни и духовном пути этой даосской подвижницы можно прочесть в нашей монографии [16].

волосы и изуродовала свою внешность. Круглый год она носила лишь нищенскую рясу и питалась одними ягодами и плодами. Она только и делала, что «опустошала сердце, наполняла живот» (*сюй синь ши фу* 虛心實腹) и в итоге «восстановила сердечную природу» (*фу синь син* 復心性) [19, с. 686; 13, с. 11]. В «Собрании [поэтических произведений] из [скита] Облаков и сияния» (*Юнь гуан цзи* 雲光集) наставника школы Цюаньчжэнь Ван Чу-и 王處一 содержится стихотворение о девушке, которая отрезала себе нос, чтобы порвать со светской жизнью и стать даосской монахиней:

Юной сестрице Гун из Сюйфудяня, изуродовавшей свое лицо, отрезав нос, неотступно стремясь почитать Дао-Путь, преподнес

(*Сюйфудянь сяо Гун гу хуэй жуан цзе би цянй чжи му дао цзэн чжи*

徐福店小宮姑毀容截鼻,虔志慕道,贈之)

Изуродовав себе лицо, отрезав нос – стала тверже в стремлении,
Избавиться от бранных уз, связать себя узами с Дао.

Однажды коснувшись корня-истока, превзошла свое поколение.

Дважды скрепленная клятва союза¹ донеслась до синего неба.

毀容截鼻志彌堅, 為脫塵緣結道緣。

一着根源超等輩, 兩通盟誓透青天。

Три светила² подспудно светят – духовная мудрость раскрывается.

Четыре великих³ стремятся к гармонии – Дао постепенно передается.

Свет пронзает **Пятью** видами знания⁴ – никогда не настанет ночь.

Шесть Парамит⁵ распускаются золотыми лотосами.

¹«Дважды скрепленная клятва союза донеслась до самого неба» – в даосской традиции означает, что послушник передает на Небеса клятву верности даосским божествам.

²Три светила (*сань гуан* 三光) – солнце, луна и звезды.

³Четыре великих (*сы да* 四大) – восходящее к 25чжану «Дао Дэ цзина» 道德經 обозначение Дао 道, Неба(*тянь* 天), Земли(*ди* 地) и Правителя (*ван* 王)(Человека, *жэнь* 人). В учении Цюаньчжэнь, заимствовавшем буддийскую терминологию, может означать четыре первоэлемента классической индийской и буддийской космологии – землю (*ди* 地/*ту* 土), воду (*шуй* 水), огонь (*хо* 火) и ветер (*фэн* 風), составляющих человеческое тело. В сочинениях школы Цюаньчжэнь также может указывать на четыре конечности (*сы чжи* 四肢).

⁴Пять видов знания (*у мин* 五明, санск.*Pañcavidyā*) – пять наук в Древней Индии: наука о языке (*шэн мин* 聲明, *śabda vidyā*), логика (*гун цяо мин* 工巧明, *hetu vidyā*), медицина (*и фан мин* 醫方明, *cikitsā vidyā*), изящные искусства и ремесла (*инь мин* 因明, *śilpa-karmasthāna vidyā*), наука о духовности (*нэй мин* 內明, *adhyātma vidyā*).

⁵Шесть Парамит (*лю бо-ло-ми-до* 六波羅蜜多, санск. *pāramitā*) – Шесть переходов на Иной берег (*лю ду* 六度), Шесть Совершенств – в буддизме означает шесть действий, переводящих на берег спасения: давать милостыню (*бу ши* 布施, *dāna*), соблюдать заповеди-предписания (*чи цзе* 持戒, *śīla*), терпеть оскорбления (*жэнь жу* 忍辱, *kṣānti*), прилагать усердие в подвижничестве (*цзин дин* 精進, *vīrya*), пребывать в состоянии созерцания (медитации) (*чань дин* 禪定, *śamādhi*), интуитивное понимание (мудрость) (*чжи хуэй* 智慧, *prajñā*).

三光密照開靈慧，四大沖和道漸傳。

光綻五明常不夜，六波羅密吐金蓮。

Семь эмоций¹ искоренены, угасли – достигла полного просветления.

Из Восьми пещер божественными небожителями² вместе призвана к служению³.

С девятью изгибами Ясная жемчужина⁴ продета через макушку.

Все десять сторон света по желанию обойдешь вокруг.

七情除滅圓明聚，八洞神仙同受宣。

九曲明珠穿頂過，十方世界任周旋。

[23, с. 652].

Очевидно, Ван Чу-и был впечатлен поступком юной девушки и написал стихотворение, чтобы поддержать ее решимость стать даосской монахиней. За исключением первого четверостишия, в котором Ван Чу-и выражает одобрение ее героическому поступку, последующие строки связаны цифровой символикой, начиная от одного до десяти. Ван Чу-и использует последовательность буддийских и даосских терминов – «Три светила» (*сань гуан* 三光), «Четыре великих» (*сы да* 四大), «Пять видов знания» (*умин* 五明), «Шесть Парамит» (*лю бо-ло-ми* 六波羅密) и т.д., призывая продолжать даосскую практику и обещает вхождение в число небожителей-сяней по ее завершении.

¹Семь эмоций (*ци цин* 七情) – гнев (ну 怒), радость (*си* 喜), печаль (бэй 悲), страх (кун 恐), испуг (цзин 驚), задумчивость (*сы* 思), тревога (ю 憂). В буддийской философии означает Семь чувств (*ци цин* 七情) – гнев, радость, печаль, страх, любовь, ненависть, половое влечение.

² Небожители из Восьми пещер – Восемь бессмертных (*ба сянь* 八仙) даосской традиции – Люй Дун-бинь 呂洞賓, Ли Те-гуай 李鐵拐, Чжун-ли Цюань 鍾離權, Хань Сян-цзы 韓湘子, Цао Го-цзю 曹國舅, Чжан Го-лао 張果老, Лань Цай-хэ 藍采和, Хэ Сянь-гу 何仙姑.

³ «Призвана к служению» – отражает представление о даосском ритуальном бюрократизме: небожителях-сянях 仙 как чиновниках, находящихся на службе у Небесного императора. См. [20].

⁴ Ясная жемчужина с девятью изгибами (*Цзю цюй мин чжу* 九曲明珠) – аллюзия на фрагмент о том, как Конфуций отправился в царство Чэнь и по дороге встретил двух мудрых девушек, занимающихся выращиванием шелкопрядов. Они предсказали его горестное состояние в царстве Чэнь, куда он направлялся, и подсказали ему выход из опасного положения, посоветовав как продеть нитку через жемчужину с девятью изгибами [21]. В этой истории жемчужина с девятью изгибами – метафора трудноразрешимой ситуации. В стихотворении Ван Чу-и выражение «Ясная жемчужина с девятью изгибами» может указывать на Девять дворцов головного мозга (*наочжун цзю гун* 腦中九宮), расположенных в верхнем Киноварном поле (*шан дань тянь* 上丹田). Согласно исследованиям С.В. Филонова, «даосское самосознание воспринимало управляющий центр антропологических Небес в виде дворцового ансамбля, включающего девять дворцовых палат (“дворцов”) расположенных на разных пространственных уровнях в центральной части головного мозга» [22, с. 59]. «Продета через макушку» – указывает на выход бессмертного духа (*чюан шэнь* 出陽神) из тела через макушку головы, что означает прохождение даосской заключительного этапа внутриалхимического совершенствования.

Стихотворения, посвященные даосским подвижникам, наглядно иллюстрируют модель самосовершенствования, которую предложила и проповедовала школа Цюаньчжэнь. Она заключается в уединенном, скромном образе жизни, который полагалось вести в небольшой хижине, а позже – в стенах монастыря, соблюдении целибата, нищенствовании и суровом аскетическом подвижничестве, считавшимися непреложными условиями для совершенствования внутренней природы (*син* 性) и постижения даосских методов «внутренней алхимии» (*нэй дань* 內丹).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Торчинов Е.А. Даосизм: Опыт историко-религиоведческого описания. 2-е изд., доп. СПб. Лань, 1998.
2. Yao Tao-chung. Quanzhen–Complete Perfection // Daoism Handbook. Ed. by L. Kohn. Leiden: Brill, 2000. P. 567–593.
3. Eskildsen S. The Teachings and Practices of the Early Quanzhen Taoist Masters. SUNY press, 2004.
4. Komjathy L. Cultivating Perfection: Mysticism and Self-transformation in Early Quanzhen Daoism. Leiden–Boston: Brill, 2007.
5. Marsone P. Daoism under the Jurchen Jin Dynasty // Modern Chinese Religion Vol. I-II Song–Liao–Jin–Yuan (960–1368 AD). Ed. by John Lagerwey & Pierre Marsone. Leiden–Boston: Brill, 2015. Vol. II. P. 1111–1159.
6. Белая И.В. Предпосылки распространения учения Совершенной истины в Китае XII–XIII вв. // Научные ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология. Право. 2010 № 2 (73). Выпуск 11. С. 5–12.
7. Филонов С.В. Введение в даологию. Благовещенск: Изд. АмГУ, 2010.
8. Белая И.В. Раннее учение Цюаньчжэнь: источники и исследования // Л НК ОГК, 2020. Ч. 2. С. 432–463.
9. Ма Юй 馬鈺. Дань-ян шэнь гуан цань 丹陽神光燦 (Сияние, излучаемое духом Дань-яна) [ЧХДЦ. Т. 26. С. 479–492].
10. Ма Юй 馬鈺. Цзянь у цзи 漸悟集 (Собрание [поэтических произведений] «О постепенном пробуждении»), 2 цз. [ЧХДЦ. Т. 26. С. 493–521].
11. Ма Юй 馬鈺. Дань-ян чжэнь жэнь юй лу 丹陽真人語錄 (Записи речей совершенного человека Дань-яна) [ЧХДЦ. Т. 26. С. 403–408].
12. Ван Чжэ 王嘉. Чун-ян Цюаньчжэнь цзи 重陽全真集 (Собрание [поэтических произведений] Чун-яна о Полном совершенстве), 13 цз. [ЧХДЦ. Т. 26. С. 273–358].
13. Белая И.В. О развитии женского монашества в даосской школе Цюаньчжэнь в эпохи Цзинь и Юань: Ч. 3: Ао-дунь Мяо-шань // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». М., 2017, №4 (10) Ч.1. С. 9–18.
14. Цинь Чжи-ань 秦志安. Цзинь лян чжэн цзун цзи 金蓮正宗記 (Записи о правильной линии преемства [школы] Золотого лотоса), 5 цз. [ЧХДЦ. Т. 47. С. 29–53].
15. Лю Чжи-сюань 劉志玄, Се Си-чань 謝西蟾. Цзинь лян чжэн цзун сянь юань сян чжуань 金蓮正宗仙源像傳 (Иллюстрированные жизнеописания [рассказывающие] о происхождении небожителей-сяней правильной линии преемства [школы] Золотого лотоса) [ЧХДЦ. Т. 47. С. 54–68].
16. Белая И.В. «Поучения Изначальной владычицы Сунь Бу-эр»: даосское учение для женщин. М.: ИД «Ганга», 2020.
17. Ли Дао-цян 李道謙. Тун-вэй чжэнь жэнь Пу-ча цзунь ши чжуань 通微真人蒲察尊師傳 (Жизнеописание достопочтенной наставницы Пу-ча, Совершенной, постигшей тонкости [Дао-Пути]) (1280 г.) [ДЦЦШЛ.С. 626–627].

18. Белая И.В. О развитии женского монашества в даосской школе Цюаньчжэнь в эпохи Цзинь и Юань: Ч. 1: Пу-ча Дао-юань // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». М., 2017, №2 (8). С. 19–29.

19. Жэнь Чжи-жунь 任志潤. Нюй лян ши Ао-дунь цзюнь дао син бэй 女煉師奧敦君道行碑 (Стела о даосских деяниях владычицы Ао-дунь, наставницы во внутренней алхимии) (1298 г.) [ДЦЦШЛ. С. 686–687].

20. Филонов С.В. «Хочу служить я шидичэнем в Рассветном дворце императорском...» (некоторые аспекты даосской концепции сяня-небожителя) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. СПб.: Изд-во РХГА, 2009, № 3 (10). С. 141–154.

21. Инь Юнь 殷芸. Инь Юнь сяо шо 殷芸小說 [Сяо шо от Инь Юня]. Сост. Лу Сюнь 魯迅. Шанхай: Шанхай гу цзи чубаньшэ, 1984. Цит. по: <https://zh.m.wikisource.org/zh-hant/%E6%AE%B7%E8%8A%B8%E5%B0%8F%E8%AA%AA>

22. Филонов С.В. Ранний даосизм: поиск методологической целостности // Религиоведение, 2009, №3. С. 56–69.

23. Ван Чу-и 王處一. Юнь гуан цзи 雲光集 (Собрание [поэтических произведений] из [скита] Облаков и сияния), 4 цз. [ЧХДЦ. Т. 26. С. 645–686].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ:

ДЦЦШЛ – Дао цзя цзинь ши люэ 道家金石略 (Даосские надписи на бронзовых [сосудах] и каменных [стелах]). Сост. Чэнь Юань 陳垣, Чэнь Чжи-чао 陳智超, Цзэн Цин-ин 曾慶瑛. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1988.

ЧХДЦ – Чжун хуа Дао цзан 中華道藏 (Китайский «Даосский канон»). В 48 тт. Ред. Чжан Цзи-юй 張繼禹. Пекин: Хуася чубаньшэ, 2004.

Гордей Александр Николаевич
доктор филологических наук, профессор
заведующий кафедрой теории и практики китайского языка
Минский государственный лингвистический университет
(г. Минск, Республика Беларусь)

МЕТАСЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРАВИЛА КОМБИНАТОРИКИ 的 DE

В комбинаторной семантике [4, с. 32–35] под членами предложения понимаются роли вариантов знаков (частей языка) в предложении [9, с. 69–75], а **определение** рассматривается в качестве второстепенного члена предложения, обозначающего модификацию подлежащего, дополнения, обстоятельства места и времени [15, р. 129]. Следует строго различать языковую категорию знака и его роль в предложении¹, поскольку подобное смешение, проявляющееся в терминах «глагол-сказуемое» или «подлежащее-субъект», приводит к парадоксу Рассела [13, с. 7–9]. Роль определения в китайском синтаксисе закреплена за постоянными предикативами (**ёгенами** в китайско-японской лингвистической традиции [8, с. 7–22]): 黑帽子 (чёрная шапка), где 黑 (чёрный) – сжатый постоянный ёген [5, с. 173–179]. Сжатые ёгены являются результатом семантической специализации знаков в глоттогенезе [1, с. 83] и поэтому обладают максимальной комбинаторикой. Сокращённые постоянные ёгены [5, с. 173–179], типа русск. *крас-н-ый*, порождаются продуктивными моделями семиозиса и могут стать

¹ «Функциональные понятия типа «Субъект», «Предикат» должны тщательно отграничиваться от категориальных понятий, таких как «Именная составляющая», «Глагол», и различие между ними не должно быть замаскировано тем обстоятельством, что иногда один и тот же термин используется для понятий обоих видов» [14, с. 65].

достоянием глоттогенеза при потере мотивированности знака из-за затемнения его внутренней формы [12, с. 81–91] в процессе семантической конденсации [11, с. 338], как произошло с русским предикативом **чёрн-ый**.

В китайском языке сокращённые постоянные ёгены образуются из тайгенов с помощью атрибутивного суффикса 的 *-de*, например:

а) собственные –

王大东的书 (книга **Ван Дадуна**);

б) личные притяжательные –

我的帽子 (*моя шапка*),

你们的词典 (*ваши словари*);

в) неличные притяжательные –

姐姐的词典 (*словарь старшей сестры*),

朋友的画报 (*журнал друга*);

г) вопросительные притяжательные –

谁的本子 (*чья тетрадь*);

д) повествовательные относительные –

纸的盒子 (*картонная коробка*),

石头的圆柱 (*каменная колонна*).

Однако в роли определения могут выступать не только отдельные части языка, но и их сочетания. В этом случае определение оформляется атрибутивной частицей 的 *de*, которая произносится слитно с предшествующим членом сочетания:

а) **张女士的汽车** (автомашина **госпожи Чжан**);

б) **她买的东西** (купленные **ею** вещи).

Таким образом, суффикс 的 *-de* и частица 的 *de* обнаруживают изоморфизм метасемантики и используются для соединения составных частей языковых структур, т.е., в терминологии комбинаторной семантики, являются знаками алфавита синтаксиса [3, с. 20] уровня номинативного сочетания морфем и уровня номинативного и предикативного сочетания лексем [6, с. 14–24, 33–37]. Для таких служебных знаков могут и должны быть сформулированы общие правила комбинаторики¹.

¹ Китайские словари трактуют иероглиф 的 *-de (de)* как идеограмму (会意字), т.е. мотивированную комбинацию пиктограмм 日 (солнце) и 勺 (ковш) в смысле «ковшом удобно черпать в светлое время». Данное предикативное сочетание хорошо прослеживается в древнем стиле *чжуаньшю* 晝的勺 [18, 页 960] и даёт свёртку в номинативную единицу со значением «ясный, понятный» [17, 页 2176]. По-видимому, происхождение значения связано с вином, так как на промежуточном этапе парадигматической трансформации появлялась атрибутивная синтагма «винный ковш», во всяком случае Большой китайско-русский словарь со ссылкой на фрагмент 酒尊中勺也 (*ковш для сосуда с вином*) из трактата 《周禮》 («Чжоуские обряды») [23] указывает на совмещение в глоттогенезе у пиктограммы 勺 субстантивных значений «черпак» и «винный ковш» [21] и дальнейшим размежеванием предикативных значений в семиозисе: 勺 «черпать» → 酌 «черпать вино» [25]. Отсюда

Атрибутивное 的 *-de (de)* употребляется всегда ¹:

1) в свободных метафорических сочетаниях при переводе тайгена в ёген –

铁的纪律(*железная дисциплина*);

2) в свободных сочетаниях после ёгена перед числовым тайгеном –

最要紧的一件事(*дело первостепенной важности*);

3) в свободных сочетаниях после *n*-арного постоянного оценочного ёгена –

美丽的花儿(*красивый цветок*);

4) в свободных сочетаниях при амплификации постоянного ёгена (путём дублирования или сочетания с ёгеном третьей степени) –

蓝蓝的天 (*синее-синее небо*),

很好的事情 (*очень хорошее дело*);

5) в свободных сочетаниях после однородных ёгенов или перед однородными тайгенами

重要的、深远的意义 (важный и глубокий смысл),

正确的观点、方法 (правильный подход и метод).

Вариативность атрибутивного 的 *-de (de)* наблюдается:

1) в обозначениях физического ² или духовного родства после личного ёгена ³ –

你 (的) 哥哥(*твой старший брат*),

他(的)妻子(*его жена*),

我 (的) 家 (*моя семья*),

你们 (的) 老师(*ваш учитель*),

我们 (的) 大学(*наш университет*);

2) в сочетаниях близких к устойчивым при переводе тайгена в ёген –

幸福 (的) 生活(*счастливая жизнь*);

3) в сочетаниях с унарным сжатым постоянным ёгеном –

白 (的) 纸 (*белая бумага*);

4) в свободных сочетаниях при амплификации переменного оценочного количественного ёгена (путём сочетания с ёгеном третьей степени) –

他有很多 (的) 书(*У него много книг*).

Отметим, недостаточность или избыточность атрибутивного 的 *-de (de)* в сочетании амплифицирует или делиминирует синтаксическую связь между его компонентами, акцентируя тем самым определение и показывая степень значимости для говорящего индивидуального признака:

богатство периферийной атрибутивной метасемантики у идеограммы 的 *-de (de)* [22, 页 284], которая затем превратилась в основную.

¹ Ряд языковых примеров заимствован из академического словаря-справочника 现代汉语八百词 [20, 页 132–140].

² В понятие физического родства включается кровное родство и свойство (своячество).

³ Ср. с предписыванием облигаторной элиминации суффикса 的 *-de* в подобных случаях [10, с. 192].

他的弟弟 ([именно] его младший брат),

白的纸 ([именно] белая бумага),

我朋友 (мой [близкий] друг),

幸福生活 ([действительно] счастливая жизнь),

北京的老师 (учителя из Пекина, [но временно там находящиеся]),

日本的公司 (японская компания, [в которой не все японцы]).

Атрибутивное 的 *-de (de)* не употребляется:

1) в устойчивых сочетаниях –

中文报 (*китайская газета*);

2) в сочетаниях близких к устойчивым при нанизывании разнородных постоянных оценочных ёгенов –

新鲜热牛奶 (*свежее тёплое молоко*);

3) в свободных сочетаниях после личного ёгена в составе указательного определения –

你这本书 (*эта твоя книга*);

4) в свободных сочетаниях после предшествующего определения перед последующим во избежание нанизывания 的 *-de (de)* –

我朋友的课本 (*учебник моего друга*);

5) в аппозитивных сочетаниях ¹ после собственного тайгена –

王先生 (*господин Ван*),

张老师 (*преподаватель Чжан*) ².

Показательно решение в технологии комбинаторной семантики проблемы атрибутивного 的 *-de (de)* во время синтаксического анализа китайского предложения 皮球是红的 (*Мяч красный*). Дело в том, что сжатый ёген 红 (*красный*) обозначает свойство, а в предложении играет роль определения, поэтому не требует использования суффикса 的 *-de*, переводящего тайген в ёген, типа: 石头 (*камень*) → 石头的 (*каменный*). Наличие частицы 的 *de* в предложении-определении 皮球是红的 указывает на пропуск прямого дополнения 东西 (*вещь/предмет*), т.е. **мяч есть предмет красного цвета, а не сам красный цвет**.

Действительно, с точки зрения классической логики, тождество устанавливается между однородными объектами: индивидом и другим индивидом или признаком индивида и другим признаком индивида. В данном случае китайский язык оказывается более точным в представлении модели мира, чем русский. Правильный синтаксический разбор предложения: 皮球 (*мяч*) – подлежащее, 是 (*есть*) – сказуемое, 红的 (*красный*) – определение, 东西 (*вещь/предмет*) – реконструированное прямое дополнение ³.

¹ От лат. *apposito* – приложение: сочетания, в которых роль определения играет тайген.

² Использование в таких случаях атрибутивного 的 *-de (de)* меняет смысл всего сочетания: 张的老师 (*преподаватель Чжана*).

³ О подходе китайских исследователей к проблеме употребления 的 *-de (de)* см.: [19, 页 95–133, 205–209], [24, 页 259–260]. Анализ ампликативной пары... 是... 的... с позиций комбинаторной семантики дан в: [2].

В силу того, что в ядре языковой системы лежат семантические примитивы [16], следует добиваться минимальной глубины рекурсивной реконструкции, соблюдая строгие требования **очерёдности, наглядности и простоты**, когда пропущенные члены предложения восстанавливаются на первом или, максимум, на втором вхождении, потому что чем глубже рекурсия и сложнее реконструкция, тем большая вероятность ошибки [7].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Беляев М. В. Проблема грамматики: (Методологические основы грамматического изучения языка) // Учёные записки Сталинградского ГПИ. – 1939. – Т. I. – С. 71–103.
2. Гордей А. Н. Ампликативная пара ... 是 ... 的 ...// Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России, Европы. Актуальные проблемы и перспективы: Тез. докл. Международной науч. конф. – СПб. : СПбГУ, 2006. – С. 93–95.
3. Гордей А. Н. Метасемантика языковых категорий // Вторые чтения, посвящённые памяти профессора В. А. Карпова. – Минск : Изд. центр БГУ, 2008. – С. 19–24.
4. Гордей А. Н. Основания комбинаторной семантики // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: Сб. науч. тр. по лексикографии. – Гродно : ГрГУ, 2005. – С. 32–35.
5. Гордей А. Н. Парадигма частей языка // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках: Сборник материалов VIII Международной научной конференции. – Гродно : Гродненский гос. ун-т, 2003. – С. 173–179.
6. Гордей А. Н. Принципы исчисления семантики предметных областей. – Минск : Белгосуниверситет, 1998. – 156 с.
7. Гордей А. Н. Реконструкция и рекурсия в синтаксическом анализе предложения // Карповские научные чтения. – Минск : Бел. Дом печати, 2011. – С. 18–26.
8. Гордей А. Н. Семантические категории в китайско-японской лингвистической традиции // Иностранные языки в высшей школе. – 2018. – Вып. 4 (47). – С. 7–22.
9. Гордей А. Н. Части языка и процедуры их разграничения // Пути Поднебесной. – Минск : БГУ, 2006. – Вып. 1. – Ч. 1. – С. 69–75.
10. Задоев Т. П., Хуан Шуин. Учебник китайского языка. – М. : Гл. ред. вост. лит., 1979. – 756 с.
11. Исаченко А. В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков // Slavica. – Praha, 1958. – Roč. XXVI. – Seš. 3. – С. 334–352.
12. Мартынов В. В. Этимология и скрытая двухкомпонентность слова // Studia etymologica Brunensia 2. – Praha, 2003. – С. 81–91.
13. Мендельсон Э. Введение в математическую логику. – М. : Наука, 1971. – 320 с.
14. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. – М. : Изд-во Московского университета, 1972. – 258 с.
15. Hardzei A., Svyatoshchik M., Bobyor L., Nikiforov S. Processing and understanding of the natural language by an intelligent system// Open Semantic Technologies for Intelligent Systems. – Minsk : BSUIR, 2021. – Iss. 5. – P. 123–140.
16. Wierzbicka A. Semantic Primitives. – Frankfurt : Athenäum-Verl., 1972. – 235 p.
17. 辞源. – 北京 : 商务印书馆, 2006. – 上下册. – 4074 页.
18. 顾建平. 汉字图解字典. – 上海 : 东方出版中心, 2008. – 1288 页.
19. 汉语语法难点释疑 / 郑懿德, 马盛静恒, 刘月华, 杨甲荣. – 北京 : 华语教学出版社, 1992. – 248 页.
20. 现代汉语八百词 / 吕叔湘主编. – 北京 : 商务印书馆, 1981. – 668 页.

21. 勺 [Электронный ресурс] // Большой китайско-русский словарь [сайт]. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=勺> (дата обращения: 28.12.2021).
22. 现代汉语词典. – 北京: 商务印书馆, 1993. – 1581 页.
23. 周禮 (《卷十二》) [Electronic resource] // Chinese Text Project Wiki [Website]. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=en&chapter=265643> (date of access 28.12.2021).
24. 周守晋. “的”的转化功能及其习得问题—兼议“的”的研究与教学 // 第八届国际汉语教学讨论会论文提要集. – 北京: 商务印书馆, 2005. – 页 259–260.
25. 酌 [Электронный ресурс] // Большой китайско-русский словарь [сайт]. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=酌> (дата обращения: 28.12.2021).

Коваль Владимир Иванович
доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры русского, общего и славянского языкознания
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины
(г. Гомель, Республика Беларусь)

ОБРАЗ ПТИЦЫ С ЖЕЛЕЗНЫМ КЛЮВОМ В КИТАЙСКИХ И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТАХ

В одной из своих ранних работ будущий академик В.М. Алексеев рассмотрел различные типы китайских заклинательных изображений и надписей, представленных на китайских народных картинах и амулетах [1]. Автор этого исследования указывает на необычность, исключительность самого процесса написания сакральных текстов: «Заклинание пишется всегда единым почерком, с дыханием, запертым на все время движения кисти по бумаге».

Предваряя детальный анализ магических рисунков и текстов, В.М. Алексеев особое внимание обратил на одухотворенное, почти мистическое отношение древних китайцев к каллиграфии как виду искусства и к каллиграфическим атрибутам – к «четырем драгоценностям кабинета ученого» – 文房四宝 [wén fáng sì bǎo] – кисти, туши, тушечнице и бумаге. Кроме того, перед написанием этих текстов каллиграфы проводили специальный ритуал – читали особые заклинания для каждой из этих драгоценностей:

- для кисти (*Кисть моя – не простая кисть. Она – приказ от Верховного Неба, данный руководящему моей рукой духу. Она теперь, как мощный меч, разрушает бесов и оборотней. Как только упадет на бумагу моя чудодейственная кисть, миллионы бесов бледнеют, меркнут, исчезают*);

- для бумаги (*Северный владыка неба приказывает: моя бумага для писания заклинаний побивает бесов. Пусть кто-то из них посмеет не сократиться – сейчас же будет отправлен через адовы ворота в подземное царство*);

- для тушечницы (*Священная тушечница четырехгранна, как четыре стороны света, как четыре стихии – гром, ветер, дождь, молния. Стоит лишь легонько потереть тушь на этой тушечнице, как этим я вызову блеск и треск грозы с молнией*);

- для туши (*Вода сия – не простая вода. Она – жертвенная вода для Северного Владыки. Даже одна капля ее в тушечнице вмиг вызовет тучи и дождь. Больной ее проглотит – все бесы исчезнут, бес проглотит – разлетится в прах*) [1, с. 5–7].

Степень сакральной значимости китайского текстового заклинания значительно возрастает в том случае, когда текст «иллюстрируется», то есть дополняется соответствующим рисунком. В частности, ученый описывает изображения «чудодейственного сокола», сопровождающиеся пояснением, призванным оказать магическое воздействие на злых духов: «Его твердый металлический клюв ровно острие ножа. Стальными когтями он хватает оборотней. Если наклеить на стену это его изображение, то вся нечисть будет выметена, как

метлой» [1, с. 24]. Особой выразительностью отличается рисунок сокола, «клювом ущемившего девятихвостую лисицу, извивающуюся в дымке и языке пламени». Расположенный под рисунком текст-заклинание гласит: «Железноклювый чудотворный сокол слетает к нам на землю и хватает девятихвостых лисиц. Сдерет с нее шкуру, вытербит жилы, съест сердце и печень. А если он попадет на ваш двор, то этим на весь год вам будет обеспечен полный покой» [1, с. 24–25].

Рис. 1 (по: [1, клише 36])

Девятихвостая лисица – хорошо известный в китайской традиционной культуре образ лисы-оборотня (狐狸精 *хули-цзин*), которая наделялась противоречивыми качествами. С одной стороны, в древнем Китае такая лиса «выполняла роль божества, связанного с бракосочетанием, и поэтому словосочетание 九尾 [jiǔ wěi] (девять хвостов) следует понимать как 交尾 [jiāo wěi] (переплетать хвосты), то есть ‘вступать в половые отношения, спариваться’». С другой стороны, не без влияния этих представлений в китайской мифологии сформировались довольно распространенные и устойчивые верования, согласно которым пятидесятилетняя лиса, превратившись в красивую молодую девушку, «является к мужчине, очаровывает его своей неземной красотой, талантами, доступностью и вступает с ним в интимную связь. Именно супружеские отношения с живым человеком составляют конечную цель лисы, поскольку в процессе сексуальных отношений она получает от мужчины его жизненную энергию, необходимую ей для совершенствования своих волшебных возможностей. Последствия таких отношений для человека вполне определены: светлое начало в его организме насильственным образом убывает, жизненная энергия ослабляется, человек худеет, начинает хворать и в конечном счете умирает от истощения. Лиса же, увеличив свою силу, достигает долголетия и выходит в последнюю, «высшую» категорию – становится Небесной лисой, лисой-бессмертной – *сянь*» [2, с. 667].

Я.Я.М. де Гроот отмечал, что в древнекитайской мифологии лисицы-оборотни обладают ещё большим набором демонических качеств, весьма опасных для человека: «Лисицам приписывается насылание сумасшествия, болезней и даже смерти». <...> «Лисицу ненавидели не только как виновницу болезней и умопомрачения, но и как предвестницу зла как такового». <...> «Лисица отличается злобным и хитрым нравом, скрывающимся за мягкой и невинной наружностью» [3, с. 55–59].

Изложенное позволяет понять, что в традиционной культуре Китая «прототипом» лисы-оборотня, смертельно опасной для человека, является девятихвостая лисица, которую (как потенциально опасного персонажа) уничтожает «железноклювый чудотворный сокол».

Сходный образ мифической птицы с железным клювом, активно противостоящей нечистой силе, представлен в восточнославянских заговорах. Так, в русском заговоре птица Гагана уничтожает черных муриев, вселившихся в человека: *За морем за синим, за морем за Хвалынским, посреди Океана-моря лежит остров Буян, на том острове Буяне сидит птица Гагана, с железным носом, с медными когтями. Ты, птица Гагана, сядь у дома, где стоят кади железные, а в кадах лежат черные мурии, в шелковых тенетах; сиди дружно и крепко, никого не подпускай, всех отгоняй, всех кусай. Заговариваю я сим заговором раба Божьего (имя) от черных муриев по сей день, по сей час, по его век, а будь мой заговор долог и крепок* [4, с. 321–322] (мурин‘бес’ [5, с. 309]). Сравн. также: рус. *Есть море золотó, на золотé море золотó древо, на золотé древе золотые птицы – носы железные и когти железные, они дерут, волочат от раба Божия (имя) колотье на мхи, на болота* [6, с. 41]; бел. *Гадзіна-гадзішча, шыпучая, паўзучая; гадзіна-гадзішча, вынімай сваё зубішча. На моры ёсць птах з жалезнай дзюбай. Ён вас выдзеўбе, выклуче і з пакалення вас звядзе* [6, с. 129]; *На моры, на малакаморы стаіць купарэз-дрэва. На купарэзе сядзіць жар-пціца з жалезнай дзюбай, з жалезным крыллем, з жалезнымі кокіямі. Кокіямі разграбае, крыллямі размятае, паганую воб’едзь ад рабой каровы жалезнай дзюбай выбірае* [7, с. 95]. Аналогичную функцию выполняет в заговорном тексте щука с железными зубами: *Есть святое море окиян, в том святом море окияне есть камень во глубине морской, под тем камнем стоит щука железная*

и зубы у ней железные. Изъедает она на море пену морскую; и так бы изъедала щука вещиц и ведунов, и чародеев черных и черемных[8, с. 135].

В одном из эпизодов романа Ло Гуаньчжуна «Троецарствие» рассказывается о том, как легендарный полководец Чжугэ Лян одержал победу над своим противником – великим князем Мулу, продемонстрировав в решающий момент боя огромных вырезанных из дерева чудовищ, «и были у этих чудовищ железные когти и зубы». <...>Великий князь Мулу, потрясая колоколом, начал творить заклинания. Подул ветер, и вместе с ним на воинов Чжугэ Ляна набросились дикие звери. Но Чжугэ Лян взмахнул веером, ветер повернул на вражеское войско, и вперед двинулись невиданные чудовища. Из их пастей вырывалось пламя, из ноздрей вырывался дым. Звенели повешенные на шеях у животных колокольчики. И звери великого князя Мулу, завидя дым и пламя, бросились назад, на пути давя своих воинов.

В традиционной культуре и китайцев, и восточных славян прилагательное *железный* употребляется как атрибут сакральных предметов или мифических персонажей. Так, одним из самых популярных героев из числа Восьми Бессмертных святых (八仙 ба сянь) является *Ли Тегуай* (Ли Железная Клюка), который «изображается высоким человеком с темным лицом, большими глазами, курчавой бородой и курчавыми волосами, схваченными железным обручем; он хром и ходит с железной клюкой» [9, с. 498].

В русских заговорах встречается персонаж *железный муж*, который воплощает магические силы, нейтрализующие воздействие нечистой силы и болезни: *На том дереве сидит железен муж, осматривает железен муж всякого ведуна, колдуна, кудесника, отводит недобрые словеса и речи* [4, с. 374]. Образ железного человека – мифического существа, «богатыря из железа, который охраняет свои владения», – известен многим славянским народам и связан с очень древними (праславянскими) представлениями [10, с. 193].

С другой стороны, *железная баба*, обитающая в полях, огородах, водоемах, характеризуется в мифологии белорусов как «злая низкорослая старуха с большой железной грудью», которая «хватает детей, приходящих в ее владения, бросает их в свою железную ступу, толчет и ест» [11, с. 171]. Сравн. также: пол. *баба с железными зубами* ‘женское мифологическое существо, живущее в поле’; чеш. *železnababa* ‘полевой демон, оберегающий горох от детей’ [12, с. 200].

Со стихией железа связан персонаж китайской мифологии Чи-ю, который изображался «в виде полузверя-получеловека с головой барса и когтями тигра, над головой щит, в одной руке топор, в другой меч, левой ногой стоит на самостреле, в когтях правой ноги – секира» [13, с. 730]. Юань Кэ, автор книги «Мифы древнего Китая», при этом отмечает: «Удивителен не только внешний вид Чи-ю, еще удивительнее то, чем он питался. Его обычной пищей были песок, камни и куски железа» [14, с. 95].

Мотив съедения сказочным героем железа (железных бобов и железного хлеба) известен в белорусском фольклоре: *Змей гаворыць: “Ну, давай нам, жсана, напіткаў і наедкаў”. Прыносіць яна рэшата жалезнага бобу і жалезнага хлеба. “Ізволь кушаць, швагер!” – “Благодару, швагер, – гаворыць Пакацігарошак. – Я без усякай прозьбы буду кушаць, так як у свайго, бо з паходу я есці хачу”. І стаў ён есці ўмесці з ім; тот з’есць хлеба кусок, а гэтак з’есць два* [15, с. 210].

Железо в народных верованиях представляется магическим рубежом, отделяющим зло от добра или добро от зла. По древнекитайским представлениям, железной сетью обнесено девятое судилище, которое находится в царстве мертвых (地獄 ди юй), где «казнят грешников, совершавших поджоги, изгоставливавших яды, дурные книги и неприличные картины, изгонявших плод с помощью снадобий. Им отсекают головы, разрезают на мелкие части или удавливают веревкой» [16, с. 448].

В восточнославянской традиции эпитет *железный* регулярно встречается в текстах заговоров, реализуя в составе словосочетания *железный тын* значения ‘сакральный’, ‘магически значимый’, ‘оберегающий’: рус. *О батюшка, истинный Христос, Михаил Архангел, обставьте круг меня железный тын...* [4, с. 343]; бел. *Госпаду Богу памалюся, жалезным*

тынам абгаражуся... [7, с. 49]; Святы Юры-Ягоры, агарадзі гэтую скаціну жалезнымі тынамі [7, с. 71].

Дополнительную «магическую коннотацию» слово *железный* может приобретать и при сочетании с названиями обуви или головного убора. В таком случае (при описании передвижения персонажа) формируется представление о длительном времени, необходимом для изнашивания: кит. *Бывает, истопчешь железный башмак – / Ищешь – не можешь найти, / И видишь вдруг — вот оно то, что искал: / Где-то совсем под рукой* [17, с. 461]; Железные подошвы истоптал, / Но не нашел того, о чем мечтал. / Другой, не выйдя даже за порог, / Приобрести желаемое смог (Лю Гуаньчжун, Фэн Мэнлун. «Развеянные чары»); рус. *Идет лесом дремучим, идет через пни-колоды, уж железные башмаки истаптываются, железный колпак изнашивается, костыль ломается, просвира изглодана, а красная девица все идет да идет, а лес все чернее, все чаще* [18, с. 196].

Таким образом, мифологический персонаж «птица с железным клювом» в обеих культурных традициях – китайской и восточнославянской – выявляет устойчивые связи с широким кругом традиционных представлений, имеющих отношение к обереговой магии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев, В.М. О некоторых главных типах китайских заклинательных изображений по народным картинам и амулетам / В.М. Алексеев // Записки восточного отделения Императорского русского археологического общества. Том двадцатый. 1910. – С.-Пб. : Типография Императорской академии наук, 1912. – С. 1–76.
2. Алимов, И.А. Хули-цзин / И.А. Алимов // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко ; Ин-т Дальнего Востока [Т. 2] : Мифология. Религия / ред. М.Л. Титаренко и др. – М. : Вост. лит., 2007. – С. 667–668.
3. Гроот, Я.Я.М. де. Демонология древнего Китая / Я.Я.М. де Гроот. – Лейде, 1907. – 207 с.
4. Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылиным. – М.: Автор, 1992. – 607 с.
5. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9 / гл. ред. Ф.П. Филин. – М.: Наука, 1982. – 358 с.
6. Майков, Л. Н. Великорусские заклинания / Л. Н. Майков. – СПб.: Типография Майкова, 1869. – 164 с.
7. Замовы /Уклад., сістэм. тэкстаў, уступ. арт. і камент. Г.А. Барташэвіч; Рэдкал.: А. С. Фядосік (гал. рэд.) і інш. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – 597 с.
8. Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / Составление, подготовка текстов, статьи и комментарии А. Л. Топоркова. – М.: «Индрик», 2010. – 832 с.
9. Рифтин, Ли Тегуай Б.Л. Рифтин // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко ; Ин-т Дальнего Востока [Т. 2 :] Мифология. Религия / ред. М.Л. Титаренко и др. – М. : Вост. лит., 2007. – С.498.
10. Цыхун, Г. А. Жалезны чалавек / Г. А. Цыхун // Этнаграфія Беларусі: Энцыкл. / Беларус. Сав. Энцыкл.; Рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. – Мінск: БелСЭ, 1989. – С. 193.
11. Васілевіч, У. Жалезная баба / У. Васілевіч // Міфалогія беларусаў : Энцыкл. слоўн. / склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск: Беларусь, 2011. – С. 171
12. Левкиевская, Е.Е. Железо / Е.Е. Левкиевская // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого. – Т. 2. – М.: Междунар. отн., 1999. – С.188–201.
13. Рифтин, Б.Л. Чи-ю / Б.Л. Рифтин // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко ; Ин-т Дальнего Востока [Т. 2] Мифология. Религия / ред. М.Л. Титаренко и др. – М. : Вост. лит., 2007. – С. 730

14. Юань, Кэ. Мифы древнего Китая. Пер. с кит., послесловие Б.Л. Рифтина. Худож. Л. П. Сычев / Юань Кэ. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987. – 527 с.

15. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. В трех томах. Том I. Издание подготовили Л.Г. Бараг и Н.В. Новиков. – М.: Изд-во «Наука», 1984. – 512 с.

16. Рифтин, Б.Л. Ди-юй / Б.Л. Рифтин // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко ; Ин-т Дальнего Востока [Т. 2] Мифология. Религия / ред. М.Л. Титаренко и др. – М. : Вост. лит., 2007. – С. 446–448.

17. Как по ярлыку в сапоге разоблачили бога Эрлана // Жемчужная рубашка: Старинные китайские повести / Составл., предисл. И.Э. Циперович. Пер. с кит. И коммент. В. А. Вельгуса и И. Э. Циперович. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1999. – С. 442–469.

18. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. В трех томах. Том II. Издание подготовили Л.Г. Бараг и Н.В. Новиков. – М.: Изд-во «Наука», 1985. – 464 с.

Новиков Леонид Иванович
профессор кафедры теории и истории права
БИП Университет права и социально-информационных технологий
(г. Минск, Республика Беларусь)

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ТЕОРИИ КИТАЙСКОГО СОЦИАЛИЗМА

Обращение к древним китайским учениям – даосизму, конфуцианству, моизму и легизму – в разные исторические эпохи было неодинаковым и зависело от того, какие цели преследовались. Уникальность китайской политической мысли заключается в том, что на политическую систему КНР, и, в частности, на формирование теории социалистической модернизации повлияли не сами древнекитайские политико-философские учения в чистом виде, а их осовремененное практическое прочтение, которое поспособствовало появлению единых канонов, актуальных для любой исторической эпохи.

Во время правления Мао Цзэдуна в китайском научном сообществе утвердилась точка зрения, что конфуцианское учение препятствовало государственному развитию, в то время как легизм способствовал переходу на новую формационную стадию. В середине первого тысячелетия до нашей эры идеологическим представителем обреченного класса рабовладельцев была группировка конфуцианской школы - Конфуций, Цзи Сы и Мэн Цзы. А идеологическим представителем нового класса помещиков была легистская школа Шан Яна, Хань Фэя и др. И подавалось это как очевидное: кто способствовал развитию нового строя и учение соответствовало историческому развитию, а кто стремился защитить старый строй, а значит, учение тянуло назад. Подобная критика конфуцианства в пользу легизма, подхваченная средствами массовой информации, доминировала долгое время и способствовала утверждению власти Мао, как грандиозного революционера,двигающего модернизационную идею. Политическими и общественными деятелями КНР из множества трактатов политико-философских учений древнего Китая бралось то, что им было необходимо на данный момент, не взирая порой на взаимоисключение некоторых положений. Принципы конфуцианства, как и легизма, трактовались на основе современного понимания. Это было характерно, как для политики руководителей КНР первого поколения во главе с Мао Цзэдуном, который поспособствовал забвению конфуцианских принципов и утверждению маоизма, так и для политического курса руководителей второго поколения во главе с Дэн Сяопином, наоборот, обратившихся к наследию представителей конфуцианской философской школы. Оформляя в КНР идеологию «социализма с китайской спецификой», лидеры второго поколения применили на практике в ходе «социалистической модернизации» новаторские идеи с каноничными [4 с. 300]. Они возвратили в китайскую политическую терминологию используемые конфуцианством и даосизмом термины «Дао» - путь и «Дэ» - добродетель.

Одним из основных терминов, отождествляемых с проводимой модернизацией, становится понятие «сяо кан», в конфуцианстве определявшее средний класс, среднезажиточное общество. Понятие это было прочно внедрено в политический лексикон КНР не без участия Дэн Сяопина. В его понимании, четыре модернизации, к осуществлению которых надо стремиться, - это модернизации китайского типа. Концепция "четырёх модернизаций" имеет в виду "семью сяокан". Чтобы выйти на уровень более богатых стран третьего мира, скажем, со среднедушевым ВВП в 1000 долларов США, следует приложить еще немало усилий. Китай в этом случае по-прежнему будет находиться в состоянии "сяокан".

Зададимся вопросом, является ли закономерным поражение коммунистической идеологии, отрицание коллективистской парадигмы развития в Европе? После своего поражения в этой части мира идея марксизма, претерпев изменения, была утверждена в странах восточной цивилизации. Она стала актуальной с момента оформления глобальной расстановки сил, где есть либерально-демократический Запад и социалистический Восток. В качестве очередного витка "столкновения цивилизаций" в Китае в конце XX века – начале XXI формируется уникальная идеология "социализма с китайской спецификой" с упором на цивилизационную составляющую, китайскую аутентичность [3 с. 44].

В американской синологии Китайская революция 1949 г. не сразу стала восприниматься как реально весомое культурное, социально-политическое событие. Только после 60-ых годов с изучением итогов Вьетнамской войны, поражения планов США в Юговосточном регионе появился интерес к Китайской политической системе. Особый интерес американцев был к идеологическому компоненту в период разногласий между СССР и КНР. Ученые заинтересовались уникальным случаем внутреннего дробления коммунистической идеи, обособления режима КНР, образования восточного социалистического лагеря с явным влиянием восточной традиционной философии, несмотря на сохранение марксистского ядра. Для этого периода характерно выделение "китайской специфики" среди стран социалистического блока.

После китайских реформ, начатых в 1978 г., в США данное явление рассматривалось в большей мере как последовательный отказ Китая от социалистического пути, апробированного в СССР, а после и в других странах и, конечно же, в Китае [6 с.38]. Видимый для всех отказ Китая от данной модели развития обосновывался коренной политической реформой, ростом военно-промышленного потенциала, занятием весомой геополитической позиции в регионе, экономическим ростом и внедрением рыночных методов в экономику, появлением частной собственности.

Если вернуться в историю, то следует отметить, что не первая, но наиболее обширная модернизационная мысль в традиционном обществе Китая зарождается после контакта китайской цивилизации с европейской. Понимание необходимости скачка в развитии приходит к политикам и мыслителям Китая в XIX веке во время «опиумных» войн. Благодаря этим обстоятельствам были открыты ворота закрытого консервативного Китая, который ощутил мощное внешнее воздействие на все сферы общественной жизни. Сопротивление в виде переосмысления иноземного вторжения, не как обычного разграбления общества, а как изменения его коренных ценностей, низложения его цивилизационных основ с целью подчинения собственным интересам, повлекло за собой ответ выраженный в политике «самоусиления».

Реакция на иностранное вторжение, ставшее главным фактором развития Китая с середины XIX века, была разнообразной: от попыток вооруженного сопротивления до выдвижения альтернативных программ национального развития. Это была реакция духовного и интеллектуального потенциала китайского социума на вызов времени. Китайские политические деятели осознали, что с самоизоляцией, сохранив незыблемой собственную культуру, можно отстать от мировых тенденций и уступать европейским державам во многих сферах. Прорубленное Западом «окно» стало для Китая зеркалом, в котором он увидел себя в обрамлении внешнего мира. Закончилась эпоха замкнутости, а вместе с ней эпоха китайского доминирования в регионе. Дальнейшее его развитие в значительной мере определялось характером и уровнем развития западной цивилизации, вторжение которой придало импульс

«погони за лидером», «учения у Запада». Европейские державы с вторжением в Китай стали катализатором модернизации, проходившей под лозунгом: «китайская наука в качестве основы западная – для утилитарного применения». Это один из фактов проявления «китайской специфики», выраженный в стойкости к ассимиляции и способности использовать плоды чужого опыта на благо своего. С решением проблем модернизации столкнулось три политических движения Китая: консервативное, реформаторское и революционно-реформаторское. Каждое из них имело собственный взгляд на преодоление трудностей, стоящих на пути модернизационной политики.

Основой появления новых тенденций и векторов развития китайской цивилизации стали социально-политические либеральные преобразования императрицы Цыси. Они дали дорогу для возникновения и развития нескольких альтернативных архаической точек зрения на проведение модернизации. Признание универсального характера исторического развития стало ведущей тенденцией общественной мысли Китая с конца XIX века. Его принимали Ли Хунчжан, Кан Ювэй, Лян Цичао и Сунь Ятсен». [5 с.45].

За радикальные перемены в китайском обществе с внедрением западноевропейских методов управления выступал Сунь Ятсен как сторонник революционного пути реформ и признания универсального характера исторического развития. Цель радикальных реформ заключалась в достижении революционным путем европейского уровня развития, который Европа достигла эволюционным путём. На этом пути формировалась интеллигенция западного образца, представители которой, чаще относились не к воспитанникам конфуцианской школы, а к носителям ценностей западноевропейской цивилизации. Видными представителями её были Сунь Ятсен и Чан Кайши, исповедовавшие протестантизм. Реформаторские идеи выражались в посланиях интеллигенции к народу против сохранения императорской власти. Националистическая сущность идеи Сунь Ятсена выражалась в «трёх народных принципах» и консолидировала ханьский этнос в борьбе против маньчжурской династии Цин. Сунь Ятсен также предлагал растворить все нации Китая в ханьской, указывая на то, что они не имеют сильных различий, по принципу «пять народностей – одна семья». Идея национальной консолидации – создание великокитайской нации была необходима для реализации модернизационного скачка. Она сработала - монархизм, олицетворявший, во многом, отставание Китая, пал в ходе Синхайской революции 1911-1913 годов под руководством Сунь Ятсена. Так как новая китайская интеллигенция в этот период в целом являлась западнотрихной, то их поиск подходящей формы политического устройства власти происходил среди европейских идейно-политических концепций.

В начале XX века в России и Европе ведущим течением либерализма было уже не экономическое, а политическое, ведущее борьбу за всеобщее избирательное право, демократические свободы и права личности. Повышенный интерес китайской интеллигенции вызвало социалистическое учение, которое в Китае восприняли более чем родным, отмечалось крайне позитивное отношение китайской политической элиты к распространению социализма в Китае. Такими китайскими идеологами, как Ли Дачжао, Чэнь Бода и Лян Цичао утверждалось, что социалистическая идея – наполнена традиционными для китайской философии принципами и поэтому идеально подходит для китайского общества. Более того, поддержку нашло заявление, что социализм происходит из китайской философии, социалистическое учение разработано в трудах китайских философов.

Китайскую интеллигенцию интересовали происходящие в Советской России события. Образованный в 1919 году Гоминьдан и его основатель Сунь Ятсен испытывали обоснованный интерес к Октябрьской революции в России. Ответным было и решение России о поддержке революционных сил в Китае.

Начало сотрудничества с Коминтерном стало поворотным моментом для Гоминьдана и всего Китая. Это был первый кирпич в деле реформирования идеологии и политической системы, а также формулирования политических целей. Не без советской материальной, финансовой и кадровой помощи была организована национально-революционная армия Китая. Сунь Ятсеном была пересмотрена его идея о достаточно абстрактных «трёх народных принципах» в пользу приоритета практических задач. Некоторыми из последствий

сотрудничества с Советской Россией являются: признание универсальности опыта Октябрьской революции в интеллектуальных кругах, появление политических лозунгов в поддержку крестьян и рабочих, подъем революционного движения и зарождение концепции «китаизированного марксизма».

Распространение социалистических идей среди населения, рост его политической активности и успехи компартии высветили ущербность Гоминдана, остававшегося закрытой корпоративной структурой. Эта партия оставалась элитарной. Главные лица её придерживались правой идеологии, провозглашали цели, обеспечивающие личные буржуазные интересы под видом общенациональных. Это в большей степени помогло подняться Коммунистической партии Китая, которая изначально заняла позиции левого толка, а ее верхушка происходит из народной среды. Чтобы лишить коммунистов доступа к властным ресурсам, Гоминдан выступает против КПК, поставив крест на концепции коалиционного правительства. Мао Цзэдун снятием социальных критериев для вступления в партию дал возможность партии снизить уровень радикализма и повысить уровень демократизма [8 с.322]. КПК быстро становится многочисленной. Руководство ее объявляет цель – построение «государства союза рабочих, крестьян и буржуазии». Это перекликается как с «Тремя народными принципами» Суиь Ятсена, так и с будущей концепцией Цзянь Цзэминя «О трех представительствах», которая является продолжением курса Мао Цзэдуна в партийном строительстве.

После образования Китайской Народной Республики в 1949 году первичной задачей КПК было восстановление народного хозяйства. Вся страна – вид огромной территории сельской местности с неразвитой промышленностью, на которой проживало пятьсот с лишним миллионов населения, в основном бедных крестьян. Для поднятия материальной базы страны были предприняты попытки индустриализации и коллективизации по примеру СССР. [2 с. 123]. К 1953 г. выяснилась неспособность преобразованного сельского хозяйства обеспечить страну продовольствием, что послужило основанием для введения государственной монополии на хлеб и основные продукты питания. В 1953-1954 годах для усиления командно-административного управления сокращена сфера рыночного регулирования, заложены социально-экономические предпосылки для восстановления азиатской модели государства [1 с. 438]. Крестьяне из собственников земли вновь стали арендаторами, а власть-собственность переходила в руки аппарата государственного управления. На 1-й сессии ВСНП 1-го созыва (сентябрь 1954) прагматичное крыло КПК во главе с Чжоу Эньлаем впервые выступило с программой «четырёх модернизаций» (промышленности, сельского хозяйства, транспорта и обороны). Весомым фактором выделения «китайской специфики» в социалистической парадигме является отказ КНР следовать советскому опыту социалистического строительства, конфликт двух государств, повлекший за собой прекращение советской материальной помощи Китаю. Так была запущена в КНР политическая программа «опоры на собственные силы». Были определены практические результаты как синтез западных и традиционных идей. Использование марксистских трактовок притуплялось их неуместностью.

Результаты XX съезда ЦК КПСС были опасны для Китая, где роль Мао Цзэдуна была идентична роли Сталина, культ которого был подвергнут осуждению в СССР. Таким образом, «хрущевская оттепель» в Советском Союзе стала началом критики советской модели в КНР. Отказ от опеки Советского Союза вынудил КНР прибегнуть к так называемому «большому скачку» китайской экономики. Переориентированы также были общие цели социалистической модернизации, заблокировано развитие институтов рыночной экономики, федеративного политического устройства. Китайское руководство принципиально остановило советскую интерпретацию марксизма. Разрешено было обращение к традиционной китайской философии с целью поиска собственного способа дальнейшей интерпретации марксизма, что расценивалось как «вызов традиции». [7 с.584].

Итак, можно заключить, что с момента прекращения сотрудничества КПСС и КПК в китайской политической мысли национальные принципы начинают доминировать над марксистскими, происходит очередной этап выделения «китайской специфики» в социалистической среде. КНР, благодаря этому проходит этап «сочетания марксизма-ленинизма с реальной действительностью Китая». Следующий этап – политика Дэн Сяопина,

ориентированная на построение «социализма с китайской спецификой». Суть её заключается в использовании «практического опыта и коллективной мудрости партии и народа». Главный лозунг этого этапа произнес Дэн Сяопин: «Практика - критерий истины». Политика «реформ и открытости» ознаменовала окончательный переход на уровень независимой политической жизни КНР. 3-ий пленум ЦК КПК дал старт новой эпохе китайской модели социализма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Китай на пути модернизации и реформ, 1949-1999 /Под ред. Титаренко М.Л. - М.: Институт Дальнего Востока РАН, 1999. – 735 с.
2. Китайская народная республика в 2001 г.: Политика, экономика, культура /Под ред. Титаренко М.Л. - М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2002. – 2002. – 420 с.
3. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию //под ред. Михеева В./-М: Моск.центр Карнеги, 2015.- 144 с.
4. Киссинджер Г. О Китае.-М,: АСТ, 2014.-354 с.
5. Коммунистическая партия Китая. История и современные проблемы. К 80- летию создания КПК / Под ред Асланова Р.М. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2001. – 545 с.
6. Ли Дачжао. Избранные произведения. – Пекин: Изд-во литературы иностранных языков, 1959. – 389 с.
7. Линь Ифу (Цай Фан) Ли Чжоу. Китайское чудо: стратегия развития и экономическая реформа. Пер. С кит. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2001. – 568 с.
8. Маомао. Мой отец Дэн Сяопин. –М.: РУССОЛИТ, 1995. – 655 с.

Свилас Светлана Францевна

доктор исторических наук

профессор кафедры международных отношений

Белорусский государственный университет

(г. Минск, Республика Беларусь)

Ши Дандань

аспирант Белорусского государственного университета

(г. Минск, Республика Беларусь)

ОБЩЕСТВО ДРУЖБЫ «БЕЛАРУСЬ-КИТАЙ» КАК ИНСТИТУТ НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Между Беларусью и Китаем, по оценке дипломатов двух стран, установлено «доверительное всестороннее стратегическое партнерство», развивается «взаимовыгодное сотрудничество». Китайские и белорусские дипломаты констатируют «рост политического доверия», а также «уверенную поддержку друг друга» в реализации инициативы «Один пояс – один путь» [1]. Новый импульс для развития многостороннее белорусско-китайское сотрудничество получило в результате встречи Президента Беларуси А. Г. Лукашенко с Председателем КНР Си Цзинпином на саммите ШОС в Циндао (июнь 2018 г.) [2]. Соглашение о взаимном безвизовом режиме, подписанное на этом саммите и ратифицированное Национальным собранием Беларуси в августе того же года, сделало более благоприятными условия для развития народной дипломатии и сотрудничества в сфере культуры [3].

В современных международных отношениях усиливается роль неправительственных организаций в деле сохранения мира, укрепления взаимного доверия, согласия и дружбы, реализации совместных проектов. Акторами народной дипломатии выступают широкие слои населения, представители различных возрастных и профессиональных групп.

Общество «Беларусь-Китай» было создано в 1958 г. в составе Белорусского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами (функционирует с 1926 г.). По данным на 2021 г., председателем президиума БелОД является Нина Семеновна Иванова, а председателем общества «Беларусь-Китай» - директор Республиканского института китаеведения имени Конфуция БГУ профессор Анатолий Афанасьевич Тозик, Посол Беларуси в Китае на протяжении 2006–2010 годов. Основной целью деятельности Общества декларируется укрепление двусторонних связей между общественностью двух стран; углубление знаний белорусов о достижениях китайского народа в области культуры, науки, экономики, образования; популяризация белорусской культуры в Китае.

В выполнении своих задач общество тесно взаимодействует с Посольством КНР в Республике Беларусь, белорусским посольством в КНР, государственными и общественными организациями. Послами КНР в Республике Беларусь работали г-жа У. Сяоцзю, г-н У Хунбин, г-н Гун Цзяньвэй, Цуй Цимин. С ноября 2020 г. посольство возглавляет г-н Се Сяюнь [4]. Послами Беларуси в КНР являлись В. Н. Кузнецов, В. В. Русакевич, А. Д. Харлап, А. А. Тозик, В. П. Буря, К. В. Рудый, Н. Г. Снопков. В ноябре 2020 г. в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Беларусь в КНР аккредитован Ю. А. Сенько, занимавший пост Председателя Государственного таможенного комитета Республики Беларусь [5].

Традиционными формами работы общества стали Дни Китая в Минске, в рамках которых проходят мероприятия, приуроченные к национальным праздникам, знаменательным датам и другим важным событиям общественной и культурной жизни Китая (годовщина образования КНР, празднованию китайского Нового года, Дня китайской молодежи); литературно-музыкальные вечера, раскрывающие богатство китайской духовной культуры (например, о Пекинской опере, традиционной и современной китайской музыке, классической и современной китайской литературе, ее переводах на русский и белорусский языки); круглые столы, посвященные анализу экономических достижений КНР, китайским традициям, философии; концерты; кинопоказы; выставки; обмены делегациями [6]. Вечера, проводимые в Доме дружбы (этот памятник архитектуры построен в 1955 г., причем Посольство КНР оказывает помощь при его реконструкции) собирают не менее ста человек [7].

Членами правления общества в разные годы были или являются перечисленные ранее белорусские дипломаты, а также поэты А. И. Вертинский, С. С. Панизник, Н. М. Метлицкий, профессор В. Г. Шадурский, композитор и народный артист Беларуси Э. Б. Зарицкий, председатель Белорусского Фонда культуры В. А. Гилеп. Многочисленные активисты принимают участие в осуществлении программ общества на безвозмездной основе. Сергей Панизник и Эдуард Зарицкий написали «Поднебесную песню» - гимн белорусско-китайской дружбы [8].

Основные китайские партнеры общества - Китайское народное общество дружбы с заграницей (основано в 1954 г.; председатель в ранге министра Ли Сяолин) и Шанхайское народное общество дружбы с заграницей. Общество взаимодействует с Институтами Конфуция (в настоящее время в республике их пять) и Китайским культурным центром, созданным в Минске в 2016 г., побуждает белорусских студентов в Китае (их около тысячи) и китайских в Беларуси (более 4500) к взаимодействию с целью укрепления межкультурного диалога и распространения знаний о своих культурах [9].

Члены Общества активно участвовали в праздновании 20-летия установления дипломатических отношений между Беларусью и Китаем, организовав серию мероприятий в Доме дружбы, в частности, презентацию сборника двадцати авторов «Китай глазами белорусов». Это издание было поддержано Китайским фондом международных исследований, а редактором выступил профессор А. А. Тозик. Книга вышла и в Пекине на китайском языке [10].

Ряд интересных мероприятий состоялся и в связи с 25-летием установления дипломатических отношений между двумя государствами (2017 год). Прежде всего, отметим выход в свет книги «Белорусско-китайские отношения в воспоминаниях белорусских послов», составителем и редактором которого выступил профессор А. А. Тозик [11]. Общество

«Беларусь-Китай» участвовало в проведении конкурса эссе на тему «Белорусско-китайское сотрудничество: Шелковый путь и индустриальный парк “Великий камень” моими глазами» [12]. Делегация во главе с заместителем председателя Общества А. Гришкевич посетила провинцию Цзилинь, развивающую сотрудничество с Минской областью. Заместитель начальника канцелярии по иностранным делам этой провинции, заместитель председателя Общества дружбы провинции Ху Ин во время встречи в административном центре (г. Чанчун, побратиме Минска) предложила развивать не только экономическое сотрудничество (автомобилестроение и разработка полезных ископаемых), но и спортивные связи (в частности, организовать соревнования по велоспорту) [13]. При посещении делегацией Китайского народного общества дружбы Мирского замка начальник отдела Общества Ван Цин предложила организовать совместный белорусско-китайский бал [14].

Из событий 2019 г. выделим вечер, посвященный 70-летию КНР, на котором присутствовали сотрудники Посольства КНР, белорусские дипломаты, бизнесмены, а также деятели науки, культуры, образования обеих стран, представители молодежи (сентябрь) [15]. В апреле 2019 г. в столице ЕС Брюсселе прошел совместный белорусско-китайский концерт дружбы, посвященный 75-летию освобождения Беларуси от фашистской оккупации [16].

Фотовыставка «Я жду вас в Ляонине» проиллюстрировала достижения этой китайской провинции, укрепила ее взаимодействие с Брестской областью. Ляонин – единственная провинция в Северо-Восточном Китае с выходом к морю, имеет три зоны свободной торговли и более тысячи промышленных предприятий [17]. За 2019 г. в Доме дружбы и других городах Беларуси были представлены семь провинций КНР, среди которых провинции Ганьсу, Гуандун, Хубэй, Хунань, город Чунцин. Они поддерживают побратимские отношения с областями и столицей Беларуси. По оценке Н. С. Ивановой, эти мероприятия отразили повышение роли народной дипломатии в укреплении дружбы и сотрудничества не только между нашими государствами, но и в глобальном масштабе [18].

В июле 2020 г. на базе Минского областного института развития образования начал работу Центр белорусско-китайской дружбы. Он был создан в соответствии с информационно-аналитической запиской «Год регионов Беларуси в Китае: задачи на 2020 год и ожидаемые среднесрочные результаты», подготовленной Посольством Беларуси в КНР. Целью деятельности Центра является расширение межрегионального сотрудничества Минской области и провинций КНР в сфере образования и культуры, укрепление дружбы и взаимопонимания между народами, изучение китайского языка. Отметим, что по этому показателю лидируют Молодечненский, Борисовский, Воложинский и Смолевичский районы. Поддержку новой структуре оказывают Республиканский институт китаеведения имени Конфуция БГУ, Институт Конфуция в МГЛУ, Институт Конфуция по науке и технике БНТУ [19].

По взаимным оценкам, белорусско-китайская народная дипломатия основана на взаимном уважении, равном общении, взаимовыгодном партнерстве и дополняет существующие на высоком уровне политические (доверительные отношения между лидерами обоих государств) и экономические связи (Китай является третьим торговым партнером Беларуси). Общество дружбы «Беларусь-Китай» вносит свою лепту в активизацию строительства «Одного пояса и одного пути», является надежным мостом народной дипломатии, объединяющим два государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Цуй Цимин: дружба Беларуси и Китая стала всепогодной [Электронный ресурс] // БЕЛТА. – 28.12.2018. – Режим доступа: <https://www.belta.by/interview/view/druzhba-belarusi-i-kitaja-stala-vseporogodnoj-6617> // . Дата доступа: 01.03.2020.

2. Лукашенко на Саммите ШОС: Неопределенность стала новой «нормальностью» [Электронный ресурс] // TUT.by: белорусский портал. – 10.06.2018. – Режим доступа: <https://news.tut.by/economics/596220.html> // . Дата доступа: 01.03.2020.

3. О ратификации Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о взаимном безвизовом режим для владельцев обычных паспортов [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 10.07.2018 – Режим доступа:http://www.pravo.by/upload/docs/op/I01800037_1530392400.pdf //. Дата доступа: 01.03.2020.

4. Биография г-на Се Сяюнь [Электронный ресурс] // Посольство КНР в РБ. – Режим доступа:<http://by.china-embassy.org/rus/DS/jianli/t1827152.htm> //. Дата доступа: 20.03.2021.

5. О назначении Ю. А. Сенько Послом Беларуси в Китае [Электронный ресурс] // Посольство РБ в КНР. – 20.11.2020. – Режим доступа:<https://china.mfa.gov.by/ru/embassy/news/f13e35bdb0696053.html> //. Дата доступа: 20.03.2021.

6. Общество «Беларусь-Китай» [Электронный ресурс] // Белорусско-Китайский межправительственный комитет по сотрудничеству – Режим доступа:http://www.belaruschina.by/ru/belarus_china/friendship/belarus_china.html //. Дата доступа: 01.03.2020.

7. Медиа [Электронный ресурс] // Белорусское общество дружбы и культурной связи с зарубежными странами – Режим доступа:<http://friendshipsociety.by/index.php?s=fotos> //. Дата доступа: 01.03.2020.

8. Общество дружбы «Беларусь-Китай» является надежным мостом народной дипломатии [Электронный ресурс] // СБ – Беларусь Сегодня. – 25.02.2014 – Режим доступа:<https://www.sb.by/articles/obshchestvo-druzhby-belarus-kitay-yavlyaetsya-nadezhnym-mostom-narodnoy-diplomatii.html> //. Дата доступа: 01.03.2020.

9. В Беларуси учатся 4 тысячи китайских студентов [Электронный ресурс] // NAVINY.BY– Белорусские новости. – Режим доступа:<https://naviny.by/new/20191011/1570810974-v-belarusi-uchatsya-4-tysyachi-kitayskih-studentov> //. Дата доступа: 01.03.2020.

10. Сборник «Китай глазами белорусов» издан к 20-летию белорусско-китайских дипотношений [Электронный ресурс] // Белорусско-Китайский межправительственный комитет по сотрудничеству – Режим доступа:<http://www.belaruschina.by/ru/news/2012/July/10July-980.html> //. Дата доступа: 01.03.2020.

11. «Белорусско-китайские отношения в воспоминаниях белорусских послов» презентованы в Доме дружбы [Электронный ресурс] // СБ – Беларусь Сегодня. – 24.01.2017. Режим доступа:<https://www.sb.by/articles/chetvert-veka-druzhby.html> //. Дата доступа: 01.03.2020.

12. Около 60 работ поступило на международный конкурс эссе по белорусско-китайскому сотрудничеству [Электронный ресурс] // БЕЛТА. – 10.03.2017. – Режим доступа:<https://www.belta.by/society/view/okolo-60-rabot-postupilo-na-mezhdunarodnyj-konkurs-esse-po-belorussko-kitajskomu-sotrudnichestvu-236918-2017/> //. Дата доступа: 01.03.2020.

13. Общество дружбы с зарубежными странами провинции Цзилинь заинтересовано в развитии отношений с Беларусью [Электронный ресурс] // Belarus.by– официальный сайт Республики Беларусь. – 2.09.2017. – Режим доступа:https://www.belarus.by/ru/press-center/speeches-and-interviews/obshchestvo-druzhby-s-zarubezhnymi-stranami-provintsii-tszilin-zainteresovano-v-razvitii-otnoshenij-s-belarusju_i_0000063327.html //. Дата доступа: 01.03.2020.

14. Делегация Китайского народного общества дружбы с зарубежными странами посетила Мирский замок [Электронный ресурс] // СМИ Беларуси. – 03.01.2018. – Режим доступа:<http://belsmi.by/news/society/24030/> //. Дата доступа: 01.03.2020.

15. Вечер, посвященный 70-летию образования КНР, состоялся в минском Доме дружбы [Электронный ресурс] // Звезда. – 19.09.2019. – Режим доступа:<http://www.zviazda.by/ru/news/20190919/1568884403-vecher-posvyashchenny-70-letiyu-obrazovaniya-knr-sostoyalsya-v-minskom> //. Дата доступа: 01.03.2020.

16. О проведении Белорусско-китайского концерта в г. Брюсселе [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь в Королевстве Бельгия. – Режим доступа: <http://belgium.mfa.gov.by/ru/embassy/news/bcf8b3a82b0c769b.html>/. Дата доступа: 01.03.2020.

17. Фотовыставка «Я жду вас в Ляонине» открылась в Доме дружбы [Электронный ресурс] // БЕЛТА. – 31.10.2019. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/fotovystavka-ja-zhdu-vas-v-ljaonine-otkrylas-v-dome-druzhby-367737-2019>/. Дата доступа: 01.03.2020.

18. Впечатляет последовательность Китая в достижении четко намеченной цели – представитель Белорусского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами Н. Иванова [Электронный ресурс] // Жэньминь ван. – 12.11.2019. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/1112/c31519-9631429.html> //. Дата доступа: 01.03.2020.

19. В Минской области начал работу Центр белорусско-китайской дружбы [Электронный ресурс] // Минский областной институт развития образования. – 07.07.2020. – Режим доступа: <https://moiro.by/новости/document-175043.html>/. Дата доступа: 20.03.2021.

Стабурова Елена Юрьевна
доктор исторических наук, профессор
и.о.директора
Латвийский институт востоковедения
(г. Рига, Латвия)

110 ЛЕТ С НАЧАЛА СИНЬХАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КИТАЯ В ИСТОРИОГРАФИИ КНР

2021 год вошёл в историю Китая, прежде всего, как год столетия создания Коммунистической партии Китая (КПК).

Юбилей КПК затенил, но не отменил другую важную историческую веху – 10 октября 1911 года. Именно в тот день года Синьхай, вспыхнуло восстание в одной, состоявшей из ханей, воинской части и как бикфордов шнур зажгло целую страну. В результате этого за несколько месяцев были решены три субстанциальные для дальнейшего развития Китая задачи: во-первых, изгнание правивших 267 лет маньчжуров, во-вторых, свержение императорской власти и, в третьих, провозглашение республики.

Сегодняшний 12-миллионный город, ставший застрельщиком революции, к сожалению, получил мировую известность в связи с пандемией. Это Ухань. Если быть совсем точным, то Ухань представляет собой трехградье на берегу Янцзы – агломерацию из Учана, Ханьяна и Ханькоу. Центр революционного движения находился в Учане.

В современном Ухане берегут историческую память о событиях того времени. К 100-летию революции в городе возвели великолепное здание нового музея, облагородили и отремонтировали пространство вокруг дома, в котором размещалось революционное правительство, опубликовали и ввели в научный оборот множество документов как из архивов, так и из семейных собраний потомков революционеров. В нынешнем году торжества были скромнее. Тем не менее, по всей стране прошли научные конференции, приуроченные к 110-й годовщине. На торжественном собрании в Пекине с речью выступил руководитель КНР и КПК Си Цзиньпин.

Прямым наследником революционеров является партия Гоминьдан. Хотя она была образована после учанского восстания, в 1912 г., но именно влившиеся в неё люди за несколько лет до начала социального взрыва вели подготовку к насильственному изменению режима и возглавили руководство восставшими. Однако история Синьхайских событий это, прежде

всего, история всего Китая, всех живущих в нём народов. То время обогатило весь Китай невиданными ранее нововведениями, самым очевидным из которых является республика, кстати, первая в Азии. Да и в России до свержения царской власти ещё оставалось несколько лет.

В 1905 г. Сунь Ятсен (孫中山, 1866-1925) сформулировал «три народных принципа» (*саньминьчжун* 三民主義), претворение в жизнь которых должно было привести к созданию процветающей страны китайцев – «национализм» (*миньцзучжун* 民族主義), «народовластие» (*миньцюаньчжун* 民權主義) и «народное благосостояние» (*миньшиэнчжун* 民生主義). Именно они в предреволюционное и революционное время стали основополагающими направлениями движения революционной мысли и революционной активности. «Три народных принципа» настолько точно и лаконично «поставили диагноз» китайскому обществу и государству, что, время от времени приспосабливая своё содержание к текущему моменту, на много лет вперёд угадали вектор развития страны.

Сначала под «народовластием» понималась демократия западного образца. «Благосостояние» – было несколько подтянутой к идеям социализма традиционной китайской управленческой доктриной обеспечения «жизни народу» (*минь шиэн* 民生) для нормального функционирования государства. «Национализм» был обращён против маньчжуров. «Национализм» для Сунь Ятсена был главным принципом, поэтому он был поставлен в начало. Следуя этой схеме, несложно понять, что в 1911 г. основными вызовами Китая были национальный вопрос, политика и подъём экономики.

В исторической науке «три народных принципа» нередко используются как матрица для определения важнейших проблем Китая начала XX в. Поэтому в центре внимания исследователей Синьхайского времени особенно часто находятся национальный вопрос, политика и экономика. По разным причинам эти три аспекта революционного времени изучались неравномерно. В наименьшей степени исследован принцип «национализма» и как он реализовывался на практике.

Есть определенное, складывавшееся еще в годы Синьхайской революции, мнение о том, что революционные силы, направили свой удар против маньчжуров как правящего класса, но не против маньчжурского народа. В доказательство этого обычно справедливо ссылаются на Сунь Ятсена, который, действительно, в своих речах отмечал, что революционеры не борются с маньчжурами, но лишь с правящей маньчжурской верхушкой. Более того, одобренный в 1912 г. флаг Китайской республики задумывался как выражение единства основных народов Китая и представлял собой пять полос разного цвета, символизировавших маньчжуров, ханей, монголов, мусульман, тибетцев.

Однако любая революция это насилие нового субъекта истории над теряющей власть силой. На протяжении 267 лет правившей и вооруженной силой был почти весь маньчжурский народ, живший в гарнизонах, объединённый в восемь армий, каждая из которых имела особое знамя. Именно принадлежность к знамени, а вместе с этим и к общественным привилегиям, было наиболее заметным отличием маньчжуров от китайцев, поэтому маньчжуров называли «знаменными».

Когда в XVII в. маньжурские войска завоевывали территории бывшей Минской империи, это не была «прогулка по Невскому проспекту». Подчиняя себе огромную страну, маньжурские солдаты безжалостно расправлялись с мирным ханьским населением. С утверждением императоров династии Цин на китайском троне простые люди под страхом смерти из рук в руки передавались записи с документальными свидетельствами о массовых убийствах. К отмщению зывали две созданные по горячим следам книги о жестокостях маньжурских войск в городах Янчжоу и Цзядине: одна принадлежала перу Ван Сючу (王秀楚) – «Заметки о десяти днях в Янчжоу» (*Янчжоу ши жи цзи* 揚州十日記), автором второй был Чжу Цзысу (朱子素), написавший «Краткое описание того, как был вырезан город Цзядин» (*Цзядин ту чэн цзи-люэ* 嘉定屠城紀略) [1, с. 342-343]. Некоторые тайно распространявшиеся

книги с обличением маньчжурских завоевателей представляли собой настоящие исследования. Самой известной среди них стали «Записи у [ворот] Дун-хуа» (*Дун-хуа лу 東華錄*). Её составитель Цзян Лянци (蔣良騏) (1723-1789) был сотрудником Комитета по [составлению] государственной истории (*Го ши гуань 國史館*), поэтому использовал документы о маньчжурах с 1644 года и вплоть до прихода к власти императора Юнчжэна в 1722 году [12, с. 942].

По сравнению с другими народами, населявшими Цинскую империю, в особенности, с ханями, маньчжуров было очень мало. Из многочисленных свидетельств революционных деятелей, подтвержденных расчетами ученых КНР, в конце Цинского правления в Китае жило приблизительно пять миллионов маньчжуров [9, с. 69]. Общая численность населения в те годы составляла около 400 миллионов человек. Поэтому, когда копившаяся три столетия антиманьчжурская энергия выплеснулась наружу, маньчжурские войска не могли долго сопротивляться.

Маньчжуры большей частью проживали сравнительно компактно в гарнизонах, огороженных земляными валами и толстыми глинобитными стенами. Как только войско гарнизона оказывалось разбитым революционными войсками, семьи знаменных становились полностью беззащитными. Приведу в пример донесение посланника в Пекине Ивана Яковлевича Коростовца от октября 1911 года: «К сожалению, корректный и гуманный (относительно иностранцев) образ действий мятежников омрачился чрезвычайной жестокостью, проявленной ими в отношении маньчжур, притом не только чиновников, но и частных лиц. Все опознанные революционерами маньчжуры подвергаются безжалостным преследованиям и казни» [7, с. 219].

Китайский историк У Чжунхань признаёт то, что маньчжуры оказались в очень тяжёлом положении, но связывает это не с революционерами, а с пришедшим к власти в 1912 г. Бэйянским (Пекинским) правительством: «После Синьхайской революции, которая свергла династию Цинских монархов, политика, проводимая в отношении народа Бэйянским правительством, была абсолютно жестокой. Во внутренних районах, в таких городах как Нанкин, Сиань, Цзинчжоу, Чэнду, Гуанчжоу и других, было убито немало маньчжурских офицеров и солдат, квартировавшихся там восьмизнаменных войск. Очень много этнических маньчжуров скрывались под ханьскими фамилиями и меняли имена на ханьские. К примеру, изначально больше половины всех маньчжурских офицеров и солдат восьмизнаменной армии жили в радиусе 500 км от Пекина. Кроме незначительного числа аристократов, обитавших во дворце, и сановников, которым было невозможно скрыть свои фамилии и имена, все прочие служилые маньчжурской национальности, за редким исключением, использовали ханьские фамилии и имена. Это потому что в то время, если сохранял подлинные маньчжурские имена или фамилии, то работу найти было невозможно, тот же, кто уже имел работу, её терял. Политика в отношении нации была такова, что принуждала людей «вести отсчет [рода] сначала и забывать предков»» [9, с. 70].

Победа Синьхайской революции, возвестившей новую эру в Китае, оказалась тяжёлым испытанием для маньчжуров. Отголоски 1911 года потом ещё долго были слышны в китайском социуме. Было табуировано даже само слово «маньчжур». В Тайбэе в середине 90-х гг. прошлого века моя (автора статьи) знакомая учительница рассказала, как встретила на улице своего бывшего ученика, в классе которого она на протяжении многих лет вела китайский язык, и с удивлением услышала от него, что он – маньчжур. Приведу также неожиданное свидетельство моего преподавателя Восточного факультета Ленинградского государственного университета (ЛГУ) Бориса Михайловича Новикова (1929-2021). Оно вошло в запись его воспоминаний [2, с. 25-26], но я расскажу по памяти, как он это говорил мне лично. В 1950-х гг., будучи студентом ЛГУ, он сдружился с преданным коммунистическим идеям китайским студентом Шао Цицюанем. Молодой человек заболел непривычным ещё в те годы для китайцев гриппом. Болезнь протекала тяжело, и он обратился к пришедшему навестить его Новикова: «Я скоро умру и перед смертью хочу тебе открыть мой страшный секрет. Об этом никому нельзя говорить! Я – маньчжур».

Вскоре после провозглашения КНР новая власть, которая не связывала себя напрямую с событиями года Синьхай, так как это было временем господства партии Гоминьдан и захвативших власть милитаристов, старалась аккуратно ознакомиться с фактическим состоянием маньчжурского этноса, тем более, что на его долю в 1932-1945 гг. выпала ещё одна роль – маньчжуры были хоть и подконтрольной, но всё же титульной нацией в созданном Японией марионеточном государстве Маньчжоу-го.

Руководство КНР понимало политическую значимость национального, и особенно маньчжурского, вопроса, поэтому в 1959 году Исследовательский институт национальных меньшинств Академии наук Китая, опираясь на своё подразделение – Группу пров. Ляонин по обследованию социальной истории малых народов, инициировал экспедиции для изучения жизни, быта и судеб маньчжурского населения страны. Работа была завершена опубликованием «Докладов по обследованию социальной истории маньчжуров» [См.: 3]. Насколько можно понять, участники экспедиций проводили социологические опросы. Авторы докладов особенно интересовались тем, как складывалась жизнь маньчжуров до и после Синьхайской революции. В целом, картина была удручающей. Поэтому доклады вышли с грифом «для внутреннего пользования». Сейчас они стоят в открытых фондах.

В докладах содержится много интересных деталей. Например о том, что, вопреки расхожему мнению об изолированности маньчжурского населения от ханей, исследователям удалось выяснить, что в гарнизонах жило немало людей ханьской национальности. Так в гарнизоне знаменных Сианя из каждых десяти человек шестеро были ханями [4, т. 3, с. 44]. Сообщалось также, что там же до и после революции нормой жизни были смешанные браки. Они формально запрещались Цинами, а «после Синьхайской революции никаких запретов не было». Из 155 обследованных маньчжурских хозяйств не оказалось ни одной чисто маньчжурской семьи [4, т. 3, с. 55]. Отмечалось, что до революции 1911 года смешанные семьи были обычным явлением также в провинции Ляонин [4, т. 2, вып. 1, с. 6]. Авторы докладов сумели выявить всего два случая, где вождям революции удалось предотвратить битвы со знаменными и уничтожение их семей. Особая ситуация сложилась в пров. Сычуань, там движение за переговоры между китайскими армейскими частями и знаменными шло с двух сторон – со стороны маньчжурской интеллигенции и со стороны тайных обществ. Самым ярким представителем первых был Чжао Хуйминь (赵慧民). Руководителем тайного общества Гэлаохуй (哥老会) был маньчжур Чжао Шицин (赵石卿), он был связан с тайным обществом китайских военных Чжунхуйдан (中会党). В результате достигнутых договорённостей между представителями маньчжуров и ханей в столице провинции – городе Чэнду все знаменные сложили оружие. Поэтому в одном из докладов сообщается, что в Чэнду «с начала и до конца событий революционная армия не лишила жизни ни одного человека» [4, т. 3, с. 60]. Второй случай касался провинций Гуандун и Гуанси. Один из вождей революции Ху Ханьминь (胡汉民, 1879-1936), предполагая, что малочисленную маньчжурскую общину в провинциях легко удастся китаизировать после победы, предложил прибегнуть к известной в традиционной китайской политике стратегии «мягкости, а за пазухой...» (*хуай жоу* 怀柔). Всех маньчжуров заранее обложили денежной данью, а после смены власти жизнь местных маньчжуров сделали невыносимой [4, т. 3, с. 49, с. 74-75]. Но физических расправ удалось избежать. Доклады стали косвенными свидетельствами катастрофы, которую пришлось пережить нации. Большую долю ответственности за это авторы докладов возложили на политику «национального гнёта» (*миньцзу япо* 民族压迫) [4, т. 3, с. 49, с. 75], проводившуюся Гоминьданом вплоть до его поражения в 1949 году. В одном обследованном районе пров. Хэйлунцзян маньчжурскую письменность знали лишь два человека, одному было за 80, другому – за 70 лет. Прочитанное оба понимали слабо [4, вып. 3, с. 4-5].

История полна таких периодов, когда деятельности людей невозможно дать однозначную оценку. Между тем, история принадлежит не только и не столько прошлому, сколько настоящему. В распоряжении историка находятся реальные инструменты воздействия на умы и

души его современников. Освещение исторических фактов способно спровоцировать дискурс вражды или, напротив, дать импульс глубокому осмыслению событий прошлого, чтобы воссоздать объективную картину во всей противоречивости её ушедшего бытия.

В современных условиях, когда постмодернизм, благодаря заложенному в нем релятивизму, способен превратить любые оценочные суждения в их противоположность, а информационные технологии мгновенно усиливают стократ любое письменное или устное слово, как никогда возрастает персональная ответственность историка. В конце XX в. мир стал свидетелем гибели крупнейшего государства с сильнейшей армией, чему способствовала, в числе прочего, развернувшаяся ревизия его истории. Есть много ситуаций, когда историк подобно врачу обязан руководствоваться принципом «не навреди».

Очень непростой, на наш взгляд, является задача исследования того, в каких формах воплотился в жизнь принцип «национализма» в Синьхайское время. Поэтому кто-то считает, что не надо специально на этом концентрироваться. Например, такого мнения придерживался знаменитый уханьский ученый Чжан Кайюань (章开元, 1926-2021). Было время в КНР, когда официально продвигалась точка зрения, в соответствии с которой «маньчжуры массово поддержали революцию». На другом полюсе находятся историки, к сожалению, готовые спекулировать на огульной критике китайских революционеров и поднимать шум вокруг выдернутых из контекста фактов вместо глубокого и всестороннего рассмотрения предмета.

Был такой историк и в профессиональном сообществе российских китаеведов [См.: 3]. Но есть примеры и другого подхода. Из современных учёных Китая по интересующей нас теме много и плодотворно работает историк Пань Хунган – сотрудник Исследовательского института литературы и истории Академии общественных наук провинции Хубэй (*Хубэй шэн шэньхуэй кэсюеюань вэньшйи сюэсо* 湖北省社会科学院文史研究所). Первые его опубликованные статьи приходятся на 1990-е гг. В 2003 году в бытность мою в Ухане он подарил мне свои ранние работы. Несомненно, что с того времени библиография его научных трудов сильно расширилась, но сейчас, отслеживая его публикации, я понимаю, что он продолжает работать в той же исследовательской парадигме.

Причину обращения к данной теме Пань Хунган объясняет так: «Говоря об исследованиях по истории Синьхайской революции, как только они касаются таких лозунгов Сунь Ятсена как «национализм», «изгнание татар», «выбрасывание вон маньчжуров», «ненависть к маньчжурам», все останавливаются на полпути, на теоретическом уровне. С точки зрения истории наций после Синьхайской революции маньчжурская нация, которая правила Китаем более 200 лет, абсолютно изменила свое место [в обществе]. Однако редко в суждениях людей присутствует тщательный анализ ситуации. Как бы то ни было, относительно периода, который начинается Синьхайской революцией, очень легко начать сомневаться в том, «а существует ли еще хоть один маньчжур, считающий себя представителем нации» » [5, с. 225]. То есть, как следует из вышесказанного, ученого не удовлетворяли: 1) общий уровень исследованности вопроса, 2) теоретизирования, неподкрепленные проверкой фактами, 3) отсутствие работ, анализирующих жизнь маньчжуров сразу после того, как они потеряли свой привилегированный статус, 4) неизученность того, в чём конкретно заключалось изменение места маньчжуров в обществе за долгий период, начиная с Учанского восстания и вплоть до сегодняшнего дня. Между тем, на взгляд ученого, насущность такого рода исследований очевидна, хотя бы для того, чтобы подтвердить или опровергнуть расхожее мнение о том, что после Синьхайской революции маньчжуры исчезли как нация (кстати, сам Пань Хунган – маньчжур).

Работы Пань Хунгана подкупают именно глубиной анализа, а также тем, что он не замалчивает правду, насколько бы горькой она ни была. Он описывает ситуацию в Фучжоу в ноябре 1911 года. Маньчжуры там сопротивлялись до последнего человека. Командир был схвачен и подвержен мучительной смерти. Сведения эти были почерпнуты исследователем из «Черновика истории Цин». Я заглянула туда и прочитала заключительную фразу о командире

гарнизона: «Говорят, что его смерть была самой ужасной» [11, с. 12804]. В этом случае имела место отчаянная и героическая борьбы маньчжуров, не пожелавших сдаваться врагу и избравших путь борьбы.

Пань Хунган отмечает, что судьба маньчжуров в Фучжоу не была predetermined. Китайские чиновники и шэньши-богачи из провинциального собрания предложили маньчжурским войскам своё посредничество в переговорах с революционерами. Но знаменитые были против переговоров и лишь усилили приготовления к сопротивлению [5, с. 226].

В древней столице, городе Сиане, развернулась подлинная трагедия. Но очевидцы по-разному описывают детали произошедшего. Один свидетельствовал, что «в течении одной ночи погибших знаменитых было более двух тысяч человек. Женщины и дети бросались в колодцы» [5, с. 226]. Историк приводит ещё одну цитату из того же источника: «В маньчжурском городе каждая улица, каждый двор стали местом битвы, местом охоты и выслеживания. В то время все офицеры и солдаты [революционной] армии убивали всех знаменитых и членов их семей. Очень много мужчин, женщин, стариков и детей, которые не были обречены на смерть, сдавались и захватывались как пленники» [5, с. 226]. Другой очевидец утверждал, что расправы над знаменитыми продолжались ещё четыре дня после сдачи гарнизона: «На следующий день после падения города более одной тысячи маньчжуров были вытасканы из своих убежищ в погребах. Их жестоко убивали, грабили склады с амуницией. Народная армия стирала всё с лица земли. В начале четвертого дня командование отдало приказ о прекращении убийств и издевательств» [5, с. 228].

Следуя своему правилу тщательно анализировать почерпнутые из источников сведения, Пань Хунган обратил внимание на замечание одного из авторов воспоминаний о том, что революционный лидер, возглавивший борьбу в Сиане, «приказал убить всех в городе» [5, с. 226]. Это утверждение ему показалось сомнительным. Пань Хунган пишет: «Массовые убийства определенно были, но вот приказ об истреблении города совсем необязательно был» [5, с. 228]. Это небольшое замечание, весьма существенно для исследовательского метода Пань Хунгана – не спешить с выводами там, где для этого нет достаточных оснований, отделять очевидное от сомнительного, чтобы не перейти грань между правдой и вымыслом.

Очень важно замечание исследователя о том, что в отдельных районах массовые убийства и погромы были результатом деятельности бандитов-туфэев, которые, по его словам, «были очень сердиты на маньчжуров» [5, с. 227].

Пань Хунган показывает, что в разных частях страны ситуация могла сильно различаться. Как бы оспаривая приведённые выше слова историка У Чжунхана о городе Чэнду, где якобы «было убито немало маньчжурских офицеров и солдат», Пань именно Чэнду приводит в качестве позитивного примера [5, с. 231]. То есть, исследователь, как бы, доводит до нашего сведения, что ненависть к маньчжурам не была абсолютной величиной сознания ханей и нельзя огульно осуждать революционеров.

Одна из самых кровавых битв в 1911 году разыгралась в Цзинчжоу (Хубэй), где в начале XX века жило 24466 маньчжурских и монгольских военных и членов их семей. Сколько осталось – неизвестно. Пань Хунган не обошёл молчанием это событие. Свой рассказ он завершает следующим выводом: «В целом говоря, после Синьхайской революции знаменитые люди из гарнизона в Цзинчжоу и их потомки прошли через великий процесс перемен» [5, с. 226]. Но дальше добавляет, что «они заплатили за это чрезмерно высокую цену» [5, с. 227].

Мысль о том, что свержение Цинской династии через много лет станет благом для маньчжурского народа, но цена перемен оказалась несоразмерно высокой, сформулированная в 1994 году, проходит также через другие работы историка. Он её повторил в 2007 году: «После того, как автор уже более десяти лет изучал великие исторические перемены времени Синьхайской революции, произошедшие с жившими в гарнизонах восьмизнаменными, он [снова] утверждает: «В этих великих исторических переменах у маньчжурского народа был горький и даже трагический опыт, однако эту огромную цену один народ заплатил, [встав] на путь развития» [6, с. 3]. Возможно, кому-то этот вывод может показаться неким способом для

смягчения впечатления от происходившего, но, на наш взгляд, в нём содержится жестокая правда. Даже в XXI в. можно наблюдать, как отдельные народы, не прошедшие путь революционного очищения, откатываются в прошлое, а их общества переживают архаизацию. Есть примеры и другого рода, когда включение, нередко насильственное, спящего народа в орбиту жизни другого, динамично развивающегося, социума приводит к эффекту синергии.

В своих работах Пань Хунган ведет честный разговор о судьбе маньчжуров в момент исторического перелома. Его взвешенные выводы позволяют посмотреть на события прошлого в более широком контексте, дать оценку сложным отношениям между ханями и маньчжурами, понять, что сформулированный Сунь Ятсеном принцип «национализма» несомненно содержал в себе зёрна антиманьчжуризма, но, с другой стороны, был шире, чем просто призыв к отмщению.

Благодаря работам уханьского историка, можно видеть, что в разных районах Китая ситуация складывалась по-разному. Она зависела: 1) от степени враждебности к маньчжурам в конкретном месте, 2) от позиции знаменных (сражаться или договариваться), 3) от степени влияния бандитов-туфэев в том или ином районе, 4) от того, насколько знаменное население было включено в жизнь ханьского города, который начинался сразу же за стенами воинской части, 5) от того, были ли среди знаменных члены китайских тайных обществ, что часто совпадало с участием в революционных организациях. Я к этому списку обстоятельств, определявших судьбы маньчжуров, прибавила бы еще одно: предательство Цинского двора. Сами маньчжурские аристократы, бросив на произвол судьбы простых маньчжуров, без препятствий перебирались на территории иностранных концессий, где чувствовали себя в безопасности. Современники свидетельствовали: «Примеров погибших в Поднебесной, как служилых, так и простого люда, невозможно сосчитать. Но точно другое: Цинские ваны, гуны и министры спокойно переселялись в концессии» [10, с. 100].

Отмечая 110-летие с момента начала восстания в Учане мы отдаём дань памяти великому событию, с которого начинается история нового Китая, а также дань уважения тем людям, которые не один год, жертвуя своими жизнями, приближали день свержения маньчжурского ига и провозглашения первой республики в Азии.

Для историков юбилейное событие это не только и не просто красный день календаря, но также повод для серьёзного разговора, для уточнения уже известных фактов и для введения в научный оборот новых материалов.

Если взять «три народных принципа» Сунь Ятсена в качестве точки отсчёта для выделения главного содержания революции и вызванных ею изменений, то окажется, что изучение принципа «национализма» долгое время отставало от исследования других тем, что не удивительно, учитывая чувствительность вопроса.

Современная историография национального вопроса в Синьхайской революции пишется такими людьми, как Пань Хунган. Он умеет говорить правду, сохраняя баланс между историческими реалиями и ответственностью учёного. Благодаря ему и его коллегам, в историографии КНР больше не замалчиваются и не приукрашиваются факты, а Синьхайская революция предстает во всей полноте своих светлых и не очень светлых страниц. Само по себе признание наличия «не очень светлых страниц» ни в коей мере не умаляет великого значения Синьхайской революции, но отражает зрелость китайской историографии и китайского общества, готового к обсуждению сложных вопросов.

Закончить этот обзор современной историографии КНР, приуроченный к 110-летию Учанского восстания, следует мудрыми словами профессора и директора Центра изучения традиционной культуры Китая Уханьского университета, академика и председателя Общества изучения истории Китая в провинции Хубэй Фэн Тяньюя (冯天瑜), произнесенные им в 2011 году в беседе с автором данной статьи: «Дорога истории очень сложная и совсем не прямая, и поэтому историк должен стремиться к тому, чтобы отражать прошлое во всей его сложности. Упрощение прошлого неизбежно ведет к его искажению» [8, с. 119].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Борох, Л.Н.* Антиманьчжурские идеи первых китайских буржуазных революционеров (о «Показаниях Лу Хаодуна») // Маньчжурское владычество в Китае. Москва: Главная редакция Восточной литературы издательства «Наука», 1966.
2. *Головачёв, В.Ц.* Интервью с Новиковым Б.М. : Interview with Boris M. Novikov. 27 июля 2014 г. // Проект: «Китаеведение – устная история». URL: https://china-oral.ivran.ru/f/016_Novikov_27_07_2014.pdf (15-11-2021)
3. *Кузнецов, В. С.* Синьхайская революция в Китае // Вопросы истории. 2004, № 10.
4. Маньцзу шэхуй лиши баогао (Доклады по обследованию социальной истории маньчжуров). Б.м.: Чжунго кэсюэюань миньцзу яньцзюсо, Ляонин шаошу миньцзу шэхуй лиши дяочацзу, 1963. (Группа пров. Ляонин по обследованию социальной истории малых народов Исследовательского института национальных меньшинств Академии наук Китая, 1963). Ди эр фэнь цэ, ди и цзи (ч. 2, вып. 1); ди сань цзи (вып. 3); ся цэ (ч. 3). 滿族社会歷史調查報告。中国科学院民族研究所, 辽宁少数民族社会历史调查组, 1963. 第二分册, 第一輯; 第三輯; 下册。
5. *Пань Хунган.* Синьхай гэмин юй чжуфан ба ци (Синьхайская революция и расквартированные в гарнизонах восьмизнаменные) //
6. Цзинянь Синьхай гэмин 80 чжоунянь гоцзи сюэшу яньцзю таолуньхуй луньвэньцзи: Синьхай гэмин ши цункань (Сборник докладов международной научно-исследовательской конференции по случаю 80-го юбилея Синьхайской революции, «Серия публикаций по истории Синьхайской революции»), Бэйцзин: Чжунхуа шуцзюй, 1994 (Пекин: Издательство Китая, 1994). 潘洪刚。辛亥革命与驻防八旗 //纪念辛亥革命 80 周年中国的学术研讨论文集《辛亥革命与近代中国》。北京: 中华书局, 1994 年。
7. *Пань Хунган.* Цзай лунь Синьхай гэмин юй чжуфан бацзи (Ещё раз о Синьхайской революции и расквартированных в гарнизонах восьмизнаменных) // Цзинянь Синьхай гэмин 95 чжоунянь гоцзи сюэшу яньтаохуй луньвэнь чжуаньцзи, ди 13 цзи, «Синьхай гэмин ши цункань»: Учан Синьхай гэмин яньцзю чжунсинь (Специальный выпуск докладов международной научной конференции по случаю 95-го юбилея Синьхайской революции, вып. 13, «Серия публикаций по истории Синьхайской революции» Учанского центра изучения Синьхайской революции). Ухань: Хубэй жэньминь чубаньшэ, 2007 (Ухань: Хубэйское народное издательство, 2007). 潘洪刚。再论辛亥革命与驻防八旗。《纪念辛亥革命 95 周年国际学术研讨会论文专辑, 第 13 辑, 《辛亥革命史丛刊》。武汉: 武昌辛亥革命研究中心, 湖北人民出版社, 2007 年。
8. Синьхайская революция. 1911 – 1913. Сборник документов и материалов. Москва: ГРВЛ издательства «Наука», 1968.
9. *Стабурова, Е.Ю.* Изучение Синьхайской революции в Ухане в контексте современного Китая // Общество и государство в Китае. 42 научная конференция. Учёные записки Отдела Китая. Вып. 6. Москва: Институт востоковедения РАН, 2012. Т. 2.
10. *У Чжунхань.* Гоюй цишэ юй маньцзудэ фачжань ([Политика] «национального языка и наездничества» и развитие маньчжурского народа) // Цин ши синь као (Новые исследования по истории Цин). Ляонин дасюэ чубаньшэ, 1983 (Ляонин: издательство Ляонинского университета, 1983). 吳鍾翰。国语骑射与满族的发展 // 清史新考。辽宁: 辽宁大学出版社, 1983 年。
11. Цин чао е ши да гуань (Великий обзор неофициальной истории династии Цин). Янчжоу ши: Цзянсу Гуанлин гуцзи кэинь шэ, 1998 (Янчжоу: Общество гравиров древних книг пров. Цзянсу района Гуанлин, 1998). 清朝野史大觀。揚州市:江蘇廣陵古籍刻印社, 1998 年。

12. Цин ши гао (Черновик истории Цин). (Бэйцзин: Чжунхуа шуцзюй (Пекин: Китайское книжное издательство, 2003). Т. 42, цзюань 470. 《清史稿》。北京: 中華書局, 2003 年, 470 卷。

13. *Wilkinson, Endymion. Chinese History: A Manual. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000.*

Emelchenkova Elena Nikolaevna
PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Chinese Philology
St. Petersburg State University
(Saint-Petersburg, Russia)

CHINESE LEXICON EXPANSION AT THE TURN OF 20TH CENTURY

At the present time, when interaction between two neighboring languages, Chinese and Japanese, which also share a common type of writing system, started to intensify rapidly, and an explosion of interest to researching the processes of lexical borrowing, which by the turn of the 21C have become increasingly active, is observed. The systemic interaction of Japanese and Chinese languages has been rather well studied and described in the Japanese studies, but was relatively rarely considered as a field of scientific knowledge deserving in-depth research in the 20th-century Chinese studies. Nevertheless, in the 21C, at the crest of a new, though not the first, wave of lexical borrowings into Chinese from Japanese, positive shifts outlined in the historical Chinese lexicology as well, which addressed this issue in terms of semasiology and onomasiology.

The situation neglecting the process and the results of borrowing at the turn of the 20C, so dubious for the Chinese linguistics of the previous century, is explained by a number of reasons. In the countries of the Far East, in the so-called region of character-based writing systems, a common system of graphics, based on the original ideographic writing system of China, is functioning. Up to the 19C, the linguistic influence was spreading primarily from China to the East – to Korea and Japan; however, in the Meiji era 明治時代 (1868-1912), the vector has changed, and since the second half of the 19C, Chinese assumed the role of a recipient of new lexical units.

The processes of modernization taking place in that period in Japan have led to a massive replenishment of Japanese with relevant scientific and technical terminology, which was coined and written in characters in accordance with the tradition established in the science of Japan. Such form of new vocabulary fixation facilitated and accelerated the process of further reception of such words by languages of neighboring countries, whereby Chinese vocabulary was replenished with an entire layer of new, formerly absent lexical units borrowed from the West through the Japanese language. The large scale of this process is reflected in the most credible dictionary of loanwords existing in Chinese lexicography "Dictionary of Loanwords in Chinese" (《汉语外来词词典》(1984) [1], which contains 892 lexical units marked as words of Japanese origin.

As applied to Japan, a famous Russian researcher of Japan Eugeny Mayevsky called such cardinal changes in the language vocabulary "the lexical revolution of Meiji" [2, p. 248]. It appears that such status may likewise be assigned to the process of lexicon expansion at the turn of the 20C in other languages of the region of character-based writing systems. Active word-formation activity, which unfolded most massively in Japan at Western literature translation and adoption of Western scientific advances, has led to emergence first in Japanese, then in Chinese and Korean of a great number of neologisms, most of which today already do not refer to highly-specialized terminology, but are considered to be units of the basic vocabulary: 同情 'compassion,' 背景 'background, environment,' 能力 'ability,' 内容 'content' and etc.

These units did not refer to the basic vocabulary of that period – a rather scarce layer in general; however, having emerged in the context of the country's modernization, these words constituted an important and integral element of the subsequent period's realia. Over a few decades, a massive growth

of Japanese and then also of the Chinese and Korean languages took place at the expense of lexical units, which are "perceived rather as 'bookish' in style and 'scholarly' in meaning, ... which are known to everyone, although learnt not at home but at school" [2, p. 246].

Thereby, the fixation of new words with characters, which minimized the process of their assimilation, played a dirty trick on them in Chinese science: foreign origin of these lexical units ulteriorly became obscured even for native Chinese speakers. An opinion, that words created from elements of the Chinese language and in accordance with Chinese word-building patterns cannot be deemed loanwords, prevailed in the linguistics of China. According to Wang Li, one of the foremost experts in Chinese language history, "these words are not at all native for Japanese – they are just lexical units adopted from the West. ... Japanese people created new words to express new concepts, which came to Japan from the West, whereas we simply used the already existing Japanese translations so that not to start from scratch" [3, p. 505].

In Japan, the process of European terminology calquing with the use of *kango* under urgent need in nomination of that period is customarily considered as a special type of borrowing, which was called 'substitution,' since the issue was in substitution of the initial semantics of a language unit for a new meaning. At the first stage, the majority of translated words depended on *kango* of the Edo period. Thereupon, the number of new *kango* gradually increased, and a tendency to avoid 'substitutions' emerged. 'Traditional and modified word-building calquing' subsequently took over this function [4, p. 169].

The Chinese linguist classified Japanese loan words as follows. The most important type is represented by native Chinese lexical units, which already existed in antiquity and acquired a new meaning, previously absent with them, in the 19th-century Japan. In modern science, this way of word formation is called **lexical de-archaization**, when entire words or parts of word acquire a new meaning, and with it – also a new life. This is exactly what had been happening in the 19-20C to such units as 革命'revolution,' 文化'culture,' 机会'opportunity,' 社会'society' and etc., which have primary sources in classic Chinese literature.

The second type is represented by neologisms comprised anew from the units existing in Chinese in their original meaning. Since the Japanese system of such character recording was once borrowed from China, such new units are not recognized in China as words "that came from the West through Japan" [3, p. 508] and are not perceived by native Chinese speakers as foreign lexical units.

And indeed, owing to character fixation of neologisms, which emerged in the favorable intellectual climate of the Meiji-era in Japan, naturally almost at once entered the vocabulary of Chinese young people, receptive to every thing trendy and fresh, the most progressist part of which young people studied during that period in Japan and European countries. Thereupon, through them, those neologisms entered the every day language in China itself.

Although simultaneously with the borrowing through Japanese, Western scientific literature was also translated directly into Chinese, the scale of this process was not that significant. In China, word-formation activity was carried out primarily by missionaries, owing to whose efforts Chinese language was replenished with a wide range of terms from the field of politics and social sciences.

The most significant lexicographic works in this field include bilingual dictionaries by Wilhelm Lobscheid (罗存德) and Karl Hemeling (赫美玲). W. Lobscheid compiled the *English-Chinese Dictionary* 《英华字典》. Since a great number of English terms lacked translation equivalents in Chinese, the lexicographer also acted as a word inventor, thus making a significant contribution to scientific knowledge distribution and popularization of Western concepts in China. Karl Hemeling prepared another source of terminological vocabulary of the greatest importance – the *English-Chinese Dictionary of the Standard Chinese Spoken Language* 《官话》 and *Handbook for Translations, including Scientific, Technical, Modern, and Documentary Terms*.

Since the late 19C, native Chinese speakers also began carrying out translation and word-formation activities – particularly, many prominent thinkers and reformers of the late Qing Dynasty advocating for adoption of Western science and technology in China, including Liang Qichao 梁启超, Yan Fu 嚴復, Wei Yuan 魏源 and etc., introduced into use quite a great number of new units.

Hence, in the second half of the 19C – the beginning of the 20C, Chinese lexicon had been updated primarily at the expense of the term-building activity of European missionaries, as well as through the word-formation by the progressivist intellectuals of China.

Lexicological analysis of that-period neologisms shows that, in contrast to the contemporary wave of borrowings from Japanese into Chinese comprised significantly of stylistically marked lexical units, colloquialisms, teen slang and argot, lexical units that emerged as a result of the “lexical revolution” were considerably broader in terms of usage areas and quite soon passed to the range of units of the stably actual vocabulary of Chinese life. Although these words did not refer to the basic vocabulary of the period, in general very scarce in terms of composition; however, in the context of the rapidly advancing scientific and technological progress, they quite soon stroke root in the everyday language.

Thereby, from the perspective of description of the ways of Chinese language enrichment, it should be noted that lexical units borrowed in the Meiji era came to the region of character-based writing systems from European languages – that is, they do not represent direct borrowings from Japanese into Chinese, which, strictly speaking, must encompass phenomena of traditional Japanese culture or naming units, which for a long time had been woven into the foreign language's fabric and which have completed the cycle of assimilation in this system, but translate the realia and concepts inherent to the Western civilization, which burst into the Chinese-language environment though Japanese even before their inclusion in dictionaries of Japan.

Today, Chinese scientists recognize the borrowings from Japanese into Chinese of the turn of the 20C as “indirect borrowings” [5, p. 3]. Statements of such units' native nature due to their representation in characters also receded to the background. In this case, we must talk of an intermediated reception of concepts of the Western science and technology with fixation in a form different from European languages, whereby Japanese language acted as an intermediary language and not at all as a donor.

Language contacts are often accompanied by development of the language's ability to act as a source at a lexical unit transition from it to some other language with its subsequent adaptation to new conditions of functioning in the recipient language. At direct lexical borrowing, the material aspect of a language sign, which starts living in accordance with the rules of the new system that has adopted it, is preserved. Such borrowing may be exemplified by the Russian word *сuffle* (<*suffle*>- 'soufflé') borrowed from French, where it is represented as *soufflé*.

Since not only form, but also meaning may be borrowed, there are two interpretations of the concept 'borrowing' in Russian linguistics: in a narrow understanding, only the fact of transition of the material exponent of a foreign language sign is taken into account; at such approach, calques, emerging when an element borrowed from the donor language is expressed by means of the recipient language, are not considered as from borrowings. In a broad sense of the term, when the semantics of a foreign element is taken into account, calquing will also refer to one of the types of borrowing.

Description of foreign lexical units – in our case, Japanese loanwords in the Chinese language – is impossible without thorough differentiation of adjacent concepts, which must, on the one hand, account for language-specific traits of the relevant units in the system, and on the other hand, rely on the conceptual and terminological framework that has already established in the linguistics. Lexical units that came to Chinese language through Japanese had been for a long time rather scarcely described in Chinese studies of Russia and West. The main reason for this was, as noted above, a mild interest to this issue from the part of native speakers of Chinese in general and of Chinese linguists in particular. In the 20C, only few Chinese scientists were engaged in studying Japanese borrowings into their native language, which may evidently explain the extremely small number of works on this topic outside China, as well.

V.V. Ivanov introduced into scientific use of sinology the term 'secondary borrowing, 'having characterized the layer of Japanese borrowings as follows: "In Chinese language, there are quite many words that came from Japanese, although most of them represent in Japanese language itself not native Japanese words, but foreign loanwords. In this case, there is a secondary assimilation of foreign-language lexical units – therefore, lexical units of this kind may be called 'secondary borrowings'" [6, p. 45].

V.I. Gorelov, adopting V.V. Ivanov's terminology, applied the term 'secondary borrowings' both to genuine Japanisms and to words that came from Japanese, but representing in Japanese language itself not native Japanese words, but foreign loanwords. Characterizing these lexical units, the sinologist emphasized that "being written in Chinese characters, they are no different from native Chinese words neither in terms of their appearance nor in terms of their word-formation structure. Sometimes they are called 日语汉读 ('Japanese words with Chinese pronunciation')" [7, p. 147].

The term 'reborrowing' existing in sinology is used by some researchers as synonymous to 'secondary borrowing'. Thus, O.A. Bekhtereva refers it to the diachronic process, in course of which a particular element is borrowed by another language in one era and then returns to the original language in another era from the language that had once borrowed it [8].

A number of Russian researchers adhere to the Western Chinese studies tradition and refer Japanese loanwords exclusively to the graphic type. Thus, N.V. Perfilyeva and Hu Peipei consider the concept of graphic borrowing in both narrow and broad senses. In the narrow sense, graphic borrowings in Chinese represent words, whose form of writing (characters) was completely borrowed from Japanese. In the broad sense, the point at issue is preservation of the loanword's original graphic form in Chinese [9].

This approach occupies the main place in Western Chinese studies, where the units of the analyzed type were termed 'graphic loans' by F. Masini [10], 'symbolic loans, emblematic loans' by A. Cook [11] and opposed to 'phonemic loans' and 'phonetic loans,' respectively. Chen Haijin adheres to a similar position and refers Japanese loanwords to the graphic subtype opposing them to phonemic loanwords [12].

Terminology that is not well-established in Chinese lexicology entails serious discrepancies with the vocabulary established in Russian lexicological tradition; neither it coincides with contemporary Chinese researchers' vision of the topic.

First, material borrowing in natural languages may be 'by ear,' often times without regard to the specifics of written form fixation in the source language – it is typical for Indo-European languages, but practically irrelevant for the languages of the Far East analyzed in the present study. Borrowing of words in a graphic form, when reception occurs through written texts, will also be material, which, considering graphic appearance of a lexical unit, is crucial for the languages with the character-based writing systems. In Chinese, new lexical units that came from Japan in the Meiji era were adopted exclusively through written texts: commonality of the writing systems minimized the need in reception of Japanese loanwords, which at the contemporary stage confines to replacing full forms of characters with simplified ones, when in certain cases changes in respective character complexity and not in their complete replacement may be observed.

Second, for the material of Chinese, just like for other natural languages, it appears relevant to differentiate direct (immediate) and intermediated borrowing. In terms of its trajectory, borrowing may be direct or intermediated, when a word is borrowed from a donor language into the recipient language through a second or even a third intermediary language. Considering this factor, the majority of Meiji-era borrowings will refer to intermediated borrowings.

Such approach is found with Chinese researchers – particularly, Cen Qixiang (岑麒祥) considers Meiji neologisms as indirect borrowings (间接外来词 *jiànjiēwàiláicí*) [5, p. 3], since what we can find in Chinese lexicon is a result of intermediated reception of European languages' vocabulary, where by Japanese language acted only as an intermediary language and not at all as a donor itself. In terms of borrowings of the intermediated type – from Western languages through Japanese into Chinese – we may talk of borrowing from the initial donor language by calquing and adoption of a graphic form from the intermediary language.

Third, at the suggestion of L.P. Krysin, the term 'secondary borrowing' in Russian lexicology is conventionally used to denote lexical units, which emerged in the language "along with a word previously borrowed and assimilated in the language..., coinciding in form with the previously borrowed one, but having a different meaning – up to complete homonymy" [13, p. 43]. Secondary borrowings in Russian are exemplified by the words *директория* (<*directoriya*> - '*directoty*'), *дебютом*

(<debiut>- 'debut'), конференция (<konferentsiya>- 'conference'), студия (<studiya>- 'studio'), резюме (<resiume>- 'resume') and many others, which on centered the vocabulary from outside, had been fully adopted and registered in linguistic dictionaries and reference guides as foreign lexical units, and then were borrowed again, but this time with another, previously unknown meaning.

The analyzed Chinese lexical units represent a phenomenon of another kind – therefore, the term 'secondary borrowings, 'irrelevant in this context, should be rejected in respect to the borrowings from Japanese into Chinese. Except for lexical de-archaization, all other types of borrowings in a language lack lexical units coinciding in form but different in meaning – and this is exactly how the term 'secondary borrowing' is construed in the 21st-century Russian linguistics, implying multiple transfers of various meanings to one and the same material form, which is not observed with the majority of the borrowings in the analyzed period.

The term 'reborrowing' that implies a situation, when a particular word is formed in a given language from foreign-language elements and thereafter is borrowed back into the language, from whose elements the unit or its contemporary descendant was constructed, appears more adequate.

It appears that in terms of borrowing to Chinese through Japanese, only the cases of lexical de-archaization described above may be referred to 'reborrowings' in the strict sense, where as calquing of concepts of the Western science and technology, which entered Chinese indirectly through Japanese, where they were fixed in a character form, may be deemed 'reborrowing' in a very broad sense. Usage of a coincidental graphic form may be considered as a process of graphic borrowing, as it is customary in Western Chinese studies; however, it is highly questionable to talk about secondary borrowing or reborrowing in this case. It would be more accurate to define the second type of the considered Japanese loanwords in Chinese language as 'graphic reborrowings,' because at semantic calquing, which implies expansion of the semantic potential of elements that already exist in the system at the expense of meanings acquired by them/ transferred to them from their translation equivalents in the donor language, a significant shift or even complete noncoincidence of meanings between what was and what has become is observed, which often induces a cognitive dissonance with native speakers, for the elements familiar to them appear in an uncustomary combination or with an unusual meaning.

REFERENCES

1. Liu Zhengtan 刘正琰. A Dictionary of Loanwords in Chinese. 《汉语外来词词典》 1984.
2. Mayevsky, E. V. Meiji Lexical Revolution. Aktual'nyevoprosyiaponskogoioibshchegoiazzykkoznaniia: pamiati I. F. Vardulia. M., 2005.Pp. 245-255. (In Russian).
3. Wang, Li 王力 A History of Chinese Language 《汉语史稿》 Beijing: Zhonghua Book Company, 2013. (In Chinese).
4. Demich K. I., Kostyrkin A. V. Features of the formation of modern Japanese philosophical terminology in the Meiji era according to lexicographic data // Trudy Institutavostokovedeniia RAN. Problemyobshcheiivostokovednoilingvistiki. Iazykmeniaiushchiisia: semanticheskieigrammaticheskieizmeneniia v iazykakhAziiiAfriki. № 29. 2020. Pp. 167–178. DOI: 10.31696/2587-9502-2020-29-167-178. (In Russian).
5. Cen, Qixiang 岑麒祥 A Dictionary of Loanwords in Chinese 《汉语外来语词典》 1990 .
6. Ivanov V. V. Terminology and borrowings in modern Chinese. M., 1973. (In Russian).
7. Gorelov V. I. Lexicology of the Chinese language. M, 1984.(In Russian).
8. Behtereva O. A. Japanese borrowings in Chinese: periodization and adaptation. Irkutsk, 2016.(In Russian).
9. Perfil'eva N. V., Hu PeipeiMethods of assimilation of English borrowings into Chinese // Bulletin of RUDN University. Theory of language. Semiotics. Semantics. 2018. №2. S. 287–301.(In Russian).

10. Masini, Federico. The Formation of Modern Chinese Lexicon and Its Evolution Toward a National Language: The Period from 1840 to 1898. // Berkeley: Journal of Chinese Linguistics Monograph Series No. 6, 1993. 295 pp.
11. Cook, Angela A typology of lexical borrowing in Modern Standard Chinese // Lingua Sinica. 2018. 4:6 doi.org/10.1186/s40655-018-0038-7
12. Chen, Haijing A Study of Japanese Loanwords in Chinese. University of Oslo: Master's Thesis. 2014. 125 p.
13. Krysin L P. Secondary borrowing and its description in the explanatory dictionary // Russian language today. №3. М., 2004. P. 143–148.(InRussian).

Федорова Татьяна Владимировна
кандидат исторических наук, доцент
доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР
Иркутский государственный университет
(г. Иркутск, Российская Федерация)

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ КНР В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Практически до середины XX в. КНР представлял собой в большей степени аграрную страну с слабо развитой экономикой и низкой вовлеченностью в мировую финансово-экономическую систему. Однако, если проследить процесс истории человечества, то его можно трактовать как постоянное сближение стран и народов. А также если проанализировать историю Китая, то можно заметить, что по своей природе китайцы всегда старались улучшить свою жизнь за счет исследования чего-то нового и, в свою очередь, распространяя знания другим. В результате, за последние несколько десятилетий Китай сделал большой скачок в развитии экономики, что не может не притягивать к себе внимание всего мира. Преобразования, повлиявшие на ускорение социально-экономического развития Китая, начались еще в 1978 г. под руководством Дэна Сяопина. Данные изменения привели к тому, что, на сегодняшний день КНР имеет возможность оказывать влияние на мировую ситуацию в целом. А результаты экономического роста во внешней торговле привлекают в данный регион зарубежных инвесторов. Однако, внимание всего мира привлекает не только период развития и методы проведения реформ, но и способность правительства КНР эффективно преодолевать кризисные моменты в экономике. Важность антикризисных мер в экономике в XXI в. обрела новую форму в условиях небывалой волны эпидемии COVID-19, что потребовало за собой принятия мер по преодолению экономических трудностей.

Успехом китайской экономики в настоящее время является политика «Реформ и открытости» КНР – курс экономической политики, которую проводило государство после анализа экономического развития других азиатских стран таких, как Япония, Сянган, Сингапур, Тайвань и Южная Корея. Исследования внешнеэкономического курса привело китайское правительство к выводу, что закрытость к внешнему миру только усугубляет деградацию экономики государства, поэтому после третьего пленума ЦК КПК правительство приняло решение осуществления политики открытости внешнему миру. «Достоинством экономической политики открытости является то, что Китай сотрудничает не только с развитыми странами с высокими темпами экономики такие, как США, Япония и страны Западной Европы, но в то же время открылся для таких развивающихся государств, как страны Юго-Восточной Азии и страны Восточной Европы для взаимодействия не только во внешнеэкономической сфере, но и политической» [1, с. 269].

«Реформы и открытость» Китая как экономический курс были нацелены на формирование социализма с китайской спецификой, что значит сочетание научного социализма с экономической теорией, которая более свойственна КНР, то есть использование рыночной экономики [2, с. 364]. Характерные черты направлений внешней торговли КНР

связаны с созданием собственной экономической базы, которая может быть использована не только для экспорта, но и для удовлетворения нужд внутри государства. «Это было сделано, потому что для Китая с большим населением было необходимо не только создать собственный экономический рынок, но также оптимизировать его. Так как открытость Китая была нацелена на развитие экономической и политической сферы, в июне 1954 г. Китай, Индия, Бирма предложили идею пяти принципов мирного сосуществования: уважение суверенитета и целостности территории, ненападение, невмешательство во внутреннюю политику, равноправное и взаимовыгодное сотрудничество и сосуществование» [3, с.230].

Политика «Реформ и открытости» была нацелена на восстановление народного хозяйства, посредством планирования внешней и внутренней торговли страны. Первоначальным этапом восстановления экономики КНР было создание правительством законодательных актов таможенного – тарифного регулирования, которые управляют внешними торговыми связями посредством налогообложения, управления по сортировке товара, лицензированию обменом международными инвестициями по «ввозу и вывозу товара, проверке иностранных предприятий, контролю иностранной валюты, ограничению цен в вывозе, защите таможенных налогов, контролю и запрещению контрабанды» [3, с.232]. В рамках проведения политики «Реформ и открытости» с целью восстановления экономики после кризиса ЦК КПК создали направление на курс модернизации четырех отраслей производства: промышленность, сельское хозяйство, образования, вооруженных сил.

Также правительство Китая в настоящее время делает упор на политику ревальвации юаня, то есть увеличение стоимости юаня на 2 %. Так, проанализировав таможенную статистику можно заметить «увеличение давления с начала 2014 г. нисходящего тренда во внешней торговле Китая. Внешнеторговый оборот КНР в 2015 г. уменьшился на 8,0% до 3 958,64 млрд. \$, а также сократился оборот экспорта – на 2,8% до 2 276,57 млрд. \$, импорт – на 14,1% до 1 682,09 млрд. \$. Анализируя статистику 2015 г. можно заметить, что Китай сократил динамику роста внешней торговли не только по отношению к России, а также по другим направлениям стран. В особенности, с Евро союзом (ЕС) уменьшение товарооборота составило 8,2% до 564,85 млрд. \$, с АСЕАН – на 1,7% до 472,16 млрд. \$, с Японией – на 10,8% до 278,64 млрд. \$. Но можно отметить, что по отношению к США не произошло сокращения, а наоборот партнёрские отношения в торговле укрепились и можно отметить увеличение товарооборота на (+0,6%), что составляет 558,38 млрд. \$»[4].

Таким образом, китайское правительство сочетает упор сил на удовлетворение собственных потребностей с открытостью внешнему миру. Именно поэтому « в КНР сформировалось несколько блоков регулирования экспорта. Первый блок представляет собой введение тарифного регулирования экспорта за счет ежегодной корректировки ставок экспортных пошлин, которые устанавливаются законодательно. Тарифные пошлины на экспорт снижаются для того, чтобы осуществить продажу китайских товаров на мировом рынке. Второй блок представляет собой нетарифное регулирование или лицензирование, квотирование экспорта и возврат налога на добавленную стоимость (НДС)» [5, с. 4]. «Возврат налога с экспорта – эффективный метод государственного регулирования, так как в условиях финансового кризиса КНР данный метод в условиях мировой экономики снизил давление кризиса на экономику страны» [5, с. 5]. Кроме того, «Госсоветом КНР в целях стимулирования экспорта в кризисные годы также были предприняты корректирующие меры, предусматривающие как увеличение размеров экспортных квот (а в отдельных случаях и их полную отмену в отношении ряда товаров), так и сокращение количества товарных позиций, попадающих под режим экспортного лицензирования» [5, с. 4].

Экономический рост Китая резко остановился в первом квартале 2019 г. из-за мер правительства по сдерживанию вируса Covid-19. Предыдущие кризисы за последние два десятилетия, такие как атипичная пневмония в 2002-2003 гг. глобальный финансовый кризис 2007-2008 гг. и потрясения на фондовом рынке в 2015-2016 гг. не были такими критическими. По наблюдениям международного сотрудника и журналиста, глобальное макроэкономическое воздействие ТОРС оценивалось в 30-100 млрд. долларов США или около 3-10 млн. долларов

США на каждый случай [6, с. 3113-3123] Вспышка атипичной пневмонии в 2003 г. привела к потерям в размере 12,3-28,4 млрд. долларов США и, по оценкам, к снижению ВВП на 1% в Китае и на 0,5% в Юго-Восточной Азии [7, с. 429-451] Социальное бремя атипичной пневмонии в Гуанчжоу означало меньшие доходы и расходы, при приблизительной оценке общего экономического бремени в 11 млрд. юаней [8, с. 274-276].

В результате пандемии COVID-19 макроэкономические показатели роста ВВП КНР в 2019 г. снизились на 6,8%. Несмотря на признаки экономического восстановления в марте 2020 г., китайская экономика была далека от стабильной. После того, как предприятия лишились дохода, их прибыль упала на 38 %. За первые два месяца, почти полмиллиона компаний закрылись. Особенно уязвимы были малые и средние предприятия. Они уже боролись за финансирование с начала кампании по сокращению доли заемных средств в 2018 г. и не имели кредитных линий, которые есть у крупных корпораций. Это привело к увольнениям и снижению заработной платы в тот период, который обычно является ключевым сезоном найма после Китайского Нового года. Риск новых банкротств и дефолта возрастал с каждым месяцем. В ответ на это правительство ежедневно объявляло о новых мерах стимулирования экономики. С одной стороны оно воздержалось от развертывания пакета стимулирующих мер, как это было во время мирового финансового кризиса 2007-2008 гг., поскольку это свело бы на нет прогресс, достигнутый за последние два года в снижении нарастания рисков в финансовой системе. Но по сравнению с 2007-2008 гг., современный кризис ударил по Китаю, когда его экономика находилась в совершенно ином состоянии. Рост ВВП находится на гораздо более низком уровне. Увеличение расходов на инфраструктуру, как это сделало правительство в 2009 г., на этот раз не являлось решением проблемы, поскольку структура экономики изменилась, и теперь большую роль стали играть частные компании и сектор услуг. С другой стороны введенные с 2020 г. меры, были направлены на развитие частного сектора, такие как налоговые льготы, сокращение бюрократической волокиты и усилия по улучшению доступа к капиталу, помогли смягчить прошлогодний спад.

Беспрецедентная изоляция большей части общества китайским правительством в ответ на вспышку Covid-19 привела к тому, что экономический рост сократился на 6,8 % в первом квартале. По сравнению с предыдущим кварталом рост снизился почти на 13 %. Номинально ВВП сократился чуть меньше - на 5,3 %. Это намного ниже роста кредитования, а значит, финансовая ситуация значительно ухудшилась. Закрытие большинства производственных предприятий в феврале и постепенное возобновление производства в марте 2020 г. серьезно повлияли на вторичный сектор. Производство и строительство сократились на 10,2 в феврале и 17,5 % в марте соответственно. Карантинные меры также серьезно повлияли на снижение темпов развития сферы услуг на 5,2 %. Транспорт, жилье, розничная торговля и ресторанное обслуживание понесли огромные убытки. Стимулирование спроса в этих условиях могло иметь решающее значение для восстановления экономики страны.

Правительство использовало все имеющиеся в его распоряжении политические рычаги для поддержки экономики. После резкого сокращения в первые два месяца 2019 г. (-13,3 %) к концу марта показатели промышленного производства выглядели гораздо менее мрачными (-1,1 %). При загрузке промышленных мощностей на уровне 67,3% что было на 8,6% ниже показателя в 1 квартале 2019 г. Промышленное производство снизилось на 8,4 % за первые три месяца 2020 г. В то время как производство государственных предприятий сократилось на 7,9 % за первые два месяца, частные и иностранные производители пострадали более серьезно, сократившись более чем на 20 %. Тем не менее, мартовский спад был более выражен для частных производителей. Экспорт Китая упал в первые два месяца на 17,2 %, так как производство было закрыто по всей стране после кризиса Covid-19. Улучшение экспорта в марте 2021 г. помогло облегчить свободное падение экономики, но не смогло предотвратить резкое сокращение на 13,3 % за квартал.

Слабый импорт указывал на то, что большие отрасли экономики находились в кризисном режиме, но в целом держались стабильно, уровень их развития сократился на 2,9 % в марте. Отражая падение спроса на энергоносители во время блокировки Covid-19, поставки

природного газа упали на 16,8 % за первые три месяца. Одним из ярких моментов стали высокие показатели импорта интегральных схем (11%) по мере оживления электронных цепочек поставок. Кроме того, импорт сельскохозяйственной продукции и свинины из США резко вырос, но для Китая будет тяжело выполнить свои обязательства по импорту. Осложняет ситуацию ужесточение экспортных ограничений на высокотехнологичные товары, которые в настоящее время находятся на рассмотрении Министерства торговли США.

Снижение курса доллара США к юаню ослабло, но самое резкое падение валютных резервов с ноября 2016 г. указывает на необходимость серьезного вмешательства со стороны Национального банка Китая (НБК).

После блокировки Covid-19 НБК использовал все имеющиеся в его распоряжении политические инструменты для борьбы с экономическим спадом и связанными с ним проблемами ликвидности. Процентные ставки были снижены, огромные суммы наличности были введены, и резервы банков были снижены, высвобождая большие суммы на рынки. В ответ на ухудшение экономических перспектив и ослабление денежно-кредитных условий ставки казначейства постоянно падали.

Рост большинства кредитных агрегатов ускорился ко второй половине первого квартала 2021 г. непогашенные банковские кредиты в марте выросли почти на 13 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Большинство из них пришлось на корпоративный сектор, в то время как потребительское кредитование замедлилось. Чистое финансирование облигаций росло еще быстрее на 17,4 %. непогашенные теневые банковские кредиты стали ниже, чем в то же время в прошлом году, но они восстанавливаются.

В сложных условиях местные органы власти, предприятия и работники борются за сокращение спада доходов. Те, кто может, берут кредиты, а другие выходят из бизнеса. С начала 2021 г. индекс Shanghai Composite упал примерно на 9 % – это гораздо лучше, чем 20-30-% падение международных индексов. Этому есть несколько причин. Во-первых, Китай строго контролирует отток капитала, что затрудняет бегство внутренних инвесторов на оффшорные рынки. Во-вторых, государственная поддержка способствовала росту фондовых показателей. И в-третьих, как видно из использования механизма Hong Kong Stock Connect, международные инвесторы переводили деньги в Китай, надеясь, что его рынки будут лучше работать во время кризиса.

Инвестиции в основной капитал резко снизились в январе и феврале 2021 г., на 25% ниже, чем годом ранее. В марте наблюдалось оживление, но инвестиции в первом квартале все еще были на 10 % ниже, чем в прошлом году. Инвестиции частного сектора сократились больше, чем инвестиции государственных предприятий в первом квартале (-18,8% по сравнению с -12,8% соответственно). Государственные предприятия получили более широкий доступ к капиталу, и Государственный совет призвал их активизировать свою деятельность. Инвестиции в обрабатывающую промышленность сократились на -25,2 %. Особенно сильно пострадали инвестиции в инфраструктуру. В общей сложности они сократились на 19,7 %. Некоторые подотрасли, такие как воздушный транспорт, сократились почти на 60 %. Сделки с землей были на 18 % ниже, чем в предыдущем году. Это негативно скажется на бюджетах местных органов власти, поскольку продажа земли является для них источником дохода. Кроме того, это, скорее всего, будет означать меньшее строительство в течение оставшейся части года. Инвестиции в недвижимость снизились на 8 %, что может привести к падению цен, что, в свою очередь, приведет к уничтожению большого количества благ.

Рынок недвижимости до сих пор избегал крупного кризиса, вызванного Covid-19. С июля 2019 г. цены на жилье постепенно перешли к низкому росту. В зависимости от продолжительности экономического кризиса эта стабильность будет подвергнута испытанию. Спрос может значительно снизиться, поскольку домохозяйства сдерживают долгосрочные инвестиции из-за растущей неопределенности, в то время как борющиеся домовладельцы могут продавать активы для обслуживания финансовых обязательств. Цены на недвижимость станут ключевым индикатором в мониторинге остроты экономического кризиса.

В результате вынужденного закрытия крупных районов экономической активности по всей стране в Китае показатели безработицы в городах подскочили до рекордных 6,2 % в феврале, немного снизившись до 5,9 % в марте. По мере того как лишённые наличности компании объявляют о банкротстве и разворачивается глобальная рецессия, проблемы с занятостью становятся все более очевидными.

Впервые Китай может бороться за достижение уровня занятости, которая в 2020 г. составило 11 млн. новых рабочих мест. К марту было создано 1,08 млн. новых рабочих мест в городах, что на 38 % ниже прошлогоднего показателя и очень мало по сравнению с 8 млн. увольнений. Рекордное число выпускников университетов страны - 8,74 млн. человек сталкивается с низким рынком труда.

Трудящиеся-мигранты с низкими доходами, занятые в обрабатывающей промышленности и сфере услуг, в наибольшей степени подвержены увольнениям или потере доходов. Тем не менее, более высококвалифицированные работники на борющихся МСП также станут более уязвимыми, если уровень банкротства будет расти.

Некоторые потери заработной платы, понесенные в первом квартале убытки, повлияют на совокупный годовой доход значительной части работников в 2021 г. Правительство ответило различными мерами поддержки, чтобы свести к минимуму увольнения. Они включают в себя сокращение взносов работодателей в взносы по страхованию на сумму более 130 млрд. юаней, а также возврат средств, потраченных на страхование от безработицы на общую сумму более 20 млрд. юаней. Государственный совет поощряет трудоустройство государственных предприятий и создает стимулы для МСП нанимать выпускников.

Правительственная блокировка и разворачивающийся экономический кризис вызвали одновременный шок спроса и предложения, который пока мало повлиял на общий уровень цен. Общее низкое инфляционное давление создает возможности для более экспансионистской фискальной и денежно-кредитной политики для поддержки экономического роста. Потребительские цены достигли пика в январе 2021 г. на уровне 5,4 %, но с тех пор снизились в течение квартала, упав до 4,3 % в марте. Падение цен было вызвано в первую очередь двумя факторами, не связанными с Covid-19: более медленным общим ростом цен на продовольствие по мере быстрого роста цен на свинину, вызванного африканским свиным гриппом, и падением мировых цен на топливо. Базовая инфляция (без учета цен на продовольствие и топливо) постепенно замедлилась.

Строгие карантинные меры ускорили переход от обычных покупок к онлайн. Доля, получаемая от интернета в своём объеме расходов, выросла с 20,7 % в декабре прошлого года до 23,6 % в первом квартале. Однако падение потребительских настроений также привело к сокращению онлайн-продаж на 0,8 % за первый квартал.

Онлайн-продажи продуктов питания сохранили высокие темпы роста более чем на 30 % в первом квартале, с незначительным падением в феврале. Однако это контрастирует с резким падением ресторанных расходов. Колебания потребителей в посещении ресторанов в марте привели к сокращению на 44,3 %.

С целью снижения влияния эпидемии на экономику государства, уменьшения ущерба и продолжения процесса развития экономики государства, правительство КНР вынуждено принять определённые меры. «Министерством промышленности и информатизации было выпущено уведомление о реагировании на эпидемическую ситуацию с новой коронавирусной пневмонией и оказании помощи малым и средним предприятиям в возобновлении работы, производства, и преломление трудностей» [9]. В данном документе чётко сформулирована мысль о том, что правительство на протяжении всего кризиса будет осуществлять поддержку гражданам, среднему и малому бизнесу, осуществлять выдачу кредитов. Государство гарантирует обеспечение предприятий сырьём, обязуется предоставлять рабочие места, снабжать всех средствами индивидуальной защиты, в целях профилактики заболеваний. Также государство рекомендовало позволить гражданам получить отсрочку по выплатам за коммунальные услуги, при условии, что отсрочка не повлияет на бесперебойную подачу электричества, воды и газа.

Ещё одним методом борьбы с последствиями коронавирусной инфекции стало решение центрального банка принять меры по финансированию малых и средних предприятий. В марте 2020 г. кредитная поддержка составила около 1,5 трлн. юаней. Для поддержки небольших магазинов Министерство торговли КНР также приняло ряд мер:

1. Во-первых, была снижена до 1% ставка НДС, а сфера бытового обслуживания граждан вообще была освобождена от данного вида налога.

2. Второе действие в борьбе с коронавирусом было принято по отношению к социальному страхованию. Граждане в период с февраля по май 2020 г. были освобождены от выплат по нескольким видам социального страхования. Компании не освобождались от выплат за страхование по старости, по безработице.

3. Ещё одним направлением стала кредитная политика. Государство обеспечило свою страну специальными кредитами и займами.

4. Также, государство снизило плату за коммунальные услуги для различных предприятий, с целью снижения затрат на производство.

Что касается региональной политики, то здесь правительство также не осталось в стороне. Оно обеспечило поддержку малым и средним предпринимателям в отдельных городах. Так, например, были снижены налоги на различные виды недвижимости. Были упразднены налоги на аренду государственной собственности. В каждом регионе власти использовали разную политику при борьбе с коронавирусной инфекцией. Это было связано с тем, что каждый регион имеет свою специфику развития экономики, где нужен особенный подход.

О том, что Китай преодолел первоначальный шок от коронавирусной инфекции, можно судить по процессу возвращения китайцев к привычному руслу жизни. Свою работу вновь возобновляют различные заводы, открываются магазины, открываются закрытые на период блокировки фабрики. Но в это же время Китай снова сталкивается с определёнными проблемами, а именно с проблемами спроса. Что касается внутреннего спроса, то он набирает обороты очень медленно. Причиной этому является тот факт, что население ещё не оправилось от волны эпидемии. В опросе, проведённом пекинской финансовой фирмой, около 65% респондентов намерены сдерживать свои привычки к большим расходам. Если же говорить о спросе за рубежом, то здесь тоже не всё так гладко. Китай первый столкнулся с вирусом COVID-19, поэтому поборол инфекцию к тому времени как во многих других государствах вирус только начал распространяться. Все страны постепенно вводили ограничения на ввоз и вывоз товаров, закрывались границы для иностранных граждан. Меры по сдерживанию инфекции в других странах стали причиной того, что Китай не может осуществлять экспорт своей продукции за рубеж, что привело к переизбытку товаров на рынке Китая.

КНР уже встречался с серьёзным вирусом до появления коронавирусной инфекции, это была атипичная пневмония 2003 г., которая имела огромное воздействие не только на повседневную жизнь людей, и их психологическое состояние, но и на экономику в целом. Наибольший вред был нанесён сферам туризма и розничной торговли. Из-за распространения атипичной пневмонии движение населения в Китае и многих уездах сократилось. Семьи сократили свои потребности в еде, одежде, путешествиях и развлечениях, а количество гостей в отелях резко уменьшилось.

В то время как большая часть мира борется за то, чтобы новые волны коронавируса не остановили хрупкое восстановление после рецессии, экономика Китая, похоже, набирает обороты. На самом деле, экономический подъем, возможно, не является подходящим термином для описания экономического бума в Китае, поскольку в случае Китая пандемия вызвала нечто, больше похожее на стагнацию, чем на рецессию.

С возвращением общества к нормальной жизни инновации и уже существующая цифровизация усиливают экономический рост в Китае. Шок от пандемии усилил тенденцию к цифровизации и инновационным инвестициям в Китае, и ее ускоренное воздействие постепенно высвобождалось по мере того, как экономика возвращалась к нормальному состоянию. Китайское правительство сыграло значительную роль в увеличении инвестиций в исследования и разработки и регулировании рынка инноваций. Китай продолжил свой

многолетний цикл двузначного процентного увеличения расходов на НИОКР в 2019 г. Общие государственные и частные расходы на науку и технологии в 2019 г. выросли на 12,5 % по сравнению с предыдущим годом до 2,21 трлн. юаней (322 млрд. \$), что составило 2,23 % ВВП. Для сравнения, США потратили 2,83 % ВВП, страны ОЭСР в совокупности потратили 2,38 % ВВП, Израиль и Южная Корея потратили 4,9 % и 4,5 % ВВП соответственно в 2018 г. Цель потратить 2,5 % ВВП на НИОКР к 2020 г. была сформулирована в последнем пятилетнем плане Китая и в 15-летней среднесрочной и долгосрочной программе научно - технического развития.

Таким образом, эффективное и действенное реагирование на чрезвычайные ситуации может снизить предотвратимую смертность и заболеваемость, а также уменьшить экономические, социальные последствия и последствия для безопасности всех чрезвычайных ситуаций в области общественного здравоохранения, включая вспышки заболеваний [10, с. 661-671]. Понимание практики информирования о рисках является важным элементом в понимании различных ответных мер руководства на COVID-19 и последующие результаты. Эффективность готовности к чрезвычайным ситуациям и реагирования на них в значительной степени зависит от качества и объема информации, которая имеется в любой момент времени, и решающее значение имеет качественная связь и координация между партнерами. Обмен информацией и коммуникация считаются ключевыми инструментами координации профилактики инфекционных заболеваний и борьбы с ними.

Как и в других восточноазиатских экономиках, государственное вмешательство было важным компонентом эволюции Китая. Опыт восточноазиатских стран показывает нам, что правительство в некоторых случаях может направлять рынок на достижение лучших промышленных показателей, чем свободный рынок. 22 сентября Си Цзиньпин председательствовал на симпозиуме ученых, подчеркивая, продвижение науки и техники вширь и вглубь, главное поле битвы экономики, основные национальные потребности, а также жизнь и здоровье людей. Центральное правительство уделяет большое внимание реформированию системы научно - технических инноваций и дальнейшему совершенствованию инновационной экологии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ковалев М. М. Китайские экономические реформы: опыт, возможности применения в Беларуси / М. М. Ковалев, Жуджунь Дин. – Минск. – 2002. – 227 с.
2. Цзэминь Цзянь. О социализме с китайской спецификой / Цзэминь Цзянь. – М.: Изд-во Памятники исторической мысли, 2002. – 16-17 с.
3. Перфильева Ю.В. Китай и международная торговля / Ю. В. Перфильева, Л. И. Кравцова, Ч. Хайфэн // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – № 5-1. – С. 230-232.
4. Лихарева Е.С. Анализ структуры внешней торговли России и Китая в 2000 – 2016 гг. // Развитие инструментов управления научной деятельностью. – Уфа– 2017. . – С. 152-157.
5. Шведков А. Н. Опыт государственного регулирования внешнеэкономической деятельности Китая и возможности его использования для развития отечественных предприятий // Мир науки и образования. – 2015. – № 4. – С. 24-30.
6. Smith, Responsing to global infectional disease flashes: lessons from SARS on the role of risk perception, communication and management, Social science & medicine, vol. 63, no. 12, pp. 3113-3123, 2006.
7. MacKellar L. Pandemic fluence: A review, Population and Development Review // MacKellar L. – 2007. – № 3. – 429-451 pp.
8. Du L. Study on Social Burden of ASRS in Guangzhou / Du L, Luo B, Wang J, Pan B, Chen J, Liu J // Chinese Journal Of Public Health Management. – 2006. – vol. 22. – 274-276 pp.

9. Цзоу Сютин Влияние коронавирусной эпидемии на экономику Китая и контрмеры правительства и регионов //Власть и управление на Востоке России. – 2020. – № 2 (91). – С.37-44.

10. ScarfoneR. Чрезвычайная готовность к пандемическому гриппу / ScarfoneR. AlexanderJ., S., CoffinS. E // PediatricEmergencyCare. – 2006. – 661-671 pp.

Шунейко Евгений Феликсович

кандидат искусствоведения

доцент кафедры языкознания и страноведения Востока

Белорусский государственный университет

(г. Минск, Республика Беларусь)

НЕОДАДАИЗМХУАН ЮНПИНА 1980-Х –2010-Х ГГ.

1913 год считается переломным в искусстве европейского модернизма. Марсель Дюшан, лидер радикального движения «Дада», отвергавшего все устои и принципы изобразительного искусства, предложил считать объектами художественного значения «readymade» (уже готовые предметы, не созданные рукой художника). Конечно же, дискуссии по этому поводу («что считать искусством, а что – нет») не прекращаются до сих пор. Но совершенно ясно, что наше время требует новых, даже очень парадоксальных художественных идей для своего многоаспектного осмысления[1].

Поэтому не все, что происходит и имеет значение для развития общества, может быть отражено, например, в живописи или графике. Многие идеи требуют своей визуализации в нетрадиционных видах творчества, которые значительно расширяют границы современного искусства. Такие креативные поиски и находки могут происходить только в демократических условиях художественного процесса, когда деятели искусства не испытывают разного рода ограничений, не становятся жертвами преследований и т.п.

Буквально с конца 1970-х гг. западное модернистское искусство начало оказывать глубокое влияние на китайских художников. Молодое творческое поколение, пережив «культурную революцию» и получив профессиональное образование, стремилось ко всем новым художественным стилям и формам. Это был важный переходный период для китайского искусства, окончательно утвердивший себя в середине 1980-х годов и известный как "Новая волна 85".

Китайские художники периода "Новой волны" при создании своих работ учитывали, прежде всего, нестандартную концепцию и форму произведения, его идейный и философский смысл, не принимая во внимание коммерческие и рыночные факторы и т.д. Поэтому можно сказать, что молодежное искусство того времени было творчески мотивированным с позиций личностного самоутверждения многих художников.

Это новшество способствовало диверсификации мира китайского искусства и положило начало его участия в международном творческом диалоге. Искусство впервые за долгие десятилетия получило возможность обращаться к разным проблемам, реагировать на положительные и отрицательные явления в жизни. Но стали проявлять себя в это время и крайне радикально настроенные модернисты.

Вместо того, чтобы пытаться утвердить свои художественные идеи в изобразительных видах искусства, они демонстративно отказываются от них; вместо того, чтобы позволить произведениям обрести долгое существование, они позволяют им быстро исчезнуть. Первоначальное и самое сильное влияние такой профанации и нигилизма в современном искусстве, исходит от Дюшана и «Дада». И вот, наконец, это влияние коснулась китайского искусства в очень ответственный переходный период его модернизации. Здесь даже появились свои признанные лидеры, нео-дадаисты.

Один из первых – Хуан Юнпин (1954-2019), который в 1982 г. окончил Чжэцзянскую академию изобразительных искусств. Он является самым значительным художником в

китайском нонконформистском искусстве, был награжден орденом "Кавалера искусств и литературы" Министерством культуры Франции, "Премией за развитие культуры, образования и искусства" ЮНЕСКО и был включен во «Всемирный список современных художников 2017 г.»

В 1986 г. Хуан выступил в качестве организатора выставки в Сямыне под названием «Xiamen Modern Art Exhibition», на которой было представлено множество абстрактных картин, скульптур и других произведений искусства молодых авторов того времени. Его собственная работа «Борода – самое огнеопасное место» была дерзкой арт-шуткой по поводу известного графического автопортрета Леонардо да Винчи.

В представленной фотокопии была сожжена нижняя часть длинной бороды великого маэстро. Тут использовался прием аллюзии, намек на хорошо известную историю с репродукцией всемирно-известно портрета «Джоконды», на котором в 1917 г. М.Дюшан пририсовал усики и бородку. Все это было совершено, разумеется, с целью осмеяния художников, которые слепо преклоняются перед прошлым в искусстве, не пытаясь найти свое истинное место в современном новаторском творчестве.

После окончания выставки Хуан Юнпин вместе с художниками-единомышленниками уничтожил и сжег большинство работ. На сайте он написал заявление: «Произведение искусства для художника то же, что опиум для человека; нет мира в жизни, пока искусство не будет уничтожено».

Уничтожая свои нигилистические произведения, радикалы надеялись, вероятно, доказать, что они разрушают старую эстетическую систему ценностей, что позволяет возродится более свободному творчеству: «изменить восприятие искусства - значит попытаться изменить образ мышления людей». На этом «зажигательном действе» Хуан Юнпин и его товарищи официально основали нео-дадаистическую группу «Xiamen Dada». В конце того же года они организовали еще одно «шокирующее мероприятие», но, к счастью, в дальнейшем уже ничего не сжигали и не разрушали для доказательства своих серьезных намерений.

Директор художественного музея в провинции Фуцзянь встретился с Хуан Юнпином, узнав об интересной новаторской группе "Сямынь Дада", и пригласил их организовать выставку. Хуан Юнпин сказал, что ему нравится такое предложение, но почти все их существующие работы сожжены. Но это не остановило организатора будущей выставки.

Приняв предложение о выставке, Хуан Юнпин и его команда из четырех человек отправились в Фуцжоу. Они совершили работу по фотографированию различной среды и объектов вокруг выставочного зала, а затем вернулись в Сямынь, чтобы составить план дальнейших действий. За день до выставки, они прибыли в Центральный выставочный зал провинции Фуцзянь с «пустыми руками», но с большими намерениями.

Следуя тщательно разработанному плану, они за очень короткое время перенесли в галерею весь цемент, сетки с песком, строительные материалы и другие готовые изделия, расположенные вокруг галереи, а затем промаркировали работы. Когда выставка была завершена, Хуан Юнпин назвал ее «Выставка событий, произошедших в художественном выставочном зале провинции Фуцзянь». Вскоре после открытия экспозиции записка, размещенная на стене Хуан Юнпином и гласившая, что «является ли эти работы произведениями искусства или нет, судить только зрителям», была изъята сотрудниками музея. Через полтора часа после открытия выставки по решению руководства музея она была закрыта. [2, с. 139]

Но акция состоялась. Самое главное в ней то, что тем самым Хуан Юнпин поставил перед художественной средой чрезвычайно проблемный вопрос: «Становится ли что-либо произведением искусства после того, как оно обозначено как таковое в музее?».

В 1987г. Хуан Юнпин создал одну из своих самых дискуссионных инсталляций. Он бросил две самые культовые книги того времени, «Историю китайской живописи» и «Краткую историю современной западной живописи» в стиральную машину. После чего вытащил груду

измельченной и застиранной бумаги, из которой сделал дада-объект под названием «История китайской живописи и «Краткая история современной западной живописи» в стиральной машине в течение двух минут».

В то время мир китайского искусства был полон запутанных дискуссий о том, кто прав, а кто виноват, или как совместить восточную и западную культуру, традиции и современное искусство. Работу Хуана Юнпина можно интерпретировать как иронию над дискуссиями того времени - художники долго обсуждали эту тему, но в результате все равно получился «запутанный беспорядок» из обрывков и фрагментов их мыслей и высказываний.

Но собственное объяснение всему этому Хуана Юнпина еще более запутанное: процесс «стирания» на самом деле похож на процесс «понимания», потому что язык дискуссий не всегда может привести к пониманию происходящего в художественных инновациях. Следовательно, все попытки объяснить и разъяснить принципы совмещения китайского и западного искусства с помощью языка абсурдны и в конечном итоге потерпят неудачу. Так не лучше ли использовать совершенно новые средства для «понимания»? [2, с.141]

После того как в конце 1980-х годов Хуан Юнпин был приглашен во Францию для участия в выставке «Маги Земли», он надолго поселился в Париже. Оказавшись в другой среде за границей, он начал использовать китайские элементы даосизма, символы животных и насекомых для создания своих новых проектов. Но на Западе не возникало мучительных споров по этому поводу. Художнику из еще недавно «закрытой страны» давали возможность высказаться и показать свои возможности.

В 1993 году он выставил ассамбляж «Желтый бич» в Музее современного искусства в Оксфорде, состоящий из почти 1000 саранчовых и пяти скорпионов у входа в музей. Огромное количество саранчи чрезвычайно шокирует и психологически напрягает зрителя. Как только клетки открываются, насекомые, вступающие в контакт друг с другом, иногда погибают или ранят друг друга.

В инсталляции «Цирк» (2001) представлены две гигантские деревянные руки, одна из которых подвешена к потолку, другая со сломанными суставами разбросана по полу. От подвешенной в воздухе руки тянутся несколько тонких нитей, которые управляют скелетом обезьяны, который также имеет нити в руках и управляет обезьяной меньшего размера и т.д. Шеи дюжины безголовых особей покрыты красной тканью, а вокруг них - огромная бамбуковая клетка.

Это – «тихий цирк безголовых животных», соответствующий представлению Хуан Юнпина о разных проблемах в жизни современного общества? Но автор не представляет по этому поводу текстовых сопровождений. Следовательно, могут быть самые разные истолкования или их полное отсутствие.

Еврейский музей и Центр толерантности в Москве представил выставку «Отчужденный рай. Современное китайское искусство из коллекции DSL» (2014). Коллекция DSL основана в 2005 г. французскими коллекционерами Домиником и Сильвианом Леви. В нем представлены более 100 ведущих китайских художников-авангардистов, которые широко представлены на китайской художественной сцене [3].

«Буйвол, запряженный в колесницу» -- первая инсталляция, встречающая зрителей в выставочном пространстве музея. Сгорбленный и утомленный, всем своим видом он выражает терпение странника, заблудившегося на чужбине (что символизирует потерю самоидентификации в современном мире из-за процесса глобализации). Здесь важно помнить, что Хуан Юнпин после иммиграции во Францию не раз испытал свою силу духа и воли, которыми он наделил своего «буйвола». В то же время этот буйвол должен возродить в памяти ценителей китайской культуры легенду о мудреце и философе Лао Цзы, основателе даосизма.

Согласно легенде, запряженный буйвол однажды подошел к хижине старого Лао Цзы, который жил в горах, и остановился там в ожидании. Когда философ сел в колесницу, животное увезло его из Китая куда-то на Запад. Есть и другие источники для творческой инспирации. Канон «Пути и Добродетели», написанный Лао Цзы, был настолько внушительным, что пергамент занимал три колесницы, за которые работа мудреца получила

второе название «Три колесницы». Таким образом, колесница с буйволом в инсталляции становится наполненной множеством значений. Все это способствует обогащению идеями, которые раньше не были задействованы на международном креативном уровне.

В 2016 г. Хуан Юнпин создал самую масштабную инсталляцию «Империя» в Гран-Пале в Париже. Выставочный зал занимает площадь 13500 квадратных метров, а его высота составляет 35 метров, что делает его большим испытанием для любого художника, который отважится провести там свою персональную экспозицию [3].

Для строительства всего здания было использовано в общей сложности 9000 тонн стали, а работа Хуан Юнпина «Империя» весит приблизительно 1000 тонн. Министерство культуры Франции наняло для этой цели сотни рабочих, последние работали по 20 часов в день, и им потребовалось 12 дней, чтобы завершить установку современной «Империи». На выставке используется 305 контейнеров, которые разделены на восемь «возвышений», «триумфальных арок», но больше похожи на деловые районы разного характера.

Над средней аркой находится хорошо узнаваемая черная шляпа Наполеона сверх натуральных размеров, Она придаёт всему проекту некий ажиотажный характер. Современные «имперские» планы не означают захвата чужих территорий, а скорее всего превращают мир в единый экономический гигантский организм? Но это лишь один из многих вариантов интерпретации авторской идеи.

На контейнеры наносились различные слова и рисунки, например, «CAPITAL», что может означать столичный город. Например, аббревиатура «CAI» означает ожидание денег. Есть также много контейнеров с арабскими надписями. Контейнер - это объект, который, как правило, можно видеть на набережной, на краю, на границе. Это средство для транспортировки грузов, без которых очень трудно обойтись всем странам. Но когда контейнеры помещают в Гран-Пале и становятся частью экспозиции, характер их как средств транспортировки кардинально меняется. Выбор контейнеров для инсталляции связан с собственным опытом художника. В 1989 году он переехал в Париж, а когда спустя много лет вернулся в свой родной город Сямынь, то обнаружил, что город превратился в крупный торговый порт с доками, заполненными контейнерами. Эта сцена, спустя годы, вдохновила его воображение.

Хуан Юнпин, великий модернизатор и «арт-провокатор», нон-конформист ушел из жизни на вершине своего международного признания. Его творческий путь по времени связан со многими судьбами современных деятелей культуры старшего поколения, которые стартовали еще в «далеких» 1980-х, а сейчас уже добились своего признания в разных странах, состоялись как незаурядные творческие личности. Но далеко не каждый «убеленный сединой» маэстро смог стать автором таких многочисленных инноваций, граничащих с абсурдом.

Тем не менее, опыт прославленного китайского нео-дадаиста свидетельствует о том, что современное творческое пространство открыто для новых поисков и открытий. Оказывается, уже давно нет «установленных границ» между миром искусства и другими сферами жизнедеятельности. Следовательно, первичных материалов для образных идей и средств для их креативного перевоплощения трудно даже перечислить.

Самое главное, давно созрели условия, когда в процесс креативных связей смогут включиться не только выпускники художественных учреждений разных стран Запада и Востока, а также молодые лингвистрановеды, программисты, режиссеры, видеооператоры, дизайнеры и др. В Беларуси и в Китае в этом отношении есть безграничное поле деятельности и возможны большие перспективы взаимодействия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Дадаизм = Dadaismus / Ред. Ута Гросеник. — М.: Taschen, Арт-родник, 2006. — 96 с.

2. 李倍雷,赫云. 中国当代艺术.山东: 山东教育出版社.2018 年–239 页.Li Bei Lei,He Yun.Zhong Guo Dang Dai Yi Shu.Shan Dong:Shan Dong Jiao Yu Chu Ban She.2018Nian–239Ye =Ли Бирэй, Хэ Юнь. Современное китайское искусство. Шаньдун: Шаньдунское образовательное издательство.2018. –239с.

3. http://www.artnet.com/magazineus/reviews/kley/huang-yong-ping-patty-chang6-25-09_detail. (дата доступа 23. 12.2021)

Шимелевич Анна Генриховна

кандидат искусствоведения

доцент кафедры теории и истории искусств

Белорусская государственная академия искусств

(г. Минск, Республика Беларусь)

К ВОПРОСУ ОБ ОКСИДЕНТАЛИЗМЕ В ИСКУССТВЕ КИТАЯ: ФАРФОРОВЫЕ РЕПЛИКИ ЛИМОЖСКИХ ЭМАЛЕЙ

Все, кто в силу своих научных интересов или по велению души изучает китайское искусство, знают, насколько оно самобытно и самодостаточно. В глубокой древности возникли в Китае уникальные формы живописи и художественных ремёсел, не имеющие аналогов в других цивилизациях. Вплоть до XIX века эти художественные технологии развивались по своим особым законам, сохраняя свои традиции как в жанровом и сюжетно-тематическом аспекте, так и в отношении формально-пластическом, то есть в сфере применения необычных материалов (шёлк, лак и др.) и приемов работы мастеров (здесь самый яркий пример – фарфор, не зря называемый образно «китайским секретом»).

В этом отношении китайская цивилизация диаметрально противоположна европейской. Западные художники всегда с увлечением перенимали творческий опыт других – близких и далеких – стран, обратившись лицом к Востоку. Это явление принято называть **ориентализмом** (от латинского слова *orientalis* — восточный). Мы обнаруживаем проявления азиатских и древнеегипетских влияний в скульптуре и керамике архаической Греции (7–6 века до нашей эры), то есть на самом раннем этапе формирования европейской культуры. В художественную традицию Западной Европы вошли также идеи и формы искусства Ближнего и Среднего Востока, Индии и Турции, и, несколько позже, далёких восточноазиатских культур – Японии и Китая. Художественные традиции каждой из этих стран оставили в западном искусстве особенное наследие, но искусствоведческая наука продолжает активно использовать термин «ориентализм» в качестве обобщающего понятия.

Изучение ориентализма отнюдь не сводится к выявлению и описанию восточных приемов и образов в западном искусстве. Это направление искусствоведения развивает методологию науки, определяя принципиальные подходы к пониманию механизмов, лежащих в основе взаимодействия культур и цивилизаций. Как ни удивительно, но одним из продуктивных результатов развития ориенталистских исследований стало появление в науке понятия **оксидентализм** (от латинского слова *occidentalis* — западный). Это слово было изобретено учёными совсем недавно. Изучив историю появления термина «оксидентализм» и непростую проблему его многозначности, Динара Дубровская пришла к выводу, что этому термину следует дать следующее определение: «направление исследований, связанное с усвоением восточными культурами и обществами достижений (и недостатков) западного мира» [1, с. 111].

Сходные по своей внутренней логике и даже по звучанию, термины «ориентализм» и «оксидентализм» не являются «зеркальными». Как говорилось выше, в культуре стран Запада восточные идеи встречаются широко и систематически, а вот в странах Востока восприятие западной культуры шло различными путями. Китайская цивилизация поздно начала развивать

культурные контакты с далёкой Западной Европой. Историк Алексей Бокщанин, отмечая разобщенность этих великих культур и их неосведомленность даже о существовании друг друга, писал: «Неудивительно, что Колумб и его спутники отправились искать за Атлантическим океаном прежде всего Индию, а не расположенный восточнее Китай» [2, с. 215]. Бокщанин подчеркивает, что представления европейцев о Китае, так же, как и китайцев о европейской культуре, оставались крайне неясными вплоть до времён династии Мин с ее активной дипломатической и торговой деятельностью.

Первые спорадические проявления оксидентализма возникают в китайской культуре в результате налаживания дипломатических и экономических контактов Минского Китая с западноевропейскими государствами, римско-католической церковью и частными торговыми компаниями. Следует отметить, что в сфере пластических искусств огромную роль в развитии процессов взаимовлияния играют перемещаемые произведения, причем экспорт – торговля художественными изделиями разного рода – менее важен, чем дипломатические подарки.

Благодаря работе международного исследовательского проекта [3], посвященного изучению китайско-французского взаимовлияния в эмалирном искусстве, были опубликованы интересные факты. Они свидетельствуют о том, что «соблазнять и впечатлять китайцев предметами роскоши, эксклюзивными яствами или удивительными изобретениями науки было стратегией получения благосклонности, практиковавшейся на разных социальных уровнях с момента прибытия первых миссионеров в Китай. В 1601 году Маттео Риччи (1552–1610), высадившийся на берег девятнадцатью годами ранее, был первым принят во дворце императором Ваньли (р. 1574–1620), которому он преподнес большое количество подарков ... Как и другие группы посредников, такие как частные купцы из различных Ост-Индских компаний, европейские миссионеры всегда стремились преподнести подарки императору на различные праздники и дни рождения» [4, с. 8].

Издавна практиковавшийся в дипломатии обмен дорогими и необычными вещами, чаще всего предметами роскоши, изделиями искусных мастеров, служил, прежде всего, политическим целям. Однако важным был также эффект, который оказывало появление диковинных чужеземных даров на местное искусство. Поистине, оно расширяло границы художественных представлений, позволяло художникам заглянуть за горизонт своей традиции и вело к новаторским поискам. Говоря более конкретно, привезенные из далеких стран произведения были наглядными примерами художественного разнообразия и нередко становились образцами для более или менее точной репликации. В Китае династий Мин и Цин это явление приобрело особый размах на самом высшем уровне: в придворном обиходе практиковались заказы на изготовление реплик с наиболее интересных или самых любимых императору вещей, о чем сохранилось немало документальных свидетельств [3].

Замечательным примером вышеописанного явления служат фарфоровые реплики лиможских эмалей. Эти вещицы немногочисленны, но удивительно интересны. Несколько экземпляров принадлежит частным коллекциям, а наиболее известные – две одинаковые маленькие чаши с акантовой и цветочной росписью – хранятся в парижском Национальном музее восточных искусств – Музее Гиме (Musée national des Arts asiatiques – Guimet, G 4551). В 2022 году эти экспонаты были представлены на виртуальной выставке «Фарфор Китая с 9-го по 18-й век» [5]. Эта пара изящных вещей легко уместится не то что в мужских – даже в женских ладонях, ведь диаметр каждой из чаш чуть более 13 сантиметров, а высота – менее пяти сантиметров. Однако чаши совсем не похожи на привычную азиатскую форму пиалы, профиль стенок у них более округлый, «пузатый», основание подчеркнуто профилированное, у каждой имеется пара тонких вертикальных ручек с двойным изгибом. Такая необычная для китайского фарфора форма объясняется очень просто: перед нами – точная копия европейских диковин, расписной посуды, привезенной в Китай из далёкого Лиможа, прославленной столицы европейского эмалирного искусства.

Перед нами, фактически, один из самых ранних примеров оксидентализма в китайском искусстве. Время создания чаш из Музея Гиме, рубеж 17–18 веков, был эпохой интенсивных европейско-китайских контактов, временем развития связей и распространения взаимовлияний. Открыв для себя далёкие страны с их необычной культурой и странными традициями, люди той эпохи столкнулись с новыми вызовами: им было необходимо осмыслить чужой, необычный образ мира. Большое значение в этой ситуации имело художественное творчество: произведения искусства, прежде всего, декоративно-прикладного, в предметной форме отражали самобытность культуры. Европейские чаши с эмалевой росписью были совсем непохожи на произведения искусных китайских эмальеров, мастеров фарфора и лака, камнерезов и ювелиров. Создание реплик, то есть копирование незнакомой, непривычной формы, непонятного декора, странных мотивов, поиск технического решения, которое позволит повторить оксидентальный образ, открывало китайским мастерам и их заказчику путь к пониманию западного художественного вкуса и менталитета.

Прежде, чем перейти к подробному описанию фарфоровых реплик, уместно будет вкратце представить оригинал. Старинный французский город Лимож еще в Средние Века прославился на всю Европу искусными изделиями местных ювелиров. Они умели украшать цветными эмалями поверхность металлических предметов (главным образом, медных или латунных). Основную продукцию эмальеров составляли вещи культового предназначения: кресты, ларцы для хранения христианских реликвий, украшения для окладов рукописных экземпляров Евангелия. Средневековые лиможские эмали были выполнены одним из двух способов: в выемчатой либо в перегородчатой технике. Новый расцвет пришел к этому искусству в 17–18 веках с изобретением третьей, еще более интересной в визуальном отношении, техники – живописной, или расписной, эмали. При создании изделий в этой технике мастер наносил на поверхность металла живописное изображение цветными пастами. Закрепляя краски обжигом, он получал удивительный эффект: красочный слой становился невероятно прочным, ярким и при этом полупрозрачным, как цветное стекло.

Эпохой расцвета лиможских живописных эмалей историки искусства считают 17–18 века. От этого времени сохранилось множество замечательных эмальерных шедевров: ларцы, блюда, чаши, кувшины, но чаще всего – плакетки (пластинки с живописным изображением, чаще всего религиозным сюжетом или портретом). Приблизительно в 1700 году прославленный ювелир Жак Ладен (около 1663–1729) по заказу французского короля Людовика XIV изготовил подарки для дипломатической миссии ко двору китайского императора Канси.

К сожалению, сейчас невозможно определить, какие именно из шедевров Ладена отправились тогда в Китай и сохранились ли они до нашего времени. Как именно выглядел подарок от Короля-Солнца его не менее великому собрату, императору Канси – Процветающему и Лучезарному? Можно предположить, что наиболее близкие аналоги – это чаша с изображением Антиопы, проданная в 2017 году на Auction.fr [6], а также чаша с цветочным декором и изображением святого Лаврентия, которую на момент проведения нашей конференции предлагает на продажу парижская галерея *Saint Martin* [7]. Эти и другие многочисленные сохранившиеся произведения Жака Ладена продолжают восхищать искусной работой наших современников так же, как когда-то они восхитили китайского императора.

Известно, что император Канси, знаток и ценитель красоты, зачастую заказывал придворным художникам реплики ценных вещей из своих коллекций, среди которых были не только старинные шедевры китайских мастеров, но также и произведения, привезенные из далёких стран [8]. По воле императора мастера фарфора изготовили и чаши, хранящиеся теперь в Музее Гиме. По принятой сейчас на Западе научной классификации, их следует отнести к так называемому «зелёному семейству», хотя, помимо красивой зеленой эмали, в росписи использовано около полудюжины других цветов, а также золото.

Копируя оригинал, китайские керамисты украсили чаши снаружи условно-стилизированным акантовым орнаментом в коричневом, белом и золотом цветах. Перевернув чашу вверх дном, мы видим яркую красочную цветочную композицию. В этом же стиле

расписана и внутренняя поверхность чаш. Это композиция из центрального круглого медальона с изображением корзины фруктов и овощей, обрамленного «корзинкой лучей», между зубцами которой располагаются шесть почти одинаковых по своей структуре букетных мотивов (тюльпаны и гвоздики, в двух мотивах есть также фигурки птиц).

Стиль росписи – широкий, свободный, цветовая гамма яркая. Листья, фрукты, цветы радуют глаз зелёным, синим, красным, пурпурным оттенками. Детали росписи должны удивить внимательного зрителя: над композицией из винограда, груш и персиков возвышается диковинный для Китая артишок, а справа от корзины художники-керамисты изобразили монограмму JL (*Jacques Laudin*). Впрочем, не стоит утверждать, что фарфоровые реплики в действительности копировали эмалевый оригинал во всех подробностях. Перед нами – мастерская художественная стилизация, результат эксперимента китайских виртуозов фарфора, которые видели свою задачу не только в том, чтобы удовлетворить прихоть своего могущественного заказчика, но и в поиске новых художественных идей, приемов, выразительных средств.

Несмотря на свою уникальность и особенный, оксидентальный характер, рассмотренные нами шедевры являются яркими примерами китайского фарфорового искусства. Эпоху Канси иногда называют «золотым веком» китайского декоративно-прикладного искусства, хотя на фоне великих свершений императора Канси не так уж заметно то, какую роль сыграл он в истории фарфора. Однако влияние его личности и культурной политики на развитие декоративного искусства Китая действительно имеет исключительную важность. Изготовление реплик лиможских эмалей с использованием технико-технологических средств традиционного фарфорового искусства – частный, но очень яркий факт, проливающий свет на особенности китайского оксидентализма. Это свидетельство свойственного Китаю особого творческого подхода в восприятии и освоении ценностей западной культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Дубровская, Д.В. Ориентализм и оксидентализм: место и время встречи / Д.В. Дубровская // Вестник Московской международной академии. – 2019. – № 2. – С. 106–111.
2. Бокщанин, А.А. Лики Срединного царства. Занимательные и познавательные сюжеты средневековой истории Китая / А.А. Бокщанин, О.Е. Непомнин / Ин-т востоковедения РАН. М.: Вост. лит., 2002. – 430 с.
3. Colloque “La circulation des objets emailles entre la France et la Chine [Electronic resource]: Hypotheses. – Mode of access: <https://trenomelfc.hypotheses.org/572>. – Date of access: 16.01.2022.
4. Bing Zhao. Les cadeaux diplomatiques entre la Chine et l’Europe aux xviiie-xviii siècles. Pratiques et enjeux / Bing Zhao, F. Simon // Extrême-Orient Extrême-Occident. – № 43. – 2019. Pp. 5–24.
5. Exposition virtuelle: «La Chine des porcelaines du 9e au 18e siècle» [Electronic resource]: Musée national des Arts asiatiques – Guimet. – Mode of access: <https://www.guimet.fr/event/la-chine-des-porcelaines-du-9e-au-18e-siecle/>. – Date of access: 16.01.2022.
6. LIMOGES. Jacques LAUDIN. Coupe en émail peint. Au centre, représentation d’Antiope [Electronic resource]: Auction.fr. – Mode of access: <https://www.auction.fr/en/lot/limoges-jacques-laudin-coupe-en-email-peint-au-centre-representation-d-antiope-12488777>. – Date of access: 16.01.2022.
7. Dish, Saint Laurent, attributed to Jacques de LAUDIN II, late 17th century [Electronic resource]: AnticStore. – Mode of access: <https://www.anticstore.art/91039P>. – Date of access: 16.01.2022.

8. Арапова Т.Б. Основные тенденции развития фарфорового производства в Китае периода Канси / Т.Б. Арапова // IV научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. – Вып. I. – М., АН СССР, Ин-т востоковедения, 1973. – С. 224–230.

СЕКЦИЯ 1. КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ПОДСЕКЦИЯ 1

Михалькова Надежда Васильевна

доцент кафедры теории и практики китайского языка

кандидат филологических наук, доцент

Минский государственный лингвистический университет

(г. Минск, Республика Беларусь)

МОТИВИРОВАННОСТЬ КИТАЙСКИХ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ ОДНОЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ

Письменность всегда вызывала большой интерес у исследователей. Будучи единственным «свидетелем» наличия языковой системы в определенный период развития человечества, она стала для многих поколений ученых, в первую очередь, уникальным источником информации о знаниях и представлениях предшественников. «Каждый, пусть даже самый незначительный письменный язык может рассматриваться как исток целой культурно-языковой жизни» народа [4, с. 135], социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих образ жизни, интуитивное знание опыта [14, с. 185-193].

Для языковеда письмо – это важнейший фактор в развитии языка [10, с. 440], который чаще всего становился в оппозицию к звуковой форме. В данной оппозиции наиболее релевантной областью для алфавитных (буквенных) языков является акустический образ, в связи с чем писанно-зрительная сторона долгое время «не пользовалось благосклонным вниманием», письмо казалось не более, чем оболочкой, скрывающей истинные свойства языка, и в качестве его единственной функции выдвигалась задача служить изображением устного варианта [16]. В то же время языковеды с самого начала с большим трудом могли освободиться от гипноза графики, переходя от оптических знаков-букв к акустическим звукам [5, с. 94]. Ф. де Соссюр признавал, что полностью отвлечься от письменности нельзя, это та техника, с помощью которой фиксируется язык, исследователю надо знать ее достоинства и недостатки, а также опасности, которые возникают при обращении к ней [16, с. 62]. Предметом лингвистики является слово звучащее, но графическое слово столь тесно переплетается со словом звучащим, что оно в конце концов даже присваивает себе главенствующую роль [16, с. 62]. В пользу важности анализа письма говорил и тот факт, что графический образ есть нечто прочное и неизменное, зрительные впечатления, как правило, яснее слуховых и длительнее, следовательно, письменная форма – идеальный материал для лингвиста [16, с. 64]. Кроме того, «звук есть средство выражения мысли очень удобное, но не необходимое» [12, с. 19].

Начало разработкам вопросов письма и письменности положил глубокий лингвистический анализ различных типов языковых систем. Он позволил сформулировать фундаментальное положение в языкознании о единицах языка – знаках, функция которых, главным образом, выражение мысли в речи [18, с. 111], в связи с чем, язык, рассматриваемый как знаковая система, становится «ближе» к системе человеческой мысли [7, с. 30], а самое главное – яснее в своей форме и содержании. Различная графика письменных знаков приводит к формированию разных лингвистических традиций, специфика которых определяется, в том числе, в широком смысле формой языков [2, с. 12].

Выбор принципов письма и построение на их основе письменности стало одной из первых и основных проблем языковых систем. Несмотря на единую начальную ступень

дописьменного уровня языка – рисунок (англ. буква F до сих пор сохраняет два рога улитки, которые изображал иероглифический прототип этой буквы [3, с. 313]), стремление письма к ясности и недвусмысленности, а также к высокой скорости записи и одновременно максимальной точности отражения информации привели к появлению разных способов письма. Так, в соответствии с особенностями социально-экономического развития и потребностями носителей языков в основу письма легли разные принципы: морфологический, фонетический, историко-этимологический, семантический (китайский), синтаксический [11, с. 260; 5, с. 533].

Китайская традиция, пройдя процесс формирования письма аналогично большинству мировых языков, остановилась на идеографической ступени, сохранила иероглифическую письменность, не достигнув (учитывая тем не менее многочисленные попытки [1; 15]) следующего уровня – буквенного письма. Интерпретация подобной системы должна быть, в первую очередь, семантической, так как иероглиф описывает значение и лишь через значение связан со звучащей речью [2, с. 43].

Первые китайские грамматики формулируют правила создания и чтения иероглифических знаков [9], признавая, что первоначально композиция знаков для записи смысла слов не зависела от звуковой формы, и звуковая форма, как следствие, никоим образом не влияла на анализ семантики знаков (ср., например, описания от знака к звуку, или от звука к письменному знаку в санскритской грамматике Панини и Александрийской грамматике древнегреческого языка [2, с. 14]).

Понятие формы несомненно открывает исследователю путь к постижению тайн языка [6, с. 73]. С другой стороны, как отмечает В. фон Гумбольдт, соединение разнородных по своей природе понятий и звуков, даже если отвлечься от материального звучания последних, по самой своей сущности требует посредничества чего-то третьего, в котором они могли бы слиться воедино. Этот посредник всегда обладает чувственной природой, как, например, в слове «разум» *vernunft* заключено понятие *nermen* «брать», «рассудок» *restand* – стоять *stehen* [6, с. 127]. Установлено также, что предметы, производящие сходные впечатления, получают слова с подобными звуками, например, *wehen*, *wind*, *wolke*, где *w* – что-то зыбкое, беспокойное или неловкое [12].

Принцип когнитивной мотивированности знаков, таким образом, лежит в основе не только звуковых, но и графических номинаций. Развиваясь по пути неизбежного ввода фонетических компонентов письма, китайская иероглифика, пройдя, многовековой путь, сохраняет смысловые указатели – детерминативы, позволяющие определить семантическую область, к которой может быть отнесен иероглифический знак. И если выбор фонетической части иероглифов, как правило, не вызывает вопросов, то ввод смыслового конституента – детерминатива, предопределяющего, как представляется, начиная с Сюй Шэня [17], системную организацию китайского письма, до настоящего времени представляет собой сложную лингвистическую проблему.

Язык, прежде всего, должен быть удобным в обращении, практичным в усвоении и употреблении, он должен быть организован так, чтобы «с помощью горстки фигур и благодаря их все новым и новым расположениям» можно было построить большое количество новых знаков. Построение знака из ограниченного числа фигур – наиболее существенная черта в структуре любого языка, а проникновение в структуру знака – необходимое условие точного анализа [7, с. 70]. Данный тезис лег в основу исследований иероглифов китайского языка, начиная с фундаментального труда Сюй Шэня [17]. Основу анализа знаков китайской письменности составили исследования по выявлению особенностей наполнения иероглифов разными типами конституентов (идеографических или фонетических), а также установления комбинаторики графем внутри знаков определенного типа [8; 13; 19]. При этом вопросы относительно причин и принципов выбора тех или иных компонентов иероглифов всегда оставались вне области интересов ученых. Стоит отметить, что решение именно этой задачи во многом способствует определению специфики организации всей системы китайской иероглифической письменности.

Анализ производных знаков с детерминативами «Вода 水 (氵, 水)», «Трава 艸 (艹)», «Дерево 木», «Рот 口», «Рука 扌» и «Ладонь 又» в китайском языке показал, что построение иероглифических знаков основано на выборе наиболее релевантного признака описываемого представления, репрезентируемого в графической форме путем ввода в состав производной единицы смыслового указателя – детерминатива из ограниченной подсистемы единиц. Организация семантических областей иероглифических знаков происходит согласно особым для китайской языковой системы принципам. Гнездовым элементом семантических областей становится детерминатив, объединяющий производные знаки в одну семантическую область. Принципы этого объединения заключаются в выделении у понятия релевантной характеристики. Такой характеристикой может являться не только и не столько родовая принадлежность понятия, сколько дифференциальный признак, а также релевантность семантической роли субъекта, объекта или инструмента производимого действия. Так, например, если мотивирующим признаком выступает инструмент, с помощью которого производится действие, в китайском языке иероглифы-номинации подобных процессов включают в свой состав соответствующий детерминатив – «Рука 扌», образуя область иероглифов – обозначений действий по нанесению удара: 抵 (бить рукой, ударять ладонью), 扶 (бить, хлестать), 搥 (стегать, пороть, бить, хлестать), 捶 (бить, ударять кулаком, палкой), 搏 (бить, хлопать, ударять палкой), 搗 (бить, колотить, толочь), 搥 (бить, колотить), 撈 (бить, избивать батогами), 推 (бить, выбить (напр., глаз)), 標 (бить, ударять, стучать), 搥 (бить, избивать, колотить; ударять в барабан), 摔 (разбить), 撇 (бить, ударять), 搥 (бить, стегать, пороть, хлестать), 扑 (бить, колотить) и др.

При этом в формируемые таким способом иероглифические семантические области могут входить номинации как одних, так и разных тематических групп. Например, иероглифы-обозначения рек, озер, морей, океанов и др. водных пространств в китайском языке содержат детерминатив «Вода 氵», так как мотивирующим признаком в данном случае выступает агрегатное состояние (материал) репрезентируемого понятия. Это приводит к объединению всех иероглифов-номинаций подобного типа, независимо от их тематической отнесенности, в одно семантико-иероглифическое поле, куда входят как родовые (洋 (океан), 海 (море), 泊 (озеро), так видовые обозначения (см., например, 洸 (река Чжун, пров. Хубэй), 汴 (река Бянь, пров. Хэнань), 汨 (река Мишуй (Мило)), 洧 (река Вэйшуй, пров. Хунань), 沅 (река Юаньшуй), 沱 (река Цзишуй, пров. Хэбэй), 洵 (река Цзюйхэ, пров. Хэбэй), 沱 (река Луцзянь), 沱 (река Мао, пров. Цзянсу), 泗 (река Сыхэ, пров. Шаньдун), 沱 (река Цзяхэ, пров. Шаньдун и Цзянсу), 沱 (река Синьшуй, пров. Хубэй), 洑 (озеро Яоху, пров. Цзянсу), 洑 (озеро Михай), 灤 Чоуху (озеро в пров. Аньхой) и др.

Когнитивная мотивированность графики китайского языка, таким образом, не опровергает возможности выбора разных признаков в основе номинаций одной лексико-семантической области. Анализ производных иероглифов китайского языка показал, что одна лексико-семантическая область языковых единиц может включать иероглифические производные знаки с разными детерминативами. Так, например, иероглифические номинации музыкальных инструментов содержат в графических обозначениях разные детерминативы: часть единиц образована путем использования детерминатива «Рот 口» (𪚩 древний муз. инструмент, род окарины, 器 (муз. инструмент), 叭 (труба)), другие единицы включают детерминативы «Бамбук 竹 (𪚩)» (笛 (флейта)), «Нефрит 玉» (琴 цинь, цитра (семиструнный щипковый музыкальный инструмент)) и др. Следовательно, процесс формирования иероглифических областей в китайском языке основывается не на тематическом принципе объединения, а на выборе наиболее релевантной характеристики. Это приводит к сосуществованию в рамках одной лексико-семантической области иероглифов с разными детерминативами. В частности, релевантность признака *источник (производитель) звука* (детерминатив «Рот 口») находит отражение при номинации духовых инструментов, в то время

как сематический признак *материал* является ведущим при номинации музыкальных инструментов, которые исторически изготавливались из определенного типа материала, например, 笛 (флейта) (детерминатив «Бамбук 竹 (竹)»), 琴 (цин, цитра (семиструнный щипковый музыкальный инструмент наподобие настольных гуслей) включает детерминатив «Нефрит 玉» в редулицированной форме, что отображало в древности определенный тип клавиатура, который изготавливался, как правило, из камня нефрит).

Выделенные особенности построения иероглифической системы китайского языка характеризуют и другие семантически области номинаций, например,

1) информационные процессы говорения (ср. 告 (говорить, объявлять), 喊 (кричать, орать, звать), 叱 (порицать, осуждать) – детерминатив «Рот 口», 说 (говорить), 讲 (рассказывать), 谈 (обсуждать, беседовать) – детерминатив «Речь 讠 »);

2) действия погружения, зачерпывания (ср. 汲 (поднимать (брать) воду (обычно из колодца) – детерминатив «Вода 水 (氵, 水)»), что свидетельствует о релевантности в данном случае объекта, на который направлено действие, и 撩 (брызгать, плескать), 搯 (обмакнуть), 捎 (брызгать, поливать), 扞 (черпать (воду) – детерминатив «Рука 扌 »), где релевантность признака инструмент обуславливает выбор детерминатива «Рука 扌 »;

3) процессы чесания, расчесывания (ср. 掠 (делать прическу) – детерминатив «Рука 扌 » и 梳 (расчесать) – детерминатив «Дерево 木»);

4) иероглифы, именующие процессы хватания, сжимания зубами (ср. 咬 (кусать, укусить), 咋 (грызть), 嚼 (жевать, глодать, грызть) характеризуются наличием в графике детерминатива «Рот 口» при существовании в системе детерминативов знака «Зуб 牙». 掌 (подпирать) – единственный из 23-х иероглифов, функционирующий в современном китайском языке, включающий смысловой указатель «Зуб 牙». В данном примере детерминатив «Зуб 牙» является этимологически первым смысловым компонентом в иероглифе. Последующие этапы развития письменности демонстрируют модификацию этого элемента, репрезентируя релевантность иных признаков. Следовательно, свойство устойчивости, твердости и крепости в зависимости от экстралингвистических оснований связывалось с разными характеризующими его объектами. Варьирование детерминативов, таким образом, может происходить путем выбора из системы представлений то, что наиболее ярко и точно в конкретный момент времени репрезентирует ту или иную характеристику.

5) Обозначения напитков (ср. 奶 (молоко) – детерминатив «Женщина 女», 酒 (спиртной напиток), 汁 (сок) – детерминатив «Вода 氵 », 茶 (чай) – детерминатив «Трава 艸 (艹)», 咖啡 (кофе) – детерминатив «Рот 口 »). Релевантность такой характеристики, как материал изготовления определяет выбор в качестве смыслового указателя детерминатива «Трава 艸 (艹)» в иероглифе 茶 (чай). Агрегатное состояние полученной в результате соединения элементов нескрытой сущности детерминирует выбор семантемы «Вода 氵 » в таких иероглифических знаках, как 酒 (спиртной напиток), 汁 (сок) и др. Субъект производимого процесса является предопределяющей выбор детерминатива «Женщина 女» характеристикой в иероглифическом знаке 奶 (молоко). На современном этапе развития китайского языка мы видим, например, в заимствованиях ввод иных смысловых указателей, как, например, 咖啡 (кофе) – детерминатив «Рот 口».

6) Обозначения дорог (ср. 街 (улица) – детерминатив «идти пешком 行», 道 (дорога; путь) – детерминатив «Гулять, быстро идти 辶 », 路 (дорога) – детерминатив «Ступня 足»).

7) Обозначения видов транспорта (ср. 船 (лодка) – детерминатив «Лодка, корабль 舟», 轮 (повозка) – детерминатив «Телега, машина 車»).

8) Обозначения контейнеров (ср. 袋 (мешок) – детерминатив «Одежда 衣», 箱 (ящик) – детерминатив «Бамбук 竹 (^*)», 盒 (коробка) – детерминатив «Миска, сосуд, блюдо; посуда 皿», 包 (сверток, пакет) – детерминатив «Обертывать 勺») и др.

Проблема и сложность выделения характеристик для создания иероглифов-номинаций одной семантической области приводят в итоге, с одной стороны, к вариативности относительно диалектных и разновременных форм, с другой стороны, как следствие, к неоднозначности относительно лексикографического выделения детерминатива. Например, в семантическую область обозначений лиц входят иероглифы с детерминативом «Рот 口» (吏 (чиновник, служитель), 员 (офицер, служащий, должность), 哲 (мудрец) и др.). В этой подсистеме выбор детерминатива обусловлен актуализацией разных признаков. В случае с иероглифом 吏 (чиновник, служитель) ученые склоняются к 史 как фонетику знака, семантически значимой частью является 人 - человек (семантический признак *субъект*), несмотря на то, что иероглифические словари продолжают фиксировать «Рот 口» в качестве детерминатива. Иная версия этимологии знака 吏 определяет две главные части графемы 史 – рука (внизу) и контейнер для бамбуковых дощечек (верхняя область знака). Детерминатив «Рот 口», таким образом, репрезентирует определенное вместилище, в данном случае для письменных принадлежностей (семантический признак *контейнер*). В иероглифе 哲 (мудрец) выбор детерминатива обусловлен релевантностью семантического признака *источник*. В то же время в разные периоды развития письменности происходили модификации этого элемента, он заменялся на детерминатив «Сердце 心», актуализируя значимость соответственно иной характеристики.

Таким образом, мотивированность иероглифических образований основана на общеязыковых когнитивных принципах выбора признака, характеризующихся как звуковые, так и графические формы языковых знаков. Специфика данного процесса в китайском языке заключается в особой избирательности ввиду наличия ограниченного числа графем – компонентов знаков. Данная избирательность, с целью экономии языковых средств, подчиняет свой выбор уже выделенному набору элементов, отображающих максимальное число представлений и связанных с ними свойств, что позволяет функционировать в качестве детерминативов как родовых понятий, так и их дифференциальных признаков. Вместе с тем, в основе выбора детерминатива также лежит принцип релевантности семантической роли субъекта, объекта или инструмента описываемого представления. Подобная множественность выбора приводит к вариативности детерминативов как относительно диахронии, так и на синхронном срезе, что свидетельствует о существующей проблеме сложности выбора признака, в том числе и в китайской иероглифической системе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев, В.М. Китайская письменность и ее латинизация / В.М. Алексеев. – Л. : изд. и тип. Акад. Наук СССР, 1932. – 178 с.
2. Амирова Т.А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю.В. История языкознания. – 2-е изд., стер. – М. : Академия, 2005. – 672 с.
3. Блумфилд, Л. Язык / Л. Блумфилд. – М. : Прогресс, 1968 – 608 с..
4. Бодуэн де Куртене, И.А. Избранные труды по общему языкознанию. В 2-х томах / И.А. Бодуэн де Куртене. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 384 с.
5. Вахек, Й. К проблеме письменного языка / Й. Вахек // Введение в языкознание: хрестоматия : учебное пособие для студентов вузов. – Сост. А.В. Блинов и др. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 342 с.
6. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 2000. – 400 с.

7. Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев. Пер. с англ. / Сост. В. Д. Мазо. Пер.: В. Звегинцев, Ю. Лекмцев, И. Мельчук, В. Мурат. – М. : КомКнига, 2006. – 248 с.
8. Карасева, К.В. Принципы декодирования логограмм и реконструкция их семантики : автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / К.В. Карасева ; БГУ. – Минск, 2019. – 26 с.
9. Лю, Чжао. Исследование структуры древних иероглифов / Чжао Лю. – Фуцзянь : Народное издательство г. Фуцзянь, 2011. – 380 с. = 刘, 钊. 古文字构形学/钊刘. -福建: 福建人民出版社, 2011. - 380 页。
10. Пауль, Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М. : Изд-во ин. лит-ры, 1960. – 501 с.
11. Поливанов, Е. Д. Статьи по общему языкознанию / Е. Д. Поливанов. М. : Наука, 1968. – 376 с.
12. Потебня, А. Мысль и язык. Язык и народность. О национализме. / А. Потебня. – Харьков : Типография «Мирный труд», 1913. – 225 с.
13. Резаненко, В.Ф. Семантическая структура иероглифической письменности / В. Ф. Резаненко. – Киев : КГУ, 1985. – 132 с.
14. Сепир, Э. Язык / Э.Сепир. – М. ; Ленинград : Государственное социально-экономическое изд-во, 1934. – 243 с.
15. Сердюченко, Г.П. Китайская письменность и ее реформа / Г.П. Сердюченко. – М. : Изд. вост. лит., 1959. – 55 с.
16. Соссюр, Ф. де Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. – 432 с.
17. Сюй, Шэнь. Объяснение простых и толкование сложных знаков / Шэнь, Сюй. – Юйлу : Издательство в Юйлу, 2006. – 540 с. = 许, 慎. 说文解字 /慎许. -岳麓: 岳麓书社, 2006. - 540 页。
18. Фортунатов, Ф.Ф. Избранные труды. Том 1 / Ф.Ф. Фортунатов. – М. : Гос. уч.-пед. изд-во, 1956. – 451 с.
19. Шаравьева, И.В. Лингвосемиотика знаков идеографического письма : автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / И.В. Шаравьева ; АТР ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет». – Улан-Удэ, 2017. – 24 с.

Гэн Цзянь
кандидат филологических наук, доцент
Хунаньский университет
(г. Чаньшиа, КНР)

ОМОФОНИЯ И ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблемы омонимии, обсуждению которых в прошлом столетии уделялось столь много внимания на материале различных языков, не потеряли своей актуальности и в настоящее время. С одной стороны, не нашли убедительного решения вопросы разграничения омонимии и полисемии. С другой, сложное переплетение совпадения в форме – звуковой и/или письменной при различии репрезентируемых значений, а также степень формального тождества – идентичность слов во всех их формах или только в некоторых, лежит в основе разных типов омонимов, и выяснить типологические характеристики языков в области омонимии – одна из важнейших задач современного языкознания.

Данная работа направлена на выявление единиц, разных по значению и идентичных по своему звучанию, но разных или тождественных по написанию, квалифицируемых в лингвистике как омофоны, в китайском языке¹.

В китаистике давно отмечалось большое число единиц, разных по своей иероглифической записи, но имеющих одно произношение. Так, Ма Сианбином (马显彬) в его работе 汉语同音现象分析 установлены некоторые количественные соотношения между числом иероглифов в письменной форме китайских слов и идентичностью их произношения. Он заметил, что китайские омофоны составляют 72% из 4000 слов, записанных с помощью одного иероглифа, в то время как число омофонов среди слов, представленных двумя иероглифами, не столь значительно – всего 1.78% из 20000 слов. Омофоны слов, записанных тремя иероглифами, единичны, а омофоны слов, письменная форма которых содержит четыре и более иероглифов, отсутствуют. Таким образом, очевидна корреляция между простотой иероглифической формы и омофонией, и наоборот, чем сложнее иероглифическая форма слов, тем меньше возможностей для их звукового совпадения. Существует мнение, что в китайском языке только у 16 иероглифов нет омофонов, у остальных иероглифов имеются омофоны. В качестве показательного примера омофонии в китайском языке приводятся 116 иероглифов, имеющих одно и то же произношение [2 马显彬]. Интересен также пример Ван Цзиньчжэна произношения *yí* у 82 разных иероглифов в «Современном китайском словаре» [4 王今铮].

Высокой степени омофонии в китайском языке способствует то обстоятельство, что китайский иероглиф часто соответствует одному слогу, основных слогов в китайском языке (исключая 4 тона) всего только 414 или 415 [2 马显彬 ; 4 王今铮], а на письме используется более 10-20 тысяч иероглифов. Следует также обратить внимание на то, что в китайском языке большую роль играет тон. Все примеры омофонии в данной работе относятся к одному и тому же тону.

Исследование иероглифической записи слов и их звучания позволило выделить три типа омофонов в китайском языке.

Первый тип составляют слова, имеющие одно и то же произношение, разное написание и разные значения, формирующие класс прототипических омофонов 同音异形异义. Это тип включает омофоны из одного иероглифа (单字同音词) (например, произношение *tā* имеют слова в следующей иероглифической записи 他 'он', 她 'она', 它 'оно'; произношение *fēng* идентично для иероглифических форм 风 'ветер', 封 'закрыто', 疯 'сумасшедший', 峰 'вершина горы' и т.д.). Очевидно, что омофоны данного типа могут принадлежать к разным частям речи. Например: для слов с разной иероглифической формой - обозначений качеств, действий, сущностей 齐 'adj. ровный; adv. вместе/до; n. одна империя династии...', 其 'про. он/они/тот/те; adv. в классической китайской статье используется как суффикс', 奇 'adj. необычный/странный/своеобразный; v. чувствовать любопытство; n. одна фамилия', 骑 'v. оседлать / кататься', 旗 'n. флаг; n. район/уезд', 脐 'n. пупок' и т.д. характерно идентичное произношение *qí*. Естественно, что в письменной речи различное написание позволяет легко отождествить ту или иную единицу. Несколько сложнее обстоят дела с распознаванием смысла идентичных звуковых комплексов в устной речи, и ключевую роль, как известно, здесь играет контекст.

¹Большинство ученых считают, что омофоны в китайском языке являются единицами, имеющими то же произношение и разное значение [1 孔昭琪; 3 盛丽春; 6 印平]. Поскольку убедительных критериев разграничения омофонии и полисемии пока не предложено, мы предпочитаем говорить о словах с одинаковым произношением.

Вторая подгруппа омофонов представлена словами из двух иероглифов (多字同音词), имеющих одинаковое звучание и разные значения. Например: 数目 shumu ‘количество’ - 树木 shumu ‘деревья’, 记忆 jiyi ‘память’ - 技艺 jiyi ‘мастерство’, 战友 zhandou ‘товарищ по оружию’ - 占有 zhandou ‘владеть’, 商号 shanghao ‘наименование фирмы’ - 伤号 shanghao ‘раненый’, 电源 dianyuan ‘источник питания’ - 店员 dianyuan ‘продавец’, 押韵 yayun ‘рифма, ритм’ - 押运 yayun ‘эскорт’, 会议 huiyi ‘встреча, конференция’ - 会意 huiyi ‘понимать’, 视力 shili ‘зрение’ - 势力 shili ‘сила’, 加法 jiafa ‘плюс, добавление’ - 家法 jiafa ‘семейное право’ и др. Как явствует из их иероглифических форм, приведенные выше единицы, совпадающие по звуковой форме, различаются не только значениями, но и своей иероглифической записью, а большое число иероглифов в китайском языке, несомненно, способствует формированию разных по своей письменной форме единиц, не тождественных по значениям, но с идентичным произношением.

Данному типу противостоит еще одна группа единиц с одинаковым произношением в китайском языке. Это слова, различающиеся по значению, но их иероглифическая форма частично или полностью идентична. Например: 螺蛳 luosi ‘улитка, живущая в воде’ - 螺丝 luosi ‘винты, резьбовые детали’, 财务 caiwu ‘Все дела об имуществе на рабочем месте’ - 财物 caiwu ‘деньги и ценности’, 出诊 chuzhen ‘выезд на диагностику’ - 初诊 chuzhen ‘первый медицинский диагноз’.

По имеющимся подсчетам, из 346 омофонов из двух иероглифов, которые собраны в «Современном китайском словаре», 216, или 62% слов входят в класс единиц с разной иероглифической формой и одинаковым произношением, и только 130 (38%) [5 谢文庆, 王振昆] единицам присущи одинаковая иероглифическая запись и одинаковое произношение при различии их лексических значений. Очевидно, что среди омофонов из двух иероглифов преобладают омофоны разной формы.

Слова, которые имеют одно и то же произношение, одинаковую иероглифическую запись, разное значение (同音同形异义), как правило, не имеют межсловных связей, например: 新生 xinsheng ‘новая жизнь; начать снова’ - 新生 xinsheng ‘новый студент’, 风化 fenghua ‘социальные обычаи и воспитание 风俗教化’ - 风化 fenghua ‘выветривание’, 分别 fenbie ‘расстаться, расставание’ - 分别 fenbie ‘по отдельным, по разным’.

Иной тип слов с одинаковым произношением появляется в китайском языке в результате словообразовательных процессов, в ходе которых к радикалу присоединяется фонетик, в результате чего слова, характеризующиеся разной иероглифической формой, одинаковым произношением, оказываются семантически связаны. Например, слова 毛 ‘волосы’, 牦 ‘порода быка с длинными волосами по бокам и хвосту 牦牛’, 髦 ‘короткие волосы, свисающие на лоб маленьких детей 髦发’, различающиеся своими иероглифическими формами, имеют одно и то же произношение - *mao*. Ещё одним примером идентичного произношения - *rong*, являются разные в своих иероглифических формах слова 融 ‘лед или снег тают в воду 融化’, 溶 ‘твердое вещество растворяется в жидкости или превращается в жидкость при нагревании 溶化’, 熔 ‘твердые тела, такие как золото, серебро, медь и железо, нагреваются до очень высоких температур и становятся жидкими 熔化’.

В китайском, как и в других языках, слова, имеющие тождественное произношение, но семантически не связанные в своих значениях, часто используются в шутках, разного рода каламбурах, т.е. становятся материалом для языковой игры. Например, фраза 向前看! ‘смотреть вперед!’ значит ‘Не надо всегда думать о прошлом’, а выражение 向钱看! ‘смотреть на

денег» означает «думать только о деньгах». На игре слов 你看他成天想要红包 «красные конверты, в которые положили деньги» и «красные шишки, комариные укусы» строится фраза 这下好了, 一个晚上得了几十个大气红包 «Видите ли, он хочет красные конверты весь день, так вот, он получил десятки больших красных конвертов за одну ночь (красные шишки)!».

Главное, однако, заключается в способности носителей языка, в том числе и китайского, правильно декодировать смысл высказываний, опираясь на различия в иероглифической записи или же в потоке устной речи на контекстуальное окружение, позволяющее однозначно распознать выражаемое значение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. 孔昭琪. 论现代汉语同音词[J]. 山东师大学报(社会科学版), 1991(01):87-91.
2. 马显彬. 汉语同音现象分析[J]. 语文研究, 2005(02):15-18+37.
3. 盛丽春. 浅谈词形一同一异同音词[J]. 长春师范学院学报(人文社会科学版), 2009, 28(11):64-67.
4. 王今铮. 汉字和汉语异形词[J]. 汉字文化, 2002(02):44-45.
5. 谢文庆, 王振昆. 试论同音词在汉语发展中的作用[J]. 语言文学, 1980(3).
6. 印平. 现代汉语同音同形异义现象透视[J]. 南京高师学报, 1996(02):29-31+23.

*Панюсько Виктория Юрьевна
магістрант, преподаватель-стажер
кафедра теории и практики китайского языка
Минский государственный лингвистический университет
(г. Минск, Республика Беларусь)*

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается вопрос о способах выражения пространственных отношений в китайском языке, а именно способах выражения статических и динамических пространственных отношений синтаксическими средствами китайского языка.

В течение многих лет предметом лингвистических исследований выступает вопрос репрезентации *пространства* в тех или иных языках. Пространство является одной из первых реалий бытия, которое идентифицируется и дифференцируется человеком, концептуализация пространства и его категоризация отражают базисные концепты конструирования мира и их взаимоотношение в сознании человека. К этим базисным концептам относятся лицо, объект, место, статическое положение предметов, ориентация, событие, деятельность, которые в свою очередь являются источниками формирования грамматических систем [1].

Цзинь Тао выделил *статические и динамические способы репрезентации пространственных отношений*.

Первый способ репрезентации статических пространственных отношений заключается в употреблении глагола-связки 有 «владеть, иметь». Глагол 有 означает способность какой-либо области пространства «овладеть» существующими в ней предметами [2]. Например, 教室里有四把椅子 «В аудитории имеется четыре стула». Кроме этого, употребление 有 указывает и на то, что в какой-либо области пространства могут сосуществовать и другие объекты, кроме тех, что мы называли. В этом случае также считается правильными употреблять счётные слова.

Например, в предложении 桌子上有三个杯子 ‘На столе имеется три кружки’ акцент делает на сообщении о наличии объектов в пределах определённой области пространства, но это так же не исключает наличие и других предметов в данной области.

Если какой-то области пространства отсутствует какой-либо объект, то используется *отрицательное наречие* 没 ‘не’ с *глаголом-связкой* 有 ‘владеть, иметь’. Например, 书架上没有 汉俄词典 ‘На книжной полке нет китайско-русского словаря’.

Второй способ репрезентации статических пространственных отношений образуется при помощи *глагола-связки* 是 ‘быть, являться’. Употребление *глагола-связки* 是 подразумевает усиление фиксации понятия «место» в названном объекте, и таким образом счётное слово здесь опускается [2]. Например, 桌子下是猫 ‘Под стулом есть кот’.

Третьим способом репрезентации статических пространственных отношений является употребление *глагола с частицей* 着. Глагол с 着 дополняет описание положения или состояния объекта, а также конкретизирует связь между объектом и местом. Зачастую этот способ выражения пространственных отношений используется для описания бытийных ситуаций. Также стоит отметить, что при репрезентации статического положения элементов *глаголом с частицей* 着 передаётся результат – «опускание» объекта на поверхность другого объекта [2]. Например, в предложении 桌子上摆着电脑 ‘На стол поставлен компьютер’.

Для образования отрицательной формы используется отрицательное наречие 没 ‘не’ и *глагол с частицей* 着. Например, 书桌上没放着铅笔 ‘На столе нет (не положен) карандаш’.

Четвёртым способом репрезентации статических пространственных отношений в китайско языке является применение *предлога* 在 ‘в, на’ и *послелогов* (下 ‘под’, 前 ‘перед’, 对面 ‘напротив’ и другие) [2].

В китайском языке предлоги, в зависимости от направленности выражения отношений, подразделяются на группы и разряды. К предлогам, выражающим пространственные отношения в обстоятельственных оборотах В.И. Горелов относил предлоги, обозначающие

место действия, где? – 在, 于 ‘в’, ‘на’;

направление действия, куда? – 到, 上, 向, 往, 朝 ‘к’;

направление действия, откуда? – 从, 由 ‘из’;

начальный пункт действия – 从, 由 ‘от’;

конечный пункт действия – 到 ‘до’ [3, с. 40, 73].

В предлоге 在 ‘в, на’ семантически заложено осознание того, что существование чего-либо занимает какое-то место в мире. Например, 衣服在衣柜里 ‘Одежда в/находится в шкафу’, где «одежда» занимает определённое место в «шкафу».

А.В. Курдюмов даёт следующую классификацию разновидностей послелогов [4, с.73]:

上, 上头, 上面, 上边 – верх, верхняя сторона, верхний край;

下, 下头, 下面, 下边 – низ, нижняя сторона, нижний край;

前, 前头, 前面, 前边, 面前, 跟前 – перед, передняя сторона, передний край;

后, 后面, 后边 – зад, задняя сторона, задний край;

外, 外头, 外面, 外边 – внешняя сторона;

里, 里头, 里面, 里边 – внутренняя сторона;

对面, 对过 – противоположная сторона;

旁边 – боковая сторона, рядом;

中间, 当中, 当间 – середина;

内, 以内 – внутри, в пределах [4, с. 73].

Для обозначения отсутствия предмета на поверхности используется наречие 不 ‘не, нет’ в сочетании с *предлогом* 在 ‘в, на’ и *послелогов* (下 ‘под’, 前 ‘перед’, 对面 ‘напротив’ и другие). Например, 护照不在箱子里 ‘паспорт не в чемодане’.

Вышеупомянутые средства репрезентации статических пространственных отношений в сознании человека объединяются в следующие типы фреймов (см. Таблица 1):

Таблица 1. – Способы репрезентации статических пространственных отношений

Фрейм	Способ репрезентации статических пространственных отношений в китайском языке	Пример
Овладение какой-либо областью пространства каким-либо предметом	地方/处所词 + 方位词 + 有 + 名词	客厅里有十把椅子。 В гостиной имеется десять стульев.
Усиление фиксации понятия «место»	地方/处所词 + 方位词 + 是 + 名词	书架上是书。 На полке есть книги.
Конкретизация местоположения объекта	地方/处所词 + 方位词 + 动词 + 着 + 名词	沙发上躺着一个人。 Надиванележитчеловек.
Местонахождение объекта на поверхности предмета	名词 1 + 在 + 地方/处所词 + 上/上边/上面	书 在 桌 子 上 。 Книганастоле.
Местонахождение объекта внутри предмета	名词 1 + 在 + 地方/处所词 + 里/里面/里边/内	词典在书包里。 Словарь в рюкзаке.
Местонахождение объекта рядом с другим объектом	名词 1 + 在 + 地方/处所词 + 旁边	椅 子 在 桌 子 旁 边 。 Стулоколостола.
Местонахождение объекта или проявление действия в промежутке, посредине другого объекта	名词 1 + 在 + 地方/处所词 + 中/中间	杂志在电脑和课本中间。 Журнал между компьютером и учебником.
Местонахождение одного объекта под другим	名词 1 + 在 + 地方/处所词 + 下/下边/下面	小 猫 在 床 下 。 Кот под кроватью.
Местонахождение объекта на противоположной стороне которого находится кто-либо или что-либо	名词 1 + 在 + 地方/处所词 + 对面	银行门口在图书馆对面。 Вход в банк напротив библиотеки.
Местонахождение объекта перед кем/чем-либо	名词 1 + 在 + 地方/处所词 + 前/前面/前边	电 视 在 你 的 前 边 。 Телевизор перед тобой.
Местонахождение объекта за кем/чем-нибудь	名词 1 + 在 + 地方/处所词 + 后/后面/后边	汽车在图书馆后面。 Машина за библиотекой.
Местонахождение объекта в какой-либо стороне света	名词 1 + 在 + 地方/处所词 + 南/北/东/西边	房 子 在 公 园 西 边 。 Квартира на западе от парка.
Местонахождение объекта на наружной поверхности	名词 1 + 在 + 地方/处所词 + 外/外边/外面	猫在窗外。 Кот находится за окном.
Местонахождение объекта с левой стороны	名词 1 + 在 + 地方/处所词 + 左/左边/左面	一辆车在门口左边。 Машина слева от входа.

Местонахождение объекта с правой стороны	名词 1 + 在 + (地方/处所词) + 右/右边/右面	杂志在词典右边。 Журнал справа от словаря.
Отсутствие объекта	地方/处所词 + 方位词 + 没 + 有 + 名词	书店前面没有车。 Перед книжным магазином нет машины.
	地方/处所词 + 方位词 + 没/没有 + 动词 + 着 + 名词	沙发上没放着词典。 На диване не лежит словарь.
	名词 + 不在 + 地方/处所词 + 方位词	孩子不在教室里。Ребенок не в аудитории.

Для репрезентации динамических процессов выделяются две системы ориентаций: *объективно-пространственную* и *субъективно-пространственную ориентации*. Описание этих динамических процессов осуществляется при помощи глагольной конструкции с маркерами пространственной ориентации [1].

К группе глаголов, выражающих объективную пространственную ориентацию и определяющих отношения между начальной и конечной точкой перемещения относятся: 上 ‘подниматься’ и 下 ‘спускаться’; 进 ‘входить’ и 出 ‘выходить’; 到 ‘достигать’; 回 ‘вернуться’; 过 ‘проходить’; 起 ‘подниматься, вставать’ [2, с. 20].

К модификаторам субъективной пространственной ориентации относят направительные морфемы, восходящие к глаголам, и имеющим в значении элемент направленности движения: 来 и 去 [5, с. 201]. В сочетании с простыми направительными морфемами 来 и 去 глагольная основа обозначает способ передвижения. Например, 进 ‘войти’ с 来 значит ‘войти (к говорящему)’, а с 去 — ‘войти (к себе)’ [5, с. 151].

Конструкции, номинирующие динамические пространственные отношения, образуются от односоставных и двусоставных глаголов, соответственно вышеописанные конструкции могут быть двухкомпонентными и трёхкомпонентными. В свою очередь, двухкомпонентные конструкции имеют три разновидности со значением:

Объективно-пространственной ориентации;

Субъективно-пространственной ориентации;

Объективно-субъективной пространственной ориентации [2].

Двухкомпонентная конструкция со значением объективно-пространственной ориентации образуются путем присоединения к глаголу, обозначающему направление в пространстве одного из модификаторов. К таким модификаторам относят: 上 ‘подняться’, 下 ‘спуститься’, 进 ‘войти’, 出 ‘выйти’, 到 ‘дойти’, 回 ‘вернуться’, 过 ‘пройти (через)’, 起 ‘подняться’. Например: 走 ‘идти’ + 上 ‘подняться’ = 走上 ‘подняться пешком’, 跑 ‘бежать’ + 回 ‘вернуться’ = 跑回 ‘прибежать обратно’ [6].

Конструкции, совмещающие в себе значения объективной и субъективной направленности бывают *двухкомпонентными* и *трехкомпонентными*.

Двухкомпонентные конструкции со значением субъективно-пространственной ориентации образуются путём присоединения к глаголу, обозначающему направление в пространстве, модификатора 来 ‘сюда’ или 去 ‘туда’. Например: 进 ‘входить’ + 来 ‘сюда’ = 进来 ‘войти сюда (говорящий находится внутри помещения)’, 跳 ‘прыгать’ + 去 ‘туда’ = 跳去 ‘прыгать прочь (говорящий находится рядом)’.

Двухкомпонентные конструкции со значением объективно-субъективной пространственной ориентации образуются путем присоединения модификатора объективно-пространственной ориентации к модификатору субъективно-пространственной ориентации.

Например: 出 ‘выйти’ + 去 ‘туда’ = 出去 ‘выйти отсюда (говорящий находится в помещении)’, 下 ‘спуститься’ + 来 ‘сюда’ = 下来 ‘спуститься сюда (говорящий находится внизу)’.

Позиция дополнения в двухкомпонентных конструкциях такого типа может меняться в зависимости от того, чем оно выражено. В предложениях, где *дополнение выражено местом*, оно может находиться в позиции между двумя модификаторами. Например: 进 ‘входить’ + 教室 ‘аудитория’ + 去 ‘туда’ = 进教室去 ‘войти в аудиторию туда (говорящий находится снаружи)’, 上 ‘подняться’ + 楼 ‘здание’ + 来 ‘сюда’ = 上楼来 ‘подняться на верх сюда (говорящий находится вверх)’.

В предложениях, где *дополнение выражено существительным, обозначающим предмет или человека*, оно может иметь две позиции в предложении: после глагола перед модификатором либо же после сочетания глагола с модификатором [6]. Например, 带 ‘принести’ + 来 ‘сюда’ + 护照 ‘паспорт’ = 带来护照 ‘принести паспорт (сюда)’, 买 ‘купить’ + 一份杂志 ‘один журнал’ + 来 ‘сюда’ = 买一份杂志来 ‘купить один журнал сюда (к говорящему)’.

В трёхкомпонентных конструкциях, сочетающих в себе модификатор объективно-пространственной ориентации и модификатор субъективно-пространственной ориентации позиция дополнения также может меняться в зависимости от того, чем выражено дополнение. В одном случае, *дополнение, выраженное существительным, обозначающим место*, может ставиться после сочетания основного глагола с глаголом, обозначающим направление в пространстве и модификатором [1; 6]. Например: 走 ‘идти’ + 出 ‘выходить’ + 教室 ‘аудитория’ + 去 ‘уйти’ = 走出教室去 ‘выйти из аудитории (туда)’, 爬 ‘карабкаться’ + 下 ‘вниз’ + 山 ‘гора’ + 来 ‘сюда к говорящему’ = 爬下山来 ‘спускаться с горы (сюда)’.

Если в трёхкомпонентной конструкции *дополнение выражено существительным, обозначающим предмет*, то оно может ставиться как перед модификаторами, так и после них [1; 6]. Например: 带 ‘нести’ + 回 ‘вернуть’ + 来 ‘сюда к говорящему’ + 一件礼物 ‘один подарок’ = 带回来一件礼物 ‘принести обратно (сюда) один подарок’, 寄 ‘отправить’ + 回 ‘вернуть’ + 一本词典 ‘один словарь’ + 去 ‘туда’ = 寄回一本词典去 ‘отправить назад один словарь туда (от говорящего)’.

Вышеупомянутые средства репрезентации динамических пространственных отношений в сознании человека объединяются в следующие типы фреймов (см. Таблица 2):

Таблица 2. – Способы репрезентации динамических пространственных отношений

Фрейм	Способ репрезентации динамических пространственных отношений в китайском языке	Пример
Двухкомпонентные конструкции со значением объективно-пространственной ориентации	动向动词 + модификатор (上, 下, 进, 出)	他跑回了。Он прибежал обратно.
Двухкомпонентные конструкции со значением субъективно-пространственной ориентации	动向动词 + 来/去	老师进来了。Учитель вошёл (сюда).
Двухкомпонентные конструкции со значением объективно-субъективной пространственной ориентации	Модификатор (上, 下, 进, 出) + 来/去	听到很大的声音, 妈妈出去了。Услышав громкий звук, мама вышла.

Двухкомпонентные конструкции со значением объективно-субъективной пространственной ориентации, где дополнение выражено местом	Модификатор (上, 下, 进, 出) + 地方/处所词 + 来/去	我在楼上等你, 马上上楼来吧。Я жду тебя наверху, быстрее поднимайся (сюда).
Двухкомпонентные конструкции где дополнение выражено существительным, обозначающим предметом или человеком	动词 + 来/去 + 宾语 (事物/人物) 动词 + 宾语 (事物/人物) + 来/去	今天我买来一本书。Сегодня я купил одну книгу (сюда). 妹妹寄回很多信来。Младшая сестра прислала много писем (сюда ко мне).
Трёхкомпонентные конструкции, сочетающие в себе модификатор объективно-пространственной ориентации и модификатор субъективно-пространственной ориентации, где дополнение выражено существительным, обозначающим место	动向动词 + модификатор (上, 下, 进, 出) + 地方/处所词 + 来/去	我买东西的时候, 他走进商店来。Когда я покупал вещи, он зашел в магазин (сюда).
Трёхкомпонентные конструкции, сочетающие в себе модификатор объективно-пространственной ориентации и модификатор субъективно-пространственной ориентации, где дополнение выражено существительным, обозначающим предмет	动词 + модификатор (上, 出, 回) + 来/去 + 宾语 动词 + модификатор (上, 出, 回) + 宾语 + 来/去	哥哥给我带回来一本小说。Старший брат принес назад мне один рассказ. 我朋友在中国学习的时候, 我给他寄回一张贺卡去了。Когда мой друг учился в Китае, я ему отправил одну открытку (туда).

Таким образом, для репрезентации статических пространственных отношений в китайском языке используются предлоги, послелого и некоторые глаголы-связки. Для выражения динамических пространственных отношений в современном китайском языке основную позицию занимают глаголы движения, глаголы направления, а также направительные морфемы (модификаторы).

На основании вышесказанного, мы определили, что статические и динамические пространственные отношения в сознании человека объединяются в когнитивные структуры, а именно во фреймы. При этом фреймы статических пространственных отношений объединяются *по взаимоотношению объекта и пространства*, а фреймы динамических пространственных отношений – *по структурному признаку*.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие 3 изд., перераб. и доп. / В. А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2008. – 272 с.
2. Цзинь, Тао. Концептуальная система пространства: на материале современного китайского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Тао Цзинь. – Владивосток, 2005. – 198 л.
3. Горелов, В. И. Теоретическая грамматика китайского языка : учеб. пособ. для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз». / В. И. Горелов. – М.: Просвещение, 1989. – 318 с.
4. Курдюмов, В. А. Курс китайского языка. Теоретическая грамматика. / В.А. Курдюмов. – Москва : ЦИТАДЕЛЬ-ТРЕЙД; ЛАДА, 2005. – 576 с.
5. Рахилина, Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – Москва : Русские словари, 2008. – 416 с.
6. 朱庆明. 现代汉语实用语法分析 / 朱庆明. – 2 版. – 北京: 清华大学出版社, 2005. – 247 页.

Чжан Аньци

аспирант

Минский государственный лингвистический университет

(г. Минск, Республика Беларусь)

УПОТРЕБЛЕНИЕ ИНТЕРНЕТ-СЛЕНГИЗМОВ НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНКЕТИРОВАНИЯ)

Всемерное развитие информационных технологий сделало Интернет неотъемлемой частью нашей жизни. И прежде всего, он служит важнейшей платформой человеческого общения. Это стало причиной возникновения языка, который употребляется для общения в сети, – интернет-сленга, и по сей день активно развивающегося средства коммуникации. К настоящему времени уже накоплен значительный языковой материал интернет-сленга, что заставляет все большее и большее число лингвистов уделять свое внимание исследованию этой подсистемы языка. Так, на данный момент существуют исследования, посвященные сущности китайского и русского интернет-сленга, отграничению его от других подсистем современного русского языка [1–3], выяснению причин, факторов возникновения интернет-сленга [4–8], его структуре и классификации сленгизмов [9–12].

Между тем особенности употребления единиц интернет-сленга еще мало изучены в современном языкознании. Наше исследование как раз и посвящено этим проблемам. Однако, поскольку некоторые вопросы из этой области уже освещались нами в статьях [13, 14], мы сосредоточимся здесь лишь на некоторых ее сторонах. В частности, целью нашего исследования является: установление сферы и частоты употребления интернет-сленга носителями русского и китайского языка, а также выявление предпочитаемых ими сленгизмов.

В 2020–2021 годах мы проводили онлайн-анкетирование в Беларуси и Китае в целях выявления владения интернет-сленгом носителями русского и китайского языка. В анкету включалось 17 вопросов, касающихся социальных характеристик опрошенных, особенностей распространения интернет-сленга среди информантов, уровня владения интернет-сленгом и оценки информантами интернет-сленга.

В нашем опросе приняли участие 538 русскоязычных и 714 китайских респондентов. Русскоязычные информанты заполняли анкету по ссылке <https://www.wjx.cn/vj/PPZiitF.aspx>, а китайские – по ссылке <https://www.wjx.cn/m/57420539.aspx>; опрос проводился анонимно, в нем могли принять участие все желающие.

В анкету входили, в частности, вопросы о сферах употребления, частоте употребления интернет-сленгизмов и о т.н. «любимом» интернет-сленгизме опрошенных. Первые два

вопроса носят закрытый характер (были предложены варианты ответов), третий вопрос был открытым, респонденты сами должны были написать свой любимый сленгизм. Кроме этого, мы также попытались выявить зависимость ответов респондентов от определенных социальных факторов.

Вопрос «Где вы обычно использует интернет-сленг?» был нацелен на выявление сфер употребления интернет-сленга респондентами. По данным опроса, для русскоязычных респондентов социальные сети являются сферой употребления интернет-сленга, на втором месте – устная речь вне Интернета, затем – веб-чат и компьютерные игры. Результаты опроса показали, что почти 2/3 респондентов употребляют интернет-сленг вне Интернета, в обыденной жизни.

Для большинства же носителей китайского языка самой основной сферой употребления интернет-сленга является веб-чат. В отличие от русскоязычных опрошенных социальные сети как сфера употребления интернет-сленга находятся на втором месте. «Устная речь вне Интернета» находится на третьем месте, то есть по сравнению с русскоязычными респондентами меньшее число опрошенных используют интернет-сленг вне Интернета (таблица 1).

Таблица 1 – Сферы употребления интернет-сленгизмов

Сфера употребления интернет-сленгизмов	Русский сленг		Китайский сленг	
	Число	%	Число	%
Веб-чаты	205	38,1	626	87,7
Социальные сети	485	90,2	396	55,5
Устная речь вне Интернета	343	63,8	290	40,6
Компьютерные игры	100	18,6	207	29
Другое	23	4,3	235 ¹	32,9

Значимость сфер употребления сленгизмов различается в зависимости от пола информантов (таблица 2)

Таблица 2 – Соотношение сферы употребления интернет-сленгизмов и пола информантов

Сфера употребления интернет-сленгизмов	Русский сленг, %		Китайский сленг, %	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Веб-чаты	50	36,3	83,1	90,3
Социальные сети	87,1	90,6	44,8	61,6
Устная речь вне Интернета	61,4	64,1	37,9	42,2
Компьютерные игры	52,9	13,5	42,5	21,2
Другое	5,7	4,1	31,8	33,6

¹ Для китайского языка сюда присоединены ответы на еще один пункт («комментарии бегущими строками поверх видео»), которого не было в русском варианте анкеты по причине его небольшой востребованности.

Заметная разница между ответами информантов-мужчин и информантов-женщин, носителей русского языка, видна в ответах «веб-чаты» и, в особенности, «компьютерные игры», которые как сферы употребления сленгизмов явно более значимы для носителей сленга мужского пола.

Среди носителей китайского языка по сравнению с информантами-мужчинами информанты-женщины намного чаще считают социальные сети своей основной платформой употребления интернет-сленга, по этому показателю обгоняя мужчин-респондентов на 17 %. Так же как и для носителей русского языка, информанты-мужчины употребляют интернет-сленг в компьютерных играх чаще, чем женщины, хотя это различие по этому показателю меньше, чем среди носителей русского языка.

Различается доля каждой сферы употребления сленга и в зависимости от возраста респондентов (таблица 3).

Таблица 3 – Соотношение сферы употребления интернет-сленгизмов и возраста информантов

Сфера употребления интернет-сленгизмов	Русский сленг, %				Китайский сленг, %			
	после 2000 г.	1990-1999 гг.	1980-1989 гг.	до 1979 г.	после 2000 г.	1990-1999 гг.	1980-1989 гг.	до 1979 г.
Веб-чаты	36,2	46,2	53,1	71,4	88	89,4	83,3	75
Социальные сети	93,7	76,9	56,3	57,1	51,6	65,7	36,7	25
Устная речь вне Интернета	66	57,7	34,4	71,4	41,9	41,3	33,3	30
Компьютерные игры	19,7	19,2	6,25	0	33,4	28,4	13,3	7,5
Другое	3,17	3,9	18,8	14,3	41,1	28,7	13,3	10

Результаты опроса показали, что чем старше русскоязычные респонденты, тем они чаще употребляют интернет-сленг в Веб-чатах. Социальным сетям здесь отдают предпочтение лица, родившиеся после 1990 г.

Среди респондентов-китайцев молодые люди в принципе чаще употребляют интернет-сленг в социальных сетях и др. сферах.

Наконец, определенное влияние на значимость той или иной сферы употребления сленгизмов оказывает сфера деятельности респондента (учится ли информант или работает (таблица 4).

Таблица 4 – Соотношение сферы употребления интернет-сленгизмов и характера занятости информантов

Сфера употребления интернет-сленгизмов	Русский сленг, %		Китайский сленг, %	
	обучающиеся	работающие	обучающиеся	работающие
Веб-чаты	36,6	52,2	88,8	85,5
Социальные сети	93	60,9	57,6	51,2
Устная речь вне Интернета	65,2	50	41,4	38,7
Компьютерные игры	20,2	4,4	33,7	19,6
Другое	3,3	15,2	40,1	18,3

Для русскоязычных информантов различия в сферах употреблении интернет-сленгизмов между обучающимися и работающими очевидны: респонденты, относящиеся к категории «обучающиеся» используют интернет-сленг намного чаще чем респонденты категории «работающие», при этом это касается всех сфер употребления, кроме сферы «веб-чаты».

Для китайскоязычных информантов результаты полностью противоположны. Это доказывает, что обучающиеся более активно используют интернет-сленг во всех сферах.

Для выявления частоты употребления интернет-сленгизмов информантам был также задан вопрос «Как часто вы используете интернет-сленг?» Ответы распределились следующим образом (таблица 5):

Таблица 5 – Частота употребления интернет-сленгизмов

Частота употребления интернет-сленгизмов	Русский сленг		Китайский сленг	
	Число	%	Число	%
Часто	— ¹	—	123	17,2
Иногда	505	93,9	566	79,3
Никогда	33	6,1	25	3,5
Всего	538	100	714	100

Абсолютное большинство русскоязычных информантов считают, что они «иногда» употребляют интернет-сленг, и только более 6% от числа опрошенных утверждают что никогда его не употребляют.

Среди китайскоязычных информантов почти 4/5 респондентов считают, что они «иногда» используют интернет-сленг, более 17 % – «часто». Можно сказать, что абсолютное большинство ответивших на этот вопрос респондентов в принципе признают, что они употребляют интернет-сленг.

Частота употребления сленгизмов зависит от возраста информантов (таблица 6).

Таблица 6 – Соотношение частоты употребления интернет-сленгизмов и возраста информантов

Частота употребления интернет-сленгизмов	Русский сленг, %				Китайский сленг, %			
	после 2000 г.	1990-1999 гг.	1980-1989 гг.	до 1979 г.	после 2000 г.	1990-1999 гг.	1980-1989 гг.	до 1979 г.
Часто	—	—	—	—	19,1	17,8	6,7	5
Иногда	93,9	92,3	93,8	100	77,4	79,9	93,3	80
Никогда	6,13	7,7	6,3	0,0	3,5	2,3	0,00	15

Данные анализа показывают, что все русскоязычные респонденты, родившиеся до 1979 г., иногда пользуются сленгом. Для респондентов же, родившихся после 1980 г., частота употребления интернет-сленга почти не различается в зависимости от возраста: 93–94% опрошенных выбрали «иногда», 6-7% опрошенных – «никогда».

¹ Этот ответ в анкетах для русскоязычных респондентов был пропущен в силу технической ошибки.

Среди китайцев 15% родившихся до 1979 года респондентов «никогда» не используют сленг. Частота употребления интернет-сленга уменьшается с пропорционально увеличению возрастных показателей, что свидетельствует о наличии устойчивой корреляции между возрастом информантов и употреблением сленга.

Как показали результаты исследования частота употребления сленга не зависит от пола респондента (таблица 7).

Таблица 7 – Соотношение частоты употребления интернет-сленгизмов и пола информантов

Частота употребления интернет-сленгизмов	Русский сленг, %		Китайский сленг, %	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Часто	–	–	16,1	17,9
Иногда	94,3	93,8	80,5	78,6
Никогда	5,7	6,2	3,5	3,5

При этом наблюдаются значительные различия в частоте употребления сленгизмов среди китайских (но не русских) информантов – обучающихся и информантов – работающих (таблица 8).

Таблица 8 – Соотношение частоты употребления интернет-сленгизмов и характера занятости информантов

Частота употребления интернет-сленгизмов	Русский сленг, %		Китайский сленг, %	
	учащиеся	работающие	учащиеся	работающие
Часто	–	–	21,00	9,4
Иногда	93,6	95,7	76,7	84,7
Никогда	6,4	4,4	2,3	6,0

Информантам также был задан вопрос «Какой ваш любимый интернет-сленгизм или интернет-сленгизм, вызвавший ваш наибольший интерес в последнее время?»

451 русскоязычных респондента при ответе на этот вопрос указали конкретную единицу (282 сленгизма), что составило 83,83% от числа всех информантов. Среди них самую высокую повторяемость имеет слово *кринж* (102 раза), *рофл* (49 раз), *краш* (32 раза), *игнор* (20), *лол* (20). Среди этих 15 сленгизмов были предложены нами в качестве вариантов ответа, 3 из их вошли в топ-5, остальные сленгизмы были приведены самими респондентами.

Среди русскоязычных респондентов 87 человек (16,17%) не дали конкретного ответа. Их ответы можно отнести к трем группам: в первой группе собраны такие ответы, как «не знаю», «нет такого», «нет» или прямо пропускали вопрос (73 ответа), вторая группа – «затрудняюсь отвечать», «отношусь к интернет-сленгу нейтрально» (7 ответов), в третьей группе не указывается конкретное слово, а написаны примерно так: «мем», «англицизмы», «слова используются в сокращении» и т.д. (7 ответов). Респондентов из третьей группы мы далее условно причислили к группе опрошенных, которых интересует интернет-сленг и которые указали «любимый» сленгизм.

При исследовании китайского интернет-сленга мы получили 372 ответов с указанием конкретных единиц (52,1% респондентов), среди которых 174 единицы – слова, словосложения и предложения. Из них 21 единица была предложена нами в качестве варианта ответа. Оказалось, что высокую повторяемость имеют слова 奥利给 *àolìgěi* (похвала, подбадривание)

(47 раз), 真香 zhēnxiāng (понравилось то, что ненавидел вначале) (21 раз), 我太难了 wǒtàinánle ‘мне так тяжело’ (18 раз), 怼 duì ‘критиковать’ (11 раз), 盘 pán ‘наказать’ (11 раз). Среди оставшихся 342 китайских респондентов (47,9% респондентов) 329 человек не дал ответа на данный вопрос, 13 информантов дали такие ответы, как 无 wú ‘нет’ (7 ответов), 没有 méiyǒu ‘не имеется’ (4 ответа), 不知道 bù zhīdào ‘не знаю’ (1 ответ), ... (1 ответ). В отличие от русскоязычных респондентов, китайские респонденты не дали ответ о своем любимом типе интернет-сленгизма.

Исследование показало, что, что среди русскоязычных информантов лица мужского пола давали ответы охотнее, чем лица женского пола, в то время как среди китайцев, наоборот, женщины были активнее (таблица 9).

Таблица 9 – Соотношение количества ответов на вопрос о «любимом» сленгизме и пола информантов

Наличие / отсутствие ответа	Русский сленг, %		Китайский сленг, %	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Нет ответа	10,0	15,6	52,1	45,5
Есть ответ	90	84,4	47,9	54,5

Среди русскоязычных информантов все опрошенные, родившиеся до 1979 г., дали ответ на вопрос, а опрошенные, родившиеся в 1980-1989 гг., были активны в наименьшей степени. Более 85 % респондентов, родившихся после 1990 г., дали ответ на вопрос. В отличие от русскоязычных информантов, среди китайцев активнее всего отвечали на вопрос респонденты, родившиеся в 1980-1989 гг. и после 2000г.

Таблица 10 – Соотношение количества ответов на вопрос о «любимом» сленгизме и возраста информантов

Наличие / отсутствие ответа	Русский сленг, %				Китайский сленг, %			
	после 2000 г.	1990-1999 гг.	1980-1989 гг.	до 1979 г.	после 2000 г.	1990-1999 гг.	1980-1989 гг.	до 1979 г.
Нет ответа	14,4	11,5	28,1	0,0	44,9	50,8	43,3	55
Есть ответ	85,6	88,5	71,9	100	55,1	49,2	56,7	45,0

Русскоязычные и китайские респонденты, относящиеся к категории «обучающиеся» чаще отмечали свое любимое слово, чем относящиеся к категории «работающие». Однако для китайских информантов различие в показателях не так велико, как у русскоязычных информантов, – разбежка в процентах составляет только 2,5 (таблица 11).

Таблица 11 – Соотношение количества ответов на вопрос о «любимом» сленгизме и рода занятий информантов

Наличие / отсутствие ответа	Русский сленг, %		Китайский сленг, %	
	учащиеся	работающие	учащиеся	работающие
Нет ответа	14,0	23,9	49,9	52,4
Есть ответ	86,0	76,1	50,1	47,6

Таким образом, результаты исследования показали, что сфера и частота использования интернет-сленга среди русскоязычных и китайскоязычных респондентов обусловлены рядом факторов, среди которых можно назвать возраст, пол, сферу занятости.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Строгонова, Е. А. Сравнительный анализ словообразовательных моделей интернет-сленга в русском и китайском языках в контексте влияния социальной среды [Электронный ресурс] / Е. А. Строгонова // Векторы благополучия: экономика и социум. – Томск, 2014. – №2 (12). – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-slovoobrazovatelnyh-modeley-internet-slenga-v-russkom-i-kitayskom-yazykah-v-kontekste-vliyaniya-sotsialnoy-sredy/viewer>. – Дата доступа : 20.12.2020.
2. Калита, В. А. Общение в социальных сетях как фактор загрязнения языковой среды / В. А. Калита, Б. М. Плякич // Экология языка-2018 / ред. В. Ю. Новикова. – Краснодар, 2018. – С. 128-133.
3. Ефремов, В. А. О некоторых новых стратах русского языка в Интернете / В. А. Ефремов // Тезисы международной конференции «Стратификация национального языка в современном российском обществе», Санкт-Петербург, 30 октября – 2 ноября 2013 года / гл. ред. А. В. Голубева. – Санкт-Петербург, 2013. – С. 67–71.
4. Котляров, К. О. Интернет-сленг и его влияние на речевую культуру современного студента [Электронный ресурс] / К. О. Котляров, С. П. Строкина // Язык и личность в поликультурном пространстве / Гуманитарно-педагогический институт ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет». – Москва, 2017. – Режим доступа : https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29673454_51106393.pdf. – Дата доступа : 04. 02. 2021.
5. Курманова, А. М. Особенности использования интернет–сленга в молодежной среде [Электронный ресурс] / А. М. Курманова, В. О. Болтнева. – Режим доступа : <https://zodorov.ru/termini-v-kommunikativnom-prostranstve.html?page=3>. – Дата доступа : 13.10.2019.
6. Афанасова, Н. В. «Наскальный» текст Интернета и его значение в формировании орфографической грамотности школьников / Н. В. Афанасова // Казанский педагогический журнал. – Казань, 2016. – № 2. – Ч. 1. – С. 137–140.
1. 7. Ли Чуаньлун. Причина и влияние популярности интернет-сленга = 网络流行语体盛行的原因与影响 [Электронный ресурс] / Ли Чуаньлун // Вестник Суэцкого образовательного института = 苏州教育学院学报. – Сучжоу, 2015. – № 2. – Режим доступа : <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotal-SZJX201502010.htm>. – Дата доступа : 15.01.2021.
7. Чэнь Шаофу. Исследование интернет-сленга на основе новостей = 基于新闻事件的网络流行语研究 [Электронный ресурс] / Чэнь Шаофу / Чунцинский университет технологии и бизнеса = 重庆工商大学. – Чунцин, 2011. – № 201. – Режим доступа : <http://cdmd.cnki.com.cn/Article/CDMD-11799-1012282086.htm>. – Дата доступа : 13.12.2020.
8. Аникина, Т. В. Стилистические средства языкового оформления англоязычной части микроблога Твиттер / Т. В. Аникина // Глобализация науки: проблемы и перспективы : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (5 ноября 2014 г., г. Уфа). – Уфа, 2014. – С. 124–129.
9. Горшков, П. А. Сленг хакеров и геймеров в Интернете : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / П. А. Горшков ; Моск. обл. пед. ун-т. – М., 2006. – 21 с.
10. Семашко, Н. В. Преодоление трудностей при переводе китайского интернет-сленга на русский язык [Электронный ресурс] / Н. В. Семашко // Язык и культура : вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием /

Тихоокеанский государственный университет. – Хабаровск, 2017. – Режим доступа : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29264782&pf=1>. – Дата доступа : 01.02.2021.

11. Ши Чуньхун. Языковая и лингвистическая ценности интернет-сленга = 网络语言的言语价值和语言学价值 [Электронный ресурс] / Ши Чуньхун / Прикладная лингвистика = 语言文字应用. – Пекин, 2010. – № 3. – Режим доступа : <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotal-YYYY201003017.htm>. – Дата доступа : 30.07.2019.

12. Чжан Аньци. Функционирование китайского интернет-сленга: социолингвистическое исследование / Чжан Аньци // Вестник МГЛУ. Сер. 1, Филология. – Минск : МГЛУ, 2020. – № 6 (109). – С. 34–41.

13. Чжан Аньци. Русский интернет-сленг в социолингвистическом аспекте / Чжан Аньци // Вестник МГПУ имени И. П. Шамякина. – Мозырь : МГПУ, 2021. – № 2 (58). – С. 158–164.

Юй Вэй
аспирант

*Минский государственный лингвистический университет
(г. Минск, Республика Беларусь)*

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СЕМАНТИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ МЕЖДУ РУССКИМИ И КИТАЙСКИМИ ФИНАНСОВЫМИ НАИМЕНОВАНИЯМИ

Лексика – это самый основной компонент любого языка, отражающий восприятие объективного мира и отношения к нему людей [1, с.1], однако лексические системы разных языков организованы по-разному, что определяет особенности и специфику их представления в двуязычных переводных словарях. Так, русский язык относится к индоевропейской семье языков и является флективным языком, а китайский язык относится к сино-тибетской семье языков и принадлежит к так называемым изолирующим языкам. Поэтому будучи структурно очень разными языками, русский и китайский языки, естественно, обладают одинаковыми лексическими ресурсами для выражения самых разнообразных определений и понятий в процессе общения, но в то же время характеризуются существенными различиями*. Следовательно, русская и китайская лексика, представленная в русско-китайских словарях или китайско-русских словарях, позволяет в общих чертах передавать смысл иноязычных наименований и понятий, но при этом характеризуется спецификой и разнообразием семантической эквивалентности. Так, например, русские и китайские финансовые наименования покрывают примерно одинаковое семантическое пространство, но семантические соотношения между отдельными наименованиями и понятиями могут быть

*Понятие «слово» (лексическая единица) в китайском языке лишь условно может быть соотнесено с аналогичной языковой единицей в русском языке. В нашем случае под словом (лексической единицей) в китайском языке мы понимаем определенный звуковой (графический) комплекс, выражающий определенный смысл как целостное в семантическом плане понятие (наименование), что дает возможность осуществить корректное и непротиворечивое сопоставительное описание семантических отношений между определенными классами номинативных единиц в разноструктурных русском и китайском языках. Кроме того, в силу изолирующего характера китайского языка значение многих китайских наименований, воспринимаемых семантически как целостные номинативные единицы, в русском языке может быть передано лишь развернутыми описательными оборотами (парафразами), что также накладывает свою специфику на установление семантических соответствий между сопоставляемыми наименованиями в русском и китайском языках.

разными. Нередкими являются случаи, когда одному русскому финансовому наименованию соответствует несколько китайских финансовых наименований или, наоборот, одному китайскому финансовому наименованию соответствует несколько русских финансовых наименований, что является следствием лексической полисемии, которая является наиболее распространенным семантическим отношением и представляет собой “один из важнейших семантических законов языка” [2, с. 41].

По своей сути внутренние семантические отношения полисемичных финансовых наименований являются микрокосмом внутренних семантических отношений полисемичных слов в целом, но имеют определенное своеобразие в силу ограниченности лексического объема и специализированного и специфического характера лексики (финансовых наименований).

Рассмотрим следующие три типа возможных семантических соотношений между китайскими русскими финансовыми наименованиями с точки зрения замены.

1. Одно и то же русское финансовое наименование соответствует двум аналогичным или идентичным по семантике китайским наименованиям, которые могут быть заменены друг другом. Например, рус. *биржа общего типа* – кит. 一般型交易所(yi ban xing jiao yi suo), 普通型交易所(pu tong jiao yi suo), Эти два китайских наименования имеют одну и ту же часть слова 交易所(jiao yi suo) ‘биржа’. Китайское слово 一般(yi ban) имеет значение ‘普通(pu tong), 通常(tong chang)’. И то, и другое можно передать по-русски как ‘общий обмен’, поэтому два китайских понятия – 一般交易所(yi ban xing jiao yi suo) и 普通交易所(pu tong jiao yi suo) – взаимозаменяемы. То же самое касается и рус. *обычный депозит* – кит. 普通存款(pu tong cun kuan), 一般存款(yi ban cun kuan); рус. *обычный депозит* – кит. 普通存款(pu tong cun kuan), 一般存款(yi ban cun kuan); рус. *фрахтовый аванс* – кит. 运费预付(款) yun fei yu fu (kuan), 预付运费(yu fu yun fei); рус. *быстрые деньги* – кит. 快钱(kuai qian), 很快挣得的钱(hen kuai zheng de de qian); рус. *заемные деньги* – кит. 借款(jie kuan), 借入款项(jie ru kuan xiang); рус. *срочный депозит с фиксированным сроком* – кит. 固定期限存款(gu ding qi xian cun kuan), 定期存款(ding qi cun kuan); рус. *целевой аванс* – кит. 专项预付款(zhuan xiang yu fu kuan), 指定用途的预付款(zhi ding yong tu de yu fu kuan); рус. *иностранные деньги* – кит. 外国货币(wai guo huo bi), 外币(wai bi); рус. *блок-полис* – кит. 总括保单(zong kuo bao dan), 统保单(tong bao dan); рус. *бухгалтер* – кит. 会计员(kuai ji yuan), 会计师(kuai ji shi).

2. Два или более китайских наименования, соответствующие по семантике одному и тому же русскому финансовому наименованию, не могут использоваться взаимозаменяемо друг с другом, т.е. китайские значения, соответствующие российскому финансовому наименованию, не являются идентичными, например, рус. *соответствующее авизо* – кит. 有关报单(you guan bao dan), 有关通知(you guan tong zhi), 有关报单(you guan bao dan) означает ‘документы, относящиеся к налоговым декларациям по отгрузкам’, а 有关通知(you guan tong zhi) означает ‘связанные уведомления’. Это взаимосвязанные наименования, значения которых совершенно разные, и поэтому они не могут быть заменены друг другом. Аналогичными примерами являются рус. *аккредитив* – кит. 信用证(xin yong zheng) ‘аккредитив’, 付款凭单(fu kuan ping dan) ‘платежные ваучеры’; рус. *дорогие деньги* – кит. 高利贷(gao li dai) ‘ростовщичество’, 购买力高的货币(gou mai li gao de huo bi) ‘валюты с высокой покупательной способностью’; рус. *занятые деньги* – кит. 借款(jie kuan) ‘кредиты и займы’, 占用款(zhan yong kuan) ‘захваченные средства’; рус. *денежный депозит* – кит. 保证金(bao zheng jin) ‘используется для учета депозитов в виде различной маржи, размещенных в банках и других финансовых учреждениях’, 现金存款(xian jin cun kuan) ‘денежные вклады’; рус. *дезинвестирование* – кит. 停止投资(ting zhi tou zi) ‘прекращение инвестирования’, 投资减少(tou zi jian shao) ‘уменьшение инвестиций’; рус. *дефraudация* – кит. 漏税(lou shui) ‘неосознанная неуплата или недоплата налога налогоплательщиком’, 逃税(tao shui) ‘незаконные действия по неуплате или недоплате налога налогоплательщиками в нарушение налогового законодательства’ и т.д.

3. Несколько китайских наименований по значению соответствуют одному и тому же русскому финансовому наименованию. Однако есть как случаи, когда некоторые из этих китайских наименований похожи или идентичны и могут взаимозаменяться, так и случаи, когда наименования имеют разные значения и, следовательно, не могут быть заменены. Например, рус. *аванс* – кит. 预付(yu fu), 预支(yu zhi), 预付款(yu fu kuan), 预支款(yu zhi kuan), 定金(ding jin), 垫款(dian kuan). При использовании в качестве существительного “预付(yu fu)” имеет то же значение, что и “预付款(yu fu kuan)”, что означает ‘после заключения договора одна сторона выплачивает другой стороне часть денег авансом, как это оговорено в договоре’. Поэтому они взаимозаменяемы. То же самое относится к “预支(yu zhi)”, которое при использовании в качестве существительного имеют то же значение, что и “预支款(yu zhi kuan)”, обозначая авансовый платеж, и поэтому являются взаимозаменяемыми. Между тем, разница между “定金(ding jin)” и “垫款(dian kuan)” существенна, поскольку 定金(ding jin) – это ‘форма обеспечения, при которой определенная сумма денег вносится в обеспечение заключения договора или до его исполнения’, а “垫款(dian kuan)” – это ‘платежи, которые банк вынужден осуществлять за счет собственных средств, если клиент не может заплатить в срок’. То же самое касается и рус. *авизо* – кит. 报单(bao dan), 通知书(tong zhi shu), 汇款通知单(ya hui tong shu dan), 发货通知单(fa huo tong zhi dan), 押汇通知(ya hui tong zhi); рус. *бланковый акцепт* – кит. 空白承兑(kong bai cheng dui), 空额承兑(kong e cheng dui); 无记名承兑(wu ji ming cheng dui); рус. *валюта* – кит. 货币单位(huo bi dan wei); 货币(huo bi), 通货(tong huo), 货币本位(huo bi ben wei); 外币(wai bi), 外汇(wai hui); (票据)金额(piao ju)jin e; рус. *выплата* – кит. 支付(zhi fu), 偿还(chang huan), 付款(fu kuan); 费用(fei yong), 津贴(jin tie); 所付款项(suo fu kuan xiang), 分期付款(fen qi fu kuan); рус. *деньги* – кит. 钱(qian), 货币(huo bi), 资金(zi jin), 款项(kuan xiang); рус. *дешевые деньги* – кит. 低息贷款(di xi dai kuan); 购买力低的货币(gou mai li di de huo bi), 正在贬值的货币(zheng zai bian zhi de huo bi), 银根低廉(yin gen di lian); рус. *неизрасходованные деньги* – кит. 未用款项(wei yong kuan xiang), 没花的钱(meí hua de qian), 闲置资金(qian zhi zi jin); рус. *акция* – кит. 股票(gu piao), 股份(gu fen), 股金(gu jin) и т.д.

В результате анализа китайских аналогов русских финансовых терминов (наименований) установлены следующие разновидности семантических отношений китайских финансовых наименований, соотносимых с русскими единицами.

1. Семантическая субординация (семантическое подчинение).

Некоторые финансовые понятия включают в себя несколько частных значений, которые имеют взаимную подчиненность друг другу и получают в китайском языке разное языковое выражение. Например, рус. *агентство* – кит. ① 机构(ji gou): общая ссылка на рабочую единицу, такую как учреждение или группа, или ее внутреннюю организацию;

② 中间商(zhong jian shang) – это экономические организации или физические лица с правами юридического лица, которые занимаются торговлей товарами между производителями и потребителями и способствуют возникновению и осуществлению актов купли-продажи;

③ 代理处(dai li chu) – орган, совершающий юридические действия от имени другого лица, в рамках своих полномочий, которые имеют прямые юридические последствия для представляемого лица;

④ 代办处(dai ban chu) – То же, что и ③;

⑤ 代办所(dai ban suo) – То же, что и ③;

⑥ 支行(zhi hang) – филиал банка, компетентный банк регионального банка, который может управлять сберегательными кассами и филиалами. Банки обычно имеют иерархическую структуру, состоящую из головных офисов, филиалов, суб-филиалов, отделений и сберегательных касс;

⑦ 分销店(fen xiao dian) – розничный магазин, торгующий товарами.

Из приведенных выше примеров видно, что семантический объем *机构* (jī gōu) является самым большим, а все остальные китайские термины подчинены *机构* (jī gōu), который является формой существования учреждения. То же самое можно сказать и о финансовых наименованиях: рус. *золото* – кит. *黄金* (huáng jīn), *金币* (jīn bì); рус. *инвалюта* – кит. *外币* (wài bì), *外汇* (wài huì); рус. *казначей* – кит. *司库员* (sī kù yuán), *金库主任* (jīn kù zhǔ rén); рус. *камбио* – кит. *借据* (jiè jù), *票据* (piào jù); рус. *капвложение* – кит. *基本建设投资* (jī běn jiàn shè tóu zī), *投资* (tóu zī); рус. *компаньон* – кит. *股东* (gǔ dōng), *合作者* (hé zuò zhě); рус. *кредит-бюро* – кит. *征信所* (zhēng xìn suǒ), *征信机构* (zhēng xìn jī gōu); рус. *льготный кредит* – кит. *优惠贷款* (yōu huì dài kuān), *低利贷款* (dī lì dài kuān); рус. *финансовый магнат* – кит. *金融巨头* (jīn róng jù tóu), *财阀* (cái fá); рус. *маклерские деньги* – кит. *佣金* (yòng jīn), *经纪费* (jīng jī fèi).

2. Семантическая сочинительная связь (семантическое тождество). В данном случае два или более из нескольких финансовых наименований очень похожи или даже идентичны по своему значению. Например, рус. *жалование* – кит. ① *薪金* (xīn jīn), ② *薪水* (xīn shuǐ), ③ *薪资* (xīn zī). *薪水* (xīn shuǐ), также известная как *薪金* (xīn jīn), является современным термином для обозначения *薪资* (xīn zī), относится к заработной плате государственных служащих, клерков и т.д. Таким образом, в современном китайском языке три значения слов *薪水* (xīn shuǐ), *薪金* (xīn jīn) и *薪资* (xīn zī) совпадают. Семантические отношения между ними – это отношения тождества. То же самое касается и рус. *ломбард* – кит. *当铺* (dāng pù), *典当行* (diǎn dāng háng), *押店* (yā diàn); рус. *аванец* – кит. *预付款* (yù zhī kuān), *预支款* (yù zhī kuān); рус. *акцептант* – кит. *承付人* (chéng fù rén), *票据* (piào jù), *承兑人* (chéng duì rén); рус. *акционер* – кит. *股东* (gǔ dōng), *股票持有人* (gǔ piào chí yǒu rén), *入股者* (rù gǔ zhě); рус. *аннексионист* – кит. *吞并者* (tūn bìng zhě), *兼并者* (jiān bìng zhě); рус. *арбитр* – кит. *仲裁员* (zhōng cái yuán), *仲裁人* (zhōng cái rén), *公断人* (gōng duàn rén); рус. *аудирование* – кит. *查账* (chá zhàng), *审计* (shěn jì); рус. *банк-гигант* – кит. *大银行* (dà yín háng), *银行巨头* (yín háng jù tóu); рус. *банкрот* – кит. *破产人* (pò chǎn rén), *破产者* (pò chǎn zhě) и др.

3. Семантические отношения излучения. Финансовые наименования имеют несколько базовых значений внутри себя, и несколько значений, образующихся путем диффузии поверх одного из базовых значений. Например, рус. *авизо* – кит. ① *通知书* (tōng zhī shū), также известное как лист уведомления, – это инструмент для распространения общественной информации в письменной форме;

② *汇款通知书* (huì kuān tōng zhī dān) – ваучер, отправляемый клиенту вместе со счетом-фактурой и возвращаемый обратно в отдел продаж, когда клиент произвел оплату;

③ *发货通知单* (fā huò tōng zhī dān) – это своего рода инструмент и ваучер для информирования клиента о деталях отправленного товара;

④ *押汇通知* (yā huì tōng zhī) – начисление относится к переговорам банка в случае проверки векселя на правильность, в соответствии с условиями аккредитива для покупки векселя бенефициара и документов, от суммы векселя, вычитаемой с даты переговоров до предполагаемой даты оплаты по векселю процентов, остаток векселя в соответствии с датой переговоров с внешнеторговыми компаниями. *押汇通知* (yā huì tōng zhī) является документом уведомления, в котором фиксируется вышеуказанная конкретная информация.

Из вышеприведенных объяснений видно, что китайские термины ②③④ вытекают (излучаются) из базового значения ① и получают новое значение, что демонстрирует фактические отношения излучения. Другими финансовыми наименованиями в этой категории являются рус. *банкир* – кит. *银行家* (yín háng jiā), *银行(业)主* (yín háng zhǔ), *银行大股东* (yín háng dà gǔ dōng); рус. *куртаж* – кит. *佣金* (yòng jīn), *经纪费* (jīng jī fèi), *手续费* (shǒu xù fèi); рус. *вкладчик* – кит. *存款人* (cún kuān rén), *存户* (cún hù), *投资者* (tóu zī zhě); рус. *выгода* – кит. *利益* (lì yì), *收益* (shōu yì), *益处* (yì chù), *好处* (hǎo chù); рус. *делец* – кит. *生意人* (shēng yì rén), *实业家* (shí yè jiā), *投机人* (tóu jī rén); рус. *доход* – кит. *收入* (shōu rù), *收益* (shōu yì), *所得* (suǒ de), *进款* (jìn kuān); рус. *здаток* – кит. *定金* (dìng jīn), *预约金* (yù yuē jīn), *保证金* (bào zhēng jīn), *押租* (yā zū); рус. *компаньон* – кит. *合伙人* (hé huò rén), *股东* (gǔ dōng), *合作者* (hé zuò zhě), *伙伴* (huò bàn) и т.д.

4. Семантические последовательные отношения. Сущность названных отношений заключается в том, что среди нескольких смыслов (значений) в рамках одного финансового наименования существует логическая последовательная связь между некоторыми из этих смыслов. Например, рус. *ассигнование* – кит. ① *拨款* (bo kuan) – выделение денег от правительства или начальства; ② *支出* (zhi chu) – оплата в пути, оплата произведена.

В соответствии с обычными рабочими процедурами, дальнейшие расходы должны следовать за существующим грантом от вышестоящего лица. Поэтому ① → ② является логической последовательностью. Аналогичный пример также рус. *застрахование* – кит. *保险* (bao xian), *投保* (tou bao); рус. *лишение кредита* – кит. *收回贷款* (shou hui dai kuan), *丧失贷款* (sang shi dai kuan).

5. Комбинированные семантические отношения. Вследствие полисемии некоторые финансовые наименования имеют несколько значений, и между значащими элементами внутри финансового наименования, как показано выше, существуют разнообразные семантические отношения. При этом в некоторых случаях в пределах одного общего финансового наименования формируется несколько разных типов семантических отношений. Например, рус. *дефицит* – кит. ① *赤字* (chi zi) ‘показатель экономической деятельности, при котором расходы превышают доходы’. Он называется *赤字* (chi zi), потому что записи написаны красным цветом;

② *亏空* (kui kong) означает, что финансовые поступления не покрывают расходы, что приводит к образованию задолженности;

③ *逆差* (ni cha) – во внешней торговле, если импорт страны превышает ее экспорт в течение определенного периода времени (обычно года), это становится дефицитом на входе, или торговым дефицитом;

④ (*物资* wu zi) *供应不足* (gong ying bu zu) – (материалы) не могут удовлетворить потребности;

⑤ *缺乏* (que fa) – отсутствие или недостаточность (чего-то нужного, желаемого или вообще желаемого);

⑥ *次品* (ci pin) – продукт, внешний вид или некоторые незначительные качественные характеристики которого ниже стандарта, но который все еще можно использовать по назначению;

⑦ *残品* (can pin) – продукт, который был изуродован или поврежден;

⑧ *处理品* (chu li pin) – продукция, которая не соответствует стандартам и требованиям квалифицированной продукции, но не представляет опасности для здоровья человека, личной и имущественной безопасности, и все еще имеет некоторую потребительскую ценность.

Из приведенных выше китайских смысловых элементов видно, что ①, ②, ③ представляют собой семантическую радиальную связь, поскольку эти три новых смысловых элемента основаны на ‘расход больше дохода’. ⑥, ⑦, ⑧ также являются семантическими радикалами, образуя новые значения поверх значения ‘несоответствующая продукция’. Два понятия ④ и ⑤ можно понимать как семантическое подчинение, поскольку ‘недостаточное предложение’ – это своего рода ‘недостаток’. Следовательно, в рамках китайского финансового наименования *дефицит* представлены три группы значений (смыслов), объединенных различными видами семантических связей. То же самое характерно и для рус. *ажю* – кит. *升水* (sheng shui), *加水* (jia shui), *汇水* (hui shui), *贴水* (tie shui), *银行手续费* (yin hang shou xu fei); рус. *аренда* – кит. *承租人* (cheng zu ren), *租用人* (zu yong ren), *租户* (zu hu), *佃农* (dian hu); рус. *ассигнование* – кит. *拨款* (bo kuan), *支出* (zhi chu), *费* (fei), *拨款额* (bo kuan e), *准拨的款额* (zhun bo de kuan e); рус. *взыскание* – кит. *追偿* (zhui chang), *追缴* (zhui jiao), *收回* (zheng hui), *征收* (zheng shou), *处分* (chu fen), *处罚* (chu fa), *罚金* (fa jin), *罚款* (fa kuan), *缴款单* (jiao kuan dan); рус. *вкладчик* – кит. *存款人* (cun kuan ren), *存户* (cun hu), *投资者* (tou zi zhe); рус. *гарант* – кит. *担保* (dan bao), *保证* (bao zheng), *保障* (bao zhang); рус. *деноминация* – кит. *货币* (huo bi) *改值* (gai zhi).

zhi, 改变 gai bian (货币 huo bi, 纸币 zhi bi) 票面额 piao mian e (票面价值 piao mian jia zhi), 票面额 减低 (piao mian e jian di); рус. деньги – кит. 钱 (qian), 货币 (huo bi), 资金 (zi jin), 款项 (kuan xiang); рус. депозитор – кит. 存款人 (cun kuan ren), 存户 (cun hu), 寄存人 (ji cun ren), 委托保管人 (wei tuo bao guan ren).

Таким образом, в современном китайском языке финансовые наименования представляют собой комплексные номинативные единицы с различными типами семантических отношений между отдельными компонентами (значениями).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Цао Цзинсянь, докторская диссертация, Шаньдунский университет, –2018, – С. 1.
2. Л.А. Новиков и др. , Современный русский язык, Теоретический курс . Лексикология. [М] М., Русский язык, – 1987,– С. 41)
3. [Электронный ресурс] // Байду. – Режим доступа: <https://baike.baidu.com>. – Дата доступа: 14.01.2022.
4. [Электронный ресурс] // MBA Think Tank. – Режим доступа: <https://wiki.mbalib.com>. – Дата доступа: 14.01.2022.
5. 5.[Электронный ресурс] // Море слов. – Режим доступа: <http://www.cihai123.com>. – Дата доступа: 14.01.2022.

Бадилова Анастасия Сергеевна
студентка Минского государственного
лингвистического университета
(г. Минск, Республика Беларусь)

ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЕДЫ НА ПРИМЕРЕ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ С КОМПОНЕНТОМ 米

Для китайцев принятие пищи является, скорее, священным ритуалом, нежели естественной потребностью. В Китае не существует «плохой» еды, народ считает, что все блюда должны подаваться к столу в лучшем виде, т.к. они питают дух и тело [1, 238]. Этому есть подтверждение в языковой составляющей в виде фразеологизма 民以食为天, что означает «народ считает свою пищу небом».

Столь высокое внимание к еде обусловлено тем, что практически на протяжении всей своей истории китайский народ сталкивался с проблемой голода. Причиной тому были стихийные бедствия, массовая бедность китайского населения и другие немаловажные факты истории. Так, например, в 1958–1962 гг. от голода погибли около 45 миллионов китайцев [2]. Однако в результате проведения политики реформ ситуация значительно изменилась: проблемы голода уже не существует. Тем не менее воспоминания об этих периодах истории Китая хорошо отложились в коллективной бессознательной памяти людей, поэтому процветает культ еды как таковой.

Также на культ еды были спроецированы важнейшие категории древней китайской философии, такие как, например, принципы Инь и Ян, отражающие двойственность этого мира. Субстанции Инь и Ян представляют собой две полностью противоположные позиции, которые находятся в постоянном противостоянии, однако, в то же время, дополняют друг друга (Инь – нежное, темное, женское начало, Ян – сильное, светлое, мужское начало) [3, 31]. Поэтому китайский народ стремится создать блюда в соответствии с балансом Инь и Ян. В китайской культуре еды добиться баланса возможно только лишь в результате гармонии во всем, начиная от выбора продуктов и заканчивая приготовлением блюда. С точки зрения этой философской концепции горячие и теплые продукты относят к категории Ян, т.к. в нем течет мужская энергия, прохладные продукты – к категории Инь.

Что касемо приготовления блюд существует огромное многообразие способов, что объясняется желанием «уравновесить» Инь и Ян либо же «усилить» одну из сторон. Соответственно, чтобы «усилить» Ян используются такие способы, как жарка, копчение, использование острых приправ. Для Инь же наоборот, чтобы «усилить» Инь, применяют такие способы, как соление, маринование [4, 25-28].

В питании энергия Инь – источник спокойствия, Ян напротив – источник динамики. Когда энергия Инь достигает своего максимума она переходит в Ян, где и происходит гармония. А питание Инь-Ян восстанавливает энергетический баланс не только тела, но и души человека [5].

Помимо философии Инь-Ян в китайской культуре еды выделяют пять вкусов: горькое, соленое, кислое, сладкое, острое. Здесь также важна гармония и сочетание вкусов между собой, ведь ни одно из этих вкусов нельзя использовать в чистом виде [6, 163]. Только комбинирование данных вкусовых направлений помогут достичь настоящей гармонии.

Культура Китая считается одной из древнейших в мире, однако язык очень тесно связан с культурой. Язык не только является составляющей культуры, но и ее производящей. Поэтому более точно и подробно рассмотреть культ еды в Китае можно на примере устойчивых оборотов или же 成语. «Чэньюй (кит. 成语, пиньинь: chéngyǔ, буквально: «готовое выражение») – в китайском языке устойчивый оборот, чаще всего состоящий из четырёх иероглифов» [7]. Однако помимо 成语 существуют и 俗语. Суюй (кит. 俗语, пиньинь: sùyǔ) – это уже не просто устойчивый оборот, а именно пословица, состоящая из более чем 4-х иероглифов.

Китайцы всегда делят пищу на два основных компонента: 主食 («основная еда») и 副食 («второстепенная еда»). К «основным» относятся зерновые культуры, в древности это были: просо, овёс, ячмень, затем их потеснил рис, и в настоящее время первостепенное значение имеет именно он. К «дополнительным» относятся мясные, рыбные и овощные блюда [8, 9].

Повседневная пища крестьянина в Китае состояла из риса и овощей с соевым соусом. Мясо было доступно не всем и потому редко было на столе. Также для хорошего самочувствия и согрева в холодную пору года они пили рисовый отвар.

И даже в современном мире рис не утратил своей значимости. При трапезе 副食 («второстепенная еда») ставится в центре стола, и каждый человек накладывает себе понемногу из общих тарелок с едой, только 主食 («основная еда»), а именно рис, подаётся в отдельных чашках [8, 10]. Помимо использования риса в качестве 主食, его также применяют при изготовлении лапши, различных лепёшек, сладостей, рисового уксуса и т.д.

В связи с почитанием риса в китайской культуре сложилось огромное количество устойчивых выражений с компонентом 米 («рис»), которые отражают значимость риса в культуре китайцев (Таблицу 1).

Таблица 1. – Значение фразеологических оборотов с компонентом 米

№	Фразеологический оборот	Перевод	Комментарий
<i>1. Материальное благосостояние</i>			
<i>1) богатство</i>			
1	鱼米之乡	Край полный рыбы и риса.	Богатые и плодородные земли.
<i>2) бедность</i>			
5	米珠薪桂	Рис дороже жемчуга, а хворост – коричневого (дорогого) дерева.	Имеет значение дорогой и весьма сложной жизни.
<i>2. Особенности поведения человека</i>			
12	偷鸡不成蚀把米。	Попытаться украсть курицу, по итогу	Эта пословица – метафора переживания потери, т.е. в

		просыпав даже горсть риса.	попытках получить преимущество оказаться еще в более худшем положении.
<i>3. Особенности характера человека</i>			
<i>1) стремление постичь истину</i>			
15	舐糠及米	Слизать высежку и добраться до чистого риса.	Добраться до сути, узнать истину.
<i>2) быстрое принятие решений</i>			
17	画沙聚米	Нарисовать карту на песке, собирая рис.	Оперативное и быстрое принятие решений.
<i>3) мелочность</i>			
19	数米而炊	Пересчитывать зерна риса.	Мелочный человек.
<i>4) двуличие</i>			
20	唱沙作米	Восхвалять песок, изготавливать рис.	Выдавать плохое за хорошее.
<i>5) слабость</i>			
21	为五斗米折腰	Кланяться ради пяти зерен риса.	Терпеть унижения.
<i>6) наивность</i>			
22	等米下锅	Ждать, пока рис попадет в котел.	Напрасные ожидания, т.е. упускать возможность, хоть есть все необходимые условия для какой-либо работы.
<i>7) предприимчивость</i>			
23	聚米为山	Сделать горы из зерен риса.	Выработать стратегию.
<i>8) болтливость</i>			
24	米盐博辩	Спорить о рисе и соли	Говорить больше, чем нужно.
<i>4. Особенности менталитета</i>			
<i>1) коллективизм</i>			
25	一只蜂酿不成蜜，一颗米熬不成粥。	Одна пчела не сможет сделать мед, а из зернышка риса не получится каши.	Индивидуальные усилия ограничены, только при помощи коллектива можно достичь нужного результата.
<i>2) трудоголизм</i>			
27	飞米转刍	Летающий рис превращается в сено.	Быстро доставлять зерно.
<i>3) ответственность</i>			
29	和尚不说鬼，袋里没有米。	Монахи не говорят о призраках, в их мешках нет риса.	Если монах не будет проповедовать о призраках, то у него не будет даже риса, т.е. каждый человек должен быть на своем месте и исполнять свои обязанности.
<i>5. Особенности взаимоотношений между людьми</i>			
<i>1) благоразумие</i>			
30	煮饭要放米，讲话要讲理。	Когда варите рис, вы кладете рис, а когда общаетесь, будьте	При приготовлении риса главный ингредиент – рисовая крупа, также и при общении

		разумными.	важно оставаться благоразумными, что является «главным ингредиентом».
<i>2) статусность</i>			
32	水米无干	Капля воды и зерно риса не имеют ничего общего.	Не взаимодействовать друг с другом.
<i>3) поставленность речи</i>			
34	麻姑掷米	Ма Гу бросает рис.	Метафора, которая означает использование средств выразительности для придания тексту уникальности.
<i>6. Отношение к окружающему миру</i>			
<i>1) неизменность случившегося</i>			
35	生米煮成熟饭。	Сырой рис уже сварен.	Невозможно изменить уже случившееся событие.
<i>2) бескрайность мира</i>			
37	太仓稊米	Просяное зерно в зернохранилище.	Люди и вещи чрезвычайно малы и ничтожны в огромной вселенной.
<i>7. Отношение к рису как составляющей жизни</i>			
<i>1) первостепенность</i>			
39	有柴有米是夫妻，无 柴无米各东西。	Есть дрова и рис – муж и жена, нет ничего без дров и риса.	«Дрова» и «рис» являются метафорой, которая здесь означает основу счастливой жизни, т.е. имея «дрова» и «рис» муж и жена будут жить в гармонии, не имея этого – не будет ничего.
<i>2) доступность</i>			
42	凌杂米盐	Смешать рис и соль.	Банальные и тривиальные вещи.
<i>3) красота</i>			
45	山川米聚	Любоваться пейзажами (гор и рек) подобно сбору риса.	Сравнение красоты природы и сбора риса.

Анализ 45 устойчивых выражений с компонентом 米 («рис») показал, что важнейшим компонентом китайской культуры еды является рис, который отражает следующее:

1. *материальное благосостояние* (11 фраз. единиц)
 - 1.1. богатство (4 фраз. единицы)
 - 1.2. бедность (7 фраз. единиц)
2. *особенности поведения человека* (3 фраз. единицы)
3. *особенности характера человека* (10 фраз. единиц)
 - 3.1. стремление постичь истину (2 фраз. единицы)
 - 3.2. быстрое принятие решений (2 фраз. единицы)
 - 3.3. мелочность (1 фраз. единица)
 - 3.4. двуличие (1 фраз. единица)
 - 3.5. наивность (1 фраз. единица)
 - 3.6. предприимчивость (1 фраз. единица)
 - 3.7. болтливость (1 фраз. единица)

4. *особенности менталитета* (5 фраз. единиц)
 - 4.1. коллективизм (2 фраз. единицы)
 - 4.2. трудоголизм (2 фраз. единицы)
 - 4.3. ответственность (1 фраз. единица)
5. *особенности взаимоотношений между людьми* (5 фраз. единиц)
 - 5.1. благоразумие (2 фраз. единицы)
 - 5.2. статусность (2 фраз. единицы)
 - 5.3. поставленность речи (1 фраз. единица)
6. *отношение к окружающему миру* (4 фраз. единицы)
 - 6.1. неизменность случившегося (2 фраз. единицы)
 - 6.2. бескрайность мира (2 фраз. единицы)
7. *отношение к рису как составляющей жизни* (6 фраз. единиц)
 - 7.1. первостепенность (3 фраз. единицы)
 - 7.2. доступность (2 фраз. единицы)
 - 7.3. красота (1 фраз. единица)

По результатам исследования можно сделать вывод, что «рис» фигурирует в китайском языке в основном в качестве первостепенной и значимой части. Образ риса является объединяющей явлением в обществе вследствие того, что он затрагивает все сферы жизни китайского народа, начиная от материальной составляющей и заканчивая духовной сферой жизни общества.

Таким образом, мы выяснили, что на становление культа еды в Китае оказали влияние исторические периоды голода как бессознательное воспоминание нации (исторический фактор) и существование пяти вкусовых направлений и учения о гармонии противоположностей вкусов, основывающегося на философской концепции Инь и Ян (культурный фактор). Анализ устойчивых выражений компонентом 米 показал, что важность культа еды как одного из самых главных составляющих китайской культуры нашло свое глубокое отражение и в самом языке.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Щеникова, Н.В. Питание народов мира: культура и традиции: учебн. пособие / Н.В. Щеникова. – М. : Дальнаука, 2006. – 296 с.
2. Великий китайский голод [Электронный ресурс] / Великий китайский голод. Википедия. – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/Великий_китайский_голод. – Дата доступа : 26.01.2022.
3. Виноградский, В.В. Трактат Желтого императора о внутреннем. Часть 1 : Вопросы о простейшем / Пер. В.В. Виноградский. – М. : Профит стайл, 2007. – 382 с.
4. У Вэйсинь, Энциклопедия лечебной китайской кухни / У Вэйсинь, У Лин. – М. : Нева, 2004. – 352 с.
5. Малахов, Г.П. Целительные силы. Книга 2 [Электронный ресурс] / Целительные силы. Электронная библиотека. – Режим доступа : https://royallib.com/read/malahov_gennadiy/tselitelnie_sili_kniga_2_bioritmologiya_urinoterapiya_travolechenie_sozdanie_sobstvennoy_sistemi_ozdorovleniya.html#0. – Дата доступа : 29.01.2022.
6. Виноградский, В.В. Трактат Желтого императора о внутреннем. Часть 2 : Ось духа / Пер. В.В. Виноградский. – М. : Профит стайл, 2007. – 288 с.
7. Чэньюй [Электронный ресурс] / Чэньюй. Википедия. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/Чэньюй>. – Дата доступа : 26.01.2022.
8. Журавлев, Д.Н. Настоящая китайская кухня / Д.Н. Журавлев. – М. : Эксмо, 2015. – 159 с.

Богданова Ольга Андреевна

РЕДУПЛИКАЦИЯ КАК СПОСОБ ЗНАКООБРАЗОВАНИЯ В ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Редупликация - известное явление во многих языках мира, в частности, не только в китайском, но и в английском, испанском, итальянском, японском, лакском и других языках. Например, в английском языке имеет место два структурного вида редупликации, которая свойственна разным языковым единицам: полная (*goody-goody* 'наинька', *bye-bye* 'пока-пока', *jaw-jaw* 'клац-клац') и частичная (*walkie-talkie* 'рация', *hurry-scurry* 'кое-как') [1, с. 2]. Редупликация характеризует и японский язык: частичная и полная редупликация (*каэсугаэсу* 'неоднократно, снова и снова', глагол *каэсу* 'возвращать, отдавать', *осоруюсору* 'с трепетом, боязливо, робко', глагол *осору* 'бояться, страшиться'), редупликация глагола (*накинаки* 'со слезами, слезно', глагол *наку* 'плакать'), редупликация прилагательного (*курогуро* 'черным-черно', прилагательное *курой* 'черный'), редупликация существительного (*ямаяма* 'горы', имя *яма* 'гора'), редупликация наречия (*мадамада* 'еще, многое' наречие *мада* 'еще'), редупликация идеофонов (*дза:дза:* 'с шумом') [2, с.2]. В лакском языке наблюдается редупликация корневых согласных в глаголах, прилагательных, наречиях, числительных, например: 1. чичлан - чич-лачу 'пиши'; 2. личИи - личИсса 'разные', лахъ - лахъсса 'довольно высокий'; 3. личИи - личИну 'по-разному'; 4. *kli* - *kliа* 'по двое', *klul* - *klula* 'по два раза', *klu* - *klupaupa* 'по два комплекта' [3, с.2]. Редупликация свойственна языковым единицам разного уровня. [4, с.2], например: фонемам - *bolo-boolom* 'идти-буду идти'; *kana-kaanam* 'делать-буду делать'; *paaza-paazam* 'оставлять-оставлю'; *tor-torr* 'просить-докучать'; морфемам - *jal-jaljaln*; *meem-memmem* 'трогать-длительно трогать'; лексемам - *ulug-uluglug* 'большой-очень большой'; *koglig-koglig-koglig* 'веселый-очень веселый'; ономатопоэтическим словам - *rat-a-tat* - 'тук-тук', *rub-a-dub* - 'барабанный бой, трам-там-там'; синтаксическим конструкциям - 休息 休息 'немного отдохнуть'.

Редупликация оказывается характерным явлением и для китайского языка. В данном случае мы можем говорить о редупликации как о словообразовательном способе, позволяющем выразить, например, степень интенсификации признака (漂亮 'красивый' и 漂漂亮亮 'очень красивый'; 仔细 'тщательно' и 仔仔细细 'очень тщательно') [5, с.8].

Специфическим явлением редупликации в китайском языке (ввиду иероглифического типа письменности) является редупликация радикала иероглифического знака. Например, 木, 林, 森. В данном случае иероглиф 木 состоит из 1 компонента 'дерево', иероглифический знак многозначен и может обозначать или одну единицу (гипоним 'дерево'), или множество (гипероним 'древесина'). Второй иероглиф 林 представлен двумя повторяющимися графемами дерево 木 и означает 'лес, роща'. Третий иероглиф 森 является результатом соединения уже трех графем, что передает значение 'густой лес'.

Примечательно, что увеличение числа графем в иероглифическом знаке может доходить до четырех элементов, как например, в иероглифах: 火 'огонь'; 炎 'пламя, пожар, очень жарко', 'воспаление'; 焱 'искры, пламя яркий', 𤇀 'очень сильный пожар'; 又 уои 'ладонь', 'снова', 'опять' 双 *shuāng* 'два', 'оба', 'пара', 𠂔 *guò* 'согласный', 'послушный', 'добродетель'. 𠂔 'связный', 'сплошной' и др.

В русском языке увеличение графического компонента, в частности, буквы, ее редупликации также приводит к изменению значения. Например: «Ааа!», «а-а-а!», «а-а-а-а!» в зависимости от интонации, могут выражать негодование, злорадство, угрозу или иронию, или наоборот, понимание. «О», «оооо!», «о-о-о» могут обозначать удивление, радость, выраженную в разной степени. «У-у», «уууу» выражают разочарование, уныние [6]. Увеличение

графического компонента также свойственна другим буквенным языкам. В английском, к примеру: «Mmm» выражает удовольствие, заинтересованность. «Hhhh» обозначает скуку.[7]. В итальянском языке такое явление тоже имеет место быть: «Ssss» выражает призыв к молчанию. «Еее» указывает на согласие [8].

Радикалы иероглифов имеют разную продуктивность в отношении редупликации. У иероглифа огонь 火 самая высокая продуктивность, так как он является основой для образования 4 форм:

火 ‘огонь’ ➡ 炎 ‘искры, яркий, воспаление’ ➡ 焱 ‘пламя, яркий’ ➡ 𤔓 ‘очень сильный пожар’

Менее продуктивны радикалы, редупликация которых приводит к образованию 3 или 2-х производных форм, например, иероглиф ‘ребенок’ 子 и иероглиф 目 ‘глаз’:

子 ‘ребенок’ ➡ 孖 ‘пара, близнецы’ 孖 ‘три показателя успешного мужчины (квартира, машина, жена)’

目 ‘глаз’ ➡ 晶 ‘красивые глаза’

При этом анализ материала исследования показал, что большинство (67,2%) радикалов не редуплицируется, как, например, в случае с иероглифами 口 ‘коробка, ящик’ или 士 ‘воин’. радикалов не редуплицируются. В частности, в иероглифической системе китайского языка не имеют места такие потенциально редуплицированные графемы, как 心 ‘сердце’, 鸟 ‘птица’ и др. 32,8% детерминативов китайского языка редуплицируются, образуя производные иероглифические знаки, например:

1. 又 ‘ладонь’ 双 ‘пара, двойственность’, 𠂔 ‘согласный, послушный’, 𠂔 ‘связный, слитный’.

2. 耳 ‘ухо, уши’, 聃 ‘встопорщенные уши’, 聃 ‘шептать, шепот’.

3. 臣 ‘слуга, раб, министр’, 𠂔 ‘нарушить, пойти наперекор’.

4. 刀 ‘нож’, 𠂔 ‘сумасшедший’.

5. 言 ‘речь, язык, слова’, 𠂔 ‘быстро говорить’.

Материал исследования показал, что число производных иероглифических знаков, где происходит удвоение, утроение, или увеличение в четыре раза исходного радикала разное.

Наиболее частотны производные иероглифические знаки, в которых происходит удвоение (26%) и утроение (6%) исходной графемы. Например: 辛 ‘терпкий’, ‘острый’ 𠂔 ‘спорить’; 佳 ‘голубь’, 𠂔 ‘пара птиц’, 𠂔 ‘стая птиц’.

Наименее распространены четырех-компонентные производные иероглифические знаки. Например: 又 ‘ладонь’, 双 ‘пара’, 𠂔 ‘послушный, согласный’, 𠂔 ‘связный сплошной’; 火 ‘огонь’, 炎 ‘искры, яркий, воспаление’, 焱 ‘пламя, яркий’, 𤔓 ‘очень сильный пожар’.

Если комбинаторика разных по своей семантике графем порождает или приводит к реализации в языке значения, изначально связанного с каждым из этих компонентов, более того, именно соединение разных по своей семантике графем, в принципе, позволяет получить графическую репрезентацию искомого понятия. В связи с этим возникает вопрос о том, а что может выражать повторяющаяся графика или дублирования одной и той же графики. Рассмотрим пример самых длинных по протяженности знакообразовательных цепочек данного типа: 火 ‘огонь’, 炎 ‘искры, яркий, воспаление’, 焱 ‘пламя, яркий’, 𤔓 ‘очень сильный пожар’. Первый иероглиф 火 однокомпонентный, означает ‘огонь’; Иероглиф 炎 двухкомпонентный, означает ‘искры, яркий, воспаление’, что показывает увеличение степени качества или количества. Утроение графики 焱 ‘пламя, яркий’ приводит к конкретизации значения относительно составляющих элементов представления, а иероглиф 𤔓 ‘очень сильный пожар’ обозначает наибольшую степень интенсификации признака. Однокомпонентный иероглиф 又 обозначает ‘ладонь’, 双 имеет значение ‘пара’, в данном случае пары могут быть разделимы (пара, ботинок, палочек для еды). Значение трехкомпонентного иероглифа 𠂔 ‘послушный, согласный’. Такое значение, вероятно, связано с различного рода договоренностями и

соглашениями с кем-то. Четырёхкомпонентный иероглиф 𠂇 обозначает ‘сплошной, связный’. Данное значение может быть связано с тем, что в четыре руки выполнять какое-либо действие проще. 女 ‘женщина’ 𠂇 ‘ругаться, скандалить, дурной, глупый’ 𠂇 ‘оскорбления, зло и хитрость’. Однокомпонентный иероглиф 女 означает существо женского пола. Двухкомпонентный иероглиф 𠂇 содержит в себе два элемента ‘женщина’ и обозначает ‘ругаться, дурной, глупый’. Значение ‘зло, хитрость’ трехкомпонентного иероглифа 𠂇, скорее всего имеет связь с древним императорским Китаем, когда наложницы императора всеми способами, вплоть до сплетен и устранения соперниц, пытались добиться внимания и расположения правителя. 土 ‘земля’ 圭 ‘скипетр, нефритовая посуда, которую держали древние императоры и князья во время церемоний’ 圭 ‘высокий; крутой (о горах)’. В виду того, что нефритовые знаки отличия (посуда, украшения) изготавливались как для самого императора, так и для высокопоставленных придворных, то, вероятно, поэтому двухкомпонентный иероглиф 圭 обозначает скипетр, нефритовую посуду, которую держали древние императоры и князья во время церемоний. Значение трехкомпонентного иероглифа 圭 может быть связано с тем, что горам, как и нефриту приписывалась не только красота, но и социальная ценность. Нефрит символизирует всё, что связано с добром, умом и мудростью, поэтому и горы также высокие и величественные. 人 ‘человек’, 从 ‘следовать, идти следом; сопровождать’, 众 ‘толпа, народ, многочисленный’. Однокомпонентный иероглиф 人 обозначает человека, а двухкомпонентный иероглиф 从 означает ‘следовать, идти следом, сопровождать’, что вероятно связано с тем, что в древности передвигаться в одиночку было довольно опасно, поэтому люди ходили, в основном, по двое. Трехкомпонентный иероглиф 众 обозначает большое количество людей, что является степенью интенсификации признака.

Таким образом, редупликация является не только способом словообразования, но и знакообразования в китайском языке. При этом наибольшую продуктивность имеют такие радикалы, как 火 ‘огонь’ и 又 ‘ладонь’. Менее продуктивны радикалы 目 ‘глаз’ и 辛 ‘терпкий’, ‘острый’. Редупликация приводит к формированию разных по своей длине знакообразовательных цепочек, где наибольшее число составили двухкомпонентные цепочки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Валиуллина, Р.Б. Редупликация в современных английском и русском языках / Р.Б. Валиуллина, Е.Ф. Арсентьева // Филология и Культура. – 2013. – №1. – С.12-15.
2. Кутафьева, Н.В. Способы выражения категории количества: редупликация (на материале японского языка) / Н.В. Кутафьева. – Новосибирск, 2009. – С.2-7 // Научная электронная библиотека [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-vyrazheniya-kategorii-kolichestva-reduplikatsiya-na-materiale-yaponskogo-yazyka/viewer>. —Дата доступа: 17.11.21.
3. Умариева, С.З., Редупликация как вид словообразования в лакском языке / С.З. Умариева, Х.Г. Сулейманова // Известия ДГПУ. – 2014. – №4. – С.110-112.
4. Рожанский, Ф.И. Редупликация как объект типологии / Ф.И. Рожанский. – Москва, 2010. – С.2-16 // Научная электронная библиотека [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/reduplikatsiya-kak-obekt-tipologii>. —Дата доступа: 17.11.21.
5. Кошкин, А.П. Особенности редупликации некоторых знаменательных частей речи в китайском языке/ А.П. Кошкин // Вестник МГЛУ. – 2015. – №5. – С.2-7.
6. Русский орфографический словарь РАН [Электронный ресурс] / Под ред. В. В. Лопатина // Справочно-информационный интернет-портал ГРАМОТА.РУ, 2005. — Режим доступа: <http://www.slovari.gramota.ru>. — Дата доступа: 17.11.21.
7. Справочник английской грамматики [Электронный ресурс] / Справочно-информационный портал Grammarway, 2016. — Режим доступа: <https://grammarway.com/ru/interjections>. —Дата доступа 17.11.21.

8. Справочно-информационный портал [Электронный ресурс] / Мульти портал km.ru, 1999. — Режим доступа: <https://www.km.ru/referats/93C6B85>. —Дата доступа 17.11.21.

Рачковская Ксения Тимофеевна
студентка Минского государственного
лингвистического университета
(г. Минск, Республика Беларусь)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПОСЛОВИЦ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ЧЭНЬЮЙ)

За долгую историю развития в китайском языке появилось множество пословиц, поговорок и фразеологизмов, большинство которых для русскоговорящего населения при переводе воспринимаются непривычно и странно, но для самих жителей Китая они часто используются в повседневной жизни [1].

Фразеология китайского языка стала объектом лингвистических исследований относительно недавно, в 50-х годах прошлого столетия, поэтому до сих пор еще не определены ее границы и не вполне ясно подразделение фразеологизмов на разряды [1]. Традиционно в китайской филологии выделяются фразеологические единицы: 成语 «идиома, готовое выражение», 俗语 «поговорка», 谚语 «пословица», 歇后语 «недоговорка», 警句 «крылатые слова», 格言 «афоризмы» и 奇说 «парадокс». Наибольший интерес из них представляют чэньюй, во-первых, потому, что они гораздо многочисленнее других фразеологизмов, во-вторых, потому, что они очень часто используются в речи, в-третьих, сами по себе чэньюй представляют хороший материал для изучения как современного состояния лексико-грамматических средств китайского языка, так и их исторического развития [2].

Этимология большинства чэньюев уходит корнями в глубокую древность. Одним из источников чэньюев является богатая многовековая литература Китая. Происхождение многих чэньюев восходит к классическим канонам 诗经 «Шицзин» («Книга песен»), 论语 «Луньюй» («Суждения и беседы»), 孟子

«Мэн-цзы», 史记 «Шицзи» («Исторические записки») и другим литературным памятникам. Иногда чэньюй уже в готовом виде зарегистрирован в литературном источнике и оттуда целиком перешел в современный язык. Например, в «Цзо чжуань» есть фраза 大义灭亲, которая перешла в современный язык, сохранив свое первоначальное значение ‘пренебречь родственными узами ради долга’ [2]. В основе некоторых чэньюев лежит целая история, не зная которой трудно правильно понять передаваемый в чэньюях художественный образ [1].

Все чэньюй выполняют одну функцию – стилистическую. Они служат для придания речи эмоциональной окраски. По количеству слогов все чэньюй делятся на две группы: четырехсложные и нечетырехсложные [3]. Чаще всего они состоят из четырех иероглифов, например: 阴差阳错 ‘то инь, то янь, то одно, то другое, но в сочетании – это гармония’; 道听途说 ‘слушать, что говорят на улице’.

Стоит обратить внимание на сравнение так называемой внутренней формы китайских и русских фразеологизмов и отдельных слов. Термин *внутренняя форма* обычно используется по отношению к более сложным единицам языка – к фразеологизмам. В данном случае роль лексической номинации будет играть номинация некоей устойчивой нравственно-ценностной идеологемы, а роль отдельного признака, положенного в основу номинации, выполняет целый

образ или ситуация. Чтобы почувствовать особенность восточного мировосприятия и микрооценки, необходимо познакомиться с национальной образностью, которую можно увидеть и оценить не иначе как посредством обращения к внутренней форме фразеологизмов. Особенность эта в гораздо большей мере заключается не в наборе нравственно-ценностных смыслов, а в изобразительных средствах, используемых языками для выражения этих смыслов, и в общей стилистической тональности. Особенно заметна разница в «строительном материале» метафор русского и китайского языков. Другое отличие состоит в различной стилистической окрашенности пословиц [2]. Если китайские пословицы стремятся впечатлить тех, кому они адресованы, неспешной манерой изложения метафоры, красотой созданного образа, то русские пословицы стараются привлечь внимание носителей русского языкового сознания иными средствами: остроумием, узнаваемостью фигурирующих в метафорах персонажей из повседневной жизни [4]. Для наглядности приведем небольшую таблицу, содержащую специфические черты фразеологических смысловых эквивалентов русского и китайского языков, в которых отмеченные выше два основных отличия проявились особенно наглядно [2] (Таблица 1).

Таблица 1. – Специфические черты фразеологических смысловых эквивалентов русского и китайского языков

Характеристика русских фразеологизмов	Пример	Характеристика китайских фразеологизмов	Пример
Строительный материал метафор –люди, бытовые ситуации	<i>Сесть в лужу</i>	Строительный материал метафор – природа, животный мир	画虎类犬 ‘Силиться нарисовать тигра, а получить жалкое подобие собаки’
Сниженная стилистика метафор	<i>Не видеть дальше своего носа</i>	Поэтическая окрашенность метафор	井底之蛙 ‘Уподобляться лягушке, сидящей на дне колодца’
	<i>(Чья-либо) песенка спета</i>		釜底游鱼 ‘Участь рыбы, попавшей в котел’
	<i>На своих ошибках только дураки учатся</i>		安步当车 ‘Несчастье повозкой, едущей впереди’ (предостережение тем, кто едет следом)

Чэньюи характеризуются целым рядом признаков.

Характерным признаком чэньюев является *архаичность лексики*. Почти все чэньюи насыщены архаизмами, то есть элементами старого письменного- литературного языка. В чэньюях часто употребляются такие знаменательные слова-однослоги, древнего языка, как 入 «входить», 归 «возвращаться» и т. д. Подобные слова-однослоги древнего языка как самостоятельные слова в современном китайском языке не употребляются, являясь лишь словообразовательными морфемами. Во многих чэньюях лексические элементы сохранили свое древнее значение и произношение, несовпадающее с современным, что иногда вызывает неправильное толкование значения этих чэньюев [4]. Например, в старом языке использовался

такой способ пополнения лексического состава, как 通假 «заимствование иероглифов». Брался какой-нибудь имеющийся иероглиф, например 说 «говорить», ему давалось новое чтение 悦 «радоваться» [2].

В некоторых чэньюях сохранились старые грамматические формы, например, употребление старых служебных слов: 其 вместо 他的 «его» - 莫名其妙 «непостижимый, необъяснимый»; 焉 вместо 怎么 «как, каким образом» - 不入虎穴, 焉得虎子 букв. «если не войти в логово тигра, то как достать тигренка», перен. «смело браться за дело, решительно действовать» и др [2].

Другой характерной чертой чэньюев является то, что они обладают *свойством семантического единства*. Компоненты чэньюя в большинстве случаев не сохраняют своих обычных значений: происходит семантическое обновление выражения за счет переосмысления. Наличие архаичной лексики в чэньюе также влияет на его семантическую спаянность, ибо многие древнекитайские слова – компоненты чэньюя – сохранились в современном языке только в словообразовании и во фразеологизмах. Возьмем, например, чэньюй 习非为是 «привыкнуть к плохому, узаконить зло». Все его компоненты архаичны и самостоятельно в современном языке не используются: 习 «привыкать» может использоваться только как компонент двусложного слова, например 习惯 «привычка»; 非 «неправда, неправильно, зло» и 是 «истина, правильно» также сохранились лишь как элементы фразеологизмов; полусвязка 为 в современном языке заменена связкой 是. Вместе с тем данный пример обладает цельностью, слитностью, нерасчлененностью своего значения, что приводит к устойчивости его и воспроизводимости в речи в готовом виде [2].

Стилистические фигуры (фигуры речи), то есть используемые для усиления выразительности высказывания обороты речи, синтаксические построения, играют значительную роль в создании и усилении образности и экспрессивности чэньюев [5]. Наиболее часто встречающийся в чэньюй стилистический прием – параллелизм, который обычно сочетается с другими стилистическими приемами. Так, параллелизм может строиться на аналогии, использовании синонимов или слов, входящих в одну понятийную ассоциацию: чэньюй 倒行逆施 «поступать наоборот; идти наперекор» строится на параллелизме синонимичных пар 倒 – 逆 «наперекор, наоборот» и 行 – 施 «действовать, поступать» [5; 2]. Особенно широко используется повтор в чэньюй параллельной конструкции, где он, как правило, сопутствует параллелизму [5]. Характерным для чэньюй параллельной конструкции является лексический повтор, при котором повторяющиеся слова располагаются в каждом из звеньев чэньюй, то есть на расстоянии. Например, чэньюй 自言自语 «говорить про себя; разговаривать с самим собой» построен на базе повтора 自 «сам» и синонимичны пары слов 言 – 语 «язык; речь» [5].

Незначительная проницаемость структуры делает возможным существование вариантов чэньюй. Вариантность чэньюй выражается, как правило, в изменении лексического состава, синонимической замене компонентов. Иногда встречается изменение порядка следования компонентов, не приводящее к изменению грамматической формы. Изменение грамматической структуры как проявление вариантности встречается в исключительно редких случаях. Количественных вариантов чэньюй не существует [5].

По мере развития языка уточняются и совершенствуются модели чэньюев. На основе этих закрепившихся в языке моделей создаются новые чэньюи, то есть грамматическая модель становится продуктивной, заполняясь различным лексическим материалом [2].

С целью анализа современного употребления чэньюев был проведен опрос среди носителей китайского языка. В опросе приняло участие 47 человек, которым было предоставлено 4 вопроса об употреблении чэньюев в современной речи (1. Какие китайские пословицы вы знаете? 2. Считаете ли вы необходимым использование пословиц в общении? 3. Часто ли вы используете пословиц в повседневном общении? 4. Хотите ли вы в речи использовать больше пословиц?). Результаты опроса показали, что 92% респондентов (43 чел.) считают, что употребление чэньюев необходимо, так как беседа, насыщенная чэньюями, более интересна и приятна; 8% респондентов (4 чел.) считают, что необходимости использовать чэньюи в речи нет. Все участники опроса редко используют чэньюи в своей речи, но хотели бы делать это чаще, так как считают, что использование чэньюев в речи придает ей особую выразительность. Общее количество названных респондентами чэньюев – 184 ед., наиболее частотными оказались 路遥知马力, 日久见人心 ‘человека узнаешь, когда с ним пуд соли съешь’, 病从口入, 祸从口出 ‘язык мой – враг мой’, 温故而知新 ‘повторение – мать учения’, 以人为鉴 ‘учиться на чужих ошибках’, 掩耳盗铃 ‘прятать голову в песок’, 蜀犬吠日 ‘отвергать новое’.

Таким образом, результаты исследования показали, что молодежь в Китае редко использует чэньюи в повседневном общении, однако хорошо знакомы с ними и их этимологией, также приветствуется их активное употребление в современной речи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Китайские пословицы, поговорки и цитаты – перевод на русском [Электронный ресурс] / Китайские пословицы – примеры и перевод. – Режим доступа : <https://kitaygid.ru/istoriya/kitajskie-poslovitsy>. Дата доступа : 19.01.2022
2. Кленин, И.Д. Лексикология китайского языка / И.Д. Кленин, В.Ф. Щичко. – М. : Восточная книга, 2013. – 272 с.
3. Происхождение китайских пословиц – Китайские пословицы о труде [Электронный ресурс] / Происхождение китайских пословиц. – Режим доступа : <https://studbooks.net/2105841/literatura/proishozhdenie-kitayskih-poslovits>. Дата доступа : 23.01.2022
4. Корнилов, О.А. Жемчужины китайской фразеологии / О.А. Корнилов. – М. : КДУ, 2010. – 346 с.
5. Войцехович, И.В. Практическая фразеология современного китайского языка. Учебник / И.В. Войцехович. – М. : АСТ: Восток – Запад, 2007. – 509, [3] с.

Степанюк Виктория Александровна
студентка Белорусского государственного
университета
(г. Минск, Республика Беларусь)

ЭНАНТИОСЕМИЯ В РЕКУРСИВНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Исследование энантиосемии как отдельного лингвистического факта долгое время оставалось вне поля зрения учёных. Лингвисты до сих пор не могут сойтись во мнении о причинах и свойствах энантиосемии, поэтому часто не выделяют её в отдельную языковую категорию, а относят к антонимии, омонимии или полисемичным словам.

Мы считаем, что энантиосемия отличается от ряда других языковых явлений по ряду существенных признаков, например: один из признаков *антонимии* – семантическая поляризация, однако в случае энантиосемии противопоставление может происходить по периферии значения знака, кроме того, другими отличительными чертами антонимии, в

отличие от энантиосемии, являются наличие двух аспектов выражения и возможность внеконтекстуального противопоставления; в случае *омонимии* между словами полностью отсутствует семантическая связь и мы имеем дело с механическим совпадением звуковых оболочек; в сравнении *сполисемией* у энантиосемичных значений также есть общее происхождение, но при этом они противопоставлены.

Термин «энантиосемия» ввёл в научный оборот В. И. Шерцль в 1884 г. в статье «О словах с противоположным значением» со следующим определением: «явление, при котором в одном и том же слове содержатся противоположные значения» [12, с.1].

Несмотря на то, что термин «энантиосемия» не является часто употребляемым, явление, которое он обозначает, широко распространено во многих языках. В качестве примеров можно привести следующие китайские предикативы (ёгены):

借 jiè: 1) брать взаймы; 2) давать взаймы.

扶 fú: 1) поддерживать; подпирать; 2) опираться (руками); цепляться за.

服 fú: 1) *подчиняться себе; покорять; убеждать*; 2) *подчиниться; сдаться; согласиться с* (напр. приговором).

В качестве примеров из русского языка можно привести слова одалживать («давать в долг» и «брать в долг»), выходить («уходить» и «приходить»), выводить («уничтожать» и «создавать»), завязывать («начинать» и «заканчивать») и другие.

В качестве одной из причин выделяется недостаточная дифференцированность древних корней. Нам близка данная идея, так как вслед за профессором В. В. Мартыновым мы утверждаем, что знак неопределённозначен [7, 8]. Считаем, что древние корни, действительно, имели некие общие, недифференцированные значения. Ядро и периферия знака не были расчленены, собственно, периферического значения ещё не существовало. Изначально любой знак имел семантическое ядро, однако в процессе развития знака за счёт его неспецифического использования ядро могло стать периферией. При этом какое-то время ядерное и периферийное значение знака сосуществовали параллельно, однако затем периферийное значение выходило на первый план и становилось новым ядром, которое, в свою очередь, могло стать новой периферией и т.д. [11]. Таким образом, через определённое количество этапов у одного знака могли развиваться значения, противоположные по отношению друг к другу.

Однако, если взглянуть на проблему с другой стороны и обратиться к теории о том, что любой знак представляет собой бинарную структуру как минимум, то вполне возможна ситуация, когда звуковое и графическое сходство – это лишь совпадение, которое произошло в результате свёртки, а в развёрнутом виде мы имеем дело с разными лексическими единицами. Элементарных материальных единиц, воплощающих знаки, гораздо меньше, чем самих знаков, это создаёт благоприятные условия для омонимии путём использования одного и того же аспекта выражения знака в обозначениях сходных или смежных стереотипов модели мира [8].

На наш взгляд, категория энантиосемии неоднородна и делать «закключение» по каждой конкретной единице необходимо после проверки. Но проблема заключается в том, что в настоящий момент в науке отсутствует единый метод верификации, который позволил бы сделать однозначный вывод по каждой отдельной энантиосеме.

Кроме того, в некоторых работах особое внимание уделяется семантическому богатству аффиксов. Однако, что есть аффикс и почему некорневая морфема в некоторых случаях может практически аннулировать значение корневое (например, слово «*просмотреть*» имеет значения «бегло досмотреть до конца» и «упустить что-либо из поля зрения», то есть *не увидеть*)? Данное явление легко объяснимо, если воспринимать номинативную единицу как свёртку предикативной единицы.

Так или иначе, мы подходим к идее о том, что любой знак представляет собой свёртку двух других. Идея двухкомпонентности знака была впервые высказана польским лингвистом Я. Розвадовским [9] и затем получила развитие в теориях В. В. Мартынова [14] и А. Н. Гордея [2].

На примере знаков двух неродственных языков (русского и китайского) мы постараемся показать универсальность идеи двухкомпонентности знака и возможность использования **метода рекурсивной реконструкции** [3] для исследования происхождения энантиосемии.

Опираясь на положения комбинаторной семантики, мы выделяем простой (номинативный) тип рекурсии и сложный (предикативный) тип [5]. Принцип формирования языковых знаков с предикативной рекурсией был описан В. В. Мартыновым. Он установил, что модификатор знака формируется в предикативном ядре предложения. Из этого следует, что лексема представляет собой свёрнутое предложение и существует изоморфизм синтаксической модели предложения и лексемы.

Роли семантических эквивалентов подлежащего, сказуемого и дополнения на глубинном уровне играют субъект (инициатор акции), акция (отношение) и объект (реципиент акции). Именно они постулируют ядерную семантическую цепочку S – A – O (субъект – акция – объект)[2, с.25]. Помимо данных элементов в цепочке также присутствует продукт (P) акции, хотя не всегда он выражается формально [4, с.10, 15-16]. Мы утверждаем, что схема S – A – O универсальна и работает в системах всех языков.

В качестве объекта для анализа в китайском языке нами была выбрана лексема 借 jiè её русский переводной аналог – глагол¹ *одалживать*.

На наш взгляд, применение рекурсивного анализа к китайскому языку является более показательным, так как китайский язык не относится к морфологическим и поэтому обозначения ролевых отношений (субъект, акция, объект и продукт) более отчётливы.

Большой китайско-русский словарь даёт предикативу 借 jiè следующие значения:

- 1) брать взаймы (*в долг, в кредит*); занимать, одалживать, взять (*в библиотеке*), брать во временное пользование; арендовать;
- 2) давать взаймы, одалживать (*что-л.*); ссужать (*чем-л.*);
- 3) (сокр. в м. 藉) опираться на (*что-л.*); прибегать к (*чему-л., напр., авторитету, помощи*); взять (*в качестве чего-л.*), использовать (как)[1].

Китайский этимологический словарь Шовэньцзецзы (说文解字) объясняет происхождение иероглифа следующим образом:

假也。从人。昔聲 Jiǎ yě. Cóng rén. Xī shēng [Заимствовать. Образован от иероглифа 人 (человек), 昔 (сушеное мясо) – фонетик][13].

Таким образом, если за основу взять формулу S + A + O = P и применить к рассматриваемому нами предикативу, то получится следующее: 人 (человек) + A + 昔 (сушеное мясо) = 借 (одалживать).

Пропущенный компонент – акцию – мы можем восстановить процедурально. *Одалживание* представляет собой процесс *передачи* и, соответственно, *перемещения* объекта. Следовательно, ядерная семантика логограммы раскрывается следующим образом: *человек передал мясо (другому человеку) = одалжил*. При этом мы можем рассмотреть ситуацию с двух сторон, ибо процесс *давания* с одной стороны предполагает процесс *взятия* с другой стороны. Таким образом, один и тот же процесс можно рассматривать с двух точек зрения, хотя фактически ситуация одна.

Подытожив вышесказанное, можем сделать вывод, что одну и ту же ситуацию можно описать с точки зрения субъекта и с точки зрения реципиента (объекта) акции. Именно это является главной причиной возникновения энантиосемии.

Обратимся к русскому ёгену *одалживать*. Согласно традиционному словообразованию, данная номинативная единица образовалась приставочно-суффиксальным способом от слова *долг*. То есть корень слова *-далж-* по значению сопоставим с номинативной единицей *долг*, для которой словарь Ожегова даёт значение «взятое взаймы»[10].

¹ Согласно теории комбинаторной семантики – переменный ёген.

Традиционно, центральной частью слова и носителем его значения считается именно корень, по этой причине корень противопоставлен аффиксам. Однако остановить своё внимание только на значении корня – значит существенно уменьшить глубину анализа: аффиксы также имеют значение, только метасемантическое.

Для сопоставления нами были выбраны следующие ёгены с приставкой **о-**: **облагодетельствовать** (= *дать благое*), **облагородить** (= *придать благородства*), **одарить** (= *дать в качестве подарка; дать в достаточном количестве*), **озарить** (= *дать достаточно света, чтобы стало ярко*), **озеленить** (= *добавить зелень*), **озолотить** (= *дать много золота*), **осветить** (= *дать достаточно света, добавить свет*).

При опоре на словарные дефиниции в данных переменных ёгенах был выделен общий семантический элемент «*давания*» или «*передачи*».

Одолжить < *дать в долг* < *дать долг* < *дать нечто, подлежащее возврату*. Субъект опущен, однако легко восстанавливается на основании модели мира [3, с.23]: *кто-то даёт что-то, подлежащее возврату*. Описанная ситуация, как и в случае с китайским знаком, может трактоваться с двух сторон: процесс *давания* предполагает обратный процесс *взятия*: кто-то *берёт* что-то, подлежащее возврату.

Если говорить о том, что новый знак возникает из старого путем добавления модификатора, то встаёт закономерный вопрос: что могло стать модификатором в приведённых нами примерах? Мы полагаем, что модификатором является изменение направленности действия и именно это порождает энантиосемию.

В случае с энантиосемичными ёгенами *одалживать* и 借, мы имеем дело с процессом *передачи*, где, с точки зрения логики и последовательности действий, *давание* предшествует *взятию*, и последнее без первого невозможно (даже если это *взятие* с применением силы). Если мы отталкиваемся от убеждения, что язык отражает реальность, значит то, что первоначально в реальности, и будет первичным в языке.

Успешное применение к энантиосемичной номинативной единице метода рекурсивной реконструкции подтверждает мнение о том, что ядерная цепочка SAO является универсальной для уровней языковой системы, в том числе и фонологическом, что было блестяще продемонстрировано В. В. Мартыновым [8, с. 77]. Г. Е. Корнилов утверждает, что производная часть современного слова – корень – по происхождению оказывается свёрнутым предложением (имитативом), а составляющие его звукокомпоненты, оставаясь в физическом смысле отдельными звуками, функционально играли роль членов предложения (идеофоны) [6].

Таким образом, наше исследование энантиосемии подтверждает положения комбинаторной семантики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. БКРС [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bkrs.info>. – Дата доступа: 25.04.2021.
2. Гордей, А.Н. Принципы исчисления семантики предметных областей / А. Н. Гордей. – Минск: Белгосуниверситет, 1998. – 156 с.
3. Гордей, А. Н. Реконструкция и рекурсия в синтаксическом анализе предложения / А. Н. Гордей // Карповские научные чтения. – Минск: Бел. Дом печати, 2011. – 4.1. – С. 18-26.
4. Гордей, А. Н. Семантическая разметка события и её отображение средствами китайского и русского языков / А. Н. Гордей // Иностранные языки в высшей школе. – Рязань: Редакц.-изд. центр РГУ им. С. А. Есенина, 2021. – Вып. 2 (57). – С. 5-26.
5. Гордей, А. Н. Теоретическая грамматика восточных языков: лекционный курс / А. Н. Гордей. Электрон.дан. – Минск, 2007. – 1 электрон.опт. диск (CD-ROM).
6. Корнилов, Г. Е. Имитативы в чувашском языке / Г.Е. Корнилов. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1984. – 184 с.

7. Мартынов, В.В. Категории языка. Семиологический аспект / В. В. Мартынов. – М.: Наука, 1982. – 192 с.
8. Мартынов, В. В. Кибернетика, семиотика, лингвистика / В. В. Мартынов. – Мн. : Наука и техника, 1966. – 148 с.
9. Мартынов, В.В. Семиологические основы информатики / В.В. Мартынов. – Минск: Наука и техника, 1974. – 192 с.
10. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., М., 1997. – 944 с.
11. Саруханова, Ю. И. Регрессивная транспозиция ёгенов: Дисс. на соиск. акад. степени магистра по специальности 10.02.19 – теория языка / Ю.И. Саруханова. – Минск, 2007. – 46 с.
12. Шерцль, В. И. О словах с противоположными значениями (или о так называемой энантиосемии) / В. И. Шерцль // Филологические записки. – Воронеж, 1883. – Вып. 5-6. – С. 1-39.
13. Cidianwang [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cidianwang.com>. – Дата доступа: 25.04.2021.
14. Rozwadowski, J. Słownik wyrazów / J. Rozwadowski // Wybór pism. – Warszawa: PWN, 1960. – Т. 3. Językoznawstwo ogólne. – S. 21-95.

Трещинская Анна Юрьевна
*студентка Минского государственного
лингвистического университета
(г. Минск, Республика Беларусь)*

ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКИХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ

Сегодня не представляет возможности с достоверной точностью узнать, когда на Земле появилась первая реклама. Стоит отметить, что влияние рекламы сегодня не просто огромно, она является неизменной составляющей бизнеса потребления, влияя на различные сферы жизнедеятельности человека. Современная реклама отражает все существенные изменения, которые происходят в сфере информационных технологий и СМИ, в социальных и экономических отношениях. Никто не станет оспаривать тот факт, что каждый продукт на рынке предназначен для своей целевой аудитории, которая потенциально может им воспользоваться. Рекламируемые продукты показаны в желанном контексте, вызывая эмоции и чувства у аудитории, обещая им получение удовольствия от покупки или владения продуктом. Иными словами, реклама создает желания, которых ранее не существовало, пытаясь стимулировать людей к покупке стиля жизни вместе с продуктом. Многие согласятся, что сегодня современная реклама выходит за рамки реализации исключительно коммерческих целей.

Основная цель рекламы – повлиять на поведение покупателя, однако это влияние часто изменяется или усиливается благодаря воспоминаниям людей. Воспоминания о бренде формируются ассоциациями, связанными с названием бренда в сознании потребителей [1]. Реклама постоянно влияет на рассмотрение товара, его оценку и, наконец, покупку. В большинстве случаев покупательское поведение потребителей зависит от того, нравится или не нравится потребителю реклама рекламируемого продукта.

Когда дело доходит до создания новой рекламы, маркетологи стараются приспособиться к изменяющимся требованиям бизнеса. Объем использования рекламы значительно увеличился в прошлом веке, поскольку процесс индустриализации привел к увеличению предложения промышленных товаров, хотя в то время не многие предприятия практиковали использование рекламы для продвижения своей продукции. В конце 80-х годов XX века реклама была

ограничена ТВ, радио, рекламными щитами и газетами [1]. В XXI веке все острее встает вопрос конкуренции, стимулируя рекламные агентства к переходу от экстенсивного пути развития к более интенсивному, создавая более качественную рекламу.

Исследователь Пенькова Е.М. выделяет 8 типов рекламы, а именно: *по составу целевой аудитории, по целевому воздействию, по широте распространения, по способу передачи, по способу исполнения, по методу воздействия, по способу обращения, по способу оплаты* [2].

Первым типом рекламы является разделение рекламы *по составу целевой аудитории*, которая подразделяется на *сильно-, средне-, и слабо сегментированную рекламу*. Сегментация – это разделение потребительской аудитории на сегменты по характерным социальным, профессиональным и прочим признакам. Чем специфичнее товар или услуга, тем уже сегмент аудитории, среди которой они могут быть прорекламированы [2].

В качестве примера сегментированной рекламы может послужить торговая марка косметики 玉兰油 “Олэй”: 惊喜从肌肤开始 ‘Восторг начинается с кожи’.

Косметика создана, чтобы восстанавливать и оздоравливать кожу, а также, чтобы скрывать недостатки. Слоган говорит о том, что восторг человеком и его видом начинается с того, как выглядит он и его кожа, поэтому в рекламе предьявляется следующая причинно-следственная связь: если вы будете пользоваться нашей косметикой, то у вас будет хорошая кожа, а значит вами будут восторгаться.

Ко второму типу рекламы относится *реклама по целевому воздействию*. Различают *коммерческую (товарно-сервисную) и некоммерческую (политическую и социальную)* рекламы. Коммерческая реклама служит для создания, поддержания и наращивания спроса на определенные наименования продукции, создания наилучших условий для их реализации потребителям. Некоммерческая реклама может распространяться для привлечения внимания и создания на этой основе позитивного образа предпринимателя, предприятия, группы предприятий и даже целой отрасли [2]. Отметим, что социальная реклама использует те же механизмы, что и коммерческая. Примером *коммерческой рекламы* служит реклама 阿香婆香辣牛肉 “Острого говяжьего соуса Асянпо”, например, 熬啊熬啊终于熬成了阿香婆香婆香辣牛肉酱 ‘Долго тушим, долго варим и наконец готов острый говяжий соус бабушки Асянпо’. В данном рекламном тексте можно встретить описание процесса создания продукта, где рассказывается об его этапах приготовления и о его высочайшем качестве, тем самым делая продукт более качественным и привлекательным. И именно благодаря этой рекламе жители каждого города Китая попробовали этот соус. Эта популярная реклама имела большой успех у населения Китая.

Примером *некоммерческой (социальной) рекламы* является 成龙姚明等明星做的保护野生动物公益性的广告 “Реклама благосостояния защиты дикой природы от Джеки Чана, Яо Мин и других знаменитостей”: 没有买卖就没有杀害 ‘Не будет спроса, не будет истребления’. *Социальная реклама* в Китае взывает к моральным ценностям и призывает людей решать проблемы, существующие в обществе и мире. Например, пока будут потребители, будут и поставщики. Некоторым беспринципным людям погоня за наживой затмевает разум, и они занимаются браконьерством диких животных без разбора. Это самый очевидный порочный круг. Только остановив потребление, можно искоренить браконьерство.

Третьим типом рекламы является разделение рекламы *по широте распространения*, представлен *глобальной, общенациональной, региональной, местной рекламой*. Появление *глобальной рекламы* вызвано стремительным развитием процесса глобализации экономики в целом. Отметим, что три другие вида рекламы предназначены для «рекламной обработки» населения в границах отдельно взятого государства, области, штата, города, поселка, наконец, микрорайона или квартала [2].

Примером *глобальной рекламы* служит реклама от Всемирного фонда дикой природы: 我们不仅保护大熊猫 ‘Мы защищаем не только панд’. Серия рекламных плакатов для

Всемирного фонда дикой природы была разработана рекламным агентством BBH China в 2008 году (см. рис. 1). Эта серия раскрывает тему защиты окружающей среды. Китай, сотрудничая с различными международными организациями, призывает к активным действиям ради сохранения природы и благоприятной среды. Социальное исследование показало, что многие неверно интерпретируют смысл существования этой организации, поэтому были разработаны плакаты, целью которых было донести до обычных людей, что WWF (Всемирный фонд дикой природы) курирует множество разнообразных проектов, такие как борьба с засухой, с загрязнением воздуха и воды, озеленением, и спасение многих различных видов живых существ [3].

Рисунок 1. – Серия рекламных плакатов для Всемирного фонда дикой природы была разработана рекламным агентством BBH China в 2008 году.

Примером *общенациональной рекламы* можно считать рекламу от правительственной организации по строительству и развитию духовной культуры: 文明健康有你有我 ‘Культура, здоровье, ты и я’ (см. рис. 2). Правительственная организация по строительству и развитию духовной культуры активно использует социальную рекламу в распространении основных ценностей по всей стране с целью распространения цивилизованной и нравственной моды и культивирования высоких моральных качеств [3]. Примером *региональной рекламы* могут послужить короткие видеоролики “see China in 70 seconds”.

Примером *местной рекламы* является реклама локальных магазинов.

К четвертому типу рекламы относится разделение *по способу передачи* — *печатная, электронная, внешняя* [2].

Пятым типом исследователь считает разделение рекламы *по способу исполнения*, бывает *текстовой, визуальной, текстово-визуальной*. *Текстовая реклама* подразделяется на простую и сложную, *визуальная*, в свою очередь, представлена статистической и динамической рекламами. Простая текстовая реклама представляет собой обычное объявление. Сложная текстовая реклама включает в себя набор обязательных компонентов — заголовок, подзаголовок, основной текстовый модуль, слоган и т.п. Примером статистической рекламы может послужить соответствующее фотоизображение или рисунок (Рисунки 1,2), динамической — видеоклип (рекламные видеоролики “see China in 70 seconds”), компьютерная анимация [2].

Рисунок 2. – Реклама от правительственной организации по строительству и развитию духовной культуры: 文明健康有你有我 ‘Культура, здоровье, ты и я’.

Шестой тип рекламы – реклама *по методу воздействия*, бывает *прямая* и *косвенная*. *Прямая* реклама – это реклама, ставящая нас перед фактом: представление продукта, его цены, а также контакты производителя. *Косвенная* реклама действует, почти что, на подсознательном уровне. И мы, не замечая того, поддаемся, постепенно впитывая рекламную информацию [2].

Пример прямой рекламы для компании 可口可乐 “Кока-кола”: 永远的可口可乐, 独一无二发味道 ‘Всегда Кока-кола, уникальный вкус’. “Всегда” значит уместно в любой момент жизни, хоть для праздника, хоть просто вечером выпить стаканчик. А также «всегда» значит, что вкус привычный и неизменный. Кока-Кола достаточно популярна, чтобы рекламироваться сама собой, а также тем, что ее вкус знают все и он остается только у Кока-колы. Уникальный вкус, который ни в каком другом напитке не испытать. *С точки зрения ритмико-композиционных особенностей данного рекламного текста*, слоган имеет семисложную структуру, то есть каждая часть состоит из 7 иероглифов [4]. Пример *косвенной рекламы* можно встретить в китайской анимации 天官赐福 “Благословение небожителя”, где главный герой пьет напиток с персиком ‘纯甄’.

Седьмым типом рекламы является разделение ее *по способу обращения* – *безличная* и *персонифицированная*. В последнем случае ее олицетворяют собой известные личности (звезды шоу-бизнеса, актеры, спортсмены), либо знатоки рекламируемого предмета, либо сами потребители – то есть как раз те, к кому обращена реклама [2]. Пример *персонифицированной рекламы* для компании 招商银行 “Чайна Мерчантс Банк”: 招商银行, 因您而变 ‘Чайна Мерчантс Банк меняется благодаря вам’. Рекламный слоган ‘Чайна Мерчантс Банк меняется благодаря вам’ является одним из самых классических рекламных слоганов в банковской индустрии Китая. Он глубоко укоренился в головах людей, а также заставляет клиентов чувствовать искреннее желание выполнения обязанностей со стороны банка и повышает доверие клиентов, а также их удовлетворенность банком. Использование местоимения 您 ‘вы’ повышает вовлеченность потенциального покупателя в процесс покупки товара. Слоган имеет четырехсложную структуру, которая является наиболее удачной с точки зрения китайского языка, так как имеет одинаковое строение с чэньюй (4 иероглифа = 4 иероглифа) [4].

Последним типом рекламы является разделение *по способу оплаты*: *платная* и *бесплатная*. *Бесплатная реклама* встречается редко. В большинстве случаев это общественная или социальная реклама, не преследующая коммерческих целей [2].

Проанализированные примеры китайской рекламы позволили выделить следующие *особенности китайских рекламных текстов*:

Во-первых, в китайских рекламных слоганах уделяется внимание проблемам и желаниям потребителей. В таких рекламах потенциальным покупателям внушают наличие проблемы, а после дают ее решение, которым является покупка определенного товара. Примером является реклама компании 美的电器 “Электротехника Мидея”: 原来生活可以更美的 ‘Оказывается, жизнь может быть лучше’. В данном рекламном тексте использован прием генерализации для наибольшего охвата аудитории. Однако произношение “的” в ‘原来生活可以更美的’ отличается от произношения “的” в “Midea Electronic”. Реклама продукта Midea заканчивается такими же иероглифами, как и в названии самой компании ‘原来生活可以更美的’, то есть этот слоган не только влияет на сознание, говоря об улучшении жизни, но также, заставляет людей запомнить этот продукт.

В качестве второй особенности выступает направленность рекламного текста на вызов приятных ассоциаций у потенциального клиента, связанные с рекламируемым продуктом, описывая вкус, цвет и ощущения, испытываемые при употреблении продуктов. Примером служит реклама для 雪碧饮料 напиток “Спрайт”: 晶晶亮, 透心凉 ‘Блестящий и леденящий до

мозга костей’. Рекламный слоган подразумевает, что напиток чистый и прохладный, что в жаркий летний зной заставляет людей думать о кружащихся белых снежинках и заводи с прозрачной голубой водой. Сразу же возникает ощущение прохлады, создающее “непреодолимое искушение”. В данном рекламном тексте есть омонимичная рифма (использование омонимичных слов) [5]: ‘Jīng jīng liàng, tòu xīn liáng. ’ Данный слоган имеет трехсложную структуру, а именно каждая часть в своем составе имеет по 3 иероглифа [1].

В качестве еще одного примера выступает реклама 三精牌葡萄糖酸钙口服液 “жидкости для приема внутрь (глюконат кальция) фирмы “Сандзин”: 蓝瓶的,好喝的 ‘Голубой пузырек и приятный вкус’. Эта реклама повышает узнаваемость продукта и выделяет его среди аналогов. Это явное различие очень легко запомнить обывателям. В данном рекламном тексте можно найти эхо-рифму (эхо-рифма, или поглощающая рифма, представляет собой звуковое включение одного из рифмующихся слов в другое.) [5]: ‘Lán píng de, hǎo hē de. ’ Этот слоган имеет трехсложную структуру, а именно каждая часть в своем составе имеет по 3 иероглифа [4].

В-третьих, в китайских рекламных текстах встречаются лаконичные и простые фразы, не нагружающие слушателя бесполезной информацией. Используя короткие рекламные слоганы, продавец стремится описать преимущества продукта так, чтобы слоган легко запомнился. Примером этой особенности служит рекламный слоган компании 飞利浦 “Филипс”: 精于心 , 简于形 ‘Овладевший сердцем, простой по форме’. Это настолько распространенный слоган, что многие люди даже воспринимают его как крылатую фразу. В данном рекламном тексте есть аллитерация, а также эхо-рифма: ‘Jīng yú xīn, jiǎn yú xíng. ’ Слоган имеет трехсложную структуру, а именно каждая часть в своем составе имеет по 3 иероглифа [4].

В-четвертых, в некоторых рекламных текстах можно встретить заявления о том, что у данной компании лучший товар, лучшие технологии и отличное качество. И если много раз повторять одно и то же, то в конечном счете, человек поверит в это. Примером является рекламный текст компании 中国联通 “China Unicom”: 引领通信未来 ‘Возглавляя будущее коммуникаций’. Слоган заявляет, что компания в авангарде развития технологий и приближения будущего к настоящему. Он говорит, что они движутся к будущему и к улучшению технологий, а также что они стоят впереди всех в этом вопросе.

В-пятых, в китайском рекламном тексте в основном используются утвердительные предложения с положительной оценкой, так как именно такая подача информации может заинтересовать потребителя. Утвердительный рекламный слоган, имеющий положительную оценку, похож на совет знакомого или друга, что побудит покупателя попробовать данный продукт. В качестве одного из примеров приведем рекламный слоган от фирмы 人头马 “Rémy Martin” (французский коньячный дом, занимающийся производством и продажей коньяка из региона Cognac Fine Champagne): 人头马一开, 好事自然来 ‘Открывая бутылку Rémy Martin, хорошие вещи приходят естественным образом’. Открыв бутылку, ощутив аромат, ты почувствуешь, жизнь скоро станет лучше, все образуется само собой. Так же реклама говорит о том, что продукт естественный и натуральный, а потому эффект улучшения настроения приходит естественно. Реклама связывает продукт с идеей хорошего настроения, удачи и успеха. В данном рекламном тексте есть рифма: ‘Rén tóumǎ yī kāi, hǎoshì zìrán lái. ’ Слоган имеет пятисложную структуру, а именно каждая часть в своем составе имеет по 5 иероглифов [4].

Еще одним примером является рекламный слоган для компании 肯德基 “KFC”: 有了肯德基, 生活好滋味 ‘С KFC жизнь прекрасна’. Зная, что где-то рядом есть KFC, проблемы кажутся не такими значимыми, потому что человек уже представляет, как вкусно будет сейчас кушать. KFC создает образ чего-то всегда приятного и приносящего удовольствие. Слоган заявляет, что если вы будете ходить в KFC, то и жизнь ваша будет лучше. Слоган имеет пятисложную структуру, каждая часть в своем составе имеет по 5 иероглифов [4].

В-шестых, как видно из примеров, в китайской рекламе преобладают побудительные предложения. Побудительное предложение – это предложение, выражающее волеизъявление говорящего (приказ, просьбу, предостережение, протест, угрозу, призыв, приглашение к совместному действию и т. д.) [6]. Поскольку реклама в основном реализует волюнтаривную функцию языка, убеждая и призывая зрителей, слушателей принять определенное покупательское решение, то побудительные предложения занимают очень важное место в китайском рекламном языке [7]. Таким образом можно сделать вывод, что главная цель рекламного текста – вызвать внимание, повысить интерес и побудить к действию. Примером является рекламный слоган фирмы 中国劲酒 “Китайская тониизирующая настойка на травах”: 劲酒虽好, 可不要贪杯哦! ‘Хоть настойка хороша, но не нужно жадничать!’ Реклама этой настойки известна всем и сегодня она также пользуется популярностью. Еще одним примером является 医院广告 “реклама больницы”: 分手了就别再回来找我! ‘Расставшись со мной, не нужно возвращаться!’

Седьмой особенностью является использование вопросительных предложений. Их чаще всего используют для стимулирования интереса аудитории к рекламируемому продукту. Поскольку вопросительные предложения в рекламном тексте часто требуют от людей ответа на определенный вопрос, это побуждает потребителей к активным размышлениям и воскрешению в памяти тех или иных событий. Все это дополнительно стимулирует интерес аудитории и лишний раз привлекает внимание [8]. Приведем пример рекламы компании 联想 “Леново”: 世界失去联想, 世界将会怎样? ‘Каким будет мир, если человечество потеряет Леново?’

В заключение отметим, что в китайских рекламных текстах довольно часто можно встретить пословицы. Их использование обосновано тем, что объем рекламы короток, а время рекламы ограничено. Это вызвано необходимостью предоставления целевой аудитории большего количества информации за небольшой промежуток времени, а для этого рекламный текст должен быть тщательно проработан. Дополним, что правильное использование чэньюй, пословиц, стихотворений и т. д. часто позволяет достичь желаемого эффекта – «слова лаконичны, а мысль полна» [9].

Пример использования пословицы компанией 丰田 “Тойота”: 车到山前必有路, 有路必有丰田车 ‘Когда телега подкатит к горе — дорога найдется, там, где есть дорога, должна быть Тойота’.

Таким образом, было проанализировано 20 рекламных текстов, а также описаны основные типы и свойства рекламных текстов. Самыми распространенными оказались рекламные тексты, использующие побудительные предложения, утвердительные предложения с положительной оценкой, а также рекламные тексты, целью которых является вызов приятных ассоциаций. Анализ основных принципов рекламного языка позволил прийти к следующим выводам: реклама должна быть привлекательной, текст должен быть запоминающимся и удобным для чтения, а также должен быть настолько хорошо оформлен, что будет стимулировать потребление.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Haider, T. A Study On The Influences of Advertisement On Consumer Buying Behavior / T. Haider, S. Shakib. – Independent University Dhaka: Business Studies Journal, 2017. – №9. – С. 1.
2. Пенькова, Е.М. Классификация рекламы / Е.М. Пенькова – М. : «Прогресс», 1989. – 12 с.
3. Грищенко, А.С. Особенности серий социальной рекламы в Китае / А.С. Грищенко, Д.М. Мамаева // Международный Научно-исследовательский журнал. – 2021. – №8. – С. 28-30.
4. Гирняк, Е.М. Ритмико-композиционные особенности текстов китайской рекламы / Е.М. Гирняк // Вестник Пермского Университета. – 2010. – №4. – С. 88-90.

5. Москвин, В.П. Теоретические основы стиховедения / В.П. Москвин. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 320 с.
6. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/1094/побудительное> – дата доступа: 19.01.2022
7. 黎海斌, 商务人员看广告学英语, 北京, 中国纺织出版社= Ли Хайбинь. Деловые люди смотрят на рекламы и изучают английский язык / 黎海斌. – 北京: 中国纺织出版社, 2003. – 354 页.
8. 刘宁, 广告宣传英语, 北京: 清华大学出版社= Лю Нин. Реклама и продвижение на английском языке / 刘宁. – 北京: 清华大学出版社, 1998. – 143 页.
9. Кошкарлова, Н.Н. Лексические и синтаксические особенности китайских рекламных текстов / Н.Н. Кошкарлова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2019. – № 3. – С. 35–39.

Тумилович Ирина Витальевна
студентка Минского государственного
лингвистического университета
(г. Минск, Республика Беларусь)

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Языковая картина мира всех народностей является отражением национального менталитета. Концепты любви могут различаться у разных национальностей, имеющих различную культуру и ментальность. Однако это вовсе не означает, что у разных народов нет общих черт, объединяющих эту культурную категорию. Сходства и различия в вопросе понятия любви непременно прослеживаются во фразеологических выражениях, употребляемых в литературных произведениях разных времен и жанров [1, с. 47].

Любовь является одним из ключевых понятий в китайской культуре. Обобщенный прототип, семантическая модель *любви*, построенная на основе анализа представлений о ней в научном типе сознания – в этических и психологических исследованиях и словарях, выглядит следующим образом. *Любовь* – что чувство, вызываемое у субъекта переживанием центрального места ценности объекта в системе его личностных ценностей при условии рациональной немотивированности выбора этого объекта и его уникальности [2, с.53].

Под понятием *любовь* подразумевается ряд сильных, а также положительных эмоциональных состояний, включающих в себя возвышенную добродетель, благожелательность. В китайском языке данное чувство часто выражено посредством метафор. Традиционное представление китайцев о *любви* наиболее ярко выражено в чэньюях китайского языка. Чэньюй – это устойчивое фразеологическое словосочетание (чаще четырехсловное), построенное по нормам древнекитайского языка, семантически монолитное, с обобщенно переносным значением, носящее экспрессивный характер, функционально являющееся членом предложения [3, с. 18].

В результате анализа фразеологических единиц китайского языка (61 ед.) были выделены следующие семантические поля концепта *любви*:

- внешние характеристики и внутренние качества объекта любви (14 ед.);
- любовь как неожиданно зародившееся чувство (4 ед.);
- любовь как постоянное, глубокое чувство (6 ед.);
- взаимоотношения супругов в паре (12 ед.);
- непостоянство чувств (6 ед.);
- любовь к родителям (13 ед.);
- любовь к родине (6 ед.);

В большинстве случаев положительная оценка объекта симпатии является главной причиной возникновения чувства влюбленности. Акцент делается как на *внешних характеристиках, так и внутренних качествах объекта любви*, особенностях и неповторимости возлюбленного. Это выражено в следующих фразеологических единицах: 花容月貌 ‘лицо-цветок, лицо-луна; очень красивая внешность’; 闭月羞花 ‘затмить луну и посрамить цветы; о красивой девушке’; 沉鱼落雁 ‘рыбы (завидев ее) погружаются, дикие гуси падают; ослепительно красива, неотразимая красота’; 如花似玉 ‘подобный цветку и яшме; *обр.* прекрасная, прелестная, изумительная, очаровательная’; 出水芙蓉 ‘только что поднявшийся из воды лотос; *обр.* свежий, прекрасный, изящный’; 美不胜收 ‘неописуемо прекрасный’; 桃羞杏让 ‘девушка, великолепнее и очаровательнее цветка’; 倾国倾城 ‘завоевывать страны и покорять города; *обр.* несравненная красота, красавица’; 燕妒莺惭 ‘о даме такой красивой, что даже ласточки и иволги завидуют ей’; 冰清玉洁 ‘прозрачный как лёд, чистый как яшма; *обр.* о высоких моральных качествах, обычно про девушку’; 靡颜膩理 ‘лицо красивое, кожа гладкая и бархатистая’; 情人眼里有西施 ‘*обр.* красота любимой в глазах влюбленного; не красивая красива, а любимая’; 出水芙蓉 ‘только что поднявшийся из воды лотос; *обр.* свежий, прекрасный, изящный’; 爱屋及乌 ‘любя человека, любить всё, что с ним связано’ [4, с. 14].

Существует целый ряд единиц, описывающих *любовь как неожиданно зародившееся чувство*. Данный аспект выражается следующими фразеологическими единицами: 一见钟情 ‘влюбиться в человека с первого взгляда’; 情天孽海 ‘по уши влюбиться; оказаться в мире чувств и море грехов’; 神魂颠倒 ‘без ума от любви’; 一见倾心 ‘проникнуться симпатией с первого взгляда’;

Анализ семантического поля понятия *любовь* в китайском языке позволяет сделать вывод о том, что в личной системе ценностей народа идеальная *любовь – постоянное, глубокое, непреходящее, крепкое чувство*, например: 心心相印 ‘жить душа в душу; сердца бьются в унисон’; 情投意合 ‘чувства совпадают и желания едины; хорошо понимать друг друга; совпадение чувств и интересов; *обр.* жить душа в душу’; 之死靡它 ‘непоколебимая верность до конца; неизменно и преданно; верная любовь’. 白头相守 ‘любить друг друга до самой старости’; 共挽鹿车 ‘вместе преодолевать невзгоды, жить душа в душу’; 忠贞不渝 ‘верный до конца, безгранично преданный’ [4, с. 571].

Чэньюи в полной мере раскрывают положительные аспекты такого сложного и труднообъяснимого понятия, как *любовь*. Часто встречаются единицы, раскрывающие особенности *взаимоотношений супругов*, взаимопонимания, а также уважения в супружеской паре, например: 相敬如宾 ‘уважать друг друга, взаимоуважение (*о супругах*)’; 互敬互爱 ‘уважать и любить друг друга’.

Существует целый ряд единиц, раскрывающих единство супружеской пары, акцентируя прочность брачных уз: 心心相印 ‘жить душа в душу; сердца бьются в унисон’; 恩爱夫妻 ‘отличная пара, живущая в любви и гармонии друг с другом; добрые супруги; любящие супруги’; 如胶似漆 ‘*обр.* неразлучный, неделимый; счастливое супружество’; 举案齐眉 ‘*обр.* любить друг друга; жить во взаимной любви, мире и согласии’; 琴瑟调和 ‘взаимное согласие супругов’; 连枝比翼 ‘сросшиеся ветви, пара крыл — неразлучная супружеская пара’ [4, с. 261].

Ярко выражен традиционный взгляд на семейный уклад, согласно которому жена занимает второстепенную роль в паре: 夫唱妇随 ‘муж запекает — жена подпевает; женщина во всем следует за мужем’; 夫荣妻贵 ‘при почете мужа жена уважаемая’. В китайском языке также уделяется внимание отрицательным, негативным аспектам чувства, а также любовных отношений в целом. К примеру, в некоторых фразеологизмах сообщается о напряженных отношениях между супругами: 夫妻反目 ‘муж и жена не смотрят друг на друга, *обр.* о напряжённых, негармоничных отношениях, разладе между супругами’; 琴瑟不调 ‘цин и сэ не в ладу; *обр.* о разногласиях между мужем и женой. [5]

Также в китайском языке выделяется проблема *непостоянства чувств*: 暮翠朝红 ‘буквально: утро зелёное вечер красный. Утром одна, вечером другая. Утром полюбил, вечером разлюбил’; 色衰爱弛 ‘красота поблекла, любовь потухла — мужская страсть к новым романтическим приключениям’. 喜新厌旧 ‘новое мило, старое постыло; неверный’; 弃旧迎新 ‘выбросить старого встретив нового’; 用情不专 ‘непостоянство в любви’; 形同陌路 ‘словно чужие, словно ничего и не было; относиться к близкому человеку как к незнакомцу’ [4, с.138].

В китайском языке существует большое количество фразеологических единиц, описанием которых является понятие сыновней почтительности, раскрывающее *любовь по отношению к родителям*. Такая *любовь*, в большинстве случаев, окрашена чувствами печали и тоски, например: 寒泉之思 ‘думы (чувства) о сыновней верности; сердце, приверженное к родителям’; 属毛离里 ‘родная шерстинка на коже; теплые и тесные отношения между детьми и родителями’; 寒泉之思 ‘Думы у холодного источника; сыновья верность’; 风木含悲 ‘горевать об умерших родителях, похоронить родителей и скорбеть по ним; горевать о невозможности заботиться об умерших родителях’; 左提右挈 ‘поддерживать слева и вести за правую руку; *обр.* в знач: заботливо опекать’; 寸草春晖 ‘травинка под весенними лучами — быть в неоплатном долгу перед родителями’; 孝子贤孙 ‘люди, почитающие родителей; верные и почтительные потомки’; 扇枕温席 ‘обмахивать веером изголовье (постели, на которой спит и согревать его одеяло (лежанку); *обр.* питать сыновнюю любовь’); 父慈子孝 ‘отец любит, сын почитает — мирная, счастливая семья’; 冻浦鱼惊 ‘об идеальной сыновней любви к своим родителям’; 乌鸟私情 ‘личные чувства детей ворона — почитание родителей, содержание родителей детьми’; 反哺之情 ‘чувство сыновней благодарности’; 陟岵陟屺 ‘подниматься на гору, заросшую растениями, подниматься на гору без растений; живя вдалеке от дома, вспоминать своих родителей’ [3, с. 569].

В китайском языке чэньюй, выражающие понятие *любви к родине*, часто тесно связаны с чувством тоски по дому, ностальгии по былым временам. Данный аспект выражен следующими фразеологическими единицами: 故宫禾黍 ‘Старые дворцы и злаки - тоска по родине; ностальгия’; 家书抵万金 ‘письмо из дома дороже золота’; 炽热的爱国心 ‘пламенная любовь к родине’; 父母之邦 ‘страна отца и матери - Родина’. 莼鲈之思 ‘тоска по дому’; 莼羹鲈脍 ‘похлёбка из бразилии и жареные кусочки окуня; *обр.* о тоске по родным местам’. Также существуют фразеологизмы, говорящие о непременном возвращении человека на родину, к его истокам, например: 落叶归根 ‘упавшие листья возвращаются к корням — все возвращается на свои места; рано или поздно человек возвратится на свою родину’ [3, с. 272].

Проведенный анализ показал, что концепт *любовь* играет важную роль в китайской лингвокультуре. Одними из наиболее важных концепта *любви* являются следующие значения: описывающие *внешние характеристики и внутренние качества объекта любви* (14 единиц), а также *любовь к родителям* (13 единиц). Количественный анализ чэньюев, описывающих *внешние данные* (12 единиц), а также *внутренние качества объекта любви* (2 единицы), показал, что при выборе партнера в традиционной китайской культуре внешность играла более важную роль. Данное неравенство объясняется древними культурными особенностями и традициями страны. Сыновья *любовь* — важное понятие для китайского народа, раскрывающее *любовь по отношению к родителям*, а также занимающее главенствующее место в жизни. Почтение к родителям — почтение к источнику своей жизни. Наименьшее внимание уделено аспекту неожиданного зарождения чувств (4). Это обусловлено отсутствием возможности в Древнем Китае самостоятельно находить себе вторую половину, так как браки создавались лишь по родительскому указанию, посредством сватовства. Пара выбиралась на специальном семейном совете при присутствии многочисленной родни. Именно по этой причине чувства не зарождались внезапно, неожиданно. К браку подходили с холодным расчетом, а главной его функцией являлось продолжение рода.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Тань, Аошуан. Китайская картина мира: язык, культура, ментальность / Аошуан Тань. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 240 с.
2. Воркачев, С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. – М. : Гнозис, 2007. – 284 с.
3. Войцехович, И. В. Практическая фразеология современного китайского языка / И. В. Войцехович. – М. : АСТ; Восток–Запад, 2007. – 509 с.
4. Готлиб, О. М. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений / О. М. Готлиб, Му Хуаин. – И. : ИГУ, 2019. – 596 с.
5. 成语大词典[电子资源]. = Большой словарь чэньюй [Электронный ресурс] / ESK. – Режим доступа : <http://www.esk365.com/chengyu>. – Дата доступа: 27.01.2022.

*Якубович Арина Дмитриевна
студентка Минского государственного
лингвистического университета
(г. Минск, Республика Беларусь)*

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДНЫХ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИХ ЗНАКОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ РАДИКАЛОВ 大 «БОЛЬШОЙ», 小 «МАЛЕНЬКИЙ» и 么 «КРОШЕЧНЫЙ»)

Независимость от действительного произношения означаемой лингвистической единицы дает иероглифической письменности вневременные качества. Эти свойства сыграли важную роль в необыкновенной устойчивости китайской традиционной культуры и в том, что китайская письменность сохранилась до наших дней [1, с. 550-551].

Наименьшими единицами идеографии являются минимальные графические компоненты, обладающие семантической значимостью. По мнению В. Ф. Резаненко, таких компонентов в китайской письменности 309, большая часть которых (214) относится к категории так называемых ключей-детерминативов. Они являются надежными мотиваторами смысловых значений более 6 тысяч иероглифов и 95% иероглифов, составляющих иероглифический минимум, принятый в КНР [2, с. 26-28].

Детерминатив иероглифических знаков имеет, с одной стороны, важнейшую семантическую функцию предопределения семантики производных от него единиц, что в свою очередь является основанием их классификации, начиная с легендарной работы Сюй Шэня. С другой стороны, именно в этом отношении детерминатив предстает важнейшим элементом знакообразования китайского языка, выступая узловым элементом так называемых иероглифических гнезд. При этом следует отметить, что иероглифическое гнездо не является эквивалентным понятием словообразовательному гнезду по аналогии со звукобуквенными языками, как это определено в работах А. Н. Тихонова.

Принимая во внимание специфику знакообразовательного гнезда иероглифической письменности, резонно возникает вопрос о том, каким образом данное гнездо формируется, а именно насколько семантика детерминатива или, если можно так сказать, основы производного знака, предопределяет структурно-семантическую организацию всей системы иероглифического письма.

В нашей работе на материале детерминативов, обозначающих размер объектов окружающей человека действительности 大 «большой», 小 «маленький» и 么 «крошечный» выявляются структурно-семантические особенности построения китайской иероглифической письменности.

Первое, что необходимо отметить: из всей системы детерминативов китайского языка, только три логограммы сами по себе являются средством номинации размера. При этом образуемые ими области или иероглифические гнезда не равны по своему объему. Так, например, детерминатив 大 «большой» формирует систему из 67 знаков, менее продуктивен детерминатив 小 «маленький» - 20 знаков. Наименьшую область образует детерминатив 么 «крошечный» - всего 4 знака.

Семантические области включают самые разные по своему значению иероглифические знаки, причем зачастую отдаленно связанные со значением детерминатива. Например, среди производных детерминатива 大 «большой» встречаются группы иероглифов со значением “предметы обихода, одежда” (衾, 套, 褱), “объекты природы” (天, 昊, 翯, 尙), “части тела, внешность” (头, 隹, 畚, 套). Производные детерминатива 小 «маленький» образуют глаголы со значением “уважать”, “почитать”, “восхищаться” (尚(尙), 恭, 慕), местоимения “ты”, “вы” и их производные (尔(尔, 尔)), глаголы и существительные, имеющие отношение к пище (尝, 未) и др.

Иероглифическое гнездо, куда вошли производные иероглифы с детерминативом 大 «большой», представляет собой такие объединения знаков, как прилагательные со значением “большой”, “избыточный” (太, 套, 奘), другие оценочные прилагательные (天, 奇, 奢), глаголы движения (夨 (忝), 奔, 奋), глаголы взаимодействия (养, 奉, 奠, 契...), обозначения людей (夫, 矣, 奚) и др. При этом наибольшую систему составили производные следующих групп: - прилагательные со значением “большой”, “избыточный” (16%): 太, 翯, 尙, 隹, 奘; другие оценочные прилагательные (15%): 天, 奇, 奢, 奘, 翯, 矣, 鼻, 奥.

Менее широкую область составили иероглифы из группы “глаголы взаимодействия” (10.5%): 养, 奉, 奠, 契, 奘, 奖 (獎) и из группы “глаголы физического воздействия (с применением силы)” (9%): 夹 (夾), 奪, 獎, 夯, 奏. Еще менее частотны группы иероглифических знаков: - глаголы движения (7.5%): 夨 (忝), 奔, 奋, 套; - предметы обихода, одежда (7.5%): 夺, 衾 (衾), 套, 褱; - объекты природы (6%): 天, 昊, 翯, 尙; - части тела, внешность (6%): 头, 隹, 畚, 套. Наименее частотны группы иероглифов со следующими значениями: - обозначения людей (4.5%): 夫, 矣, 奚; - глаголы, обозначающие интеллектуальную деятельность (4.5%): 忝, 夹, 尙; - глаголы, обозначающие речевую деятельность (3%): 吞, 夸; - названия, имена собственные (3%): 夷, 奎. Следующие группы иероглифических знаков представлены лишь одним примером (1.5%): - прилагательные/наречия возможности: 套; - глаголы состояния: 套; - глаголы утраты: 失; - существительные со значением “положение в пространстве”: 央; - вопросительные слова: 奈.

Иероглифическое гнездо производными детерминатива 小 «маленький» представляет собой такие объединения знаков, как прилагательные и наречия со значением “маленький”, “небольшой”, “немного” (少, 尠, 尠, 尠), прилагательные состояния (尠, 尠), предметы, части предметов (奈, 尖), глаголы воздействия на объект (奈), существительные со значением “частицы” (尘) и др. Причем наиболее широко представлены следующие группы иероглифов: - прилагательные и наречия со значением “маленький”, “небольшой”, “немного” (20%): 少, 尠, 尠, 尠; - глаголы со значением “уважать”, “почитать”, “восхищаться” (20%): 尚(尙), 恭, 慕. Менее частотны иероглифические знаки, представленные группами: - местоимения “ты”, “вы” и их производные (15%): 尔(尔, 尔); - прилагательные состояния (10%): 尠, 尠; - глаголы и существительные, имеющие отношение к пище (10%): 尝, 未. Единично (5%) представлены производные групп: - глаголы воздействия на объект: 奈; - другие глаголы чувственного восприятия: 忝; - существительные со значением “частицы”: 尘. Среди производных детерминатива 么 «крошечный» удалось выделить лишь две группы: - прилагательные со значением “маленький” (50%): 幼, 幾; - прилагательные с другими значениями (50%): 幻, 幽.

Таким образом, анализ иероглифических гнезд, образованных детерминативами, обозначающими размер объектов окружающей человека действительности 大 «большой», 小 «маленький» и 𠂇 «крошечный» показал, что иероглифическая система китайского языка является строгой структурно-семантической организацией знаков, в основу которой положено выделение релевантного признака описываемого представления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Чурой, А. О. Происхождение и значение китайского иероглифа / А. О. Чурой // Молодой ученый. — 2015. — № 18 (98). — С. 550-551.
2. Кочергин, И.В. Очерки лингводидактики китайского языка / И.В. Кочергин. — Москва : Восточная книга, 2006. — 183 стр.
3. Словарь китайских иероглифов 汉典[Электронный ресурс] / Иероглифический словарь китайского языка. — Пекин: 2001. — Режим доступа: <http://www.zdic.net>. — Дата доступа : 01.12.2021.

Янкович Татьяна Сергеевна
студентка Минского государственного
лингвистического университета
(г. Минск, Республика Беларусь)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ИЕРОГЛИФИЧЕСКИХ ЗНАКОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА С ДЕТЕРМИНАТИВОМ 心 ‘СЕРДЦЕ’

Одной из древнейших письменностей в мире является китайская письменность. Она основана на иероглифах, каждый из которых несет определенное смысловое значение. На сегодняшний день одним из наиболее используемых подходов овладения иероглифической письменностью является изучение через детерминативы. Детерминатив — это графический компонент китайского иероглифа. По-китайски называют 部首 [bùshǒu], что дословно переводится как 'голова раздела', имеется в виду главный иероглиф раздела словаря. Также часто встречается название радикал или ключ. Он может являться семантическим индикатором, фонетическим компонентом или даже искусственно извлеченная часть символа [3]. Ключ сам по себе может выступать отдельным словом, либо быть частью более сложного иероглифа. Радикалы могут состоять из одной или нескольких черт и часто их вид уже может подсказать значение. Всего в стандартный список детерминативов входит 214 знаков [4, 5-6].

Детерминатив передает отдаленный смысл иероглифа. В древних китайских словарях слова объединялись по группам понятий, поэтому их начали делить по одинаковым ключам. Таким образом, детерминатив стал определять место иероглифа в словаре, то есть стал помогать его найти. С течением времени эта функция становилась преобладающей, а идеографическая значимость детерминатива ослабевала [6].

Целью данной работы является определение характеристик, детерминирующих выбор основного компонента иероглифического знака — детерминатива, и, соответственно, построение иероглифической системы китайского языка. Материал исследования (770 иероглифов) был получен путём сплошной выборки из толковых и иероглифических словарей китайского языка [8-10]. Исследование проводилось в несколько этапов на массиве иероглифов, содержащих ключ 心 𠂇 xīn сердце. В круг рассмотрения были включены как традиционные, так и упрощенные варианты написания иероглифов. На первом этапе источником материала

исследования послужил иероглифический словарь китайского языка 康熙字典 Словарь Канси [10], составленный при императоре Канси в династии Цин в 1710—1716 гг. Он считался стандартным руководством на протяжении XVIII и XIX вв. Словарь содержит 47035 иероглифов и дополнительно 1995 графических вариантов, что составляет вместе 49030 знаков. Они сгруппированы в 214 детерминативов.

Второй этап отбора материала исследования включал семантический анализ иероглифических знаков, включающих в свой состав данные детерминативы. Сведения, необходимые для проведения семантического анализа, а также толкование иероглифов были получены из Большого китайско-русского словаря под редакцией И.М. Ошанина [1], 康熙字典 Словарь Канси [10]. С целью определения семантических групп, к которым относятся иероглифические знаки с детерминативом 心 忄 xīn сердце были отобраны производные единицы и проанализированных значения.

Иероглифические знаки, в состав которых входит детерминатив 心 忄 xīn сердце можно объединить в 10 семантических групп. Сюда входят группы «Слова, именующие признак непроецессуальный. Имя прилагательное», «Глаголы со значением собственно активного действия, деятельности, деятельностного состояния. Испытывать и вызывать то или иное состояние», «Имена существительные с абстрактным значением», «Глаголы со значением собственно активного действия, деятельности, деятельностного состояния», «Имена существительные с конкретным значением», «Слова, именующие признак непроецессуальный. Наречия», «Словосочетания», «Местоимения».

Самой широкой по числу входящих единиц является семантическая группа «Слова, именующие признак непроецессуальный. Имя прилагательное». Эта группа составляет 23,7% от общего числа иероглифических знаков с детерминативом 心 忄 xīn сердце. Данная группа включает в себя полные и краткие прилагательные. Можно выделить прилагательные с разными значениями:

Печальный, скорбный, огорченный, опечаленный, подавленный, несчастный, неудовлетворённый: 恸, 恻, 悵, 憂, 悲, 悠, 愁, 快, 怒. Счастливый, довольный, весёлый, радостный, удовлетворённый: 忭, 恣, 慙, 慙, 慙, 慙, 慙, 慙, 快, 慙, 悅, 忭. Перепуганный, растерянный, сбитый с толку, запутанный, испуганный, нервный, пугливый: 慙, 忤, 忤, 忤, 忤. Нетерпеливый, беспокойный, тревожный, взволнованный: 志, 忤, 忤, 忤, 慙, 慙, 慙. Трогательный, искренний, чистосердечный, откровенный, честный, правильный, положительный: 慙, 慙, 忠, 慙, 慙. Глупый, тупой, бестолковый: 慙, 愚, 慙, 慙, 慙, 慙, 慙. Скорый, быстрый, резкий, поспешный, торопливый, срочный: 快, 忽, 急, 慙. Неясный, неизвестный, бесформенный, туманный, незаметный: 悵, 忤, 忤, 忽. Прекрасный, замечательный, великолепный, красивый: 懿, 慙. Самоуверенный, упрямый, твердолобый: 快, 慙, 慙, 慙. Мудрый, прозорливый, проницательный, умный, сообразительный: 慧, 慙. Спокойный, уступчивый: 慙, 悵, 慙. Заносчивый, непокорный, дерзкий: 慙, 愚, 恣, 慙. Полный гнева и злобы, раздражен: 怒, 慙. Болезненный: 慙, 悵. Скучный, тоскливый: 慙, 慙. Толстый, пузатый: 慙, 愚. Неожиданный, внезапный: 忽, 忤. Невнимательный, равнодушный: 忽, 慙. Беспорядочный, хаотичный: 悵. Усталый, утомлённый, изнеможённый: 慙, 慙. Ловкий, находчивый, остроумный, энергичный: 怒. Нависший, висячий: 慙, 慙. Тихий, покорный: 慙, 慙. Осторожный, осмотрительный, внимательный: 慙, 慙. Немногочисленный, скудный, редкий, маленький, узкий: 慙, 慙. Чистый, непорочный: 懿. Неподвижный: 慙. Сомневающийся, недоверчивый: 悵. Душный, спёртый: 慙. Страшный, пугающий: 慙. Скромный: 慙. Непослушный: 忤. Изумлённый, поражённый: 忤. Опрометчивый, безрассудный, фривольный: 悵. Гневный, яростный: 恸, 怒. Ленивый: 慙. Плохой, дурной, злой, чудной, странный, необычный, невероятный: 怪. Плотный: 慙. Тщательный, подробный: 慙. Темно-зелёный: 总. Главный, общий, всеобщий: 总. Дорогой: 忤.

состояния. Вызывать то или иное состояние» включает подгруппы: Восторг, радость, веселье, довольство, умиротворение: Считать прекрасным; восхищаться: 懿. Радовать, тешить, веселить: 悦, 怏, 怡. Восторгаться, улаживать: 怡, 悦, 懋, 懋, 恹, 怏, 忤, 懋, 忤, 懋. Любовь, нежность, привязанность: Заботиться, беспокоиться: 懋, 忧, 懋, 懋. Любить, находить удовольствие, быть влюбленным: 忤, 恣, 怜, 恋, 慈, 愛, 懋, 懋. Заботиться: 忧. Скучать: 悲, 恋, 懋, 懋. Сблизиться, подружиться: 懋. Беречь, оберегать: 怜, 愛. Жалеть: 怨, 愛. Портить, вредить, губить: 懋. Обижать: 怨. Наказывать, карать: 懋, 懋. Подстрекать, побуждать: 怂, 懋. Предупреждать, строго предостерегать: 懋, 懋. Позорить, унижать: 忤, 懋. Запугивать, устрашать, угрожать: 恐. Запутывать: 懋. Беспокоить, тревожить: 懋. Провоцировать, задевать: 惹. Останавливать, прекращать, пресекать: 懋, 懋.

Группа «Имена существительные с абстрактным значением» составляет 19,3% от общего числа иероглифических знаков с детерминативом 心 忄 xīn сердце и включает подгруппы: Характер, нрав: 性. Внешность: 态. Положение: 态. Пол: 性. Интерес: 意. Отдых: 怠, 息. Нужда, трудность: 急. Размножение, разведение: 息. Скорбь, печаль, горе, траур, подавленность, горесть: 悲, 愁 и др.

Группа «Имена существительные с конкретным значением» составляет 5% от общего числа иероглифических знаков с детерминативом 心 忄 xīn сердце:

Таким образом, семантический анализ иероглифических знаков китайского языка с детерминативом 心 忄 xīn сердце показал насколько глубоко семантика детерминатива «проникает» в производный знак и определяет строение всей системы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Большой китайско-русский [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://bkrs.info>. — Дата доступа: 28.09.2021.
2. Иероглифическая образная письменность как главная причина устойчивости китайской культурной традиции [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ieroglificheskaya-obraznaya-pismennost-kak-glavnaya-prichina-ustoychivosti-kitayskoy-kulturnoy-traditsii/viewer>. — Дата доступа: 17.10.2021.
3. Информационный портал по Китаю проекта АБИРУС [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.abirus.ru>. — Дата доступа: 02.10.2021.
4. Ключи китайских иероглифов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://xn--80apbdbbd9cgha1c.xn--p1ai/articles/klyuchi-kitayskih-ieroglifov/>. — Дата доступа: 25.05.2021.
5. Таблица ключей китайского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://mirkitaja.ru/tablitza-klyuchej-kitajskogo-yazyka/>. — Дата доступа: 23.05.2021.
6. Типы иероглифов, ключи и фонетики китайского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.shibushi.ru/tipy-ieroglifov-kluchi>. — Дата доступа: 15.08.2021.
7. Шанъу Иньшугуань, Китайско-русский словарь : словарь — Шанхай : шанхайский институт иностранных языков, 2004. — 1280 с.
8. 汉语词典[hàn yǔ cí diǎn] Китайский словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.zdic.net/>. — Дата доступа: 27.04.2021.
9. 汉语词典[hàn yǔ cí diǎn] Китайский словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.zdic.net/>. — Дата доступа: 27.04.2021.
10. 康熙字典[kāngxī zìdiǎn] Словарь Канси / Чжаном Юйшу[и др.]. — Китай, 1710—1716. — 1683с.

ПОДСЕКЦИЯ 2

Филимонова Марина Сергеевна

кандидат педагогических наук

доцент кафедры теории и практики китайского языка

Минский государственный лингвистический университет

(г. Минск, Республика Беларусь)

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Графическая система китайского языка представляет собой логографическое письмо, которое обладает рядом специфических лингво-когнитивных особенностей.

Во-первых, согласно А.М. Ефремову, в китайской системе письменности существует следующая закономерность: сильная спаянность одной единицы обуславливает слабую спаянность смежной с ней вышестоящей единицы. Так как иероглиф китайского языка является *логограммой*, а именно знаком, обозначающим целое слово или его слог-основу [1], его единое тональное оформление и четкость внешних границ автоматически ведет к тому, что слово, не обладающее достаточной степенью «внутренней прочности», тяготеет к плотному включению в словосочетание [2; 3, с. 41]. Таким образом, в китайской письменности существует явление своеобразного чередования, когда уровни, характеризующиеся слабой спаянностью находящихся на них единиц, чередуются с уровнями, спаянность единиц которых будет сильной (Таблица 1).

Таблица 1. - Чередование сильной и слабой спаянности по А.М. Ефремову

Степень спаянности	Логограмма (иероглиф)	Слово	Синтагма (синтаксическая конструкция)	Предложение	текст
Сильная спаянность	+		+		+
Слабая спаянность		+		+	

Во-вторых, согласно положениям когнитивной лингвистики китайская письменность рассматривается нами как система в совершенстве освоенных структур — *когнитивных шаблонов (cognitive routine)*, которые представляют собой самостоятельные единицы (*регулярные словоформы*) и извлекаются из памяти как заранее собранное целое (*prepackaged assembly*), без концентрирования внимания на их композиционных особенностях [4].

Когнитивные шаблоны могут быть внутренне сколь угодно сложными и включать в себя:

1) *символьные единицы*, являющиеся биполярными, так как выражают связь между семантической единицей (значением) и фонологической единицей (звучанием);

2) *схемы построения символьных единиц* [5].

Согласно Р.У. Лангакеру, между когнитивными шаблонами существуют различные отношения, в которых они могут включаться один в другой, тем самым формируя символьные единицы и схемы построения более высокого уровня сложности [6].

Китайская система письменности представляет собой иерархически организованную систему, состоящую из совокупности таких когнитивных шаблонов как *иероглифы и их составляющие (черты, идеографы, фонетики)*, *слова, устойчивые словосочетания, схемы*

построения иероглифов, слов, словосочетаний, предложений. С точки зрения проявленности в графической своей форме сильной спаянностью будут обладать именно иероглифы и устойчивые словосочетания.

В-третьих, благодаря наличию у человека двух фундаментальных когнитивных способностей, а именно: схематизации — ‘способности выделять общее, поднимаясь над частными отличиями’, и категоризации — ‘способности сравнивать новый опыт с имеющимся образцом’ [5], когнитивные шаблоны иероглифической системы китайского языка в сознании человека объединяются в статические (фреймы и мегафреймы) и динамические (фреймы-сценарии) когнитивные структуры. Когнитивные шаблоны в сознании человека связываются в несколько типов фреймов: *семантические* [7], *классификационные* и *ситуационные* [8].

Данные фреймы представляют собой динамические, способные к расширению за счет поступления новой информации структуры, в которых языковая информация организована по иерархическому принципу [7].

Семантические фреймы упорядочивают языковые единицы по семантическому признаку. В качестве вершины семантического фрейма выступают значение идеографа, значение смысловой группы идеографов, значение иероглифа, образуя *фреймы «значение идеографа N», «иероглиф N», мегафрейм «смысловая группа X»*.

Классификационные фреймы упорядочивают языковые единицы по ассоциативному, гипо-гиперонимическому и партитивному (часть–целое) признакам [9], отражая принципы организации языковой системы, вследствие чего к ним относятся фреймы классов языковых единиц, сочетаемостные, словообразовательные фреймы и др. [10] В качестве вершины фрейма выступают *графема, фонетик, иероглиф, слово, синтаксический концепт*, образуя *фреймы «количество черт N», «фонетик N», «иероглиф N», «слово N», «синтаксический концепт N», «функциональный тип предложения N», мегафреймы «синтаксические концепты китайского простого предложения», «функциональные типы предложения»*.

Особенность семантических и классификационных фреймов проявляется в том, что их элементы могут переходить из одного фрейма в другой, то есть одновременно являться представителями разных фреймов, тем самым образуя систему мегафреймов когнитивных шаблонов (рисунок 1).

Ситуационные фреймы, согласно Н.Н. Болдыреву, представляют собой модель культурно-обусловленного, канонизированного знания, которое является общим для некоего сообщества. Они отражают знание мира неязыкового, событийного характера [11], вследствие чего любой иероглиф также может образовывать ситуационный фрейм благодаря наличию у него целого ряда лингво-когнитивных и концептуальных свойств.

В-четвертых, в китайской иероглифической системе центральным ее компонентом выступает именно логограмма (иероглиф). Иероглиф выступает в качестве категоризатора и концептуализатора окружающей действительности вследствие наличия у него целого ряда специфических лингво-когнитивных свойств, в результате чего иероглифическая система китайского языка предстает в качестве упорядоченной модели явлений мира, но только в языковом отражении.

В иероглифической системе китайского языка каждый иероглиф занимает свою определенную позицию, вступая в сложные синтагматические и парадигматические связи с другими единицами этой системы, все китайские иероглифы, благодаря своей форме, являются более информационно насыщенными знаками, чем буквы в европейских языках [12], а также фрагментами языковой картины мира носителей китайского языка, что позволяет каждому иероглифу являясь вершинами ситуационных фреймов.

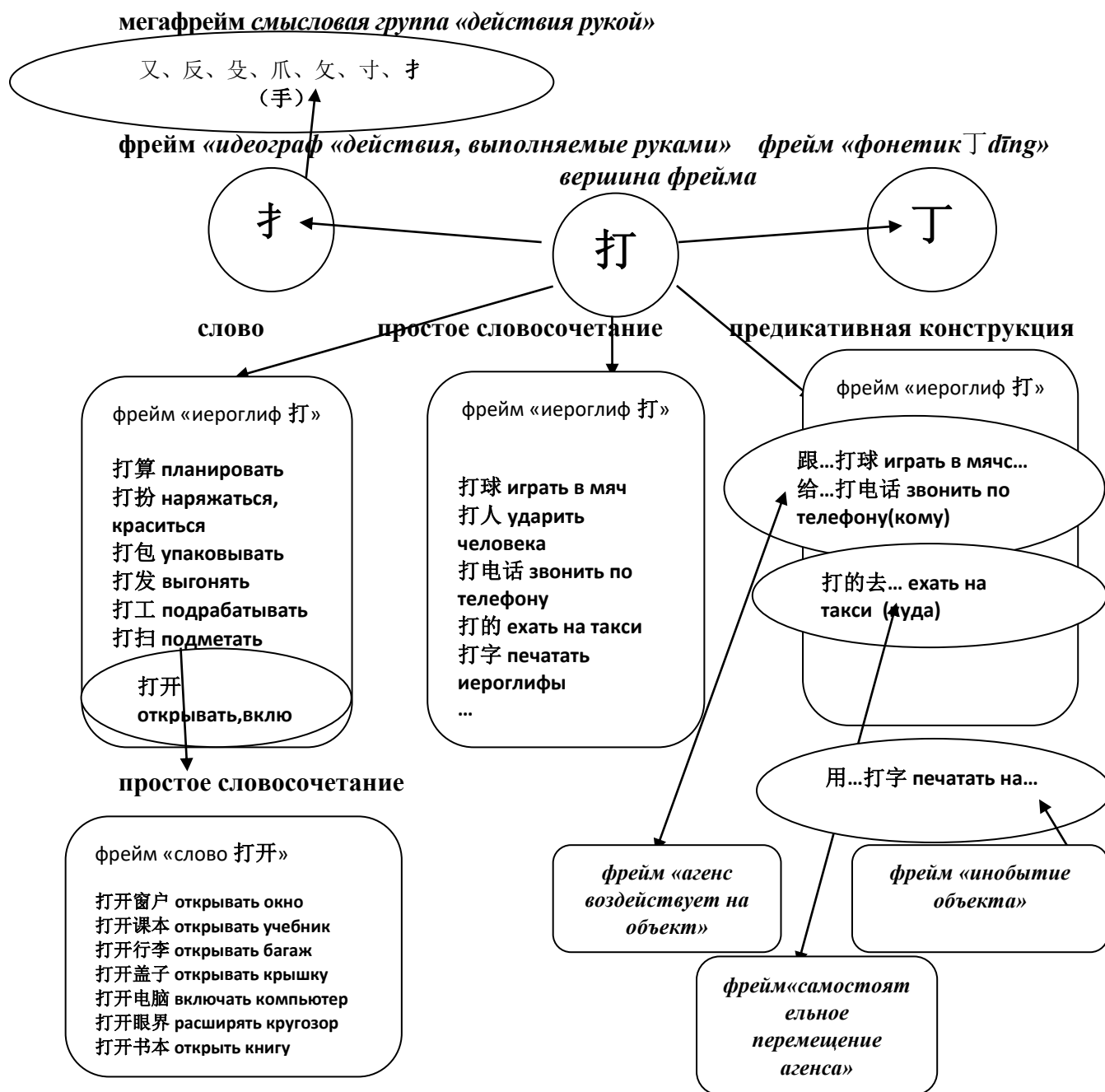

Рисунок 1. - Мегафрейм «иероглиф 打»

Китайский иероглиф выступает как графическая единица, являющаяся феноменом культуры и обладающая определенным концептуальным значением, которое раскрывается в процессе ее взаимодействия с окружающими его логограммами. При этом каждый иероглиф несет на себе отпечаток зрительного восприятия человеком вещей, и эта особенность оказывает большое влияние на его посредническую функцию между сознанием человека и внешним миром [12].

Иероглиф выступает в качестве концептуализатора и категоризатора окружающей действительности в китайском языке сознания вследствие наличия у него:

– многозначности (способности практически каждого иероглифа воспроизводить весь комплекс символических ассоциаций, связанных с данным конкретным явлением, предметом или понятием [13]) и полифункциональности (способности включения в языковые единицы различных уровней и выполнения им различных функций вследствие того, что актуализация грамматического и семантического значения иероглифа, а также его фонетической

составляющей происходит благодаря его взаимодействию с окружающими знаменательными и служебными морфемами, в результате чего иероглиф в речи может выступать в качестве слога, слова и самостоятельно в виде отдельного высказывания) [14];

– системообразующей функции, благодаря которой каждый иероглиф является основой присущей только ему сложной иерархически организованной системы фреймов и мегафреймов языковых единиц, характеризующихся общностью структурных, семантических, фонетических и функциональных признаков (иероглифы в сознании человека связываются в несколько типов фреймов: семантические, классификационные и ситуационные, которые представляют собой динамические, способные к расширению за счет поступления новой информации структуры, в которых языковая информация организована по иерархическому принципу);

– семантикообразующей функции, согласно которой иероглиф выступает в качестве центрального компонента индивидуального семантического поля, объединяющего лексические единицы (слова, словосочетания), обладающие общностью значения. В пределах семантического поля выделяют различного рода *микрполя* (лексико-семантические поля), которые представляют собой относительно замкнутые ряды лексических единиц одной и той же части речи, объединенных общей семой более конкретного содержания и классификационно более низкого порядка, чем сема поля [15]. Через семантические (и синтаксические) связи со словами (словосочетаниями) в рамках своего поля иероглиф отображает все компоненты значения обозначаемого им понятия, которые отражаются в лексических единицах данного поля. Данное свойство иероглифа позволяет отобразить различные семантические связи между словами, входящими в поле, которые отражают объективно существующие связи между предметами действительности, номинированными словами. Таким образом, иероглиф, выступает как фрагмент языковой картины мира носителей китайского языка.

В-пятых, процесс декодирования иероглифов и более крупных языковых единиц (слов, словосочетаний, предложений) на китайском языке имеет свою специфику, которая обусловлена лингвокогнитивными особенностями китайского языка, такими, как отсутствие четких показателей границы слов (которые могут состоять из одного, двух, трех иероглифов); осуществление прямого перехода к семантической и только затем — к фонетической составляющей; актуализация структурных, семантических и фонетических характеристик иероглифов в результате их взаимодействия с окружающими знаменательными и служебными морфемами; включенность языковых единиц в сложные иерархически организованные системы фреймов и мегафреймов, способствующая языковому и смысловому прогнозированию.

Увеличение графической информации (предъявление большего количества иероглифов) существенно улучшает декодирование и понимание по сравнению с их изолированным предъявлением. Предполагается, что суммируется не только графическая информация — ее более высокий уровень взаимодействует с более высокими уровнями семантической и фонетической информации, что дает совокупный качественный эффект [16]. Значительное улучшение прогнозирования и понимания графической информации происходит по мере ее увеличения (добавление половины второго иероглифа в слове, добавления первого иероглифа второго слова в словосочетании).

Большинство иероглифов очень многозначны, более конкретное лексическое значение они приобретают, соединяясь со вторым иероглифом, образуя общее слово. Вследствие того, что лексическое и грамматическое значение иероглифа, как было сказано выше, актуализируется благодаря взаимодействию с другими иероглифами, то и прогнозирование его лексического и грамматического значения будет более эффективным при осуществлении анализа иероглифа с точки зрения его включенности в слова и словосочетания. В ходе увеличения считываемой информации новая информация накладывается на уже имеющуюся, из долговременной памяти извлекается другой, более подходящий фрейм, осуществляется уточнение семантических и фонетических характеристик предыдущего иероглифа, подтверждается или опровергается его отнесенность к уровню слога или слова, а также его

включенность в словосочетания. Таким образом, новая порция информации о включенности иероглифа в единицы более высоких уровней используется для расширения и совершенствования его первичного образа восприятия. Декодирование и понимание иероглифа запускает механизм осознания целого фрагмента окружающей действительности во всей сложной взаимосвязи ее компонентов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / редкол. : В.Н.Ярцева (гл. ред.) [и др.]. – 2-ое изд. – М. : Большая российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
2. Богомолова, Е. Н. Реализация категорий связности и цельности в китайских публицистических текстах (в свете предикационной концепции языка) / Е.Н. Богомолова // Вестн. Воен. ун-та. – 2010. – № 4 (24). – С. 124–128.
3. Ефремов, А. М. Связность китайского текста в сравнительно типологическом аспекте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А.М. Ефремов ; ФГБОУ ВПО Военный ун-т. – М., 1987. – 184 л.
4. Langacker, R. W. A usage-based model / R.W. Langacker // Topics in cognitive linguistics / B. Rudzka-Ostyn ed. – Amsterdam ; Philadelphia : Benjamins, 1988. – P. 127–161.
5. Langacker, R.W. Concept, Image and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar / R.W. Langacker. – Berlin ; N. Y. : Mouton de Guyter, 1991. – 527 p.
6. Langacker, R. W. An overview of cognitive grammar / R.W. Langacker // Topics in cognitive linguistics / B. Rudzka-Ostyn ed. – Amsterdam ; Philadelphia : Benjamins, 1988. – P. 3–48.
7. Костомарова, Н. А. Семантический фрейм в структуре ментального лексикона человека (на примере семантического фрейма «человек») / Н.А. Костомарова // Вестн. Перм. ун-та. Рос. и зарубежн. филология. – 2015. – № 3(31). – С. 23–33.
8. Беляевская, Е. Г. Фреймы «действия» и «деятельности» как основание классификации лексических единиц / Е.Г. Беляевская // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Гуманит. науки. – 2013. – № 20(680). – С. 18–28.
9. Жаботинская, С. А. Концептуальный анализ : типы фреймов / С.А. Жаботинская // На стыке парадигм лингвистического знания в начале XXI века : грамматика, семантика, словообразование. – Калининград, 2003. – С. 141–159.
10. Болдырев, Н. Н. Фреймовая семантика как метод когнитивного анализа языковых единиц / Н. Н. Болдырев // Проблемы современной филологии. – 2000. – № 1. – С. 36–45.
11. Болдырев, Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики [Текст] / Н. Н. Болдырев – «Вопросы когнитивной лингвистики», No1 (001), Тамбов : Изд-во Тамбовского ун-та, 2004. – С. 18–36.
12. Цзинь, Тао. Концептуальная система пространства: на материале современного китайского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Тао Цзинь. – Владивосток, 2005. – 198 л.
13. Кравцова, М. Е. История культуры Китая / М.Е. Кравцова. – СПб. : Лань, 1999. – 416 с.
14. Солнцев, В.М. Введение в теорию изолирующих языков (в связи с общими особенностями человеческого языка) / В.М. Солнцев. – М. : Вост. лит., 1995. – 354 с.
15. Козырева, О. А. Когнитивные аспекты исследования лингвокультурологического поля (на материале поля «дом/жилье») : дис. ... канд. фил. наук : 10.02.20 / О.А. Козырева. – М., 2003. – 237 л.
16. Коршунов, Д. С. Психолингвистические модели чтения в буквенных и иероглифических языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Д.С. Коршунов ; ФГБОУ ВПО Моск. гос. лингв. ун-т. – М., 2012. – 24 с.

КОММУТАТИВНОСТЬ КАК ПРИЗНАК УСТОЙЧИВЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Номинативной единицей в терминах комбинаторной семантики принято считать устойчивую последовательность знаков, в которой один знак (модификатор) определяет другой (актуализатор) [1, с. 33]. Номинативная единица может быть развёрнутой и свёрнутой: развёрнутая – это устойчивое словосочетание, а свёрнутая – сложное слово [2, с. 12]. Разница между устойчивым словосочетанием и сложным словом состоит в том, что в устойчивом словосочетании возможна коммутация, т. е. компоненты можно поменять местами без существенного изменения смысла, а в сложном слове её быть не может [3, с. 50-51]. Например, нельзя в сложном слове *самолёт* поменять компоненты местами и сказать *лётосам*, или 飞机 *fēijī* ‘самолёт’ поменять на 机 *jī* *fēi*, так как это свёрнутые номинативные единицы.

В китайском языке существуют пары номинативных единиц, в которых наблюдается возможный обратный порядок следования их компонентов, и для того, чтобы определить, чем именно являются данные знаки, необходим анализ их семантики и комбинаторики: если элементы коммутативны, то это развернутые устойчивые словосочетания, если некоммутативны, то сложные слова (свёрнутые номинативные единицы).

Начнём с рассмотрения первой пары знаков 怜爱 *lián'ài* – 爱怜 *àilián*. Так, на основании толкования значения в Словаре современного китайского языка перевод обоих знаков звучит как ‘трепетно любить, испытывать нежные чувства, заботливо относиться, проникаться симпатией, дорожить’ [4]. Очевидно, что в данном случае их семантика одинаковая. Анализ комбинаторики на макроуровне показывает, что знаки ведут себя одинаково, поскольку в корпусе текстов можно найти примеры, где единицы играют одну и ту же роль в предложении. Например, сказуемого: 他觉得自己是受了委屈的好人, 所以大家理应同情他, 怜爱他。 *Tā juéde zìjǐ shì shòule wēiqu de hǎorén, suǒyǐ dàjiā lǐyīng tóngqíng tā, lián'ài tā*. ‘Он считает себя хорошим человеком, которого обидели, поэтому все должны сочувствовать ему и заботиться о нём’. 你们要是爱怜他的生命, 那么快拿出个办法来吧。 *Nǐmen yàoshi àilián tā de shēngmìng, nàme kuài náchū gè bànfǎ lái ba*. ‘Если вы дорожите его жизнью, быстрее придумывайте выход из этой ситуации’. Дополнения: 她希望有别人对她好, 所以有的时候, 坏人作恶不过是为了追求怜爱, 要引起别人注意。 *Tā xīwàng yǒu biérén duì tā hǎo, suǒyǐ yǒu de shíhòu, huàirén zuò è búguò shì wéile zhuīqiú lián'ài, yào yǐnqǐ biérén zhùyì*. ‘Она надеется, что другие будут относиться к ней хорошо, ведь иногда люди, мечтая о заботе и любви, совершают плохие поступки, чтобы привлечь к себе внимание’. 他的心里充满了爱怜。 *Tā de xīnlǐ chōngmǎnle àilián*. ‘Его сердце было полно любви и сострадания’. Обстоятельства образа действия: 保姆怜爱地抚摸着孩子。 *Bǎomǔ lián'ài de fǔmōzhe háizi*. ‘Няня ласково погладила ребенка’. 她爱怜地注视着他。 *Tā àilián de zhùshìzhe tā*. ‘Она с любовью посмотрела на него’ [5]. А также определения: 郭老用手轻轻的抚拭了一下一张像, 脸上突然绽开了一抹怜爱的笑容。 *Guō Lǎo yòng shǒuqīng qīng de fǔ shìle yīxià yī zhāng xiàng, liǎn shàng túrán zhànkāile yīmǒ lián'ài de xiàoróng*. ‘То Лао осторожно протёр портрет рукой, и на его лице внезапно появилась нежная улыбка’. 史钢温柔但坚定的挣脱她爱怜的拥抱。 *Shǐ Gāng wēnróu dàn jiāndìng de zhēngtuō tā àilián de yǒngbào*. ‘Ши Ган мягко, но решительно вырвался из её любящих объятий’. На микроуровне мы можем также наблюдать возможную комбинацию с полусуффиксами у обоих знаков. Например, с полусуффиксом 着 *zhe*: 菲利普看到她确实怜爱着这个老头儿。 *Fēilǐpǔ kàn dào tā quèshí lián'àizhe zhège lǎotóur*. ‘Филипп увидел, что она действительно любит старика’. 他的双手、双唇却出奇地温柔, 除上

她仅剩的遮蔽物，不断爱怜着她的一切。Tā de shuāngshǒu, shuāng chún què chūqí dì wēnróu, chū shàng tā jīn shèng de zhēbì wù, bùduàn àilíanzhe tā de yīqiè. ‘Его руки и губы были на удивление нежными, и, несмотря на скрываемую ею тайну, он продолжал трепетно любить всё в ней’. Таким образом, на основании анализа данной пары знаков на макро- и микроуровне 怜爱 lián’ài ~ 爱怜 àilían необходимо квалифицировать как устойчивые словосочетания, потому что коммутация не приводит к существенным различиям ни в семантике, ни в комбинаторике.

В отличие от устойчивых словосочетаний изменение порядка следования компонентов в сложных словах вызывает полное изменение смысла, поэтому, например, в паре знаков 房客 fángkè – 客房 kèfáng перевод 房客 fángkè звучит как ‘квартирант, постоялец, жилец’, а 客房 kèfáng – ‘номер (в гостинице)’ [4]. Различия в их комбинаторике видны в следующих примерах из корпуса текстов: 在五星级的长城饭店, 房客 90% 是“老外”, 可是这里的夜总会, 北京人占了 80%. Zài wǔ xīng jí de chángchéng fāndiàn, fángkè 90% shì “lǎowài”, kěshì zhèlǐ de yèzǒnghuì, běijīng rén zhànle 80%. ‘В пятизвездочном отеле Great Wall 90% постояльцев – иностранцы, а вот в ночных клубах процент жителей Пекина составляет 80%’. 原来, 一个美国旅行团客人从客房来到大厅, 准备离店。Yuánlái, yīgè měiguó lǚxíng tuán kèrén cóng kèfáng lái dào dàtīng, zhǔnbèi lí diàn. ‘Выяснилось, что один постоялец из американской тургруппы спустился в вестибюль из гостиничного номера и собирался покинуть здание’ [5]. На основании толкования значения очевидно, что после перестановки компонентов меняются и семантическое ядро, и семантическая периферия двух знаков, их аспект содержания различен, что приводит к различиям и в комбинаторике. Такие явные отличия говорят о том, что это разные знаки, поэтому перед нами сложные слова, т.е. свёрнутые номинативные единицы.

Необходимо также отметить, что после перестановки компонентов в семантике знаков меняться может либо только периферия, либо только ядро. Так, в паре 达到 dádào – 到达 dàodá знак 达到 dádào ‘достигать, добиваться’ означает информационный процесс, его объектом выступает некое абстрактное понятие (например, цель, степень и т.д.), а знак 到达 dàodá ‘достичь, прибыть; дойти, доехать до...’ – физический процесс, его объектом должно выступать конкретное место [4]. У данных знаков периферия совпадает, а ядра разные. Приведем примеры: 她达到了汉语 6 级水平。Tā dádàole hànyǔ 6 jí shuǐpíng. ‘Её уровень владения китайским языком достиг 6 уровня’. 他达到了他的目的。Tā dádàole tā de mùdì. ‘Он добился своей цели’. 我已经到达北京了。Wǒ yǐjīng dàodá Běijīng le. ‘Я добрался до Пекина’ [5]. Изменения «физический/информационный процесс», наблюдаемые в данной паре, – это серьезные изменения в семантике, и если перестановка приводит к тому, что знак обозначает только физический процесс либо только информационный, то меняется семантическая категория, а изменение категории на основании различий в семантическом ядре – сигнал, что компоненты знака некоммутативны и перед нами сложные слова.

В иных случаях, когда наблюдаются незначительные отличия в периферийной семантике двух знаков либо в их комбинаторике, то на основании этого можно выделить промежуточную группу устойчивых словосочетаний, близких к сложному слову.

Так, например, в паре 才干 cáigàn – 干才 gāncái общим является значение ‘способность, талант, одарённость, умение’, однако в периферии у второго знака 干才 gāncái развивается дополнительное значение ‘умелец, дельный человек, талант’ [4]: 这位副经理是公关方面的王才。Zhè wèi fù jīnglǐ shì gōngguān fāngmiàn de gāncái. ‘Этот заместитель менеджера – талантливый специалист по связям с общественностью’ [6]. Наблюдаемое изменение семантической категории обусловлено появлением фасцинации [7], и, как следствие, появляется различие в периферийной семантике двух знаков. Исходя из того факта, что основное значение у них всё же совпадает, данные знаки логичнее будет отнести к промежуточной группе устойчивых словосочетаний, близких к сложному слову.

Изменения в семантической категории может также наблюдаться ввиду наличия у номинативной единицы в модификаторе определенных знаков, что приводит к некоторым

ограничениям в комбинаторике. Например, в паре 过路 *guòlù* – 路过 *lùguò* со значением ‘проходить, проезжать, миновать’ [4] у знака 过路 *guòlù* в роли модификатора выступает тайген, поэтому учитывая, что все бинарные ёгены, у которых в модификаторе тайген, не комбинируются с другими тайгенами [8], то различие в комбинаторике у 过路 *guòlù* и 路过 *lùguò* будет заключаться только в возможности употребления после 路过 *lùguò* дополнения и невозможностью такого употребления у 过路 *guòlù*. Например: 进入 80 年代以后, 当我出差路过上海时, 却懒得去那儿了。 *Jìn rù 80 niándài yǐ hòu, dāng wǒ chūchāi lùguò shànghǎi shí, què lǎndé qù nàr le.* ‘После 80-х, когда я во время командировки проезжал мимо Шанхая, мне больше не хотелось заезжать туда’. 记者来到市中心的市政厅广场, 采访了过路的市民。 *Jìzhě lái dào shìzhōngxīn de shìzhèngtīng guǎngchǎng, cǎifǎng le guòlù de shìmín.* ‘Репортер вышел в центр города на площадь у ратуши и взял интервью у проходивших мимо горожан’ [5]. В данном случае такое ограничение объясняется не семантическими причинами, а сугубо синтаксическими, которые оказываются нерелевантными, поэтому можно также говорить о том, что данные знаки пока только движутся в сторону сложного слова.

Приведём ещё один пример: небольшое различие в комбинаторике в паре 合适 *héshì* – 适合 *shìhé* ‘подходить, подходящий, в самый раз’ [4] заключается в том, что 适合 *shìhé* принимает после себя косвенное дополнение, т.е. можно сказать 适合我 *shìhé wǒ* ‘подходить мне’, а 合适 *héshì* такой возможностью не обладает. Здесь наблюдается некоторая особенность комбинаторики, продиктованная характеристикой его второго компонента 适 *shì*. В то же время, в корпусе текстов были найдены примеры употребления после 合适 *héshì* косвенного дополнения при наличии предлога 对 *duì*: 你觉得怎么样, 这件衣服对我合适吗? *Nǐ juéde zěnmeyàng, zhè jiàn yīfú duì wǒ héshì ma?* ‘Как ты считаешь, мне подходит это платье?’ [6] Таким образом, у данных знаков небольшая разница в этом случае объясняется лишь возможностью/невозможностью комбинирования с другим знаком в роли косвенного дополнения, следовательно, это скорее единица, которая движется в сторону сложного слова, оставаясь пока устойчивым сочетанием.

Представленный выше анализ семантики и комбинаторики номинативных единиц показывает, что корректное проведение процедуры тестирования на коммутативность позволяет провести разграничение между сложным словом и устойчивым словосочетанием в китайском языке. Если единица коммутативна – значит перед нами устойчивое словосочетание, если некоммутативна – сложное слово. Данные выводы подтверждаются комбинаторикой: там, где компоненты можно менять местами и значение при этом абсолютно либо почти не меняется, то и комбинаторика будет приблизительно сходной. В то же время необходимость выделения промежуточной группы обусловлена тем фактом, что язык – это динамическая система. Одним из проявлений динамизма как раз является то, что в каждый момент существования языка можно обнаружить множество промежуточных образований, не соотносимых абсолютно точно ни с одним из классов [9]. Способность языка к изменениям обусловлена необходимостью передавать и хранить информацию в любой момент и в любой ситуации, в чем, собственно, и заключается функциональная предназначенность речи как реализации языковой системы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гордей, А. Н. Принципы исчисления семантики предметных областей / А. Н. Гордей. – Минск : Белорусский государственный университет, 1998 – 156 с.
2. Гордей, А.Н. О комбинаторике числовых знаков в китайском языке / А.Н. Гордей // Научные чтения, посвященные Виктору Владимировичу Мартынову : сб. науч. тр. – Минск : РИВШ, 2015. Вып. II. – С.12-14
3. Гордей, А.Н. Типологические аспекты словообразования / А.Н. Гордей, Сунь Кэвэнь // Пути Поднебесной. – Минск : РИВШ, 2011– Вып. II. – С. 40-53.

4. 现代汉语词典（第7版） / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. – Пекин : 商务印书馆 Commercial Press, 2016. – 1897 с.
5. Корпус текстов Пекинского университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ccl.pku.edu.cn>. – Дата доступа: 21.01.2022
6. Корпус текстов Пекинского университета языка и культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bcc.bicu.edu.cn>. – Дата доступа: 21.01.2022
7. Кнорозов, Ю.В. К вопросу о классификации сигнализации // Основные проблемы африканистики. – М.: Наука 1973. – С. 324-334.
8. Гордей, А.Н. Теоретическая грамматика восточных языков : лекционный курс / А.Н. Гордей. – Электрон. дан. – Минск, 2007. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
9. Заде, Л. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. – М.: Мир, 1976. – 166 с.

Москалёва А. Ю.
*аспирант Минского государственного
лингвистического университета
(г. Минск, Республика Беларусь)*

ИНКОРПОРАТИВНЫЙ КОМПЛЕКС ЁГЕНОВ КАК СИНТАКСИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ

Основоположник семиологии и структурной лингвистики Ф. де Соссюр в своих исследованиях отмечал: «Язык, как он нами определен, есть явление по своей природе однородное — это система знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа, причем оба эти компонента знака в равной мере психичны» [1, с.53]. Определение языка как системы знаков обуславливает важную роль семантики как лингвистической дисциплины, изучающей отношение языка к модели мира [2]. Понимая язык как «систему знаков для сознательного управления интеллектуальной деятельностью» [2, с.10], мы в исследовании инкорпоративного комплекса китайских предикативов будем оперировать основными понятиями, принятыми в комбинаторной семантике [2], [3], однако рассмотрим и другие взгляды на данное синтаксическое целое.

Сопрягая предложенную С. С. Шаумяном универсальную аппликативную порождающую модель к китайскому синтаксису, можно заметить, что сочетаемость знаков в китайском языке представлена комбинацией корневых знаков, которые «приклеиваются» друг к другу, образуя комплексную языковую единицу [4]. В своих работах А. Л. Семенас также отмечает, что центральное место в системе словообразования китайского языка занимает сложение: значимые языковые единицы объединяются в одно целое [5].

Помимо этого, в китайском языке также отмечаются случаи инкорпорации. Согласно определению, данному в словаре лингвистических терминов, под инкорпорацией понимается продуктивный способ образования слова или особого рода синтагматической единицы, путем сочетания примыкающих друг к другу корней, совокупность которых оформляется служебными элементами [6]. Одним из таких синтаксических целых, в терминологии комбинаторной семантики, является **инкорпоративный комплекс** предикативов или ёгенов¹.

В других направлениях лингвистики это языковое явление также называют дополнительным членом направления движения [7], компонентом направления [8] или же «Verb-Complement construction» [9]. Американский лингвист китайского происхождения Чжао

1 Ёген (от яп. 用言 — подвижное слово) — часть языка, обозначающая признак индивида. Важным различительным признаком ёгенов является степень. Ёгены первой степени обозначают признак индивида. См: Гордей, А.Н. Части языка и процедуры их разграничения / А. Н. Гордей // Пути Поднебесной. – Минск: БГУ, 2006. – Вып.1. – Ч.1. – С.69–75.

Юаньжэнь рассматривал данное синтаксическое целое в качестве глаголов изменения положения, ориентации в пространстве или же как глаголы направления движения [10].

Существуют расхождения во взглядах ученых не только относительно формулировки названия инкорпоративного комплекса, но и относительно его компонентов. В трудах отечественных и зарубежных лингвистов можно встретить различные мнения по данному вопросу. В.И. Горелов полагал, что модификаторы в сочетании с полноточными глаголами, значение которых никак не связано с идеей движения, являются *вспомогательными глаголами*, означающими лишь результативность [11]. По мнению А.А. Драгунова, глаголы направления движения могут выступать в роли морфем-модификаторов при глаголах движения, а также при глаголах с другой семантикой. Во втором случае, по мнению исследователя, такие морфемы-модификаторы имеют тенденцию превращаться в *видовые суффиксы*, в своего рода показатели «совершенного вида» [12].

Т.П. Задоев высказывает точку зрения, что сложный глагол направления движения обладает двусложным модификатором, включающим в себя два компонента:

модификатор первой группы (условно названный модификатором группы 进);

модификатор 来 или 去 (в зависимости от направления по отношению к говорящему)

[13].

О.М. Готлиб отмечает, что в модификаторы группы 进 выступают в функции компонента, указывая: «глаголы этой группы не могут редуцироваться, не могут управлять дополнением, но принимают локативный компонент; они часто выступают как *суффиксы*, передавая различные значения результата или модификации» [14].

Что касается второго модификатора, 来 выражает движение к говорящему, а 去, напротив, — от него.

Профессор А.Н. Гордей также разделяет мнение о присутствии двух модификаторов в составе инкорпоративного комплекса китайских предикативов, однако он в его структуре выделяет три компонента:

Актуализатор (знак, обозначающий основной процесс) — 走出去, 说下去, 看出来;

Модификатор-актуализатор (знак, обозначающий ориентацию процесса в пространстве относительно локуса) — 站起来, 爬上去, 拿过来;

Модификатор (знак, обозначающий ориентацию процесса в пространстве относительно наблюдателя) — 搬进来, 飞回去, 跑下来 [15].

Обратимся, прежде всего, к таким составляющим инкорпоративного комплекса ёгенов, как актуализатор и модификатор. Рассмотрим пример 'Она очень красиво рисует'. В данном событии знак 'она' называет индивида, а знак 'рисует', соответственно, — признак индивида. Обозначим индивид символом 'i', а признак индивида — $f(i)$. Очевидно, что если 'рисует' — это признак индивида, то 'красиво' есть признак его признака. Невозможно сказать 'она красиво', возможно только 'красиво рисует'. Следственно, отношения между признаками 'красиво' и 'рисует' иерархические, а это говорит о суперпозиций функций $f(f(i))$ или же степень функции $f^2(i) = f(f(i))$. Если 'она' и 'рисует' соотносятся как индивид и признак индивида, а 'красиво' является признаком признака, то 'очень' является его третьим признаком, т.е. признаком признака его признака. Отношения между признаками 'красиво' и 'очень' также являются иерархическими. Их можно описать следующим образом: $f^3(i) = f(f^2(i)) = f(f(f(i)))$.

Из приведенных выше фактов следует, что переменные ёгены 'рисует', 'красиво' и 'очень' в иерархии признаков имеют первую, вторую и третью степени соответственно [16]. Таким образом, данный анализ показал, что знаком-актуализатором в инкорпоративном комплексе является переменный ёген первой степени [17].

Не менее значимым, чем актуализатор, является второй компонент инкорпоративного комплекса — модификатор-актуализатор. Как известно, в обозначающих физический фрагмента модели мира инкорпоративных комплексах данный компонент уточняет ориентацию процесса как в пространстве, так и по отношению к наблюдателю. Однако при

использовании информационного знака в качестве актуализатора, модификатор-актуализатор и модификатор также обладают информационной составляющей.

Установить роль инкорпоративного комплекса в обозначении того или иного фрагмента модели мира можно лишь определив, обозначает он информационный или же физический процесс. Согласно А.Н Гордею, физическим процессом считается воздействие одного индивида на другой посредством своей оболочки, а под информационным понимается воздействие индивида на другой посредством своей среды [18, с.51]. Главным критерием в определении процесса как физического или информационного является точка зрения наблюдателя, поскольку каждый физический процесс имеет определенную информационную составляющую и наоборот. Иначе говоря, выдвижение наблюдателем на первый план физической или информационной составляющей процесса является ключевым [18].

Как отмечалось ранее, при наличии в составе инкорпоративного комплекса иннформационного ёгена в роли актуализатора, всё синтаксическое целое наделяется информационной составляющей, вследствие чего такие стандартные кортежи (упорядоченные наборы) ёгенов в роли модификаторов-актуализаторов и модификаторов приобретают значения, отличные от своих первоначальных значений [13]. Рассмотрим значения ёгенов инкорпоративных комплексов, обозначающих информационный фрагмент модели мира, на примере таблицы 1.

Таблица 1 — Значения ёгенов в роли модификаторов инкорпоративного комплекса, обозначающего информационный фрагмент модели мира

Ёгены	Значение ёгенов
起来	- Начало иннформационного процесса или объективный переход его из скрытого состояния в открытое: 孩子忽然哭起来了。Ребенок вдруг заплакал. - Акцент на инициации фасцинационного 1 восприятия информационного процесса: 这本书读起来很有趣。Книга читается с интересом. - Акцент на возобновлении информационного процесса в памяти:你记起来我是谁了吗? Ты вспомнил, кто я такой?
出来	- Порождение информационного процесса: 有什么困难说出来, 大家都帮助解决。Если будут какие-либо трудности, то скажи и все помогут тебе справиться. - Восприятие информационного процесса:你能看出来他写的汉字? – Ты можешь разобрать написанные им иероглифы?
下去	Продолжение информационного процесса после перерыва: 几乎过了一分钟, 她才继续说去。Спустя почти минуту она продолжила говорить.
下来	Затухание информационного процесса: 过了一天, 他平静下来了。Прошел один день, он успокоился.
上去	Гипотетическое восприятие информационного процесса: 她丈夫看上去像 40 岁。Её муж выглядит на 40 лет.

1 Фасцинация (от лат. fascinatіo «завораживание») — по Ю. В. Кнорозову, «такое действие сигнала, при котором ранее принятая информация полностью или частично стирается», эффект повышения воздействия информации на поведение. См:Кнорозов, Ю. В. Избранные труды / Ю.В. Кнорозов. — СПб. : МАЭ РАН, 2018. — 594 с.

进去	Внешнее фасцинационное восприятие информационного процесса наблюдателем: 他对批评听不进去。Он не прислушивается к критике.
进来	Внутреннее фасцинационное восприятие информационного процесса наблюдателем: 外面任何一点声音都能传进来。Любой звук снаружи может донестись сюда.

Таким образом, анализ научно-методической литературы, которая посвящена исследуемой проблеме, показал наличие как различных, так и сходных мнений относительно проблемы определения сущности инкорпоративного комплекса ёгенов и компонентов, входящих в его структуру.

Исходя из результатов исследования, отметим: спектр значений знаков в роли модификаторов инкорпоративного комплекса, обозначающего информационный фрагмент модели мира, довольно широк, что позволяет данному синтаксическому целому активно функционировать в письменном и устном китайском языке в роли сказуемого. Особый интерес представляет модификатор 下来, обозначающий постепенное затухание информационного процесса, поскольку он в большинстве случаев употребляется в инкорпоративных комплексах с постоянным ёгеном в роли актуализатора.

Самым развитым с точки зрения выражаемых им значений оказался модификатор 起来: помимо начала информационного процесса, он также способен обозначать акцент на возобновлении информационного процесса и акцент на инициации фасцинационного восприятия информационного процесса. Несмотря на то, значения модификаторов 起来 и 上去 кажутся идентичными, удалось выявить в них существенное различие в модальных оттенках. 起来 выражает объективную модальность (информационный процесс воспринимается наблюдателем объективно, поскольку он очевиден), в то время как 上去 имеет составляющую субъективной модальности (восприятие информационного процесса является гипотетическим, поскольку зависит от точки зрения каждого конкретного наблюдателя). Полученные результаты свидетельствуют об эффективности комбинаторных методов в изучении семантического синтаксиса китайского языка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.
2. Гордей, А.Н. Семантический синтаксис и комбинаторная семантика / А.Н. Гордей // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П.П. Шубы). – Мн., 2006. – Ч.2. – С.9-13.
3. Гордей, А.Н. Реконструкция и рекурсия в синтаксическом анализе предложения / А.Н. Гордей // Карповские научные чтения (Минск, БГУ, 18-19 марта 2011 г.): сб. науч. ст.: в 2 ч. Ч.1 / редкол.: А. И. Головня [и др.]. – Минск: Бел. Дом печати, 2011. – С.18-26.
4. Шаумян, С.К. Структурная лингвистика / С.К. Шаумян. – М.: Наука, 1965. – 395 с.
5. Семенас, А. Л. Лексика китайского языка. / А.Л. Семенас. – 2-е изд., стер. — М.: АСТ: Восток-Запад, 2005. — 310, [2] с.
6. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 607 с.
7. 刘月华等著. 实用现代汉语语法 / 刘月华等著. –增订本.– 北京: 商务印书馆, 2004. – 1005 页.

8. 李德津, 程美珍. 外国人实用汉语语法 / 李德津, 程美珍. – 2 版 (修订本). – 北京: 北京语言大学出版社, 2008. – 652 页.
9. Yin, Binyong. Chinese Romanization: Pronunciation and Orthography / Yin Binyong. – Beijing : Sinolingua, 1990. – 580 p.
10. Chao, Yuen Ren. A Grammar of Spoken Chinese / Chao Yuen Ren. – Berkely, Los Angeles, London, 1970. – 847 p.
11. Горелов, В.И. Теоретическая грамматика китайского языка: учеб. пособие для студентов пед. инт-тов по спец. «Иностр. яз.» / В.И. Горелов. – М.: Просвещение, 1989. – 318 с.
12. Драгунов, А.А. Исследования по грамматике современного китайского языка / А.А. Драгунов. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Ч. I. Части речи. – 232 с.
13. Задоев, Т.П. Начальный курс китайского языка: учеб. пособие / Т.П. Задоев, Хуан Шуин. – М.: Восточная книга, 2010. – Ч. I. – 304 с.
14. Готлиб, О. М. Практическая грамматика современного китайского языка / О.М. Готлиб. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Муравей, 2002. – 108 с.
15. Гордей, А.Н. Китайский язык: Учеб. Программа / А.Н. Гордей. – Минск: БГУ, 2002. – 13 с.
16. Гордей, А.Н. Значение логических и семантических парадоксов для теории языка / А.Н. Гордей // Карповские научные чтения (Минск, БГУ, 18-19 марта 2011 г.): сб. науч. ст.: в 2 ч. Ч. I / редкол.: А. И. Головня [и др.]. – Минск: Бел. Дом печати, 2011. – С.9-18.
17. Гордей, А.Н. Части языка и процедуры их разграничения / А.Н. Гордей // Пути Поднебесной. – Мн., 2006. – Вып. I. – Ч. I. – С. 69–75.
18. Гордей, А.Н. Теория автоматического порождения архитектуры знаний (ТАПАЗ-2) и дальнейшая минимизация семантических исчислений / А.Н. Гордей // Открытые семантические технологии проектирования интеллектуальных систем = Open Semantic Technologies for Intelligent Systems (OSTIS-2014): материалы IV Междунар. науч.-техн. конф., Минск, 20-22 февраля 2014 г. / редкол.: В.В. Голенков (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУИР, 2014. – С.49-64.

***Гибкий Павел Валерьевич**
магистрант, преподаватель-стажер
кафедра теории и практики китайского языка
Минский государственный лингвистический университет
(г. Минск, Республика Беларусь)*

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И МЕТАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются следующие вопросы: лингвистический и металингвистический аспект функционирования временных отношений в китайском языке, создание эффекта временных отношений синтаксическими средствами китайского языка (комбинацией полусуффиксов 了 (le)).

Прежде всего, необходимо охарактеризовать лингвистический аспект функционирования временных отношений в китайском языке. Согласно Аристотелю, «категория представляет собой некое абстрактное вместилище, заключающее в себе некоторое множество сущностей – равноправных членов данной категории, обладающих рядом общих существенных свойств» [1] (см. также [2, с. 23–24]). Существуют основополагающие различия между подходами к изучению времени в китайском языке русскими и китайскими лингвистами. В отечественной науке время считают двухаспектным понятием. Это и фундаментальная философская [3], и словоизменительная категория [4, с.18], которая представляет собой противопоставленные друг другу грамматические формы [5] временной парадигмы. В китайском языке «отсутствует ... словоизменение» [6, с. 20], поэтому использовать подход русских лингвистов к рассмотрению временных отношений и грамматики китайского языка в целом, не представляется возможным.

Несмотря на это, ряд российских китаистов пытались рассматривать китайский язык через призму русского, выделять свойственные русскому языку категории. Обосновывая свою точку зрения, Солнцев утверждал, что «практически нет языков без морфологии [7, с. 223]. Тем не менее «в китайском языке отсутствует морфология» [6, с. 20] по причине полного отсутствия словоизменения. Данное различие во многом повлияло на то, что русские лингвисты ошибочно пытались приписать китайскому языку существование тех грамматических категорий, которые для данного языка не характерны, в том числе и категорию времени. Не зря Тань Аошуан указывала на то, что в китайском языке отсутствуют грамматические категории в традиционном понимании [8, с. 682]. Подходы к изучению временных отношений в китайском языке также отличаются разнообразием и порой противоположными точками зрения. Согласно В.М. Солнцеву [7], категории времени в китайском языке нет. А. А. Драгунов [9], С. Е. Яхонтов [10], Тань Аошуан [8] имеют противоположную точку зрения. Н.Н. Коротков, Б. Исаенко, Советов-Чэнь в «Учебнике китайского языка» признают существование только видовых форм в китайском языке, не выделяя отдельно видовременные, косвенно отрицая возможность существования категории времени в китайском языке [11]. К тому же, среди китайских и российских лингвистов до сих пор нет единого подхода к определению полусуффикса 了 (le) [6], которые имеют свойства формообразовательных и словообразовательных «морфем» [12] и могут создавать эффект временных отношений на уровне синтаксиса, что подтверждает актуальность данной работы. Согласно В.И. Горелову [13, с.55 – 60.], А. М. Цуканову [14], С. Е. Яхонтову [10], А. А. Драгунову [9, с.129 –151], китайские глаголы в комбинации с полусуффиксом 了 (le) отображают завершённость действия и являются показателями прошедшего времени. В частности, по мнению Горелова, суффикс 了 (le) передает следующее значение: «единичное действие имело место в определенное время в прошлом и что оно завершено: 我看了那本书» [13, с.56] (Wǒ kànle nà běn shū; ‘Я прочитал эту книгу’). В.М. Солнцев называет данный формант «словообразовательным аффиксом» [7, с.132], который включает в себе значение вида глагола (совершенного, несовершенного-многократного и продолженного) [15, с. 66 – 67]. Как считал А. А. Драгунов, 了 (le) является суффиксом глагола, которые относят действие к прошедшему времени (прошедшему завершённому, прошедшему неопределённому и недавно прошедшему) [9, с. 129 – 151]. Ван Ли, Гао Минкай, Тодо Акиясу, Юй Минь, Луй Шу Сян [16] имели практически противоположную точку зрения, согласно которой 了 (le) не выражает прошедшее время, а «лишь означает то, что испытано и пережито» [6, с. 38].

Чтобы охарактеризовать металингвистический аспект функционирования временных отношений в китайском языке, необходимо рассмотреть употребление 了 (le) с позиций комбинаторной семантики, то, как данный полусуффикс взаимодействует с другими частями языка (тайгенами и ёгенами) [17, с. 101 – 102]. Согласно А. Н. Гордею, китайские ёгены, указывающие на постоянные и переменные признаки предметов (тайгенов), не имеют временных формантов. В зависимости от того, какие отношения возникают между субъектом и объектом действия, выделяют результативные нерезультативные ёгены. «Если субъект воздействует на ближайшее окружение одного объекта, который не является постоянным признаком другого объекта, то ёген нерезультативен (поверхностное воздействие). Если субъект воздействует на сам объект, то ёген результативен (глубинное воздействие)» [6, с. 39]. «Манифестуя ... процесс через взаимоотношения субъекта и объекта, ... ёген, благодаря наличию или отсутствию суффикса 了 (le), содержит дополнительную информацию о характере процесса с точки зрения его завершенности ...» [6, с. 39]. В примере 我才看了五分钟书,你又来找麻烦了! (Wǒ cái kàn le wǔ fēnzhōng shū, nǐ yòu lái zhǎo máfanle) Я почитал книгу только 5 минут, а ты снова беспокоишь меня!» [6, с. 41] Полусуффикс 了 (le) преобразует 看 (kàn) в переменный нерезультативный завершённый краткий ёген. Процесс, который осуществлял объект (воздействия), завершён (прерван) субъектом (снова начал беспокоить), поэтому ёген 看 (kàn) завершённый. Действие является кратковременным, поэтому ёген 看 (kàn) краткий. Субъект оказал воздействие на ближайшее окружение объекта (книгу), которая не является постоянным признаком объекта (может читать книгу, а может и не читать), поэтому ёген 看 (kàn) нерезультативен.

В данной работе исследуется металингвистический эффект временных отношений, создаваемый с помощью 了 (le). В частности, исследуется употребление полусуффиксов 了 (le) при их комбинации друг с другом, поэтому временной эффект, которые при этом возникает, называют металингвистическим. В качестве материала исследования использованы фрагменты текстов и их переводы из национального корпуса русского языка (китайского параллельного корпуса) [18]. В результате анализа 142 фрагментов текста был выявлен 71 случай создания эффекта временных отношений с помощью комбинации полусуффиксов 了 (le). Ниже представлены 9 примеров, наиболее ярко характеризующих металингвистический эффект временных отношений в китайском языке. В данных предложениях эффект прошедшего времени создается посредством комбинации двух полусуффиксов 了 (le), которые указывают на действия, занимающие позицию Раньше и позицию Позже (если пользоваться терминологией МакТаггарта) [17, с.457] и преобразуют китайские ёгены в результативные и завершённые [6, с.41].

Китайская версия	Перевод	Эффект прошедшего времени
1. 她忽然不知到什么地方去了, 她的丈夫也搬走了.	‘Она вдруг уехала куда-то, а через несколько дней и муж ее переменил квартиру’.	Действие (‘уехала’) занимает позицию Раньше [19, с.457] и находится в суперпозиции. Действие (‘муж переменил квартиру’) занимает позицию Позже [19, с.457]. Полусуффиксы 了 (le) преобразуют ёгены 去 (qù) и 走 и (zǒu) в результативные и завершённые.
2. 瞪了严老有一眼, 撇撇地走了.	‘Посмотрев с укором на Ян Лао, он быстро вышел за порог’.	Действие (‘посмотрел’) занимает позицию Раньше [19, с.457] и находится в суперпозиции. Действие (‘вышел’) занимает позицию Позже [19, с.457]. Полусуффиксы 了 (le) преобразуют ёгены 瞪 (dèng) и 走 и (zǒu) в результативные и завершённые.

3. 李雪莲手拍酸了，老母鸡被拎得翅膀也酸了。	‘У стучавшей в дверь Ли Сюэлянь совсем онемела рука, у ее курицы одеревенели пережатые крылья’.	Действие (‘онемела рука’) занимает позицию Раньше [19, с.457] и находится в суперпозиции. Действие (‘одеревенели крылья’) занимает позицию Позже [19, с.457]. Полусуффиксы 了 (le) преобразуют два ёгена 酸 (suān) в результативные и завершённые.
4. 一个女人从里间露了一下头，又缩了回去。	‘В комнату, всунув голову, заглянула и тут же спряталась молодая женщина’.	Действие (‘заглянула’) занимает позицию Раньше [19, с.457] и находится в суперпозиции. Действие (‘спряталась’) занимает позицию Позже [19, с.457]. Полусуффиксы 了 (le) преобразуют ёгены 露 (lù) и 缩 (suō) в результативные и завершённые.
5. 由于心焦，自己开车走了，把藏到菜地里的小白等人给忘了。	‘В растрепанных чувствах он сел за руль, совсем позабыв о Сяо Бае и помощниках’.	Действие (‘сел за руль’) занимает позицию Раньше [19, с.457] и находится в суперпозиции. Действие (‘забыл’) занимает позицию Позже [19, с.457]. Полусуффиксы 了 (le) преобразуют ёгены 走 (zǒu) и 忘 (wàng) в результативные и завершённые.
6. 他上了京开高速；由京开高速，上了五环路。	‘Он выехал на автостраду Пекин – Кайфэн, а с нее – на Пятое кольцо’.	Действие (‘выехал на автостраду Пекин’) занимает позицию Раньше [19, с.457] и находится в суперпозиции. Действие (‘выехал на Пятое кольцо’) занимает позицию Позже [19, с.457]. Полусуффиксы 了 (le) преобразуют ёгены 上 (shàng) в результативные и завершённые.

7. 父亲立即正式收养了一岁的男孩，后来他们又生了两个.	‘Отец сразу же усыновил годовалого мальчика, и один за другим появились на свет еще двое’.	Действие (‘усыновил’) занимает позицию Раньше [19, с.457] и находится в суперпозиции. Действие (‘появились’) занимает позицию Позже [19, с.457]. Полусуффиксы 了 (le) преобразуют ёгены 养 (yǎng) и 生 (shēng) в результативные и завершённые.
8. 我走了才几分钟，好几个医生跑进了产房.	‘Как только я ушел, несколько врачей вбежали в палату’.	Действие (‘ушел’) занимает позицию Раньше [19, с.457] и находится в суперпозиции. Действие (‘вбежали’) занимает позицию Позже [19, с.457]. Полусуффиксы 了 (le) преобразуют ёгены 走 (zǒu) и 跑进 (pǎo jìn) в результативные и завершённые.
9. 凤霞生下了孩子后断了气.	‘Родив ребенка, Фэнсян умерла’.	Действие (‘родила’) занимает позицию Раньше [19, с.457] и находится в суперпозиции. Действие (‘умерла’) занимает позицию Позже [19, с.457]. Полусуффиксы 了 (le) преобразуют ёгены 下 (xià) и 断 (duàn) в результативные и завершённые.

Таким образом, российские более склонны выделять категорию времени в китайском языке, чем китайские лингвисты. Мы считаем, что, в силу отсутствия морфологии и словоизменения в китайском языке категории времени в китайском языке не существует, однако посредством комбинации полусуффиксов 了 (le) может создаваться эффект временных отношений. Согласно российским и европейским исследователям (Солнцев, Солнцева, Цуканов, А. А. Драгунов), данный полусуффикс выражает завершенность либо прошедшее время. Ван Ли, Гао Минкай, Тодо Акиясу, Юй Минь, Луй Шу Сян считают, что 了 (le) обозначает опыт совершения действия, но не относит его к прошедшему времени. В наших примерах эффект прошедшего времени заключается в том, что одно из действий находится в суперпозиции, происходит раньше, другое действие ему предшествует.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Скребцова, Т. Г. Структура языковых категорий: классический vs. прототипический подходы [Электронный ресурс] / Т. Г. Скребцова // Философия и гуманитарные науки в традиционном обществе. – 2018. – № 4. – С. 46–58. Режим доступа: <http://fikio.ru/?p=3367>. – Дата доступа: 17.01.2021.
2. Taylor, J. R. Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory / J. R. Taylor. 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 312 p.
3. Время как философская категория и естественнонаучное понятие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/khasanov_vremya/3.htm. – Дата доступа: 14.11.2021.
4. Корнеева, Т. А. Морфология современного русского литературного языка / Т. А. Корнеева. – Казань: «Казанский (Приволжский) федеральный университет», 2014. – 84 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. Грамматическая категория [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/115a.html>. – Дата доступа: 01.10.2021.
6. Гордей, А. Н. Принципы исчисления семантики предметных областей / А. Н. Гордей. – Минск: Белгосуниверситет, 1998. – 156 с.
7. Солнцев, В. М. Введение в теорию изолирующих языков / В. М. Солнцев. – М.: изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1995. – 352 с.
8. Аошуан, Тань. Проблемы скрытой грамматики. Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя. На примере китайского языка / Тань Аошуан. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 896 с. Режим доступа: <https://www.twi-grx.com/file/2697193/>. – Дата доступа: 13.03.2021.
9. Драгунов, А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка / А. А. Драгунов. – М.: АН СССР, 1952. – 231 с.
10. Яхонтов, С. Е. Категория глагола в китайском языке [Электронный ресурс] / С. Е. Яхонтов. – Санкт-Петербург: Издательство Ленинградского университета, 1957. – 215 с. Режим доступа: <https://ru.scribd.com/document/458456150/yakhontov-s-e-kategoriya-glagola-v-kitayskom-yazyke-pd>. – Дата доступа: 27.10.2021.
11. Исаенко, Б. Учебник китайского языка / Б. Исаенко, Н. Коротков, И. Советов-Чэнь. – М.: Языки славянской культуры, 1954. – 539 с.
12. Хаматова, А. А. Словообразование современного китайского языка [Текст] / А. А. Хаматова. – М.: Изд. "Муравей", 2003. – 222 с.
13. Горелов, В. И. Теоретическая грамматика китайского языка / В. И. Горелов. – М.: Просвещение, 1989. – 318 с.
14. Цуканов, А. М. Глагольная форма на -ла и некоторые проблемы вида в современном китайском языке / А. М. Цуканов: Дис. канд. филол. наук. – М., 1955.
15. Солнцев, В. М. Очерки по грамматике современного китайского языка / В. М. Солнцев. – М.: Военный институт, 1978. – 152 с.
16. 吕叔湘. 现代汉语八百词 / 吕叔湘. –北京: 商务印书馆, 1999. – 765 页.
17. Мартынов, В. В. Кибернетика. Семиотика. Лингвистика / В. В. Мартынов. – Минск: Наука и техника, 1966. – 145 с.
18. Национальный корпус русского языка [электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/>. – Дата доступа: 18.01.2021.
19. McTaggart, J. E. The Unreality of Time / J. E. McTaggart // Mind: A Quarterly Review of Psychology and Philosophy. 1908. – 456 – 458.

СПЕЦИФИКА ОБРАЗОВАНИЯ НАИМЕНОВАНИЙ БЛЮД КИТАЙСКОЙ КУХНИ

Культура Китая в настоящее время приобретает известность среди всех стран мира, а кулинария является неотъемлемой культурно-исторической частью каждого народа. Уникальность азиатской кулинарии привлекает внимание людей, что приводит к повсеместному открытию ресторанов китайской кухни. Наименования китайских блюд являются важной частью гастрономической культуры Китая. Однако наименования китайских блюд отличаются от привычных русскоговорящим людям наименований, что вызывает серьезные трудности при понимании и переводе. Поэтому переводы часто не соответствуют оригиналу и могут не учитывать специфику китайского названия блюда. Для китайского народа кроме способа приготовления блюда также важны их наименования, поскольку в названиях отражены не только ингредиенты этих блюд, но и особенности культуры [1].

В качестве материала для нашего исследования выступило меню ресторана “红旗饭庄” ‘Красное знамя’ в Тяньцзине [2]. Данный ресторан не специализируется на какой-то определенной разновидности блюд и стиле приготовления, а включает в себя как национальные блюда, относящиеся к восьми главным региональным кухням Китая, так и простые блюда китайского народа. Всего в меню насчитывается 255 единиц наименований. Для качественного анализа данного меню мы исключили из этого списка названия напитков и алкоголя, легких закусок, нарезок и блюд зарубежной кухни. Таким образом, число наименований, выбранных для нашего исследования, составило 205 единиц.

В результате проведенного анализа нами было выявлено 9 основных семантических компонентов, которые участвуют в образовании названий блюд китайской кухни:

- способ приготовления;
- основной ингредиент;
- неосновной ингредиент;
- форма;
- количество ингредиентов;
- вкус;
- цвет;
- культурная реалья (прецедентный фактор, персонаж, праздник, место, ассоциация или традиция);
- форма подачи.

Нами было определено, что в большинстве случаев названия блюд образовывались путем комбинирования нескольких вышеупомянутых компонентов. В ходе исследования были выявлены 30 моделей (таблица 1):

Таблица 1.– Модели образования наименований блюд китайской кухни

Группа	Кол- во ед.	Пример	Дословный перевод
"Способ + основной ингредиент"	55	黄焖牛肉 <i>Huángmènniúròu</i>	‘Тушить’ + ‘говядина’
"Основнойингредиент"	26	栗子鸡 <i>Lìzǐjī</i>	‘Каштан’ + ‘курятина’
"Основной ингредиент + форма"	24	鳝鱼丝 <i>Shànyúsi</i>	‘Угорь’ + ‘соломка’
"Основной ингредиент +	18	蚝油牛柳	‘Устричный соус’ + ‘вырезка

неосновной"		Háoyóuniúliǔ	говяжья'
"Основной ингредиент + неосновной + способ"	13	豉油炒饭 Chǐyóuchǎofàn	‘Соевый соус’ + ‘жарить’ + ‘рис’
"Основной ингредиент + способ + форма"	13	炒鱼片 Chǎoyúpiàn	‘Жарить’ + ‘рыба’ + ‘ломтик’
"Основной ингредиент + культурная реалия"	12	芙蓉虾仁 Fúróngxīārén	‘Гибискус’ + ‘мясо креветки’
"Основной ингредиент + неосновной + способ + форма"	6	芫爆肚丝 Yánbàodǔsī	‘Кориандр’ + ‘быстро жарить на сильном огне’ + ‘желудок’ + ‘соломка’
"Основной ингредиент + вкус + форма"	5	酸辣土豆丝 Suānlàtǔdòusī	‘Кисло-острый’ + ‘картофель’ + ‘соломка’
"Культурная реалия + основной ингредиент + способ"	4	清炒广东菜心 Qīngchǎoguǎngdōngcāixīn	‘Обжарить’ + ‘чой-сум (китайская цветущая капуста)’ + ‘Гуандун’
"Культурная реалия + основной ингредиент + форма"	3	宫保鸡丁 Gōngbǎojīdīng	‘Гунбао’ + ‘курятина’ + ‘кусочек’
"Способ + количество"	3	爆两样 Bàoliǎngyàng	‘Быстро жарить на сильном огне’ + ‘два вида’
"Основной ингредиент + количество + форма"	2	干贝四丝 Gānbèisìsī	‘Морской гребешок’ + ‘четыре’ + ‘соломка’
"Культурная реалия"	3	全家福 Quánjiāfú	‘семейное счастье’
"Культурная реалия + форма"	2	四喜丸子 Sìxǐwánzi	‘Четыре счастья’ + ‘шарик’
"Способ + форма + количество"	2	烧三丝 Shāosānsī	‘Жарить’ + ‘три’ + ‘соломка’
"Способ"	1	全爆 Quánbào	‘Быстро жарить на сильном огне’
"Основной ингредиент + неосновной + способ + количество"	1	三鲜打卤面 Sānxiāndǎlǔmiàn	‘Лапша’ + ‘три’ + ‘взбивать’ + ‘подлива’
"Основной ингредиент + количество"	1	三鲜鱼肚 Sānxiānyúdù	‘три’ + ‘рыбий пузырь’
"Неосновной ингредиент + культурная реалия"	1	鱼香四宝 Yúxiāngsìbǎo	‘Юйсян’ + ‘четыре драгоценности’
"Культурная реалия + способ + количество"	1	老爆三 Lǎobào sān	‘Старинный’ + ‘быстро жарить на сильном огне’ + ‘три’
"Основной ингредиент + способ + вкус"	1	辣炒蛭子 Làchǎochēngzi	‘Острый’ + ‘жарить’ + ‘морской черенок’
"Основной ингредиент + форма + форма подачи"	1	海鲜鱼排便当 Hǎixiānyúpáibiàndāng	‘Рыба и морепродукты’ + ‘отбивная’ + ‘бэнто’
"Неосновной ингредиент + форма"	1	醋椒汤 Cùjiāotāng	‘Уксус’ + ‘перец’ + ‘суп’
"Культурная реалия + основной ингредиент + неосновной + форма"	1	京酱肉丝 Jīngjiàng ròusī	‘Пекин’ + ‘соевый соус’ + ‘мясо’ + ‘соломка’

"Неосновной ингредиент + количество + форма"	1	醋椒三鲜汤 <i>Cùjiāosānxiāntāng</i>	‘Уксус, перец’ + ‘три’ + ‘суп’
"Основной ингредиент + форма + цвет"	1	小米黄汤时蔬 <i>Xiǎomǐhuángtāng shíshū</i>	‘Рис’ + ‘желтый’ + ‘суп’ + ‘овоци’
"Основной ингредиент + вкус"	1	香辣鸡翅 <i>Xiānglàjīchì</i>	‘Острый’ + ‘куриные крылышки’
"Культурная реалия + основной ингредиент + способ + форма"	1	官烧鱼条 <i>Guānshāoyútiáo</i>	‘Чиновник’ + ‘жарить’ + ‘рыба’ + ‘полоска’
"Основной ингредиент + количество + способ + форма"	1	肉三鲜锅贴 <i>Ròusānxiānguōtiē</i>	‘Мясо’ + ‘три’ + ‘жареные пельмени’

Проанализировав блюда данного меню, мы обнаружили, что 54% блюд относятся к восьми главным региональным кухням Китая (中国八大菜系 *Zhōngguó bādà cài xì*): шаньдунская, чжэцзянская, сычуаньская, кантонская, хунаньская, фуцзяньская, анхойская и кухня Цзянсу. Кроме этого 16% блюд относятся к кухне города Тяньцзинь (天津菜 *Tiānjīn cài*), 16% блюд относятся к домашней кухне простых китайцев (家常菜 *Jiā cháng cài*), 14% блюд относятся к местной кухне других провинций и регионов.

В ходе исследования мы выяснили, что для разной местности и регионов определенные модели являются более распространенными.

Для шаньдунской кухни наиболее продуктивной моделью образования наименований блюд является "способ приготовления + основной ингредиент".

Для чжэцзянской кухни также наиболее характерной моделью является "способ приготовления + основной ингредиент".

Для сычуаньской кухни наиболее распространенными оказались три модели: "основной ингредиент", "способ приготовления + основной ингредиент" и "основной ингредиент + вкус + форма".

В кантонской кухне самой распространенной моделью оказалась "основной ингредиент + неосновной".

Для хунаньской кухни наиболее характерной моделью является "способ приготовления + основной ингредиент".

Для фуцзяньской кухни модель "неосновной ингредиент + форма" является наиболее распространенной.

В анхойской кухне чаще всего встречалась модель "способ приготовления + основной ингредиент".

Большинство блюд, относящихся к кухне Цзянсу, образованы с помощью моделей "способ приготовления + основной ингредиент" и "основной ингредиент + форма".

Проанализировав кухню Тяньцзиня, мы выяснили, что большое количество блюд образовано путем использования модели "способ приготовления + основной ингредиент".

Блюда домашней кухни в большинстве случаев образованы по таким моделям, как "основной ингредиент + неосновной + способ", "основной ингредиент + форма" и "способ приготовления + основной ингредиент".

Результаты проведенного нами исследования показали, что самыми многочисленными группами в данном меню являются "способ приготовления + основной ингредиент", "основной ингредиент" и "основной ингредиент + форма". Такая номинация дает людям больше информации о блюде. Гости могут сразу определить, какие продукты входят в состав блюда и как то или иное блюдо приготовлено, как выглядит и в какой форме оно подается к столу. Остальные модели образования наименований блюд китайской кухни не такие распространенные, так как обладают меньшей информативностью [3].

Также мы можем сделать вывод, что для разных регионов Китая характерны разные модели образования названий блюд китайской кухни. Для каждой из восьми главных региональных кухонь Китая в той или иной степени характерны определенные модели. Это

объясняется тем, что каждая кухня имеет свои особенности и характерные черты. Данный факт демонстрирует разное отношение к еде, блюдам и их номинациям, а также разные традиции в сфере кулинарии в различных регионах Китая.

Таким образом, мы видим, что в китайском языке существует большое количество комбинированных моделей наименований блюд китайской кухни. Такое многообразие способов образований названий блюд отражает значимость еды и кулинарного искусства среди жителей Китая. Блюда китайской кухни неразрывно связаны с особенностями менталитета и национального характера народа. Китайская кухня имеет долгую историю, древние традиции и разнообразные способы приготовления блюд, поэтому национальные блюда являются отражением традиционной китайской культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ли, С. Специфика перевода наименований китайских блюд на русский язык : дис. ... магистр : 45.04.02 / С. Ли. – Екатеринбург, 2019. – 69 с.
2. 大众点评 [Электронный ресурс] / 红旗饭庄. – Режим доступа : <http://m.dianping.com/shop/534092/dishlist>. – Дата доступа : 23.01.2022.
3. Ковалев, Е.Д. Особенности названий блюд в ресторанных меню на китайском языке (структурно-семантический и прагматический подходы) / Е.Д. Ковалев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 7(85) – С. 329-333.

Батура Карина Викторовна
студентка Минского государственного
лингвистического университета
(г. Минск, Республика Беларусь)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ВЕРХОВНОЕ БОЖЕСТВО, НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

В условиях глобализации в Китае возник интерес к западным религиозным традициям, в частности к христианству. В рамках сотрудничества европейских стран и Китая налаживались отношения в разных сферах жизни. В числе таких сфер жизни можно назвать и религиозную. Поэтому для развития отношений в рамках христианского сотрудничества возникла необходимость в Библии, переведенной на китайский язык. В процессе перевода Священного Писания возникла проблема передачи некоторых религиозных терминов. Особый интерес для нас представляют термины, обозначающие верховное божество (теонимы), так как они являются основополагающими в терминологии любой религии.

Проведя анализ, мы выявили наиболее часто употребляемые термины, обозначающие верховное божество как Бога, встречающиеся в текстах Нового Завета (таблица 1).

Таблица 1. – Степень соответствия теонимов в русском и китайском языках

Русский теоним	Китайский теоним	Значение китайского теонима	Значение русского теонима	Степень соответствия
Бог	神	Небесный дух, божество	(в монотеистических религиях, пр. христианстве) рассматривается как личность, персонификация Абсолюта	Китайское наименование божества не соответствует традиционному в русском христианском понимании теониму

Господь Саваоф	万军之主	досл. Господин десятков тысяч войск	Господь Саваоф (ивр. «Господь воинств») Слав 2 иудеев – госопдь воинств	У данной пары теонимов можно установить косвенное соответствие, так как полное совпадение семантики происходит между китайским и иудейским терминами
Альфа и Омега	阿拉法俄梅戛	Первая и последняя буквы греческого алфавита	Первая и последняя буквы греческого алфавита	Полное соответствие
Отец	父	Отец	Отец (по отношению к людям)	Полное соответствие
Любовь	爱	Любовь	Любовь (форма любви – агапэ)	Семантическое совпадение теонимов

Наиболее часто встречающийся термин, называющий верховное божество – **Бог**.

В словаре православной лексики представлен только один вариант китайского перевода слова Бог: 上帝 (букв. верховный/небесный правитель/владыка) – термин, встречавшийся в китайской традиции, обозначавший небесное божество, повелевающее тьмой вещей [1, с. 2; 2]. Этот бином был взят протестантами как аналог слова Бог для «терминологического размежевания с католиками», использовавшими бином 天主 (букв. небесный владыка) [3, с. 255]. Во второй половине XIX в. в рядах протестантов разгорелась полемика о терминах 上帝 и 神 как эквивалентах понятия Бог [3, с. 257]. Лингвист В. Бун отстаивал правомерность иероглифа 神 (небесный дух, божество), состоящего из графем алтарь для жертвоприношений и молния т. к. во всех культурах имена Христианского Бога изначально обозначали языческих богов (евр. элохим, греч. теос и т. д.) [4]. Его оппонент, синолог Дж. Легг, отстаивал термин 上帝 обозначающий верховного правителя, которому китайцы поклонялись и верили, что он наделил человечество добродетельной природой и сотворил все вещи [3, с. 258–259]. В этом терминологическом споре не была поставлена точка, поэтому в разных редакциях встречаются оба варианта перевода слова Бог [3, с. 260–263].

В нами используемой редакции Библии (圣经和合本) используется термин 神, являющийся семантическим вариантом слова Бог:

«Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» – «没有爱心的, 就不认识神。因为神就是爱»。(1Ин. 4:8)

Рассмотрим один из теонимов **Господь Саваоф**.

Саваоф (мн. ч. ивр. מְבַרְכִּים цваот, от ед. ч. מְבַרֵךְ цáva – «[Господь] воинств») – один из титулов Бога в иудейской и христианской традициях, упоминаемый в Ветхом Завете с Первой книги Царств (1 Цар. 1:3), а также в Новом завете в Послании Иакова (Иак. 5:4):

«Вот, плата, удержанная вами у работников, пожавших поля ваши, вопиет, и вопли жнецов дошли до слуха Господа Саваофа» – «工人给你们收割庄稼, 你们亏欠他们的工钱。这工钱有声音呼叫。并且那收割之人的冤声, 已经入了万军之主的耳了»。

И в Послании к Римлянам (Рим. 9:29):

«И, как предсказал Исаия: если бы Господь Саваоф не оставил нам семени, то мы сделали бы, как Содом, и были бы подобны Гоморре» – «又如以赛亚先前说过，若不是万军之主给我们存留余种，我们早已像所多玛，蛾摩拉的样子了»。

Титул Саваоф выражает всемогущество, образ которого заимствован от воинства. Название это не встречается в древнейших книгах Библии, но оно часто употребляется у пророков и в псалмах (в русском переводе – «Господь Саваоф», в оригинале – «Яхве (Иегова) Цеваот»). Так как это название заимствовано от воинства, некоторые видят в Саваофе просто «Бога войны»; но это мнение опровергается уже тем фактом, что теоним Саваоф еще не употребляется в то время, когда еврейский народ развивал воинственную деятельность (при завоевании Ханаана), и, напротив, часто употребляется в эпоху мирного развития. Вернее видеть в этом термине образ Бога как всемогущего Владыки всех сил неба и земли, так как, по Библейскому представлению, звезды и другие космические явления – тоже своего рода «воинства небесные». Древний христианский гимн «Свят, свят, свят», используемый и в католической, и в православной церкви, славословит Святую Троицу как Саваофа [5]. В русском православии с XVI века имя «Саваоф» используется для подписания образа Бога Отца на иконах [6, с.106–107; 7, с. 278–279].

Имя Господь Саваоф передается на китайский язык словосочетанием 万军之主. При разборе теонима на компоненты 万军 и 主 видно, что ‘Саваоф’ передан семантическим способом перевода; как упоминалось выше «Саваоф» при переводе с иврита означает ‘воинства’, а для обозначения мн.ч. воинства использовано слово 万 ‘десятки тысяч’. Служебное слово древнекитайского языка 之 выражает значение современной притяжательной частицы 的.

Далее рассмотрим теоним *Альфа и Омега*.

Альфа и Омега (ΑΩ, Αω, ωω) – сочетание первой и последней букв классического (ионического) греческого алфавита. Является наименованием Бога в Книге Откровения Иоанна Богослова, символами Бога как начала и конца всего сущего [8]:

«Я есть Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть и был и грядет, Вседержитель» – «主神说，我是阿拉法，我是俄梅戛（阿拉法俄梅戛乃希腊字母首末二字），是昔在今在以后永在的全能者»。(Откр.1:8)

«И сказал мне: совершилось! Я есмь Альфа и Омега, начало и конец; жаждущему дам даром от источника воды живой. Побеждающий наследует все, и буду ему Богом, и он будет Мне сыном» – «他又对我说，都成了。我是阿拉法，我是俄梅戛，我是初，我是终。我要将生命泉的水白白赐给那口渴的人喝。得胜的，必承受这些为业。我要作他的神，他要作我的儿子»。(Откр.21:6, 7)

Обозначенные выше утверждения через использование имени Альфа и Омега подчеркивают, по мнению ряда христианских богословов, идею уникальности и абсолютной власти Бога и Его Сына Иисуса Христа, и напоминают, что во власти Бога находится как создание Вселенной, так и завершение человеческой истории.

Имя Альфа и Омега передано на китайский язык словами 阿拉法 и 俄梅戛 соответственно. В данном случае использован метод транскрипции. Поскольку транскрипция не отображает семантического значения, при первом употреблении теонима переводчики оставляют пояснение: 阿拉法俄梅戛乃希腊字母首末二字 (Альфа и Омега – первая и последняя буквы греческого алфавита).

Следующий термин, обозначающий имя Бога – *Отец*.

Христианство учит, что отцом всех является Бог: «все же вы – братья; и отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах» (Мф. 23:8–9):

«А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель – Христос, все же вы – братья; и отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах» – «但你们不要受拉比的称呼。因为只有一位是你们的夫子。你们都是弟兄。也不要称呼地上的人为父。因为只有一位是你们的父，就是在天上的父»。

В православной церкви отцами также называют всех священнослужителей, являющих собою образ и подобие Иисуса Христа, монашествующих мужчин, а иногда из уважения, мужчин также, сотрудников храма, заслуженных богословов и других церковных деятелей.

В текстах Священного Писания имя Отец передается на китайский язык как 父. При переводе этого термина переводчики использовали семантический способ.

Одним из распространенных теонимов является *Любовь*.

Известный русский философ В. С. Соловьев подчеркивает, что в Библии отношения между Богом (в том числе в лице Христа и Церкви) и избранной им народностью изображаются преимущественно как супружеский союз, из чего он делает вывод, что идеальное начало общественных отношений, по христианству, есть не власть, а любовь.

«Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» – «没有爱心的，就不认识神。因为神就是爱»。(1Ин. 4:8)

Мы рассмотрели термины, выражающие верховное божество, в русском и китайском языках и увидели, что к русскому теониму Бог был подобран семантический аналог 神, который не является китайским эквивалентом. Теоним Альфа и Омега в китайском языке образован при помощи транскрибирования, в то время как к терминам Отец и Любовь были подобраны прямые китайские аналоги. Наименование Господь Саваоф по аналогии с теонимом Бог также имеет семантический аналог, но не прямой китайский.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Румянцева, М. В. Русско–китайский словарь православной лексики [Электронный ресурс] / М.В. Румянцева // Русско–Китайский словарь Православных терминов – 2017. – Режим доступа : <https://dereksiz.org/russko-kitajskij-slovare-pravoslavnoj-leksiki.html>. – Дата доступа : 23.01.2022.
2. Hanyu da cidian [Электронный ресурс] / Comprehensive Chinese Dictionary. – Режим доступа : <http://www.guoxuedashi.com/hydcid/6752b.html>. – Дата доступа : 24.07.2020.
3. Ломанов, А.В. Христианство и китайская культура / А.В. Ломанов. – М. : Восточная литература РАН, 2002. – 446 с.
4. Hanzizi yuan [Электронный ресурс] / The origin of Chinese Hieroglyphs. – Режим доступа : http://www.guoxuedashi.com/zidian/ziyuan_2375.html. – Дата доступа : 23.01.2022
5. Иллюстрированная полная популярная Библейская энциклопедия / сост. А.М. Бажанов. – СПб. : СПМСИ, 1990. – 902 с.
6. Покровский, Н. В. Сийский иконописный подлинник / Н. В. Покровский. – Спб. : ОЛДП, 1895–98. – 237 с.
7. Кондаков, Н. П. Русская икона / Н. П. Кондаков. – М. : Эксмо, 2013. – 240 с.
8. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона / сост. Ф. А. Брокгауз, И. А. Еврон. – СПб. : АО Ф.А. Брокгауз – И.А. Еврон, 1890–1907.

*Бирюк Джейн Леонидовна
студентка Минского государственного
лингвистического университета
(г. Минск, Республика Беларусь)*

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ БИБЛИИ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК (на материале 3-й главы первого послания к тимофею)

Библия – бестселлер всех времен и народов. Она переведена более чем на 2300 языков и издается миллионными тиражами. Многие люди знают стихи ‘как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними’, ‘кто не работает, тот и не ест’, ‘око за око, зуб за зуб’. Возникает вопрос, возможно ли, что у человека, читающего перевод Библии на своем

родном языке, могут появляться мысли, отличающиеся от наших? Проблема перевода в процессе коммуникации представителей различных национальностей привлекает к себе пристальное внимание ученых и общественности вследствие того, что одно неверно переведенное слово может привести к недопониманию или конфликту между участниками коммуникации.

В настоящее время существует проблема отсутствия полной эквивалентности при передаче текстов Библии на различных языках. Переводы отличаются друг от друга количеством слов в библейских стихах, а также количеством глав в отдельно взятой книге Библии. При переводе данных текстов правильность перевода и передачи оригинального смысла поучительных текстов крайне важна.

Распространение Божьего слова в Китае осуществлялось христианскими миссионерами, которые появились в Китае уже в 13 веке (первоначально это были католики, а уже позже, с 17 века, появились и протестантские миссионеры) [1]. Одним из первых переводчиков был Роберт Мориссон. 31 января 1807 года он отправился в Китай, чтобы начать проповедь Евангелия и распространение библейских истин по всему Китаю, однако возникли сложности в коммуникации с представителями китайской нации вследствие запрета в Европе изучения китайского языка иностранцами. Ма Лисюн (кит. имя миссионера) смог издать один из первых полноценных переводов Библии к началу 1820-х. К 1836 году Ост-Индской компанией (христианская компания, в которой Мориссон был переводчиком) было напечатано более 2000 экземпляров Библии [2, с.128].

Среди первых переводчиков Библии на китайский язык можно также назвать Джоаннеса Лассара (Ованнеса Газаряна), армянина по национальности (род. в Макао). Лассар уже начал перевод Библии на китайский язык еще до прибытия Мориссона в Китай. На протяжении всего 1807 года Лассар и его китайские коллеги занимались переводом Евангелия от Матфея, затем занялись переводом Евангелия от Луки и Марка. Перевод Библии был завершен в 1822 году [3, с. 244].

Вопрос специфики перевода текстов Библии на китайский язык мало изучена в русскоязычном пространстве. В связи с чем нами был проведен анализ текста перевода 3-ей главы Первого послания к Тимофею на китайский язык (简体中文和合本圣经增强版). Именно этот перевод используется для печати классических изданий Библии на китайском (схож с Синодальным переводом по частоте употребления).

В ходе анализа китайского перевода 3-й главы Первого послания к Тимофею были выявлены следующие особенности:

Использование вэньянизмов.

Вэньянизмы (文言词语) представляют собой заимствования из старого литературного языка вэньянь, употребляющиеся в современном китайском языке. К ним относятся слова, фразеологизмы и грамматические конструкции, пришедшие из вэньяня. Так как процесс перевода Библии начал осуществляться несколько сотен лет назад, ее классический перевод также включает в себя множество вэньянизмов. [4, с. 432]

Уже в первом стихе третьей главе Первого послания к Тимофею (кит. 提摩太前书) мы заметили употребление слова 若 ‘современное 如果’, которое использовалось в текстах, написанных на языке 文言. В 5-ом стихе мы замечаем использование словосочетания 焉能, означающее 怎么能, т.е. ‘как может’. Это единственное использование этого словосочетания во всем Новом Завете. Иероглиф 焉 также использовался в притче о блудном сыне в книге Евангелия от Матфея, но в этом случае в сочетании с глаголом 有, также означая 怎么. Этот иероглиф довольно часто используется в различных идиомах, возникнувших во время активного использования вэньяня: 塞翁失马, 焉知非福 ‘не было бы счастья, да несчастье помогло’, 心不在焉 ‘рассеянный’, 不入虎穴焉得虎 ‘волков бояться - в лес не ходить’ и т.п.

Трудности в переводе реалий Библии на китайский язык.

В третьей главе описан процесс избрания диаконов и епископов, а также требования к их женам. Наиболее подходящим переводом слова 監督 (стихи 1-2, 6-7) является ‘управляющий; пресвитер’, но в синодальном переводе в настоящее время используется слово ‘епископ’, т.е. самый высокий ранг в протестантской конфессии. Таким образом в китайском переводе нет конкретного слова, которое бы обозначало ранг епископа, вместо этого используется слово ‘руководитель’.

Такой же случай с переводом слова ‘диакон’. В китайском переводе используется слово 执事 (стихи 8, 11-12), что дословно означает ‘выполнять обязанности, управлять делами’.

Перевод предписания Павла о том, что епископ не должен быть пьяницей (стих 3) имеет свои особенности. В китайском переводе это звучит как 不因酒滋事, то есть дословно ‘не творящий беспорядок из-за алкоголя/вина’. Хотя в других стихах Библии мы видим перевод 酒醉, что также означает ‘пьяница’. в этом контексте переводчик решил подчеркнуть именно этот смысл.

Также можно выделить слово 自守, которое встречается во втором стихе. В оригинале оно означает ‘блудить себя; обороняться; сдерживать себя’, однако в русском синодальном переводе это слово указано как «целомудренный», что ближе по значению к ‘полному воздержанию от половой жизни, либо, уже в браке, хранение верности своему супругу или супруге’. Снова мы видим немного другое значение в переводе, что может приводить к различным пониманиям одного и того же текста Писания при разговоре людей, говорящих на разных языках.

При анализе также особый интерес вызвал перевод слова ‘новообращенный’: на китайский язык оно переведено как 初入教的, то есть ‘только что принявший веру’. В русском же переводе есть скрытый смысл, обозначающий, что кто-то обращает этого человека в христианство. А в китайском переводе мы видим, что тут все основывается на личном выборе человека без личного присутствия других людей.

Передача двух понятий русского языка с помощью одного слова китайского языка.

В русском переводе второго стиха сказано: «Но епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, благочинен, чистен, страннолюбив, учителен», в китайском же написано: «作监督的, 必须无可指责, 只作一个妇人的丈夫, 有节制, 自守, 端正, 乐意接待远人, 善于教导». В китайском переводе, на первый взгляд, не хватает указания на одну характерной черты, неотъемлемой от личности епископа.

Анализ переводов Библии на другие языки показал, что в них часто *две характерные черты епископа часто объединяются в одну*. «Благочинен и чистен» можно приравнять к лексической единице 端正, значение которой ‘честный, порядочный, образцовый, правильный’. Благодаря такому рода многообразия значений, одно китайское слово покрыло своим семантическим полем сразу несколько русских прилагательных.

Стоит отдельно выделить особенности обозначения имен и сокращений количества книг в китайском переводе Библии. Данные особенности сложнее увидеть при прочтении Библии в онлайн формате, но легче обнаружить при прочтения печатных изданий Библии. К ним относятся следующие:

во-первых, *выделение имен собственных*. Китайские иероглифы пишутся слитно, разделение смысловых частей в предложении с помощью запятых и других знаков препинания встречается не настолько часто как в русском языке. Для того, чтобы новые имена героев книг и названия местностей были легко декодированы читателем, в печатных Библиях имена подчеркивают одной чертой, а названия местности двумя чертами;

во-вторых, *особенности сокращений количества книг и их названий*:

– в китайском переводе, также, как и во многих других переводах, включая American Standard Version и King James Française, не существует понятия 1-4 книги Царств. Там есть 1-ая

и 2-ая книги Самуила (撒母耳记上/下) и также 1-ая и 2-ая книги Царей (列王纪上/下). Такого рода деления не характерны для русских изданий Библии;

– Русское разделение книг с помощью числовой нумерации принято только в тех случаях, когда количество книг превышает цифру три (например, послания Петра в Новом Завете). В остальных случаях (когда частей только 2) деление производится по принципу 上/下 или 前/后. 上/下 используется в Ветхом Завете, а 前/后 – в Новом Завете. Вполне вероятно, что такое деление обусловлено тем, что в Ветхом Завете книги разделялись на несколько частей только из-за того, что материала выходило слишком много, а исторически эти книги шли в точности друг за другом без какого-либо временного перерыва. С другой стороны, в Новом Завете между написанием Первого послания к Тимофею и Второго послания к Тимофею прошло около 2-х лет (64-65 и 67 гг. соответственно). То есть в этом случае использовались слова 前/后 ‘до/после’;

– в большинстве случаев при сокращении названия книги сохраняется начальный иероглиф названия, однако в ряде случаев начальные иероглифы в названиях книг совпадают. Тогда избирается второй (约书亚记 --- 书), третий (以斯拉记 --- 拉) или даже четвертый (撒迦利亚书 --- 亚) иероглиф названия, а остальные опускаются. Такого рода сокращения не встречаются в русских переводах Библии.

В результате анализа одного из современных китайских переводов Библии можно сделать вывод, что он имеет свои специфические особенности: а именно, использование вэньязызмов, определенные трудности в переводе реалий Библии на китайский язык, случаи передачи двух понятий русского языка с помощью одного слова китайского языка, использование сокращений количества книг и их названий, включая выбор определенного иероглифа для сокращения названия, использование новых порядковых регистров для обозначения последовательности текстов и книг Библии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Раннехристианская проповедь в Китае. Часть 1 / Поместные Церкви [Электронный ресурс] // Проект портала Православие.Ru. Режим доступа: <https://pravoslavie.ru/orthodoxchurches/40025.htm>. Дата доступа: 10 января 2022.
2. Hayes, Robert Morisson : China's pioneer / Ernest H. Hayes. – London : Livingstone Press, 1925. – 128 p.
3. Grierson, George A. The early publications of the Serampore missionaries: a contribution to Indian bibliography/ George A. Grierson, – Bombay : The Bombay education society's Press, 1903. – 244 p.
4. Карапетьянц А. М. Учебник классического китайского языка вэньянь. Начальный курс / А. М. Карапетьянц, Тань Аошуан. – М.: Муравей, 2001. – 432 с.

*Буренкова Софья Александровна
студентка Минского государственного
лингвистического университета
(г. Минск, Республика Беларусь)*

МОРФЕМНАЯ КОНТРАКЦИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ (на материале терминов сферы международных отношений)

Китайские сложносокращенные слова, или 缩略次, представляют собой особую категорию в китайской словарной системе, они имеют свои собственные характеристики, по которым отличаются от остальной лексики. В данной статье исследуются причины возникновения и механизм сокращений [3].

В конце 19 в. начала развиваться научно-техническая терминология в китайском языке, получившая особое развитие в 20 в., это вызвало появление большого количества сочетаний, которые состоят из 3-х и более морфем. Их развитие обусловило и появление обратной тенденции, а именно: сокращения многоморфемных единиц, в большинстве случаев до 2 морфем [3].

Морфемная контракция – процесс выпадения из многоморфемного слова или словосочетаний тех или иных значимых морфем в китайском языке. В русскоязычную терминологию данный термин ввёл И. Д. Кленин [2; 3].

Употребление сложносокращённых слов, или 缩略次, зависит от коммуникативной ситуации, этим они и отличаются от обычных слов. Сложносокращённые слова чаще употребляются в разговорной речи, специальной лексике, терминологии (иными словами, там, где действует принцип сжатости), реже используется в официальных документах правового и политического характера, в договорах, заявлениях, докладах. Тенденция образования сложносокращённых слов состоит в том, что они, как правило, сохраняют наиболее важные части, которые несут в себе основную информацию. Все сложносокращённые слова можно разделяют на два типа [1]:

1. 简称 – сложносокращённые слова, полные наименования которых утрачивают отдельные составные части [1]. Для данного типа характерен способ образования из отдельных слогов каждого слова.

2. 合成 – сложносокращённые слова, состав полных наименований которых содержит одинаковые составные части [1].

Близкие по значению термины ‘аббревиатура’ и ‘аббревиация’ не совсем корректно использовать в отношении китайского языка, т. к. из формы слова, которое образовано путем аббревиации, практически невозможно определить семантику исходного сочетания. Также следует учитывать наличие других явлений в китайском языке, для определения которых данные термины являются более подходящими, как, например, англицизмы или инициальная аббревиатура на основе системы пиньинь [3].

Примеры морфемной контракции могут послужить следующие примеры: 快递–快速递送 ‘экспресс-доставка’; 理工科–理科 + 工科 ‘политехнический’.

Основу процесса морфемной контракции составляют определенные закономерности семантического, структурного и немного фонетического порядка [2].

Закономерность семантического характера имеет самое важное значение: при сокращении сохраняются главные семантические компоненты, позволяющие доступно выразить внутреннюю форму сокращаемого сочетания. Принимая во внимание этот фактор, можно утверждать, что имеющееся смысловое значение исходной лексической единицы после контракции сохраняется [2].

Закономерность структурного характера сводится к созданию сложносокращённых слов по примеру существующих в языке словарных единиц и приведению их к доминирующей, так называемой, ‘двухморфемной’ норме [2].

Следовательно, тип слоговой контракции в конкретном случае определяется количеством компонентов, его семантической значимостью и фонетической структурой сокращаемых единиц, а также характером их синтаксической связи [2].

1. 简称 или сложносокращённые термины сферы международных отношений *первого типа* включают следующие модели образования:

Первая модель представляет собой соединение первого слога первого компонента и первого слога второго компонента [1]. Например,

С помощью данной модели образуются следующие термины:

互派 = 互相派遣 ‘взаимообмен’

苏军 = 苏联军队 ‘Советская Армия’

暂停 = 暂时停止 ‘временная приостановка’

派兵 = 派遣兵士 ‘посылать войска’
 外资 = 外国的资金 ‘иностранные инвестиции’
 评估 = 评议估价 ‘давать оценку’
 禁毒 = 禁绝毒品 ‘запрет наркотиков’
 和谈 = 和平谈判 ‘мирные переговоры’
 反恐 = 反对恐怖主义 ‘борьба с терроризмом’
 互访 = 互相访问 ‘обмен визитами’
 国事 = 国家事务 ‘государственные дела’
 互设 = 互相设立 ‘взаимное учреждение’
 经贸 = 经济贸易 ‘торговля и экономика’
 人大 = 人民代表大会 ‘Собрание народных представителей’
 参众 = 参议院, 众议院 ‘верхняя и нижняя палаты’
 国歌 = 国家歌曲 ‘государственный гимн’
 安理会 = 安全理事会 ‘Совет Безопасности’
 世贸 = 世界贸易 ‘ВТО’
 军备 = 军事装备 ‘вооружение’
 指派 = 指定派遣 ‘назначать’
 议事 = 议论事宜 ‘обсуждение’
 制宪 = 制定宪法 ‘разработать конституцию’
 欧安会 = 欧洲安全与合作组织 ‘ОБСЕ’
 亚太经合 = 亚洲太平洋经济合作组织 ‘АТЭС’
 独联体 = 独立国家联合体 ‘СНГ’
 世贸 = 世界贸易组织 ‘ВТО’
 上合组织 = 上海合作组织 ‘ШОС’
 绿色和平 = 绿色和平组织 ‘Гринпис’
 世卫组织 = 世界卫生组织 ‘ВОЗ’
 经合组织 = 经济合作及发展组织 ‘ОЭСР’ [5].

Если полное наименование представлено тремя компонентами, то сложносокращенные слова образуются путем соединения первых слогов от каждого из компонентов.

Например, 常务委员会 = 常委会 (постоянный комитет); 欧洲安全会议 = 欧安会 (‘ОБСЕ’) [5].

Вторая модель представляет собой соединение первого слога первого компонента и второго слога второго компонента [1]. Например, 政治 ‘политика’ + 事务 ‘дело’ = 政务 ‘государственные дела’.

С помощью данной модели образуются следующие термины:

互惠 = 互相给予优惠 ‘взаимовыгодный’
 离境 = 离开国境 ‘выезд за границу’
 出境 = 离开国境 ‘выехать за границу’
 约见 = 约定会见 ‘договориться о встрече’
 外务 = 外交事务 ‘иностранные дела’
 互换 = 互相交换 ‘взаимообмен’
 互助 = 互相帮助 ‘взаимопомощь’
 和约 = 和平条约 ‘мирный договор’
 废约 = 废除条约 ‘денонсировать договор’
 建交 = 建立外交关系 ‘установить дипломатические отношения’
 绝交 = 断绝外交关系 ‘прервать отношения’
 断交 = 断绝外交关系 ‘разорвать дипломатические отношения’

抵京 = 抵达北京 ‘прибыть в столицу’
访华 = 访问中华人民共和国 ‘наносить визит в КНР’
离京 = 离开北京 ‘покинуть столицу’
例会 = 例行会议 ‘очередное заседание’
外长 = 外交部长 ‘министр иностранных дел’
选定 = 选择指定 ‘назначать по выбору’
欧盟 = 欧洲联盟 ‘ЕС’
东盟 = 东南亚国家联盟 ‘АСЕАН’
北约 = 北大西洋条约组织 ‘НАТО’ [5].

В *третьей модели* соединяется второй слог первого компонента и первый слог второго компонента [1]. Например, 联盟‘союз’ + 国家‘государство’ = 盟国‘союзное государство’; 联盟‘союз’ + 旗帜‘флаг’ = 盟旗‘флаг ЕС’.

С помощью данной модели образуются следующие термины:

盟歌 = 联盟歌曲 ‘гимн ЕС’
外经贸 = 对外经济贸易 ‘внешняя торговля и экономика’
外交 = 对外交往 ‘дипломатия’
体系 = 物体系统 ‘система’
理事 = 处理事务 ‘член правления’
油组 = 石油输出国组织 ‘ОПЕК’
粮农组织 = 联合国粮食及农业组织 ‘ФАО’ [5].

Четвертая модель представляет собой соединение второго слога первого компонента и второго слога второго компонента [1]. Например, 替代 ‘замена’ + 执行‘исполнять’ = 代行‘временно исполнять обязанности’ [5].

Пятая модель используется при образовании сложносокращенных слов от полных наименований при наличии порядкового числительного. В таких случаях опускается показатель порядковости 第, при этом числительное всегда сохраняется [1]. Например, 二战 = 第二次世界大战 ‘Вторая мировая война’ [4].

2. 合成 или сложносокращенные слова второго типа используют такую модель образования сложносокращенного слова, как выделение общего компонента каждой лексической единицы с последующим их объединением: 亚洲、非洲、拉丁州 = 亚非拉‘Азия, Африка, Латинская Америка’ [1; 5].

В результате морфемной контракции происходит превращение устойчивых словосочетаний (синтаксических единиц), между частями которых существуют синтаксические связи, в контекстные сокращения и сложносокращенные слова (лексические единицы), между частями которых существуют морфемосвязи [3].

В дополнение к вышеуказанным правилам, существуют также некоторые вторичные ограничительные принципы, например, те, которые связаны с “примитивной” структурой сокращений, независимо от того, является ли субъект-предикат или динамический объект предвзятым и т.д. Более того, способ морфемной контракции также зависит от внешних языковых факторов. Именно по этой причине проводится все больше исследований на данную тему [4].

Примеры образования терминов при помощи первой модели:

互派 = 互相派遣 ‘взаимообмен’
苏军 = 苏联军队 ‘Советская Армия’
暂停 = 暂时停止 ‘временная приостановка’
派兵 = 派遣兵士 ‘посылать войска’
外资 = 外国的资金 ‘иностранные инвестиции’
评估 = 评议估价 ‘давать оценку’

禁毒 = 禁绝毒品 ‘запрет наркотиков’
 和谈 = 和平谈判 ‘мирные переговоры’
 反恐 = 反对恐怖主义 ‘борьба с терроризмом’
 互访 = 互相访问 ‘обмен визитами’
 国事 = 国家事务 ‘государственные дела’
 互设 = 互相设立 ‘взаимное учреждение’
 经贸 = 经济贸易 ‘торговля и экономика’
 人大 = 人民代表大会 ‘Собрание народных представителей’
 参众 = 参议院, 众议院 ‘верхняя и нижняя палаты’
 国歌 = 国家歌曲 ‘государственный гимн’
 安理会 = 安全理事会 ‘Совет Безопасности’
 世贸 = 世界贸易 ‘ВТО’
 军备 = 军事装备 ‘вооружение’
 指派 = 指定派遣 ‘назначать’
 议事 = 议论事宜 ‘обсуждение’
 制宪 = 制定宪法 ‘разработать конституцию’
 欧安会 = 欧洲安全与合作组织 ‘ОБСЕ’
 亚太经合 = 亚洲太平洋经济合作组织 ‘АТЭС’
 独联体 = 独立国家联合体 ‘СНГ’
 上合组织 = 上海合作组织 ‘ШОС’
 绿色和平 = 绿色和平组织 ‘Гринпис’
 世卫组织 = 世界卫生组织 ‘ВОЗ’
 经合组织 = 经济合作及发展组织 ‘ОЭСР’ [5].

В ходе проведенного исследования было проанализировано 53 единицы терминов сферы международных отношений. Было выявлено, что с помощью 简称 образована 51 единица, при этом больше всего единиц образовано с помощью *первой модели* (22 единицы). С помощью типа слоговой контракции 合成 образовано лишь 2 единицы. Это связано с тем, что для образования сложносокращенных терминов в сфере международных отношений используются атрибутивная и глагольно-объектная модели.

Сложносокращенные слова, в отличие от контекстных сокращений, понимание которых зависит целиком от контекста, обладают всеми признаками знаменательных слов и являются полноценными средствами языковой коммуникации [3]. Они обладают семантической целостностью; являются грамматически оформленными, т. к. обладают фонетическими, морфологическими и синтаксическими признаками и не отличаются по структуре от сложных слов; участвуют в процессе словообразования; относятся к определенной части речи и синтаксически сочетаются с другими лексическими единицами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сагеева, Я. П. Китайские сложносокращенные слова как особая часть китайской лексики / Я. П. Сагеева // Молодой ученый. – 2015. – № 11 (91). – С. 1681-1683.
2. Семенас, А.Л. Лексикология современного китайского языка / А.Л. Семенас. – М. : Рос.акад. наук, Ин-т востоковедения, 1992. – С. 111–119.
3. Сухина, Ю.С. Количественный анализ структурных типов китайских сокращений / Ю. С. Сухина // Вестник Амурского государственного университета. – 2013. – Вып. 62: Сер. Гуманитар. Науки. – С. 149–154.

4. 汉语缩略语的构成方式及缩略机制 = Способы и механизмы образования китайских сложносокращенных слов/ [Электронный ресурс] / 汉语缩略语// – Режим доступа: <https://m.doc88.com/p-1468988093256.html?r=1>. – Дата доступа 09.03.2015.

5. Войцехович, И.В. Учебник общественно-политического перевода. Уровень – бакалавриат. Китайский язык / И.В. Войцехович, А.Ф. Кондрашевский. – М. : ВКН, 2008. – 298 с.

Выборная Евгения Юрьевна
студентка Минского государственного
лингвистического университета
(г. Минск, Республика Беларусь)

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ НАЗВАНИЙ КИТАЙСКИХ ФИЛЬМОВ

Фильмы являются важным составляющим элементом любой культуры, в том числе и китайской. Согласно В. А. Кухаренко, названия фильмов как коммуникативные единицы характеризуются наличием трех основных компонентов: объекта, времени и места [1, с. 74]. В качестве объекта могут выступать главные герои, в частности их имена, фамилии, исторические или мифические персонажи, а также указания на событие, вокруг которого разворачивается действие фильма; под местом понимают названия городов, отдельных районов, гор, рек, озёр и других географических объектов, а также некоторые абстрактные места, не привязанные к конкретным точкам на карте; под временем подразумевают указание на определенный год, время года, месяц, день, а также другие показатели времени, например, завтра, на следующей неделе, в будущем. При компонентном анализе названий фильмов выделяют следующие группы: 1) названия фильмов, содержащие указание на объект; 2) названия фильмов, содержащие указание на место; 3) названия фильмов, содержащие указание на время [2, с.11-12]. В некоторых названиях фильмов может быть отражен не один, а несколько компонентов. Например, двухкомпонентные названия образуются по следующим моделям: объект + время, объект + место, время + место, а также может использоваться сразу три компонента: объект + время + место.

При анализе названий 123 китайских фильмов, вышедших на экраны в 2021 году [3], было выявлено, что самой многочисленной группой являются названия фильмов, содержащих в названии указание на объект. К данной модели относятся 68% исследуемых единиц. Такой метод номинации является самым продуктивным, так как дает зрителям четкое представление о главном герое или событии, вокруг которого будет разворачиваться действие фильма, а упоминание о месте и времени действий отсутствует, так как эту информацию зритель узнает непосредственно при просмотре. Например, в названии фильма могут упоминаться имена главных героев: ‘皮皮鲁与鲁西西之罐头小人’ (‘Консервные человечки’, досл. консервные человечки Пипилу и Лусиси), где 皮皮鲁 (Пипилу) и 鲁西西 (Лусиси) – имена главных героев, двойняшек брата и сестры; ‘你好，李焕英’ (‘Привет, мам’, досл. привет, Ли Хуаньин), ‘有匪·破雪斩’ (‘Легенда о Юфэй: меч, рассекающий снег’, досл. Юфэй· рубить мечом, преодолевая снег), где 李焕英 (Ли Хуаньин) и 有匪 (Юфэй) – имена главных героинь. Однако сами по себе такие названия малоинформативны, поэтому к ним часто добавляются слова, несущие уточняющее значение. Например, ‘图兰朵：魔咒起源’ (‘Проклятье Турандот’), где 图兰朵 – Турандот, а уточнение 魔咒起源 несет зрителям дополнительную информацию (魔咒 – заклятье, проклятье, 起源 – источник, начало, т.е. источник проклятья). ‘燕赤霞猎妖传’ (‘Охотник на демонов’), где 燕赤霞 – имя главной героини, а 猎妖传 является дополнительной информацией, где ‘猎’ – охотиться на кого-л., ловить кого-л., ‘妖’ – нечистая сила, демон, чудовище, ‘传’ – повесть, повествование. Таким образом из дополнения мы узнаем, что в основе фильма лежит повествование о девушке, которая охотится на демонов.

Информативными названия фильмов, содержащих имена героев, можно назвать в том случае, если герои уже известны зрителям, то есть являются знаменитыми людьми, мифическими персонажами и т. п. Например, фильм *‘杨戬’* (*‘Ян Цзянь’*), где Ян Цзянь – божество китайского даосско-буддистского пантеона, бог-драконоборец, контролирующий разлив рек, и величайший воин Небес; *‘新神榜: 哪吒重生’* (*‘Новые боги: Возрождение Нэчжи’*), где *‘哪吒 Нэчжа’* – происходящее из буддийской мифологии даосское божество защиты и бог-драконоборец, официально чтимый под титулами «Маршал Центрального алтаря» и «Третий принц лотоса»; *‘济公之降龙降世’* (*‘Мастер Цзи Гун’*, досл. *Цзи Гун + укротить святого дракона (в буддизме) + родиться (о божестве)*), где *济公 (Цзи Гун)* – чань-буддистский монах эпохи Сун. Данные персонажи легко узнаваемы носителями китайской лингвокультуры, а потому названия данных фильмов носят информативный характер, а также вызывают интерес китайских зрителей.

Также информативными являются названия фильмов, содержащие названия известных литературных произведений. Например, *‘西游记之再世妖王’* (*‘Путешествие на Запад: Реинкарнация Царя демонов’*), где *‘西游记’* – «Путешествие на Запад», один из четырех классических китайских романов (написан в 1570 году, автор У Чэньэнь). При наименовании фильмов использование названий произведений, хорошо известных потенциальным зрителям, является стратегически удачным решением, так как в таком случае фильм изначально имеет больше шансов привлечь внимание широкой аудитории. Роман «Путешествие на Запад» с детства хорошо знаком всем носителям китайской лингвокультуры, а значит фильм с таким названием точно привлечет внимание большой аудитории. Или, например, фильм *‘鹿鼎记’* (*‘Олень и котёл’*), снятый по одноименному роману Цзинь Юна «Записки об олене и треножнике», также имеет большие шансы стать популярным.

Также в заголовках объектного типа достаточно часто используются термины родства. Благодаря этому создается эффект «близости», и, исходя из названия, зритель понимает, что это фильм для семейного просмотра. Именно поэтому такой прием в основном используется при наименовании комедий, иногда драм. Например, *‘我的姐姐’* (*‘Моя сестра’*), где *姐姐* – старшая сестра; *‘阳光姐妹淘’* (*‘Солнечные сестрички’*, досл. *солнечный, жизнерадостный + сестры + шалить, озорничать*), где *姐妹* – сёстры (старшие и младшие); *‘我和我的父辈’* (*‘Моя страна, мои родители’*, досл. *я и старшее поколение*), где *父辈* – отцы; старшее поколение; *‘了不起的老爸’* (*‘На старт!’*, досл. *необыкновенный батя*), где *老爸* – разг. отец, батя; *‘关于我妈的一切’* (*‘Все о моей матери’*), где *妈* – мама.

Второй по многочисленности оказалась группа названий фильмов, содержащих указание на несколько семантических компонентов, а именно 23% единиц. При использовании данного приема зрителю предоставляется больше вводной информации, а значит вырастает вероятность его интереса к сюжету и просмотру фильма. В данной группе можно выделить следующие модели формирования названий фильмов: а) объект + время, б) объект + место, в) время + место.

Большинство названий фильмов этой группы образованы по модели б) объект + место – а именно 79%. Например, *‘长安伏妖’* (*‘Убить монстра’*, досл. *город Чанъань + прятаться + чудовище*), где *‘长安’* – Чанъань, древняя столица Китая, современный город Сиань, место действий, а *‘妖’* – нечистая сила, призрак, демон, чудовище, т. е. объект; *‘平原上的火焰’* (*‘Пожар на равнине’*), где *平原* – равнина, т. е. место, а *火焰* – пожар, огонь, т. е. объект; *‘火星异变’* (*‘Марсианская мутация’*), где *火星* – Марс, место происходящих в фильме событий, а *异变* – мутация.

К модели в) время + место относятся 10,5% названий фильмов, имеющих в составе несколько семантических компонентов. Например, *‘武汉日夜’* (*‘Дни и ночи в Ухане’*), где *武汉* – г. Ухань, то есть место происходящих событий, а *日夜* – сутки, день и ночь, круглые сутки, указывает на время; *‘热带往事’* (*‘Тебе одиноко сегодня вечером?’*), где *热带* – тропики, т. е.

место, 往事 – былое, прошлое, т. е. время; 北京: 晚九朝五’ (*‘Спокойной ночи, Пекин’*), где 北京 – г. Пекин, место событий фильма, а 晚九朝五 указывает на время происходящих событий, а именно с 9 часов вечера до 5 часов утра.

По модели а) объект + время образуются 10,5% названий фильмов. Например, фильм ‘穿过寒冬拥抱你’ (*‘Обнимаю тебя сквозь метель’*), в названии которого 你 (*‘ты’*) является объектом, а 寒冬 (*‘холодная зима’*) – временем событий.

5% названий фильмов включают в себя указание только на время происходящих событий. Большая часть названий фильмов, образованных по данной модели, относятся к жанру мелодрама. Например, ‘八月未央’ (*‘Август никогда не заканчивается’*, досл. август + нескончаемый, бесконечный), где 八月 – август, ‘盛夏未来’ (*‘Предстоящее лето’*), где 盛夏 – разгар лета, 未来 – будущее, ‘明天会好的’ (*‘Завтра всё будет хорошо’*), где 明天 – завтра. Также по данной модели образуются названия исторических фильмов, в которых содержится указание на время исторического события. Например, фильм ‘1921’ – фильм о событиях 1921 года, посвященный 100-летию основания коммунистической партии Китая.

К группе названий фильмов, содержащих указание на место происходящих событий, относятся 4% проанализированных названий. Такой невысокий процент использования данной модели объясняется тем, что в названии не содержится информации об объекте, что может привести к снижению интереса у аудитории. В основном по данной модели образуются названия фильмов, относящихся к жанру боевик. В фильмах данного жанра обычно несколько противоборствующих сторон и много различных важных для сюжета героев, поэтому выделение одного главного героя затруднительно. Чаще используются места известных битв и сражений, ведь в таком случае зрителям не нужны сведения об объекте (противоборствующих сторонах), так как эту информацию они уже знают из истории своей страны. Например, в фильме ‘长津湖’ (*‘Битва при Чосинском водохранилище’*) показаны события 1950 года, произошедшие в ходе Корейской войны между силами ООН и китайскими народными добровольцами, а именно битва при Чосинском водохранилище. В конце ноября 1950 года вступившая на территорию Кореи китайская армия развернула успешное наступление против сил ООН [4, с. 124]. В фильме показаны доблесть китайских народных добровольцев, поэтому он получил высокую оценку зрителей. Место в названии фильма может быть как конкретным, указывающим на определенную географическую точку, так и достаточно абстрактным. Например, реальными географическими точками являются названия фильмов ‘茅山’ (*‘Маошань’*), где 茅山 – гора Маошань (гора в провинции Цзянсу) и ‘柳浪闻莺’ (*‘Веер с цветущими персиками’*), где 柳浪闻莺 – «Иволги, поющие в ивах» (один из 10 видов озера Сиху в Ханчжоу). Абстрактным является место в названии фильма ‘悬崖之上’ (*‘Над обрывом’*), где 悬崖 – нависший утёс, отвесная скала, край пропасти, а 上 (над) уточняет место действия (Таблица 1).

Таблица 1. – Анализ моделей номинации 123 китайских фильмов, вышедших на экраны в 2021 году

модели номинации	Кол-во, %	Пример
Названия фильмов, содержащие указание на объект	83 единицы, 68%	西游记之再世妖王 (<i>‘Путешествие на Запад: Реинкарнация Царя демонов’</i>); 阳光姐妹淘 (<i>‘Солнечные сестрички’</i> , досл. солнечный + сестры + шалить, озорничать)
Названия фильмов, содержащие указание на место	5 единиц, 4%	柳浪闻莺 (<i>‘Веер с цветущими персиками’</i> , один из 10 видов озера Сиху в Ханчжоу); 茅山 (<i>‘Маошань’</i>)
Названия фильмов, содержащие указание на время	6 единиц, 5%	没有一个春天不会来领 (<i>‘Весна никогда не наступит’</i>); 1921; 没有过不去的年 (<i>‘Незабываемый новый год’</i>)

Названия фильмов, содержащие указание на несколько семантических компонентов	29 единиц, 23%	объект + место (23 единицы, 79%):
		唐人街探案 3 ('Детектив из Чайнатауна 3'); 长安伏妖 ('Убить монстра', досл. город Чанъань + прятаться + чудовище)
		место + время (3 единицы, 10,5%):
		武汉日夜 ('Дни и ночи в Ухане'); 北京: 晚九朝五 ('Спокойной ночи, Пекин', досл. Пекин + время с 9 вечера до 5 утра)
		объект + время (3 единицы, 10,5%):
		穿过寒冬拥抱你 ('Обнимаю тебя сквозь метель'); 如果有一天我将会离开你 ('До следующей весны', досл. если однажды я покину тебя)

Все проанализированные названия фильмов являются однокомпонентными или двухкомпонентными, тогда как трехкомпонентная модель 'объект + время + место' не используется. Из этого следует вывод, что трехкомпонентная модель является непродуктивной, так как, во-первых, предоставляет зрителям всю возможную первичную информацию, что исключает потенциальный интерес зрителя узнать недостающую деталь, посмотрев фильм, а это, в свою очередь, приводит к низким рейтингам и убыточности такого кинофильма, во-вторых, такие названия являются достаточно длинными, а значит хуже для запоминания, что также негативно сказывается на рейтинге. Однокомпонентные названия отвечают требованиям краткости, лаконичности, а значит и лучшему запоминанию названия того или иного фильма. В этом плане двухкомпонентная модель охватывает оба параметра: такие названия несут в себе достаточно первичной информации, чтобы заинтересовать зрителя, но в то же время являются лаконичными и запоминающимися.

Таким образом, при анализе семантического разнообразия китайских фильмов, вышедших на экраны в 2021 году, установлено, что 89% названий содержат в себе указание на объект (например, главного героя или главное событие фильма), поэтому наиболее продуктивными являются такие модели, как 1) указывающие только на объект, 2) указывающие на объект и место, 3) указывающие на объект и время. Отсутствие объекта в названии фильма может привести к снижению интереса зрителя и невысоким рейтингам фильма. Однако при использовании других моделей образования названий фильмов можно опустить упоминание объекта без потери эффективности данного названия, если он подразумевается или на него есть косвенное указание (например, год, в который произошли определенные события), а также при невозможности выделения одного главного героя (например, в фильмах жанра боевик).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста : учеб. пособие / В.А. Кухаренко. – 2-е изд., перераб. – М. : Просвещение, 1988. – 192 с.
2. Подымова, Ю.Н. Названия фильмов в структурно-семантическом и функционально-прагматическом аспектах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю.Н. Подымова ; Адыгейский гос. университет – Майкоп, 2006. – 26 с.
3. Кинопоиск [Электронный ресурс] / Фильмы 2021 года (Китай). – Москва, 2003. – Режим доступа : https://www.kinopoisk.ru/lists/navigator/2021/country-31/?quick_filters=films&tab=all. – Дата доступа : 01.11.2021.
4. Торкунов, А.В. Загадочная война: корейский конфликт 1950—1953 годов / А. В. Торкунов. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 312 с.

ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЧЭНЬЮЕВ ПАРАЛЛЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ЧЭНЬЮЕВ С КОМПОНЕНТАМИ- ЗООНИМАМИ «ФЕНИКС» (凤) И «ДРАКОН» (龍))

Картина мира и культурное наследие каждого народа непосредственно выражается в национальном языке. Именно по народным поговоркам, пословицам, крылатым выражениям и фразеологизмам, существующим в каждом языке, человек может осознать самобытность языка и его уникальную историю, традиции носителей этого языка и их ценности. Китайские фразеологизмы чэньюй позволяют заглянуть в культуру китайского народа через язык и наиболее полно исследовать их обычаи и жизненный уклад [1].

«Чэньюй — это устойчивое фразеологическое словосочетание (чаще всего четырехсловное), построенное по нормам древнекитайского языка, с обобщенно переносным значением, носящее экспрессивный характер» [2, с.39]. Условно китайские фразеологизмы разделяют на две группы: чэньюй параллельной конструкции (фразеологизмы, которые построены по принципу параллельного соотношения частей) и чэньюй непараллельной конструкции [3].

В чэньюях, построенных по принципу параллельного соотношения частей, в основном представлены следующие виды параллелизма: количественный, лексико-семантический, фонетический и грамматический. Чэньюй параллельной конструкции состоят из четырех морфем, иероглифов, каждый из которых, соответственно, является словом [2, с.40]. Кроме того, по структуре выделяют чэньюй, выраженные предикативными, определительными, обстоятельственными, глагольно-объектными словосочетаниями, представленные однородными лексемами, а также чэньюй, в составе которых есть и определительные, и обстоятельственные словосочетания, чэньюй, в которых связаны в одно целое обстоятельственные и глагольно-объектное, предикативное и глагольно-объектное словосочетания, чэньюй, выраженные словосочетаниями типа «основное слово + дополнительный элемент» [4].

Вопрос о средствах, которые способны повысить выразительность чэньюев, все еще остается недостаточно изученным. Именно поэтому было принято решение исследовать выразительные средства в китайских фразеологизмах, а вслед за тенденцией китайского языка к симметрии и парности, рассматриваются чэньюй параллельной конструкции с лексико-семантическим видом параллелизма.

Благодаря фразеологизмам китайского языка, мы можем понять, какие понятия и образы являются наиболее ценными для китайского народа. Среди образов фантастических животных, образы дракона и феникса являются центральными в традиционной китайской культуре, а также в китайском языке, так как отображают даосскую концепцию Инь-Ян [5].

По мнению китайцев, *дракон* (龍) символизирует мужское начало, героизм и силу, в то время как *феникс* (凤) является символом женского начала, красоты и добродетели. Данные образы нашли свое отражение не только в китайской культуре, но и в языке, а особенно в китайских фразеологизмах чэньюй [6].

В ходе исследования было отобрано и проанализировано 79 чэньюев, содержащих компоненты-зоонимы «феникс» (凤) и «дракон» (龍). Важно отметить, что все чэньюй, содержащие данные образы, оказались чэньюями параллельной конструкции, так как всем отобранным фразеологизмам присущ количественный параллелизм (все чэньюй состоят из

четырёх морфем, и, соответственно, из четырёх иероглифов), а также лексико-семантический параллелизм, что проявляется в сходстве лексического состава фразеологизмов (в составе чэньюя присутствуют синонимы и антонимы).

На основе отобранного материала в чэньюях параллельной конструкции можно выделить следующие средства повышения экспрессивности и выразительности:

использование слов из единой понятийной ассоциации;

использование синонимов;

использование антонимов [3] (таблица 1).

Таблица 1. Средства повышения экспрессивности и выразительности в чэньюях параллельной конструкции

Выразительное средство	Чэньюй 成语	Дословный перевод	Интерпретация
Использование слов из единой понятийной ассоциации	龙眉凤目	Бровь дракона, глаз феникса	Царственный облик, поза феникса (обр. В знач.: красавец, мудрец)
Использование синонимов	攀龙附凤	Дракон цепляется, феникс примыкает	Опирается на дракона и феникса (обр. В знач.: а) пользоваться (высокими) связями, опираться на сильных мира сего; б) стар. Следовать за (мудрым) господином (государем)
Использование антонимов	龙潜凤采	Дракон скрывает, феникс ищет, добывает	О раскрывшемся выдающемся таланте

Лексико-семантический параллелизм в основном представлен таким средством повышения экспрессивности и выразительности, как *использование слов из единой понятийной ассоциации* (63, 2% чэньюев от общего числа отобранного материала используют данное выразительное средство). Например,

龙肝凤髓 (lónggānfèngsuǐ) ‘печень дракона и костный мозг феникса, обр. изысканные яства, деликатесы’, лексические единицы 肝 ‘печень’ и 髓 ‘костный мозг’ обозначают внутренние органы.

龙翔凤舞 (lóngxiángfèngwǔ) ‘взлёт дракона и пляска феникса, обр. об исключительно красивом почерке; о небрежном скорописном почерке; плыть величаво, выплывать’. Лексические единицы 翔 ‘летать, взлетать’ и 舞 ‘танцевать’ относятся к единой лексико-семантической группе «действия».

凤子龙孙 (fèngzǐlóngsūn) ‘потомок императора или аристократа’, лексические единицы 子 ‘сын, ребенок’ и 孙 ‘внук’ относятся к лексико-семантической группе «члены семьи».

龙眉凤目 (lóngméifèngmù) ‘бровь дракона, глаз феникса, обр. красавец, мудрец’. Лексические единицы 眉 ‘бровь’ и 目 ‘глаз’ относятся к единой лексико-семантической группе «части тела».

龙兴凤举 (lóngxīngfèngjǔ) ‘процветание дракона, возвышение феникса, обр. о возвышении императора’. Лексические единицы 兴 ‘процветание’ и 举 ‘возвышение’ обозначают возвышение императора.

Менее распространенным средством выразительности оказалось *использование синонимов* (35,4% чэньюев от общего количества отобранных чэньюев параллельной конструкции). Например,

攀龙附凤 (pānlóngfùfēng) ‘опираться на дракона и феникса, обр. в знач. пользоваться (высокими) связями, опираться на сильных мира сего’, глаголы 攀 ‘цепляться’ и 附 ‘примыкать’ являются синонимами.

龙章凤姿 (lóngzhāngfèngzī) ‘царственный облик, поза феникса, обр. красавец, мудрец’. В данном чэньюелексические единицы 章 ‘облик’ и 姿 ‘образ’ синонимичны.

龙言凤语 (lóngyánfèngyǔ) ‘о легком, мелодичном голосе и речи’. Существительные 言 ‘язык’ и 语 ‘язык’ являются синонимами.

Малораспространенным средством выразительности является использование антонимов (в отобранном материале был найден только один такой случай, что составило 1,3% от отобранных чэньюев параллельной конструкции).

龙潜凤采 (lóngqiánfèngcǎi) ‘о раскрывшемся выдающемся таланте’. Лексические единицы 潜 ‘прятать’ и 采 ‘добывать, проявлять’ являются антонимами.

Таким образом, проанализировав все отобранные чэньюи, можно сделать вывод о том, что китайские фразеологизмы чэньюй, содержащие компоненты-зоонимы «феникс» (凤) и «дракон» (龙), – идеальные примеры гармонии и парности в китайской лингвокультуре. Благодаря четырехморфемной структуре, чэньюи максимально компактны и лаконичны, что автоматически повышает экспрессивность данного вида китайских фразеологизмов, а наличие в строении чэньюев не только количественного, но и лексико-семантического параллелизма делает чэньюи еще более выразительными. В ходе исследования выяснилось, что основным средством повышения выразительности в отобранном материале является использование слов из единой понятийной ассоциации. Распространенность использования данного средства выразительности среди чэньюев, содержащих образы дракона и феникса, обусловлена тем, что дракон и феникс, как центральные образы даосской концепции Инь-Ян, представляют собой не просто сходные между собой понятия, а единое целое. Они идут рука об руку, дополняют друг друга. Ни дракон, ни феникс не могут существовать в гармонии в одиночку. При этом они не являются идентичными и имеют некоторые различия, поэтому использование синонимов и антонимов хотя и встречается среди отобранных чэньюев, однако не получило широкого распространения. Что касается классификации китайских фразеологизмов по структуре, в отобранном материале встретились чэньюи, выраженные предикативными, определительными и глагольно-объектными словосочетаниями, а также чэньюи, представленные однородными лексемами. Такая параллельная структура является важным средством повышения выразительности и экспрессивности чэньюев.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Иванченко, Н. В. О специфике устойчивых языковых единиц китайского языка / Н. В. Иванченко // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – №24 (315). – С. 94–97.
2. Горелов, В. И. Стилистика современного китайского языка / В. И. Горелов. – М. : Просвещение, 1979. – 192 с.
3. Кобжицкая, О. Г. Выразительные возможности чэньюй параллельной и непараллельной конструкции / О. Г. Кобжицкая // Международный научно-исследовательский журнал. – 2018. – №8(74). – С. 131–135.

4. Королева, В. И. Параллелизм в китайских идиоматических выражениях как показатель выразительности и экспрессивности [Электронный ресурс] / В. И. Королева // Исследования молодых учёных. – 2020. – №9(25). – Режим доступа : <https://mgpu-media.ru/issues/issue-25/literary-studies-and-linguistics/parallelism-chinese-idiomatic-expressions.html>. – Дата доступа : 30.01.2022.

5. Чжан, Цзин. Динамика символов дракона и феникса в китайских ювелирных изделиях / Чжан Цзин // Картина мира через призму китайской и белорусской культур. – 2020. – С. 160–164.

6. Решетнёва, У. Н. Образы фантастических существ в китайских пословицах и поговорах / У. Н. Решетнёва // Аналитика культурологии. – 2009. – №3 (15). – С. 283–291.

Слепцова Анастасия Сергеевна
студентка Минского государственного
лингвистического университета
(г. Минск, Республика Беларусь)

АНАЛИЗ ЭВФЕМИЗМОВ, ОПИСЫВАЮЩИХ ВНЕШНОСТЬ, В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

На лексическом уровне любого языка существует большое количество явлений, например, лакуны, омонимы, фразеологизмы и др., изучение которых привлекает внимание ученых-лингвистов.

Возникновение и функционирование эвфемизмов в различных языках зависит от культуры народа, его истории. По мнению М.Л. Ковшовой межличностное взаимодействие предполагает определенный круг тем, которые собеседники предпочитают обходить в коммуникации, к таким темам относятся, например, анатомия и физиология человека, внешность, болезни, сексуальные отношения и смерть. Эвфемизация позволит «избежать резких, бестактных, грубых и неприличных выражений» [1, с.80].

Тема красоты и внешних данных актуальна для любой культуры и эпохи, так как человек подсознательно ставит знак равенства между внешней красотой и физическим здоровьем. В настоящее время популярность этой темы растет, и, следовательно, лексический состав любого языка пополняется лексикой, относящейся к данной сфере, в том числе эвфемизмами.

Для выявления и анализа эвфемизмов со значением внешних данных был проведен опрос 15 китайских студентов и преподавателей. Полученные ответы можно разделить на 6 групп в соответствии с их значением (Таблица 1).

Таблица 1. – Эвфемизмы, описывающие внешность в китайском языке

Общее значение	Эвфемизм	Перевод
Некрасивый человек	长的困难	Трудности во внешности
	长的挺有特色的	Есть особенности
	你的五官长得还算凑合	Черты лица вполне приличные
	你长的好象车祸现场	Выглядишь, как место автомобильной аварии
	你长的外形不准, 比例没打好	Неправильный внешний вид, неудачные пропорции
	脸上的个别零部件能更换一下更好	Было бы лучше, если бы отдельные части на лице могли быть заменены

	我觉得世界上就只有两种人能吸引人，一种是特漂亮的，一种就是你这样的	Я думаю, что в мире есть только два типа людей, которые могут привлекать людей, один очень красивый, а другой такой же, как ты
	你的长相很提神	Твоя внешность подбадривает
	你需要回炉重造	Вам нужно перезагрузиться
	气质好	Легкий характер
	恐龙妹	Девочка-динозавр
	癞蛤蟆	Жаба
Красивый человек	美如冠玉冠	Как нефритовая корона
	秀外慧中	Прекрасен внешне, мудр внутренне
	虎头虎脑	Богатырского вида
	唇红齿白	Красные губы, белые зубы
	沉鱼落雁	Рыбы (завидев ее) погружаются, дикие гуси падают
	闭月羞花	Затмить луну и посрамить цветы
Необычная внешность	相貌堂堂	Прекрасная наружность
	长的挺风趣的	Своеобразный
	长的挺有意思的	Интересная внешность
	长的挺凑合的	Приемлемо
	长得真有创意	Выглядит очень креативно
	浓眉大眼	Густые брови и большие глаза
Толстый человек	富态	Богатый
	大腹便便	Набитое брюхо
	发福	Разбогатеть
	啤酒肚	Пивное пузо
	将军肚	Генеральское пузо
	罗汉肚	Пузо архата (буддийского божества с традиционно большим животом)
Худой человек	骨瘦如柴	Худой как хворостинка
Другие	长的挺中性的	Гендерно нейтральный
	贼眉鼠眼	Разбойничья бровь, крысиный взор
	地不平	Земля неровна

Опрос показал, что носители китайского языка назвали больше всего эвфемизмов со значением «некрасивый человек» (35%) и меньше всего эвфемизмов со значением «худой человек» (3%).

Важно отметить, что эвфемизмы строятся по разным моделям. Так, в некоторых эвфемизмах используются такие стилистические приемы как сравнение (выглядишь как место автомобильной аварии), гипербола (богатырского вида), литота (есть особенности), метафора (пузо архата), эпитет (разбойничья бровь, крысиный взор), замена (легкий характер), антитеза (я думаю, что в мире есть только два типа людей, которые могут привлекать людей, один очень красивый, а другой такой же, как ты) и сарказм (было бы лучше, если бы отдельные части на лице могли быть заменены), ирония (земля неровна).

С целью сравнения лингвокультурных особенностей употребления эвфемизмов носителями русского и китайского языков для анализа отобраны 34 слова из «Словаря эвфемизмов русского языка» Е.П. Сеничкиной [2]. Эвфемизмы разделены на группы в соответствии с их общим значением (Таблица 2):

Таблица 2. – Эвфемизмы, описывающие внешность в русском языке

Значение	Эвфемизмы
Некрасивый человек	Альтернативный
	Антипатичный
	Заморышек, замухрышка
	Не ахти
	Не очень
	Никакой
	Неказистый
	Некрасивый
	Неопрятный
	Нестандарт
	Своеобразный
	Серая мышь
	Такие женщины, что никакого алкоголя не хватит
Красивый человек	Аппетитная фигура
	Богиня
	Куколка
	Модель
	Симпатичный
Необычная внешность	Афроамериканец
	Лицо кавказской национальности
	ЛСН (лицо славянской национальности)
Толстый человек	Большая одежда
	Брюшко
	Живот
	Жирок
	Крупный
	Полный
	Пухлый
	Толстушка
Худой человек	Дистрофик
	Щуплый
Другие	Кудрявый (в значении «лысый»)
	Некрепкий
	Сутулый

Анализ эвфемизмов, приведенных в Таблице 2, показал, что русскоговорящие люди, так же как и носители китайского языка, чаще подвергают эвфемистической замене слова со значением «некрасивый человек» (38%) и реже всего – слова со значением «худой человек» (6%).

Стилистически приемы, используемые для образования эвфемизмов в русском языке, такие же, как и в китайском: гипербола (богиня, модель), литота (жирок), метафора (серая мышь), эпитета (симпатичный, неказистый), ирония (кудрявый в значении «лысый»), сарказм (такие женщины, что никакого алкоголя не хватит).

Следует рассмотреть качественную характеристику эвфемизмов в группе «необычная внешность». Отличие этой группы в русском языке от китайского языка следующее: в русском языке акцент делается на этническую принадлежность (афроамериканец – человек с темной кожей, лицо кавказской национальности – «человек с восточными чертами лица, нерусский» [2, с.177], ЛСН – человек с мягкими чертами лица, светлыми волосами, среднего роста), тогда как в китайском языке – на индивидуальные особенности (интересная внешность; густые брови, большие глаза; выглядит очень креативно).

В группе «толстый человек» в китайском языке меньше слов, это может быть связано с тем, что раньше в Китае считалось, что человек с большим животом богат, т.к. может себе позволить много еды, что подтверждается эвфемизмами 富态 с дословным переводом «богатый» и 大腹便便 – «набить брюхо».

В китайском языке немного больше эвфемизмов в группе «красивый человек». В их построении преобладает тематическая лексика, связанная с красотой природы (как нефритовая корона; рыбы (завидев ее) погружаются, дикие гуси падают; затмить луну и посрамить цветы), тогда как в эвфемизмах русского языка внимание акцентируется на собирательном образе (модель, куколка, богиня).

Отличительной особенностью приведенных эвфемизмов русского языка в сравнении с китайским является их лаконичность. Эвфемизмы русского языка чаще выражены одним словом.

Количественный анализ эвфемизмов в разрезе групп значений позволяет сделать вывод о незначительных различиях: как в китайском, так и в русском языке наибольшее количество эвфемизмов относятся к группе «некрасивый человек» (Таблица 3). Это указывает на высокий уровень культуры носителей китайского и русского языков.

Таблица 3. – Сравнение количества эвфемизмов в китайском и русском языке по значениям

Значение	Язык	Китайский язык	Русский язык
		Количество слов	Количество слов
Некрасивый человек		12	13
Красивый человек		7	5
Толстый человек		6	8
Худой человек		1	2
Необычная внешность		5	3
Другие		3	3

Эвфемизмы, описывающие внешность, как в русском, так и китайском языках можно объединить в общие группы на основе их значения.

Большинство эвфемизмов построены таким образом, чтобы подчеркнуть достоинства и нивелировать недостатки внешности. Вместе с тем существует небольшое количество эвфемизмов, нарочито указывающих на непривлекательность человека. Такое соотношение свидетельствует об общности коммуникативных культур обоих народов и желании вести диалог на основе взаимного уважения.

В моделях построения эвфемизмов обоих языков используются идентичные художественные средства, что придает им лексическую и эмоциональную выразительность.

Следует отметить, что в идентичных группах значений используется разная тематическая лексика, указывающая на различные представления о стандартах красоты.

Характерная для восточной философии многословность выражений отражается и в эвфемизмах, в то время как в русском языке эвфемистические конструкции более кратки и конкретны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ковшова, М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов: Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов / М.Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2007. – 320 с.
2. Словарь эвфемизмов русского языка / Е.П. Сеничкина. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 464 с.

Томилова Ольга Сергеевна
студентка Минского государственного
лингвистического университета
(г. Минск, Республика Беларусь)

ЛАТЕНТНЫЕ ПРИЗНАКИ В СЕМАНТИКЕ КИТАЙСКИХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН

Прецедентные имена (ПИ) – это такие культурно-специфические знаки коммуникации, актуальные в когнитивном плане, которые регулярно воспроизводятся в речи представителей того или иного национального лингвокультурного сообщества на протяжении многих поколений [1, с. 9].

ПИ представляют собой имена известных личностей, предметов материальной и духовной культуры, названия топографических объектов, которые используются авторами в тексте в качестве яркого, образного, оценочного обозначения персонажей или явлений.

Среди вышеперечисленных групп прецедентных имен наибольший интерес для нас представляют ПИ - наименования лиц. Приведем примеры их употребления в русском, английском и китайском языках.

Шолохов - русский Гомер, написавший "Илиаду" гражданской войны на юге России [2, с. 259].

A Spanish mayor who looted supermarkets to feed the poor has been hailed as a modern-day Robin Hood. ‘Мэр Испании, грабивший супермаркеты, чтобы прокормить бедных, был отмечен как современный Робин Гуд’. [3, с. 55].

情人眼里出西施. ‘Для каждого своя любимая — красавица Сиши’ (каждому своя милая — самая красивая) [4, с. 80].

ПИ данной группы занимают первое место по частоте употребления в китайском язычном дискурсе. Помимо имен исторических личностей к ним также относятся имена вымышленных персонажей, что свидетельствует о частом обращении носителей китайского языка к классическим литературным произведениям [4, с. 82].

Рассмотрим семантические особенности ПИ – антропонимов в китайском язычном дискурсе на примере ПИ 猪八戒 (ЧжуБацзе). Данное ПИ выбрано нами неслучайно. Оно входит в список наиболее популярных ПИ китайского дискурса, обладает богатством смысловых оттенков и отсылает к одному из главных прецедентных текстов китайской национальной культуры [5, с. 14].

Чжу Бацзе – получеловек-полусвинья, один из главных героев классического китайского романа «Путешествие на Запад». В романе Чжу Бацзе выступает как комический персонаж, по чьей вине путешественники постоянно наживают себе проблемы. Он является одним из самых ярких образов китайского фольклора, олицетворением человеческих страстей — глупости, лени, чревоугодия, похотливости.

По определению Н. Н. Воропаева, ПИ Чжу Бацзе описывает тип человека, который имеет уродливую внешность, любит много поесть, боится трудностей, стремится к лёгкой и праздной жизни.

Перечисленные выше признаки отражают характеристику, данную персонажу в романе «Путешествие на Запад». Но помимо свойств, заложенных в его семантике изначально, ПИ также обладает латентными семантическими признаками, т. е. семантическими признаками, которые выходят за рамки его стандартных значений. Эти свойства могут быть выявлены путем анализа значения ПИ в различных контекстах.

На материале корпусов китайского языка (корпус китайского языка Пекинского университета языка и культуры, корпус китайского языка университета в Лидсе) нами было проанализировано 600 контекстов (примерно 6000 иероглифов).

Семантическая структура ПИ 猪八戒 может быть расширена следующими значениями:

Глупый

那些企图用语法限制语言发展的都是呆子，也就是猪八戒了。

‘Те, кто пытаются использовать грамматику, чтобы ограничить развитие языка, – глупцы, то есть Чжу Бацзе’.

Притворщик, «оборотень», тот, кто утратил человеческие качества

现在“猪八戒”还真是多呀!昨天不小心又发现一个!“狼人”。。。。像狼一样，走在创业的路上！‘Сейчас очень много таких «Чжу Бацзе». Вчера встретил еще одного такого! «Оборотень» ... ведет себя как хищник в сфере предпринимательства’.

Делать глупости

有一位劳动模范说，我们“要学孙悟空，不做猪八戒”。为什么“不做猪八戒”？这跟猪八戒老爱胡闹、做蠢事有关系。‘Один образцовый работник сказал нам учиться у Сунь Укуна, а не вести себя как Чжу Бацзе. Почему он сказал не быть как Чжу Бацзе? Это связано с его привычкой безобразничать и вытворять глупости’.

В данном контексте ПИ Чжу Бацзе используется еще и как противопоставление ПИ другого персонажа «Путешествия на Запад» – Сунь Укуну. В романе характер Чжу Бацзе полностью противоположен характеру Сунь Укуна, он оттеняет образ Сунь Укуна, служит фоном.

Испортиться (о продуктах)

每每出现“卖难”、“买难”的时候，不少人却又往往把平日背得滚瓜烂熟的常识丢到九霄云外，而怨天骂地，眼睁睁地看着成山的柑桔烂掉，一只只肥猪变成“猪八戒”。‘Часто при возникновении трудностей с продажей и покупкой люди теряют присущий им здравый смысл и, обвиняя всех вокруг, наблюдают за тем, как портятся горы цитрусовых, и свинина превращается в свинью Бацзе’.

Общее негативное значение

“奸险小人、背叛同伴、没有义气、混蛋、猪八戒、不是好东西——” 少婷骂不停口地将知道的词汇都撂出来。‘«Ничтожество, предатель, сволочь, Чжу Бацзе, не порядочный человек...», – Шаотин не останавливаясь выкрикивала все ругательства, которые знала’.

Из контекста невозможно определить конкретный смысловой признак, по которому осуществляется сравнение с данным персонажем. Из этого следует, что ПИ принимает более общее значение, а Чжу Бацзе выступает в качестве носителя отрицательных свойств.

Смелый 青春年少，我们无所畏惧的孙悟空。二十几岁，我们是敢爱敢恨的猪八戒。 ‘В юности мы бесстрашные, как Сунь Укун, после двадцати мы не боимся любить и ненавидеть, как Чжу Бацзе’.

Спокойная, благополучная жизнь 当一套房子捆住我的手脚时，这么多人沉湎于猪八戒，为之欣喜的家庭欢乐。 ‘Когда дом связал меня по рукам и ногам, многие люди предавались Чжу Бацзе для того, чтобы радоваться семейному счастью’.

В последних двух примерах ПИ Чжу Бацзе принимает положительные значения, при этом персонаж, к которому данное ПИ апеллирует, такими характеристиками не обладает.

Таким образом, кроме стандартных значений в семантику ПИ 猪八戒 также включены латентные семантические признаки, приобретенные ПИ в процессе употребления. Эти семантические признаки можно выделить путем анализа значения ПИ в конкретных контекстах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: «Филология», 1997. — Вып. 2. — 124 с.
2. Нахимова, Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования: монография / Е. А. Нахимова; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011. — 276 с.
3. Кирьянов, Я. В. Аксиологический аспект прецедентных имен в СМИ и проблема их перевода/ Я. В. Кирьянов, Уральский государственный педагогический университет. — Екатеринбург, 2020. — 69 с.
4. Ленинцева, В.А. Прецедентные имена китайской национальной культуры / В.А. Ленинцева, Т.Н. Бурукина. — Москва: Московский городской педагогический университет, 2015. — 88 с. — («Вестник РУДН», серия лингвистика, вып. 2).
5. Воропаев, Н. Н. Прецедентные имена в китайскоязычном дискурсе: автореф. дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.22 / Н.Н. Воропаев; Институт языкознания РАН. — Москва, 2012. — 27 с.

*Умецкий Иван Александрович
студент Минского государственного
лингвистического университета
(г. Минск, Республика Беларусь)*

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ УКРАИНСКОЙ И ЮЖНОРУССКОЙ ЖИЗНИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н.В. ГОГОЛЯ)

Интерес китайских литераторов к классикам русской прозы и поэзии зародился на рубеже XIX – XX веков. Китайский ученый Лю Вэньфэй выделяет несколько значимых этапов в открытии русской литературы китайскому читателю: 1) перевод «Капитанской дочки» А.С. Пушкина; 2) начало «Движения 4 мая» и появление первых переводов Гоголя, Чехова и Горького, выполненных Лу Синем; 3) работа над переводами в первые годы после образования КНР на фоне дружбы с СССР; 4) запрет иностранной литературы, включая русскую, в годы «культурной революции»; 5) возврат к изучению русской литературы с началом проведения Китаем политики открытости внешнему миру [1].

Кроме Лу Синя, после начала «движения 4 мая» с произведениями Н.В. Гоголя работал Ба Цзинь. Переводами, изданными в первые годы существования КНР и актуальными по сей день, читатель обязан Мань Тао, Пэн Гэсюню, Бай Сыхуну и другим ученым-русистам прошлого столетия [1].

3 повести, составившие вместе с романом «Тарас Бульба» сборник «Миргород», а также повесть «Страшная месть» особенно интересны содержанием большого количества реалий украинской и южнорусской жизни средних веков и Нового времени. Эти реалии представляют собой одну из основных трудностей, с которыми приходится сталкиваться переводчикам, и не только китайским. Даже для носителей русского языка многие слова и понятия, встречающиеся в прозе Н.В. Гоголя, кажутся необычными, диковинными, а значение некоторых из них наиболее полно раскрывается в толковых словарях украинского языка (например, кунтуш, жупан, книш, очипок, гетман). Встречаются также реалии, которые можно считать «общеευропейскими», например, определенные предметы одежды (фрак, мундир, камзол) и материалы для их изготовления (казимир, фриз); но и такие понятия могут стать препятствием для переводчиков-представителей других культур, в данном случае – для представителей китайской культуры.

В словаре лингвистических терминов *реалии* толкуются как «предметы материальной культуры» или же как различные факторы, изучаемые внешней лингвистикой, к которым относят историю и культуру той или иной страны, тип государственного устройства, языковые контакты населения с другими народами [2, с. 370]. Существует, однако, и другой взгляд на суть этого термина.

На основании предложенного профессором В.С. Виноградовым более широкого трактования реалий (как лексики, содержащей фоновую информацию и не обязательно ограничивающейся обозначением предметов материальной культуры) и соответствующей классификации [3, с. 104-112], выделим следующие их группы:

А) Бытовые реалии: одежда (бекеша, запаска, сюртук, мундир, кофта); материалы (смушек, казимир, фриз, рогожка, китайка); еда, питье (водка, сивуха, варенуха, горелка, пенник); жилище, помещения, имущество (бурса, хутор, шинок, клирос, комора), музыкальные инструменты (флейта, бубен, барабан); обряды, представления, танцы (казачок, тропак (трепак), отходная, вертеп); единицы меры (кварта).

Б) Этнографические и мифологические реалии, реалии духовного мира: этнические и социальные общности и их представители (казак, униат, орда, посполитство); сказочные и мифические существа (лесной дед, Вий, русалка); реалии христианского миропонимания (Второе пришествие, Пресвятая Троица, сатана, антихрист, архангел).

В) Реалии государственно-административного устройства и общественной жизни: должности, титулы, чины (царь, фельдгегерь, есаул, шляхтич), профессии, занятость (пономарь, схимник, ксендз, игумен, архиерей, бурсак); единицы административно-территориального деления (повет).

В.С. Виноградов выделяет пять способов перевода реалий [3, 117-120]:

- 1) фонетический (передача звучания иноязычного элемента);
- 2) гипо-гиперонимический (соотнесение переводимого видового понятия с родовым переводящим);
- 3) уподобление (подбор переводящего понятия, соподчиненного тому же родовому, что и переводимое);
- 4) перифрастический (описательный);
- 5) калькирование (поморфемный перевод).

Учитывая особенности строя китайского языка, в том числе морфологическую значимость слогаделения, дополним приведенные выше способы гибридным, о котором пишет А.Л. Семенас [4, с. 218-220]. Для гибридного способа характерно совмещение морфем, передающих звучание, с морфемой, передающей смысл.

Нами был проведен анализ способов передачи 103 реалий при переводе на китайский язык произведений Н.В. Гоголя (Таблица 1).

Таблица 1. Способы передачи реалий из произведений Н.В. Гоголя на китайский язык

Способ перевода	Реалия	Значение реалии	Китайский эквивалент	Значение переводной единицы
Фонетический	Вий	в малорусской демонологии: грозный старик с бровями и веками до самой земли [5]	维 (wéi)	Вий
Гибридный	казачок	народный танец ускоряющегося ритма (первоначально у казаков) [6].	哥萨克舞 (gēsàkèwǔ)	哥萨克 (gēsàkè) «казак, казацкий», 舞 (wǔ) «танец»
	бекеша	верхняя мужская зимняя одежда в виде короткого кафтана со сборками на спине и меховой отделкой [6]	皮袄	короткая китайская куртка, пошитая с использованием шкуры животного [9]
	бешмет	полукафтан, мужская верхняя одежда у татар и кавказских народностей [11]	棉袄	ватная куртка, шуба на вате [8]
Перифрастический	антихрист	противник Христа [10]	左道旁门的人	человек, идущий неправедным путем
Калькирование	архангел	в христианстве: ангел, относящийся к одному из высших ангельских ликов [6]	天使长	старший ангел, глава ангелов

Из рассмотренных 103 слов чисто фонетическим способом переданы 4 единицы, гибридным – 5, гипо-гиперонимическим – 23, с помощью уподобления – 27, описательного перевода – 39, калькированием – 5. Количество распределенных по способам перевода единиц может отличаться в зависимости от их значения. Например, нанка получила название от китайского города Нанкин, и понятие, обозначаемое этим словом, в свое время могло быть такой же китайской реалией, как и славянской. Тем не менее, в тексте перевода использован обезличенный гипероним «хлопчатобумажная ткань», что указывает на отсутствие достаточно точного эквивалента упомянутой реалии в китайском быту.

Говоря о гипо-гиперонимическом способе, следует отметить, что практически все гоголевские реалии, переведенные таким образом, выступают по отношению к подобранным китайским понятиям гипонимами. Это свидетельствует, при всем богатстве китайского понятийного аппарата, о большей диверсифицированности соответствующих сфер лексики русского языка Н.В. Гоголя.

Наибольшее число реалий переведено описательным способом, на втором месте по частотности – понятия, переведенные уподоблением. Пренебрежение методом уподобления вызвало бы перегруженность текста описаниями и необходимость большего количества сносок, что негативно сказалось бы на качестве перевода. На фонетический и гибридный способы приходится в общей сложности 9 единиц, что объясняется упомянутыми ранее лингвистическими факторами, осложняющими процесс фонетического заимствования.

Некоторые реалии, переданные описательно, теряют информативность и становятся менее выразительными. Так случилось с *униатами*, заслужившими резко негативную оценку православных верующих за поддержку церковной унии с католиками. Уменьшение объема понятия мы видим, анализируя контекст, в котором упоминаются сторонники слияния двух церквей: «На униатов даже не похожи, не заглянут в Божию церковь» [22, с. 251], «Шляхетство наше... переняло лукавство... продало душу, принявши унию» [22, с. 266]. Интересно, что во втором примере *шляхетство* обозначает не польское, а украинское дворянство (цитата принадлежит казаку). В китайском переводе читаем «наше дворянство» (咱们的贵族).

В то же время описательный перевод часто помогает сохранить ясность излагаемого: так, в контексте «хата на вид, как и у простых казаков, и в ней одна светлица» [22, с. 249] использовано слово 正房 «центральная комната в доме». В другом же контексте: «душа... летает вместе с архангелами около Божьей светлицы» [22, с. 260], – справедливо употреблено слово 殿堂 «дворец, дворцовый зал», что согласуется с представлением о том, какой должна быть обитель Всевышнего.

В некоторых случаях китайские переводчики описывают понятия с излишней точностью. Когда казак Данило Бурульбаш говорит: «Посполитство будем угощать свинцовыми сливами, а шляхтичи потанцуют и от батогов» [22, с. 253], – из контекста понятно, что имеются в виду поляки, и с точки зрения русского читателя передача понятия «*посполитство*» словосочетанием «польские солдаты» кажется избыточной.

Создателями переводов проделана очень большая работа: сохраняя понятность и доступность китайскому читателю, они реализовали множество отражающих малороссийскую жизнь реалий и тем самым породнили народности совершенно разной истории и ментальности. Ориентация на читателя, иногда причиняющая ущерб точности, может быть оправдана: на какой бы язык ни переводились произведения с таким уникальным языком, каким писал великий русский классик, в них будут реалии, требующие актуальной и доступной реализации – что достигается использованием разных способов перевода в требуемых переводящим языком соотношениях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лю Вэньфэй. Перевод и изучение русской литературы в Китае / Лю Вэньфэй // НЛО. – 2004. – № 5. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/5/perevod-i-izuchenie-russkoj-literatury-v-kitae.html>. Дата доступа : 24.01.2022.
2. Словарь лингвистических терминов / сост. О.С. Ахманова. – М. : Сов. Энциклопедия, 1966. – 608 стр.
3. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В.С. Виноградов. – М. : Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.

4. Семенас, А.Л. Лексика китайского языка / А.Л. Семенас. – 2-е изд., стер. – М. : АСТ Восток-Запад, 2005. – 310 с.
5. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона / гл. ред. И.Е. Андреевский. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com>. Дата доступа : 24.01.2022.
6. Толковый словарь русского языка / сост. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://slovarozhegova.ru>. Дата доступа : 24.01.2022.
7. Словник української мови у 20 томах / гл. науч. ред. В.М. Русакивський. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://1677.slovaronline.com>. Дата доступа : 24.01.2022.
8. Китайско-русский онлайн-словарь [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://cidian.ru>. Дата доступа : 24.01.2022.
9. 漢典 = китайский толковый словарь [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://www.zdic.net>. Дата доступа : 24.01.2022.
10. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://bse.slovaronline.com>. Дата доступа : 24.01.2022.
11. Великий тлумачний словник сучасної української мови / сост. В.Т. Бусел. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://1531.slovaronline.com>. Дата доступа : 24.01.2022.
12. Словарь русского языка XVIII века / гл. ред. Ю.С. Сорокин. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://slovar-russkogo-yazyka-xviii-v.slovaronline.com>. Дата доступа : 24.01.2022.
13. Словарь иностранных слов русского языка / сост. Т.В. Егорова. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://rus-foreign-words-dict.slovaronline.com>. Дата доступа : 24.01.2022.
14. Словарь исторических терминов / сост. Г.В. Стурский. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://slovar-istoricheskikh-terminov.slovaronline.com>. Дата доступа : 24.01.2022.
15. Исторический словарь галлицизмов русского языка / сост. Н.И. Епишкин. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://rus-gallicismes-dict.slovaronline.com>. Дата доступа : 24.01.2022.
16. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://rus-big-enc-dict.slovaronline.com>. Дата доступа : 24.01.2022.
17. Гоголь, Н.В. Повести. «Ревизор» / Н.В. Гоголь ; сост., вступ. ст., коммент. С.Р. Федякина. – М. : ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004. – 797 с.
18. Похлебкин, В.С. Кулинарный словарь / В.С. Похлебкин. – М. : Издательство «Э», 2015. – 456 с.
19. Казачий словарь-справочник / сост. С.В. Курапов. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://rus-kazak.slovaronline.com>. Дата доступа : 24.01.2022.
20. Словарь русских народных говоров, вып. 37 / сост. Н.И. Андреева-Васина, Т.Н. Дорогутина. – СПб. : изд. «Наука», 2003. – 416 с.
21. Гоголь, Н.В. Сочинения Н. В. Гоголя : в 5 т. / Н.В. Гоголь ; ред. и предисл. Н. С. Тихонравов. – Санкт-Петербург : изд. А.Ф. Маркса, 1898. – Т. 1. – 593 с.
22. Гоголь, Н.В. Полное собрание сочинений : в 14 т. / Н.В. Гоголь. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1937–1952. – Т. 1. – 1940. – 553 с.

СООТВЕТСТВИЕ ВЕРБАЛЬНЫХ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ В КИТАЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ

Китайская социальная реклама затронула политическую, экономическую и идеологическую сферы жизни, что привело к значительным переменам в работе СМИ. Последнее произошло из-за значительной роли рекламы в отражении фундаментальных материальных и духовных ценностей и их изменений, произошедших за последние несколько десятков лет в сфере человеческих отношений, поэтому ее изучение крайне важно для понимания проблем, остро стоящих сегодня в обществе[1, с.191].

Цель работы заключается в характеристике понятия «социальная реклама», выделении ее функций, а также в исследовании коммуникативной стратегии в китайском рекламном дискурсе на основе присутствия вербальных и невербальных признаков речевого общения и их взаимного дублирования.

Социальная реклама ориентирована на привлечение внимания к самым актуальным проблемам общества и к его нравственным ценностям[2, с.23]. Она появилась в Китае в начале 80-х годов XX в. на печатных носителях и была посвящена вопросам санитарной защиты, эпидемиологии и этического воспитания подростков, во время “культурной революции” она приобрела политический оттенок. Как отмечает Лю Сяо Нан, цель современной китайской социальной рекламы – привлечь внимание народа КНР к главным событиям и проблемам общественной жизни страны. Часто можно увидеть социальную рекламу, посвященную дню учителя, охране окружающей среды, трудоустройству, антикоррупционным мерам и т.п. Социальная реклама превращается в фактор воздействия и стимулирования общества. Она стала полноценной частью маркетинговых коммуникаций, что ведет к росту капиталовложения, модификации рекламного сознания.

Материалом для нашего исследования послужил корпус, включающий в себя 200 единиц рекламных постеров и баннеров, извлеченных приемом сплошной выборки из китайских печатных СМИ и находящихся в свободном доступе в сети Интернет.

В первую очередь, стоит отметить, что категория «социальной рекламы» включает в себя множество подкатегорий. На основе анализа корпуса рекламных сообщений мы выделили следующие подкатегории:

1. Реклама, посвященная охране водных ресурсов страны.
2. Реклама, призывающая использовать в межнациональном общении путунхуа (северный диалект).
3. Реклама мирного сосуществования и добрососедства.
4. Реклама, призывающая сохранять памятники культуры и чтить историю страны.
5. Борьба с употреблением героина, самым распространенным наркотиком в Китае (из темы «о вреде наркотиков» выделяется отдельно).
6. Борьба с коррупцией среди чиновников.
7. Осуществление «китайской мечты».
8. Реклама, посвящённая патриотизму.
9. Соблюдение традиционных нравственных добродетелей.

Речевое взаимодействие предполагает, что субъект регулирует деятельность другого человека, который в свою очередь имеет свободу в выборе своих действий согласно своим требованиям. Таким образом, основополагающей чертой речевого воздействия является такое коммуникативное использование языковых выражений, при котором в модель мира индивида вносятся новые знания и изменяются уже полученные, то есть происходит процесс онтологизации знаний [3, с.270].

Стоит отметить, что в социальной рекламе происходит сочетание вербальных и невербальных признаков речевого взаимодействия. Вербальная коммуникация осуществляется через речь, как устную, так и письменную. То есть основные средства вербальной коммуникации – это язык и письменность. Невербальное взаимодействие – это так называемый язык жестов. Здесь рассматривается мимика, позы, касания, движения и т. д. Сюда также входят, например, окружающая среда и ее цветовая гамма, запахи и вкусы, вид одежды и материала, из которого она изготовлена и многое другое.

Для исследования мы выбрали такие темы социальной рекламы, как защита окружающей среды, патриотизм, соблюдение традиционных нравственных добродетелей, осуществление «китайской мечты».

Вербальный код в основном представлен короткими фразами, прецедентными текстами и фразеологией. Например, в рекламе об осуществлении «китайской мечты», что можно видеть на рисунке 1 и рисунке 2, приводится выражение «цветы прекрасны и луна полна». Это устойчивая фразеологическая единица, которая используется для образного описания прекрасного пейзажа. Также в качестве невербального кода используется выделение наиболее значимого слова в высказывании красным цветом.

Рисунок 1– Пример рекламы о «китайской мечте»

Рисунок 2– Пример рекламы о «китайской мечте»

В рекламе о защите водных ресурсов и окружающей среды вербальный и невербальный код представлены совместно в одной фразе: “食”有污, 不能“飲” «Вода загрязнена и не пригодна к употреблению». Вербальный код выражен лозунгом, невербальный код выражен игрой слов. На передний план выведен иероглиф «飲», при этом первый элемент иероглифа словно перетекает в изображенную рядом трубу с отходами. В данном рекламном сообщении основная идея лежит на поверхности: загрязненная вода является причиной непригодности товаров. Рассмотрим еще один пример. «保护水资源, 生命真永远» – «Охрана водных ресурсов, забота на века». Невербальный код выражен рифмой: «资源»(ziyuan) и «永远»(yongyuan). Примерами рекламы о защите окружающей среды может служить рисунок 3.

Рисунок 3– Пример рекламы о защите окружающей среды

Рассматривая рекламу о традиционных моральных ценностях, мы выявили, что вербальная сторона представлена наличием вэньянизмов, например, 助人为乐 «Помогать людям – это счастье». Использование глагола-связки 为 характерно для вэньяня. В современном китайском языке 为 используется в качестве предлога «для». Невербальная сторона представлена начертанием традиционных иероглифов вместо упрощенных современных. Это свидетельствует о связи с историческим прошлым и почитании традиций.

Рисунок 4–Пример рекламы о традиционных

Рисунок 5 – Пример рекламы о традиционных моральных ценностях моральных ценностях

Также мы обратили внимание на использование большого количества образов цветов в социальной рекламе о ценностях и нравственных добродетелях. В качестве преобладающего элемента используется цветок лотоса, как показано на рисунке 6 и на рисунке 7. Он является символом нравственности, душевной чистоты и созидательной силы. Лексема «лотос» 蓮花 «liánhuā» 荷花 «héhuā» переводится на русский язык как «честность». Согласно нашему исследованию, чаще всего лексема и изображения размещаются вместе на рекламном баннере, дополняя друг друга, тем самым производя усиленное влияние на зрителей.

Рисунок 6 – Пример рекламы с использованием; Рисунок 7 – Пример рекламы с использованием изображения цветка лотоса

Говоря о социальной рекламе, пропагандирующей патриотизм, нельзя не выделить такой вербальный признак, как цветовая гамма, которая проиллюстрирована на рисунке 8 и на рисунке 9. Преобладающими цветами являются красный, желтый и бежевый. Красный и желтый цвета являются основополагающими в цветовой символике традиционного Китая, а бежевый цвет является оттенком желтого цвета и в космологической символике ассоциируется с центром – самим Китаем, где преобладают лессовые почвы желтого цвета, можно сделать вывод о положительных коннотациях данного оттенка, так как он связан с родной землей и надёжностью.

Рисунок 8 – Пример рекламы о патриотизме; Рисунок 9 – Пример рекламы о патриотизме

Важным аспектом вербального кода в китайской социальной рекламе является варьирование шрифтов, которое можно увидеть на рисунке 10. Посредством изменения стиля и кегля шрифта, иероглиф становится более заметным, и зритель намного быстрее понимает смысловые коннотации лозунга.

Рисунок 10 – Пример рекламы с варьированием шрифтов

Таким образом, мы пришли к выводу, что в китайской социальной рекламе часто встречаются вербальные компоненты, которые усиливаются невербальными. Наиболее частотными в употреблении невербальными компонентами являются цветовая гамма, варьирование шрифтов, использование рифмы и игры слов. Вербальные компоненты представлены краткими фразами, лозунгами и прецедентными текстами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Николайшвили, Г.Г. Социальная реклама: Теория и практика: Учеб.пособие для студентов ВУЗов. / Г.Г. Николайшвили. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 191 с.

**СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ПОЗДРАВИТЕЛЬНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КНР СИ ЦЗИНЬПИНА:
ВЫНУЖДЕННЫЕ МЕРЫ ИЛИ ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ОШИБКИ?**

Поздравительное выступление главы государства на протяжении нескольких столетий является неотъемлемым атрибутом того или иного государственного торжества. Такое выступление, как и любое сообщение, прежде всего выполняет коммуникативную функцию, и традиционно его относят к эпидейктическим речам. Новогодние обращения к нации цикличны; сопровождаются ритуальной атрибутикой; имеют собственную историю; создаются с определенной коммуникативной целью по конкретному поводу; предъявляют четкие требования к адресату, адресанту и имеют обязательные структурные элементы [1, с.1]. Коммуникативная цель поздравления: усиление положительного эмоционального состояния, в котором находится адресат [2, с. 80].

Новогоднее поздравительное выступление главы государства –своего рода кульминация, связующее звено между уходящим и наступающим годом, без которого новогоднее торжество довольно трудно представить целостным. Несомненно, жанр новогодних выступлений берет свое начало из поздравления. Многие лингвисты, среди которых В.Ю. Варавкина, Н.В. Кондратенко, признают новогоднее обращение главы государства к народу ритуальным текстом, в связи с его событийностью, локализованностью, перформативным характером. Холли Вернер приводит следующую характеристику композиции новогодних обращений глав государств: а) короткое вступление; б) характеристика существующей ситуации; в) прогнозы с заявлениями о намерениях и призывами к действиям; г) пожелания; (возможны, но не обязательны, обращения к отдельным группам населения) [3, с.285-286]. Одной из наиболее явных особенностей новогодних выступлений является сочетаемая в них формальность стиля и в то же время экспрессивность; присутствие в равнозначных пропорциях профессиональной лексики, метафорических оборотов, лозунгов; наличие анализа проведенной деятельности и планов на будущее.

Актуальность данной статьи объясняется значимостью новогодних поздравительных выступлений главы государства, основными целями которого являются сплочение народа, выражение народу благодарности, уважения, а также информирование, наставление и стимулирование на дальнейшее развитие. В качестве материалов исследования для написания статьи послужило новогоднее выступление председателя КНР Си Цзиньпина, а также официальные переводы данного выступления на английский, немецкий и русский языки. В статье будут рассмотрены примеры лексического, грамматического и синтаксического характера, а также некоторые переводческие решения, которые кажутся нам спорными или ошибочными.

В первом примере обратимся к самому началу выступления – приветствию. В оригинальном варианте представлено емкое приветствие «大家好», однако во всех исследуемых языках перевода мы наблюдаем лексическое расширение:

Китайский	Русский	Английский	Немецкий
大家好!	Уважаемые	Comrades,	Liebe Genossen,
	товарищи, друзья,	friends, ladies and	liebe Freunde, meine
	дамы и господа!	gentlemen, greetings	Damen und Herren!
	Приветствую вас!	to you all!	Guten Tag.

Таблица 1 - Лексика (приветствие)

При этом в русском варианте происходит добавление прилагательного «уважаемые», а в немецком – прилагательного «liebe» («дорогой», «любимый», «любезный») и личного местоимения «meine», что указывает на близость политика и народа. В данном случае можно было бы также использовать более нейтральное и официальное обращение «sehr geehrte Damen und Herren». Стоит обратить внимание на то, что во всех переводах использованы слова «товарищи» и «друзья». Данные обращения абсолютно оправданы, потому как китайские обращения «朋友们», «同志们» широко используются в политических кругах китайского общества, среди членов коммунистической партии и т.д. В русском дискурсе такие обращения менее частотны, в то время как для западных стран это совершенно не свойственно. Таким образом, лексическое расширение использовано с целью показать, что включает в себя китайское обращение «大家好».

Следующие лексические примеры были выбраны нами, чтобы обратить внимание на перевод метафор с китайского языка.

Китайский	Русский	Английский	Немецкий
有英勇无畏的牺牲	возложили на алтарь победы героические жертвы	Get through ... sacrifices with bravery	dem Tod ins Auge geblickt haben
白衣天使	ангелов в белых халатах	den medizinischen Mitarbeitern, den Engeln in Weiß	medical workers
坚忍不拔书写了抗疫史诗	...наполнили борьбу с пандемией непоколебимой волей и стремлением к победе	Wir haben mit Einigkeit und Zusammenhalt sowie unserer Hartnäckigkeit ein Epos der Seuchenbekämpfung geschrieben.	With solidarity and resilience, we wrote the epic of our fight against the pandemic.

Таблица 2 – Лексика (перевод метафор)

Рассмотрим выражение «有英勇无畏的牺牲»: данное выражение можно дословно перевести как «отважно и с жертвой». Из этого следует, что наиболее точное значение передано на английский язык.

В немецком переводчик прибегнул к фразеологизму «dem Tod ins Auge blicken», которому в русском эквивалентен фразеологизм «смотреть смерти в глаза».

Несмотря на наличие такого выражения, переводчик на русский язык пошел по другому пути, выразив значение оригинала через метафору, а также через добавление «возложили на алтарь победы». Такое решение могло быть избрано с целью сохранения образности оригинального текста. В немецком же идиоматичность передает немного иной смысл: «dem Tod ins Auge blicken» передает опасность ситуации, осознание возможной гибели, однако информация о том, что многим пришлось пожертвовать жизнью, упущена. Следовательно, вариант перевода на немецком языке менее семантически полный и более нейтральный по своей окраске. Что касается перевода на английский язык, мы наблюдаем полное сохранение смысла, заложенного в оригинале.

Обратимся к следующему примеру «白衣天使»: в русском переводе подобран полный эквивалент. Так как для немецкого и английского языков определение врачей как «ангелов в белых халатах» несвойственно, в немецком сначала поясняется прямое значение выражения, а затем следует его дословный перевод, что является верным решением и не вызовет трудностей

в понимании среди немецких читателей. В английском переводе от передачи данного образа решили отказаться и прибегли к приему генерализации, использовав общеупотребимый термин «medicalworkers».

Последний из лексических примеров – «坚忍不拔书写了抗疫史诗». Первое, на что стоит обратить внимание в данном отрывке – наличие чэньюя «坚忍不拔». Его значение – «держаться стойко (непреклонно, непоколебимо)». Из переводов следует, что на всех языках выражение передано описательным способом: в русском это дополнения, в английском и немецком – предложные обороты. В английском языке он вынесен в начало предложения, что является одним из принципов английской письменной речи: более короткая часть предложения с добавочной информацией выносится в его начало, чтобы в дальнейшем все внимание было сосредоточено на основной части предложения. Кроме того, можно отметить, что в русском языке опущена часть предложения оригинала, где образно упоминается результат всеобщей борьбы – «написание эпопеи борьбы с пандемией». В немецком и английском вариантах мы наблюдаем дословный перевод, а также добавления «EinigkeitundZusammenhalt» и «solidarity» соответственно. Тем не менее, все переводы передают смысл, заложенный в оригинале.

Что касается специфики перевода в грамматическом аспекте, наблюдается довольно много различий во временных категориях, что объясняется особенностями рассматриваемых нами языков. В немецком языке более частотно употребление пассивного залога.

Китайский	Русский	Английский	Немецкий
2021 年的脚步越来越 越近	Вскоре наступит 2021 год.	The year 2021 is arriving.	Das Jahr 2021 rückt immer näher.
预计 2020 年国内生 产总值迈上百万亿 元新台阶	По предварительным оценкам, в 2020 году объем ВВП страны перешагнул отметку 100 триллионов юаней.	Das Bruttoinlandsprodukt 2020 wird voraussichtlich über die Schwelle von 100 Billionen Yuan RMB hinausklettern.	... its GDP in 2020 is expected to step up to a new level of 100 trillion yuan.

Таблица 3 – Грамматика

Обратимся к первому примеру. Можно заметить, что ни один из переводов не передает метафоричность оригинального текста «2021 年的脚步越来越越近» (дословно: «шаги 2021 года все ближе и ближе»). Смысл передан более привычными для иностранного читателя фразами, которые имеют различные грамматические особенности. В русском языке с целью подчеркивания наречием времени и глаголом («вскоре наступит») того, что 2021 год уже близко, использована инверсия. Различаются также и способы передачи будущего времени: в русском тексте использован глагол в форме будущего времени «наступит», в то время как в английском и немецком текстах глагол стоит в настоящем времени («isarriving», «rückt») (PresentContinuous, Präsens). Это фокусирует внимание читателя на том, что событие произойдет уже совсем скоро. Данное значение дополнительно выделяется в немецком адъективной конструкцией «immernäher» («все ближе»).

Во втором приведенном примере рассмотрим различные способы передачи будущего времени. В оригинальном тексте в качестве показателя того, что действие произойдет в будущем, употреблен глагол «预计» «предполагать, ожидать, по предварительным подсчетам». Можно заметить, что переводчик на русский язык перевел данный глагол вводной конструкцией, однако, в отличие от остальных изученных нами переводов, глагол, описывающий действие ВВП, в русском языке употреблен в прошедшем времени несмотря на

то, что предложение относится к будущему, т.е. вероятность того, что ВВП превысит отметку 100 триллионов юаней, в данном варианте перевода выше, чем, например, в английском, где использован пассивный залог и конструкция для передачи будущего времени «beexpectedto». Она указывает на вероятность того, что что-то случится в будущем. Менее нейтрально вероятность в будущем отражена и в немецком языке. В предложении использовано грамматическое время FuturI, используемое для передачи намерения или предложения, но не твердой уверенности. Однако, в предложении присутствует наречие «voraussichtlich» «ожидается», которое подчеркивает вероятность того, что действие произойдет.

Синтаксические трансформации – еще одна характерная особенность в письменном переводе. В ходе анализа мы выявили множество случаев изменения синтаксической структуры предложения на языке перевода. Рассмотрим некоторые из них на примерах. Тем не менее, встречаются также и предложения, полностью повторяющие структуру оригинального текста. При этом в обоих случаях смысл передан с точностью и полнотой.

Китайский	Русский	Английский	Немецкий
我在北京向大家致以... 2020 年, 全面建成 小康社会取得伟大 历史性成就, 决战 脱贫攻坚取得决定 性胜利。	Находясь в Пекине, направляю всем вам... В 2020 году мы добились исторических успехов во всестороннем формировании среднезажиточного общества, одержали окончательную победу над борьбой с бедностью.	From China's capital Beijing, I extend...to you all. In 2020, China made the historic achievement of establishing a moderately prosperous society in all respects and achieved decisive success in eradicating extreme poverty.	Ich wünsche Ihnen allen aus Beijing... Im Jahr 2020 hat die umfassende Vollendung des Aufbaus einer Gesellschaft mit bescheidenem Wohlstand große historische Errungenschaften erreicht.

Таблица 4 – Синтаксис

Обратимся к первому примеру из таблицы. В переводах на каждый из трех языков имеют место синтаксические трансформации: в русском языке вводится деепричастный оборот, а само предложение становится односоставным определительно-личным. Для облегчения восприятия предложения, обстоятельство места в английском тексте вынесено в начало предложения. Кроме того, в этом переводе использовано добавление «China's capital». В силу синтаксического строя немецкого языка, дополнение и обстоятельство места употреблены в порядке, отличном от оригинала.

Второй же пример, наоборот, показывает, что в некоторых случаях синтаксическая структура предложения не претерпевает изменений. Так, во всех переводах структура предложения с точностью повторяет оригинал. Термины общественно-политической тематики переведены эквивалентными на языках перевода. Разница присутствует только в немецком языке, где есть инверсия, но это обусловлено грамматикой немецкого языка (вынесение обстоятельства в начало предложения).

В ходе анализа поздравительного выступления председателя КНР Си Цзиньпина, а также официальных переводов данного выступления на английский, немецкий и русский языки мы выявили множество трансформаций, которые переводчики применяют для более точной передачи смысла оригинала, сохранения стиля и структуры исходного текста. Однако, мы обратили внимание и на то, что в некоторых случаях переводчики столкнулись с серьезными трудностями при переводе с китайского языка, а также переводили дословно, что не всегда являлось удачным решением.

Китайский	Русский	Английский	Немецкий
粮食生产喜 获“十七连 丰”	Производство продовольствия и урожайность Китая демонстрируют рост на протяжении 17 лет подряд.	China has seen a good harvest in grain production for 17 years in a row.	Die Getreideproduktion hat mit Freude 17 Jahre in Folge eine reiche Ernte eingebracht.
。。。今后 还要以更大 气魄深化改 革、扩大开 放，续写更 多“春天的 故事”。	... в будущем мы должны проявлять больше смелости в углублении реформ и расширении открытости, чтобы написать еще больше "историй весеннего цветения и развития".	In Zukunft müssen wir uns noch stärker dafür einsetzen, die Reform zu vertiefen und die Öffnung zu erweitern, um immer mehr „Frühlings- Geschichten“ weiterzuschreiben.	In the future, we should further deepen reform and expand opening-up with greater courage, and create more "Stories of Spring."

Таблица 5 – Трудности перевода

Проанализируем приведенные нами примеры. В первом случае перевод на английский язык является наиболее точным и близким к оригиналу, смысл оригинала не искажен, чего нельзя сказать о переводе на немецкий язык. Китайский глагол «喜获» означает «радостно получить», однако, переводя с немецкого языка, предложение будет звучать как: «Производство зерна с радостью на протяжении 17 лет получает богатые урожаи». Поэтому, можно говорить о смысловой ошибке. Нам кажется, что исправить данную ошибку возможно опустив обстоятельство «mitFreude». В переводе этого же предложения некоторые трудности возникли и у переводчиков на русский язык, а именно при переводе словосочетания «粮食生产». В отличие от переводов на английский и немецкий языки в русском «粮食» переведен более общим широким понятием «продовольствие», а не более конкретным «зерновые культуры». «Производство продовольствия» может охватывать не только зерновые культуры, поэтому следующее за этим словосочетанием понятие «урожайность», не имеющее пояснения, создает несколько неполную картину. На наш взгляд, одной из уместных интерпретаций данного предложения может быть следующая: «Урожайность зерновых культур в Китае растёт 17 лет подряд».

В последнем примере мы хотели бы обратить внимание на словосочетание «春天的故事», дословный перевод которого затрудняет понимание на языках перевода. С нашей точки зрения, более рациональным решением было бы раскрытие смысла данной метафоры, т.е. расцвет, дальнейшее развитие. Мы предлагаем следующие альтернативные варианты переводов на рассматриваемые нами языки: «... чтобы дальше развиваться и процветать»; «*umimmermehrzuwachsenundgedeihen*»; «*toensurelong-termprosperity*».

Проанализировав содержание и структуру поздравительного выступления председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина можно сделать вывод о том, что его речь четко структурирована и полностью реализует цель высказывания – подведение итогов, построение планов, поздравление, призыв к совершенствованию. Сочетая в выступлении существенное количество различных по сложности и частотности употребления лексических и

синтаксических структур, политик точно выражает свои мысли. Однако, такое богатство языковых средств создает немало трудностей при переводе, поэтому для выполнения качественного перевода переводчику необходимо обладать не только безупречным знанием языков оригинала и перевода, но и обширными знаниями китайских культурных, экономических и политических реалий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Анисимова, Т.В. Современная деловая риторика / Т.В. Анисимова, Е.Г. Гимпельсон. – Москва: МПСИ, 2002. – 432 с.
2. Ласица, Л. А. Новогоднее обращение главы государства: семантические особенности ритуального жанра политического дискурса/ Л. А. Ласица// Вестн. Оренб. гос. ун-та. – 2017. – №1(201). – С. 19-24.
3. Федосюк, М. Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи/ М.Ю. Федосюк// Жанры речи: сб.ст. / изд-во уч.-науч. центра «Колледж». – Саратов, 1997. – С. 66-88.
4. Новогоднее обращение председателя КНР Си Цзиньпина 2021 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://russian.cgtn.com/n/BfJAA-DAA-HcA/DHGJIA/index.html>. – Дата доступа: 14.11.2021.
5. Full text of President Xi's 2021 New Year address [Electronic resource] – Mode of access: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202012/31/WS5fedbdc2a31024ad0ba9fe76.html>. – Date of access: 18.11.2021.
6. Neujahrsansprache von Staatspräsident Xi Jinping 2021 [Elektronische Quelle] – Mode of access: <https://www.mfa.gov.cn/ce/cede//det/zgyw/t1843917.htm>. – Zugriffsdatum: 18.11.2021. 国家主席习近平发表二〇二一年新年贺词 – Mode of access: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2020-12/31/c_1126934359.htm. – Date of access: 20.11.2021.

СЕКЦИЯ 2. КИТАЙСКАЯ КУЛЬТУРА: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ПОДСЕКЦИЯ 1

Аксёничков-Бирюков Святослав Юрьевич
старший преподаватель Гомельского филиала
УО ФПБ «Международный университет «МИТСО»
(г. Гомель, Республика Беларусь)

О ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ ЧЭНЬЮЙ С КОМПОНЕНТОМ ТИГР

В китайском языке имеется множество фразеологических оборотов, имеющих скрытую, или затемненную, внутреннюю форму – исходный образ, являющийся основой семантики устойчивого выражения и его мотивированности. Многие фразеологизмы китайского языка со скрытой внутренней формой встречаются среди *чэньюй* – устойчивых выражений, которые, как правило, состоят из четырех, а реже – из трех иероглифов. *Чэньюй* являются значимыми элементами национальной языковой картины мира, поскольку тесно связаны с культурой китайского народа. Большинство из них имеют отсылку к классическим китайским произведениям, написанным на языке *вэньянь*. Без погружения в китайскую культуру, знакомства с китайской символикой, а также тщательного изучения мифологических и литературных источников понять значение таких фразеологических единиц представляет трудности, что и определяет актуальность данного исследования.

Целью данной работы является не только выявление внутренней формы фразеологических единиц путем обращения к различным письменным источникам, но также разграничение фразеологизмов по степени затемненности их внутренней формы.

О вероятном обитании тигров на территории Китая свидетельствует ряд исторических документов. Самым ярким примером тому служат упоминания их распространенности на территории материкового Китая в «Шань Хай Цзин» (山海经) – «Каталоге гор и морей», важнейшем источнике естественнонаучных знаний, этнографии и религии и Китая IV – I вв. до н. э.: «В трехстах ли к юго-западу [находится] гора под названием гора Женского ложа... среди ее зверей много тигров, барсов и носорогов», «Еще в ста ли к северо-востоку находится гора Терновника... там много черных быков, барсов и тигров» [1, с. 39].

Китайцы были очень хорошо знакомы с тигром. При описании различных фантастических существ в китайской мифологии используются различные части тела тигра – голова, когти, хвост и т. д. Так, в «Каталоге гор и морей» (山海经) упоминаются существа, имеющие черты тигра: «Еще в тридцати ли к юго-востоку [расположена] гора под названием Игу. ... Там есть животные, похожие на собак, но у них тигриные когти и панцирь. Они называются *линь*. Любят прыгать. Кто съест их, уберется от простуды» [1, с. 88].

Образ тигра, как и зооморфные образы дракона и феникса, является одним из древнейших образов в китайской культуре, мифологии и фольклоре. Для выявления внутренней формы фразеологизмов, имеющих в своем составе компонент *тигр*, необходимо обратиться к символике образа тигра в китайской культуре. В словаре «Шовэнь Цзецзы» содержится следующая информация: «Тигр – это господин над лесными зверями» (“虎，山兽之君”). В свою очередь, в словаре «Юйпьянь» тигр определяется, как свирепый зверь (恶兽也) [2, с.209]. Тигр в Китае ассоциируется с мощью, свидетельством чего является традиция времен династии Цинь называть храбрецов *Ху Бэн* (虎贲)(досл. ‘отважно бросающийся вперед тигр’). Иероглиф *Бэн* (贲) обладает значением ‘отважно бросаться вперед’ по аналогии с тем, как тигр бросается на свою добычу [2, с. 210].

Тигр как символ национальной культуры широко представлен в китайской поэзии. Яркой иллюстрацией различных черт тигра служит произведение поэта Го Можо «Свирепый тигр». В начале поэмы рассказывается о жестоком правителе У-ди. Чтобы раззадорить толпу, он срабатывает в вольере тигров и подбрасывает к ним менее крупных животных на съедение. Он имеет огромную власть, как над простыми людьми, так и над свитой и сонмом наложниц и взмахом руки несет смерть. Таким образом реализуется значение образа тигра как символа властолюбия, жестокости, кровожадности, алчности и свирепости [3, с. 108]. В то же время в третьей части поэмы внук генерала Ли Юй смело бросается в бой с тиграми правителя и соотносится со «светлой» стороной тигра, то есть с такими качествами, как отвага, честь и благородство [3, с. 109].

Чэньюй 如虎添翼 (букв. «тигру еще и крылья придают») означает ‘с удвоенной силой, усилиться, окрепнуть’, однако также имеет значение ‘преисполниться новых сил’ [4]. Впервые такое сравнение упоминается в книге китайского полководца периода Троецарствия Чжугэ Ляна «Книга сердца»: “将能执兵之权，操兵之势，而临群下，譬如猛虎加之羽翼，而翱翔四海” («Тот, кто имеет власть над воинами и умеет повелевать ими, предстает перед ними, как свирепый тигр, наделенный к тому же крыльями. Он витает над целым миром и вступает в битву там, где необходимо») [5, с. 10].

В современных публицистических текстах данная фразеологическая единица используется для того, чтобы подчеркнуть значимость какого-либо явления. Например, в гонконгской газете «Вэн Вэй По» в статье, где описываются современные научные открытия в области альпинизма, говорится следующее: “这次测量的另一个值得期待的亮点就是登顶测量人员将携带冰雪深雷达探测仪在峰顶进行测量，这将让测量活动“如虎添翼” («Еще одним важным моментом этого измерения, которого стоит ожидать, является то, что альпинисты будут носить с собой радар-детекторы для измерения глубины льда и снега на вершине пика,

что *сделает* мероприятия по измерению глубине *еще более эффективными*) [6]. Использование фразеологической единицы 如虎添翼 как эквивалента к словосочетанию *более эффективный* подчеркивает, что ее внутренняя форма неотделима от письменной культуры Китая. Именно это и объясняет, почему автор использовал указанный фразеологизм в своей статье. Внутренняя форма фразеологической единицы раскрывается в результате обращения к характеристике образа тигра в культуре Китая, где он символизирует мощь, свирепость, жестокость и отвагу. Так как тигр символизирует мощь, словосочетание *придать крылья* указывает на то, что первая характеристика тигра (мощь) усиливается. Отсюда значение фразеологизма *усиливаться*.

Следующий фразеологизм, включающий в свой состав компонент *тигр* 笑面虎 (досл. «улыбающийся тигр»), в китайском языке используют для указания на двуличного человека [4]. Данный *чэньюй* берет начало в книге «Интересные беседы» (“谈薈”), автором которой является Пань Юаньинь (XI в. н. э.): “公衮性甚和平，居常若嬉笑，人谓之笑面虎。” («Гонгонг очень добродушный по натуре. Обычно, когда он улыбается и шутит, люди называют его улыбающимся тигром») [4]. В этом произведении автор описывает Гонгонга как человека с добродушной улыбкой, а также жестоким сердцем, что соответствует жестокости тигра.

«Улыбающимся тигром» также называют человека скромного внешне, но амбициозного внутри. В качестве примера приводится отрывок из произведения “古城的忧郁·灾祸” («Печаль и бедствия старинных городов»), автором которого является писатель и профессор литературы Ван Си Ен: “这位黎总编辑是一个出名的笑面虎，无论对人对事，表面的谦和，往往正表示他内心的不满。” («Этот главный редактор, Ли – очень коварный тип. Вне зависимости от того, чем он занят, его внешнее спокойствие часто говорит о внутренней неудовлетворенности»). На основании примеров из литературных произведений прослеживается, что тигр приобретает новое значение и символизирует коварство и/или двуличность. Следовательно, наиболее отчетливо внутренняя форма фразеологизма раскрывается с учетом таких тигриных черт в китайской символике, как алчность и властолюбие, а также путем обращения к литературным произведениям, где данный фразеологизм представляет новую характеристику человека.

Рассмотрим фразеологизм с компонентом *тигр* – 为虎作伥 (букв. ‘помогать тигру в делах’) в значении ‘выполнять работу за плохого человека’. Внутренняя форма данного фразеологизма частично раскрывается через обращение к внеязыковой информации. В книге «Открытое чтение: истории китайских идиом, которые сделают ребенка умнее. Китайские идиомы в рассказах» (“开阔阅读让孩子更聪明的成语故事中华成语故事”) [7, с. 34], представлена история об ученом Ма Чжэне, который очень любил путешествовать среди гор и рек. Однажды он заблудился в сосновом лесу и поспешил найти место для ночлега. Тут же он увидел дом охотника. Охотник предложил Ма Чжэну переночевать, так как в лесу водятся много тигров и опасно ночью бродить по лесу. Ма Чжэн проснулся ночью оттого, что услышал голоса мужчин и женщин, старых и молодых. Охотник объяснил Ма Чжэну, что это не живые люди, а призраки людей, убитых тигром. После своей смерти эти люди помогают тигру найти новую добычу. Следовательно, в китайской культуре тигр также воспринимается, как пособник злых духов, которые после смерти помогают ему найти добычу.

Согласно китайской мифологии, духи убитых тигром людей становятся призраками, или *гуй* (鬼), которые сопровождают тигра, пока тот не найдет другую жертву [8, с. 424]. В пределах материкового Китая известно использование данного фразеологизма в трилогии «Четыре поколения под одной крышей», автором которой является Лао Шэ: “这种欺软怕硬，为虎作伥的作风，居然在汉奸中自成一家。” («Эта манера обижать слабых и бояться сильных, а также помощь другим в грязных делах, неожиданно позволили предателям основать собственную школу») [9, с. 1]. В своей книге «Прекрасный Китай» Фанг Чжиминь приводит следующее описание преступников: “朋友，虽然在我们之中，有汉奸，有傀儡，有卖国贼，他们认贼作父，为虎作伥；但他们那班可耻的人，终究少数。” («Мой друг, хотя среди нас есть

предатели, марионетки и изменники родины, которые считают злодеями своих отцов и помогают плохим людям, но в их ряду мало позорных людей») [10, с. 2]. В указанных произведениях тигр как воплощение алчности и жестокости ассоциируется с преступником. В то же время помогать «тигру», то есть плохому человеку, – это ничуть не лучше, чем самому быть преступником. Поэтому внутренняя форма фразеологизма наиболее полно раскрывается, помимо ознакомления с символикой тигра как воплощения ряда негативных характеристик, путем обращения к художественным текстам и мифологии Древнего Китая.

Таким образом, внутренняя форма немотивированных китайских фразеологизмов выявляется наиболее отчетливо в результате обнаружения их связи с культурой, мифологией и историей, а также древними и современными письменными документами Поднебесной, что подтверждает связь немотивированных языковых единиц с внеязыковой действительностью. В результате рассмотренные китайские идиомы-чэньюй, содержащие компонент *тигр*, могут быть разделены на несколько разновидностей с точки зрения затемненности их внутренней формы: она может быть достаточно «открытой», обладать средней степенью затемненности и выявлять высокую степень «закрытости».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Каталог гор и морей (Шань Хай Цзин). / Предисловие, перевод и комментарий Э.М. Яншиной. – М. : Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1977. – 235 с.
2. Сюй Хуэй. Этимология китайских иероглифов. Сто самых красивых китайских иероглифов, которые должен знать каждый / Пер. с кит. Куликова Д.Е, Никитиной А.А., Фиалковской А.О. / Сюй Хуэй. – М. : ООО Международная издательская компания «Шанс», 2020. – 407 с.
3. Болдырева, Е.М. «О лютый тигр, о тигр великолепный!»: образ тигра как символ национальной культуры в китайской и русской поэзии / Е.М. Болдырева, Е.В. Асафьева // Мир русскоговорящих стран. – 2020. – №3 – С. 105–121.
4. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkrs.info>. – Дата доступа: 18.01.2022.
5. Чжугэ Лян Книга сердца, или искусство полководца / Пер. В.В. Малявина / Чжугэ Лян. – М. : АСТ, 2003. – 20 с.
6. BCC 语料库= Лингвистический корпус Института больших данных и языкового образования при Пекинском университете языка и культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://http://bcc.blcu.edu.cn>. – Дата доступа: 18.01.2022.
7. 陈营. 开阔阅读让孩子更聪明的成语故事中华成语故事 / 陈营. – 长春 : 北方妇女儿童出版社, 2014. – 582 页. = Чэнь Инь. Открытое чтение: истории китайских идиом, которые сделают ребенка умнее. Китайские идиомы в рассказах / Чэнь Инь. – Чанчунь : Издательство «Северные женщины и дети», 2014. – 582 с.
8. Рифтин, Б.Л. И-инь. Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко ; Ин-т Дальнего Востока [Т. 2 :] Мифология. Религия / ред. М.Л. Титаренко и др. – М. : Вост. лит. , 2007. – 467 с.
9. 邓惠兰. 成语故事辞典上珍藏版 / 邓惠兰. –合肥:安徽美术出版社, 2003. – 229 页. = Дэн Хуэйлань. Словарь историй идиом. Часть 1. Ограниченная серия / Дэн Хуэйлань. – Хэфэй : Издательство изящных искусств Аньхоя, 2003. – 229 с.
10. 王淑英. 小学语文成语析释 / 鲁月主编 / 王淑英. – 北京:西苑出版社, 1999. – 227 页. = Ван Шуин. Анализ и интерпретация идиом в китайском языке начальной школы / главный редактор Лу Юэ / Ван Шуин. – Пекин : Издательство Сиюань, 1999. – 227 с.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖАНРОВОЙ МАНЕРЫ И СИМВОЛИКИ СТИХОТВОРЕНИЙ ЛИ ЦИНЧЖАО

Эпоха Сун считается «серебряным веком» китайской поэзии. Для этого периода характерно развитие стихотворений формы *цы*. Особенность жанра *цы* состоит в том, что стихотворения в них создавались на мелодии известных песен и исполнялись с музыкальным сопровождением. Мелодии при этом определяли поэтический размер произведения, количество строк в строфах и число иероглифов в каждой строке. Таких мелодий насчитывалось около 600, но, к сожалению, со временем большинство из них было утеряно. *Цы*, как правило, рифмовались, что придавало им особую выразительность и музыкальность. В некоторых случаях стихи *цы* могли иметь заглавие, выражающее идею произведения. Заглавия давались самими авторами или же комментаторами стихотворений.

Данный жанр возник в результате возросшего интереса к человеческой личности, ее интимным переживаниям, эмоциональным порывам. Отличительной чертой жанра *цы* являлось то, что в каждом стихотворении присутствовал его автор, причем рассказ в большинстве своем велся от первого лица. Однако в стихотворениях помимо личных чувств высказывались и глубокие философские идеи. По словам современного китайского исследователя Мяо Юэ, «красота сунских стихов в духовном начале и прочном остове, в упорядоченном содержании, поэтому они суховаты и преисполнены силы» [1, с. 9].

Древняя поэтесса Ли Цинчжао (1084 – ок. 1155), известная еще под псевдонимом И Ань, была и остается самой почитаемой и любимой в Китае на протяжении почти девяти веков. Ее лирические стихи, которые высоко ценились при жизни поэтессы, цитируются до сих пор. Ли Цинчжао считается одним из самых великих поэтов жанра *цы*, свидетельством тому является ее творческое наследие, включающее около 50 стихотворений, а также тот факт, что творческая манера поэтессы выделена в качестве самостоятельного направления И-ань *цы*. Необходимо отметить, что поэзию Ли Цинчжао отличает искренность и автобиографичность. Все, о чем написано в ее стихах, основано на действительно пережитом, будь то радость или печаль, любовь или разлука.

Материалом исследования послужили произведения Ли Цинчжао [2], переводы ее стихов, выполненные М. И. Басмановым [2].

Поэзия Ли Цинчжао глубоко символична. Стихотворения поэтессы содержат большое количество образов, символизирующих определенные понятия. Для ее творчества характерно описание разлуки на фоне осенних опадающих цветов, олицетворяющих скоротечность времени; и текущей воды, представляющей собой бурный поток бытия. В свою очередь западная башня – образ, ассоциируемый с печалью и тоской. В учении о пяти стихиях – 木 (mù) – Дерево, 火 (huǒ) – Огонь, 土 (tǔ) – Земля, 金 (jīn) – Металл, 水 (shuǐ) – Вода. Стихии Металл соответствуют Западу и Осень. На Западе наступала темнота, царил хаос, и происходила гибель всего живого, что вызывало у людей страх, в связи с этим Запад ассоциировался в Китае с таинственностью и смертью. Осень – это время холода и увядания, поэтому несостоявшихся ученых в древности называли 秋士 qiū shì – *осенний ши* [3, с. 216], а увядших женщин 秋娘 qiū niáng – *осенняя девушка* [3, с. 216]. В связи с тем, что осень, согласно учению о пяти элементах, соответствует металлу, она подходит для наказания человека умерщвлением. Поэтому в древнем Китае, когда приходили осенние холода, массово приводились в исполнение смертные приговоры, чтобы холод еще больше усугублял гнетущую атмосферу.

Согласно древней китайской легенде, тоскующая в разлуке жена, вплетала письма в орнамент, чтобы поведать мужу о себе. Уехавшим возлюбленным женщины посылали письма,

вытканые на шелке парчой. Грамотой на шелку в парчовом футляре вежливо именовали письмо уважаемого лица. Гусь белолобый с древних времен в Китае символизирует известие и является метонимом письма. В древности на печати почты Китая была изображена фигура дикого гуся.

Лотос символизирует чистоту и совершенство. В то же время встречается и эротическая трактовка: «рвать лотосы» обозначает расставание и мечты о встрече с любимым человеком:

红藕香残玉簟秋, 轻解罗裳, 独上兰舟. 云中谁寄锦书来? 雁字回时, 月满西楼. / 自飘零水自流, 一种相思, 两处闲愁. Hóng ǒu xiāng cán yù diàn qiū, qīng jiě luō shang, dú shàng lán zhōu. Yún zhōng shéi jì jīn shū lái? Yàn zì huí shí, yuè mǎn xī lóu / Huā zì piāolíng shuǐ zīliú, yī zhǒng xiāngsī, liǎng chù xián chóu.

*Не радует лотос увядший –
В нем осени знак примечаю.
Помедлив,
Одежды снимаю,
Ночь в лодке
Одна я встречаю.
Свет лунный над западной башней
И туч поредевшая стая.
Не гусь ли доставит
Письмо мне?
Кричит он,
В ночи пролетая...
Цветы, облетевшие с веток,
Уносит куда-то волною.
И пусть развело нас
Судьбою,
Но в мыслях –
Мы вместе с тобою (М. И. Басманов. «Не радует лотос увядший...»).*

Таким образом, в данном стихотворении изображена глубокая печаль лирической героини, причиной которой является одиночество, ожидание ею послания от любимого.

Осень – это время, когда люди, готовясь к зиме, шили теплую одежду и стирали летние платья. В китайской классической поэзии стук валька о плиты – одна из примет осени. Капли воды, отмеряющие время, определяют бренность бытия и постоянное движение.

Луна в китайской культуре – это символ одиночества, что связано с мифом о Чанъэ, которая выпивает эликсир бессмертия, предназначавшийся для ее мужа, и уносится на Луну. С того времени она обречена жить там практически в полном одиночестве.

В данных строках, таким образом, звучит печаль лирической героини о прошедших счастливых днях:

黄昏院落, 凄凄惶惶, 酒醒时往事愁肠, 那堪永夜, / 明月空床. 闻砧声捣, 蛩声细, 漏声长. Huánghūn yuànluò, qī qī huánghuáng, jiǔ xǐng shí wǎngshì chóucháng, nà kān yǒng yè, / Míngyuè kōngchuáng. Wénzhēnshēngdǎo, qióngshēngxì, lòushēngzhǎng.

*А на притихшем дворе
Сумерек серая мгла,
И опьяненье прошло,
Только тоска не прошла.
Все пережитое мной
Мечено скорбью одной.
Долгая ночь впереди –
Как мне ее скоротать!
Месяц свой призрачный свет*

*Льет на пустую кровать.
Стрекот сверчков,
Постук вальков,
Капель*

Водяных часов (М. И. Басманов. «Осени краски легли на небо и облака...»).

Наступление весны связано с расцветанием ивы и дикой сливы мэй. Слива мэй – 梅 méi – ассоциируется с пробуждением природы и вечным обновлением жизни. «Это – календарное дерево, символ и эмблема китайского Нового года, весны и рождения всего живого» [4, с. 169]. В то же время ее название омонимично словам *красота* 美 (měi) и *брови* 眉 (méi), которым придавалось огромное значение в облике красавицы, что усиливает корреляцию цветов этого дерева с женской красотой, юностью и чувством любви. Выражение 驿寄梅花 yì jì méi huā – *Отослать цветы сливы* имеет значение ‘передать чувства тоски далекому другу’ [5, с. 523].

Ива является символом весны. Это одно из первых деревьев, распускающих свои нежные листья под лучами весеннего солнца. Изображение двух переплетенных ветвей ивы является символом вечной любви. В буддизме ива олицетворяет кротость и сострадание и связана с бодхисатвой Гуань-инь, которая кропит живой водой, используя ивовую ветку:

暖雨晴风初破冻, 柳眼梅腮, 已觉春心动. 酒意诗情谁与共? 泪融残粉花钿重 Nuǎn yǔqíng fēng chū pò dòng, liǔ yǎn méi sāi, yǐ jué chūn xīndòng. Jiǔyì shī qíng shéi yǔgòng? Lèi róng cán fěn huā diàn zhòng.

*Ветер ласковый, теплый дождь
Растопили последний лед.
Только взглянешь на иву и мэй,
Как весны ощутишь приход.
Страсть к поэзии с кем разделяю,*

С кем утеху найду в вине? (М. И. Басманов «Ветер ласковый, теплый дождь растопили последний лед...»).

Печаль, возникшая при возрождении природы, связана с ожиданием лирической героиней мужа, с которым она могла бы разделить состояние опьянения и поэтического вдохновения. В древнем Китае вино и поэзия объединились в своеобразный творческо-эмоциональный комплекс. Для обретения вдохновения большинство китайских поэтов употребляли вино в небольших дозах, что давало им возможность выйти на новый уровень познания мира и сохранить при этом ясность ума. Образованные китайские люди непременно использовали вино во время долгих поэтических бесед [6, с. 47].

В Китае о бегонии существует легенда, повествующая о том, что впервые этот цветок вырос в земле, на которую пролила свои слезы влюбленная женщина. Огонь является образным обозначением мужского начала. Его мерцание – слабое свечение – указывает на призрачную надежду лирической героини на возвращение любимого. Ее душа предается несбыточным мечтаниям о встрече с ним:

长记海棠开后, / 正是伤春时节. / 酒阑歌罢玉尊空, / 青缸暗明灭. / 魂梦不堪幽怨, / 更一声啼鴂 Zhǎng jì hǎitáng kāi hòu / Zhèng shì shāng chūn shíjié / Jiǔ lán gē bà yù zūn kōng / Qīng gāng àn míngmiè / Hún mèng bùkān yōuyuàn / Gèng yīshēng tí jué.

*Знаю, как только начнут
Бегонии дружно цвести,
Значит, расстаться с весной
Грустное время пришло.
Чаши из яшмы пусты,
Песни умолкли давно.
Свет фонаря то горит,
То исчезает на миг.*

*Даже во сне совладать
С грустью не суждено!..
Где-то далеко в ночи*

Птицы пронзительный крик (М. И. Басманов «С веток осыпав цветы, ветер пронесся и стих...»).

Утун, согласно представлениям древних китайцев, обладает небесным животворным началом, связывая, таким образом, небо и землю. Именно на утуне предпочитает жить бессмертная птица Фэн-хуан 鳳凰 fènghuáng (феникс), предвещающая своим появлением значительные события [7, с. 667]. Падающий лепесток символизирует быстротекущее и вечно повторяющееся время. Во власти времени находится не только природа, но и сам человек. Это явление рождает печаль в душе:

草际鸣蛩. / 惊落梧桐. / 正人间, / 天上愁浓 Cǎo jì míng qióng. / Jīng luò wútóng. / Zhèng rénjiān, / tiānshàng chóu nóng.

*Где-то в траве, на меже
Громко сверчки залились.
Вздрыгнув, утун обронил
С ветки желтеющий лист...*

*Миры – неземной и земной –
Подвластны печали одной* (М. И. Басманов «Где-то в траве, на меже громко сверчки залились...»).

В ходе исследования выявлено, что стихотворения Ли Цинчжао содержат большое количество образов, символизирующих определенные понятия. В большинстве своем поэтесса использовала образы, ассоциируемые со скоротечностью времени, одиночеством, разлукой, печалью, что связано с фактами ее биографии и происходящими историческими событиями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Серебряков, Е. А. Восхождение к духовности и красоте / А. А. Серебряков // Облачная обитель. Поэзия эпохи Сун. – СПб., 2000. – С. 9.
2. Китайская поэзия Ли Цинчжао(1084-1151?)李清照 Династия Сун [Электронный ресурс].Режимдоступа: https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&author_id=113. (дата обращения: 15.02.2021).
3. Сюй, Хуэй Этимология китайских иероглифов. Сто самых красивых китайских иероглифов, которые должен знать каждый / Пер. с кит. Куликова Д. Е., Никитиной А. А., Фиалковской А. О. – М. : ООО Международная издательская компания «Шанс», 2020. – 407 с.
4. Кравцова, М. Е. История культуры Китая / М. Е. Кравцова. – СПб. : Лань. 1999. – 416 с.
5. Готлиб, О. М., Му Хуаин Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений / О. М. Готлиб, Му Хуаин. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2019. – 596 с.
6. Смертин, Ю. Г. Поэзия и вино в средневековом Китае / Ю. Г. Смертин // Манускрипт. – 2020. – Т. 13. – Вып. 4. – С. 45–50.
7. Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко ; Ин-т Дальнего Востока. – М. : Вост. лит., 2006. – Т. 2 : Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко и др. – 2007. – 869 с.

中国牡丹的起源及其绘画艺术的发展

牡丹花艳丽而不庸俗,处处典雅华贵,是人们最喜欢的绘画题材之一。牡丹文化发展的起源,若自牡丹进入《诗经》起,距今有 3000 多年的历史。牡丹的种植始于隋代,盛行于唐代,并于宋代达到最高峰。自古以来,它被誉为“花中之王”和“国色天香”。历代中国文人都毫不吝啬地用大量笔墨来描绘出了牡丹。李正封的“国色朝酣酒,天香夜染衣”。牡丹首先被夸赞为“国色天香”。接着刘禹锡又写出了“唯有牡丹真国色,花开时节动京城。”的诗句。而皮日休直接的将牡丹誉为百花之王,“落尽残红始吐芳,佳名唤作百花王。竞夸天下无双艳,独立人间第一香。”

牡丹,寓意富贵吉祥,其雍容华贵、端庄典雅的气质极度符合中国人对富贵平安的美好生活期盼。牡丹花也被誉为中国的“国花”。牡丹题材作为国画中的“百搭”意象,被历代画家所青睐,画家们还根据自身的绘画特点创制了多种牡丹画法。牡丹绘画艺术已经发展了超过 1500 年,一代又一代的画家在牡丹的每个时期都有自己的风格,不同的文化内涵,在众多牡丹艺术的代表作,既有奢侈豪华,也有清淡人生。

牡丹画可以追溯到北齐。南北朝时杨子华画牡丹被认为是牡丹圣手,诗人苏轼面对牡丹感叹:“丹青欲写倾城色,世上今无杨子华。”杨子华在长安等地画了中国很多的壁画,但到今天都已经成为了无踪迹。只有一卷《北齐校书图》留存了下来(现藏于美国波士顿博物馆)。

牡丹作为一种观赏花卉,在汉、晋以前尚未得到证实。北宋时期欧阳修的《洛阳牡丹记》说:“牡丹初不载文字,唯以药载《本草》。自唐则天以后,洛阳牡丹始盛。”牡丹作为洛阳的一种观赏花,应始于隋、盛于唐,不可能始于晋。可以进行肯定,是杨子华发现并喜爱中国牡丹,并将其染墨赋彩,以独立形象入画。从此揭开了 1500 年牡丹绘画史的序幕。

牡丹在唐代盛于长安,宋代的周敦颐虽更喜欢莲花,但是也承认“自李唐来,世人甚爱牡丹”。唐代还出现了“双头牡丹”、“重台牡丹”和“千叶牡丹”的罕见现象。牡丹被视为一个富贵的象征,受到社会各阶层分析人士所喜爱,是在唐代时期开元年间。《广群芳谱》卷三十二云:“唐开元中,天下太平,牡丹始盛于长安。”唐朝周昉画的《簪花仕女图》里面,有五个体态丰满的贵族妇女,她们的髻发顶上,各插了一朵牡丹花;旁边的宫女拿的扇子上也画的是牡丹,十分的精彩。这是中国牡丹画流传下来的最早的作品。唐代中期有了很多专攻牡丹的画家,如边鸾、冯绍正、于锡等。边鸾是唐代以来最杰出的花鸟画家,画牡丹在当时颇有名望,并首创了牡丹折枝画。在《宣和画谱》所记载的边鸾作品中,《牡丹图》、《牡丹白鹇图》与《牡丹孔雀图》3 幅是画的牡丹。正是因为他们牡丹对牡丹绘画的偏爱,进而引领了唐代社会中后期画牡丹的热潮。

唐代牡丹的兴盛是有特别的原因的。首先,观赏牡丹的培育从隋朝开始,经历了朝代更替,唐代又是中国历史上相对稳定繁荣的时代,从“贞观”到“开元盛世”,达到了唐朝的强盛期。花卉欣赏需要在社会安全稳定、有空闲时间进行,唐代政治比较的开明、社会繁荣、国家统一,所以牡丹文化有很好的发展条件。其次,牡丹的栽培始于隋代的短暂时期,牡丹的生物美赋予牡丹独特的魅力,西安、洛阳的地理环境也十分适合牡丹的生长。第三,当时的社会风气比较崇尚富贵,而牡丹正是富贵的象征。再加上文人对牡丹的歌颂等等,共同促成了唐朝对于牡丹近乎疯狂的热爱。

五代时期,牡丹在著名花鸟画家手中有了更多的发展。画家滕昌佑,在他的住宅旁边栽植了牡丹等各种花草,专门用来写生,画作十分具有特点。所绘的今存故宫博物院的《牡丹图》是传世最早的专写牡丹的画,雍荣华贵之极。同时期善画牡丹的还有南唐的徐

熙、后蜀的黄筌等。徐熙画法洒脱，多粗笔浓墨，略施杂彩，笔迹不隐，风格“野逸”。他画牡丹图最多，《宣和画谱》著录有 41 件，现有《玉堂富贵图》传世。黄筌，《宣和画谱》收录其牡丹画作 16 件。他一生在皇家画院服务，为适合宫廷口味，其画法细腻逼真，设色浓艳，富丽堂皇。

宋代，栽培技术更加的先进，全国很多地方都大规模的栽培了牡丹。尤其是洛阳，成为了牡丹的栽培中心，欧阳修的《洛阳牡丹记》中记载“洛阳之俗，大抵好花。春时，城中无贵贱皆插花，虽负担者亦然；花开时，士庶竞为遨游。”展现了当时洛阳牡丹观赏景象，中国人如此大规模的喜爱一种花，在中国历史上是第一次。画牡丹也开始流行起来，并成为了独立的一门画科。黄筌的儿子黄居宝、黄居寀也都善长画牡丹。尤为突出的是黄居寀，他维持了黄家画法在皇家画院接近百年的统治，并且画了很多的牡丹，《宣和画谱》中收录他的牡丹画 40 件。徐崇嗣，徐熙的孙子，他画牡丹，不用勾勒外形，只用丹粉点染，号称之为“没骨牡丹”，是牡丹的代表画家之一。《宣和画谱》中收录他的 10 件牡丹作品。赵佶是一个多才多艺的皇帝，他的作品《彩禽啄虫图》，牡丹花刻画的十分细腻，鸟儿极其逼真，形神俱佳，再加上他的瘦金书法，如虎添翼。他的画作既有传统又有创新。他用没骨法画的《牡丹图》，清新脱俗，别具一格，他的作品画风对日本影响很大。

元代由于是少数民族政权，采取了高压的政策，民族矛盾很严重，牡丹种植几近凋零，同时牡丹画作也数量锐减。不过仍有少数画家画牡丹比较出色，钱选就是其中之一。他的牡丹作品十分的精细，既有传承又有创新，从流传下来的《牡丹图》可以看出。王渊的牡丹画也很出色，特别是水墨花鸟画。他的作品水墨《牡丹图》，图中有牡丹花两枝，用墨线勾勒，水墨晕染叶子，别有特色。

明朝严抓思想文化，人物画和风俗画受到影响，花鸟画因此发展起来。牡丹画的创作以写意为主，工整艳丽的工笔绘画也很受欢迎。吕纪是明代的代表画家之一。他的牡丹画颜色鲜艳很有活力，风格有时细腻有时粗犷，都十分的出色。但是因为他的画太工整艳丽，当代文人并不喜欢，但在绘画史的地位很重要。明代的水墨写意画从沈周开始，进一步发展是在陈淳和徐渭的作品上。沈周十分喜欢牡丹，常常将自己的情感寄托在画作上。陈淳的牡丹写生画，也十分具有特色，画面的十分简单却勾勒出牡丹的特点。《洛阳春色书画卷》就是他的代表作品之一。明朝后期，徐渭创造了用泼墨法来画牡丹。往往大笔写意，淋漓尽致，独具一番风格，不拘泥于手法，往往几笔就能把牡丹的表现表现得栩栩如生，充分发挥了中国水墨画的技巧。流传下来的《牡丹蕉石图》是徐渭泼墨牡丹的代表作之一。

清代初期，没骨画花卉开启了新的画风，恽寿平是典型代表。他的牡丹作品，工整典雅，用色干净明亮，画的十分细腻并有趣味。他的画法十分独特。同时他也是位高产的画家，他画的牡丹是清代最多的。他 25 岁的第一幅画《牡丹图》扇，就是用的没骨画法，这是最早的相关记载。他 42 岁的作品《牡丹富贵图》、43 岁的作品《国香春霁图》、《二色牡丹图》，更是他没骨写生花卉的代表作品。他的特点是笔触清润浑厚，笔墨无迹，色彩圆润而不凝滞，明快而不浮华轻浮，形象真实而优美，与自然和谐而又高于自然，色、光、态、韵俱备。

任伯年和吴昌硕也是清代的杰出画家，他们的牡丹画很有特点。任伯年的牡丹画很有趣，能够把勾勒、泼墨、细笔、阔笔运用的十分精彩，生动有韵味。他的《牡丹双鸡图》构图很独特，以方衬圆，石笋斜出画面，双鸡站在石头上，石头下面牡丹盛开放。在嫩叶的衬托下，牡丹花显得特别的娇艳。粉红色的金叶又和公鸡在画面上相互呼应。吴昌硕比任伯年小五岁，他的画兼收并蓄，吸收了各家的长处融合一体，并再加创新。他也擅长书法、篆刻，所以他的画法从书法中借鉴了很多，讲究气势。他的牡丹画往往用大笔上下直扫画出主干，枝叶大多是斜着的，互相交叉，紧密又有气势。上色也十分的讲究，他学习了民间绘画颜色上的特点，获得了“雅俗共赏”之美誉，是写意画家中用色的佼佼者。他的代表作品有《牡丹图》、《富贵眉寿》等。

近现代的画家中，有于非、齐白石、张大千、也都画了很多的牡丹画。齐白石在绘画艺术上受陈师曾的影响很大，他也吸取了吴昌硕画法的优点。齐白石擅长花鸟画。齐白石画牡丹很多，他的晚年作品笔墨纵逸，有一种自由、天真却又老辣的感觉。他的画作《众芳唯牡丹》用没骨法描绘了两枝盛开的牡丹，笔法十分的简单，用不均匀的洋红画出花冠里层层叠叠的花，形态很模糊，但画出了牡丹的气势。花枝和花叶用墨笔勾勒出来，淡淡的染上石青和石绿，与牡丹形成了强烈的冷暖对比，传达出了自然的生机趣味。

牡丹国色天香，世人喜爱。无论是工笔，还是写意画，都有别样的韵味。牡丹在中国文化中有着不可替代的象征和意义。随着时代的发展，必然会诞生出更多精彩的文化艺术作品。

参考文献

1. 李正封.《牡丹诗》[O]. 唐代
2. 刘禹锡.《赏牡丹》[O]. 唐代
3. 皮日休.《牡丹》[O]. 唐代
4. 苏轼.《牡丹》[O]. 宋代
5. 欧阳修.《洛阳牡丹记》[O]. 北宋
6. 王象晋.《广群芳谱》[M]. 明代
7. 张彦远. 历代名画记 [M]. 四库全书文渊阁本. 唐代
8. 潘云告主编.《宣和画谱》[M]. 长沙:湖南美术出版社
9. 徐文生. 牡丹文化与绘画 [J]. 美术报 2014:1-2
10. 李漠. 唐代牡丹风尚研究 [D]. 辽宁大学 2016: 7-13, 20、25
11. 魏巍. 中国牡丹文化的综合研究 [D]. 河南大学
12. 2006: 6-10, 16, 19
13. 李保光.牡丹文化[J].济宁师专学报 1994: 82-84
14. 付梅. 北宋牡丹审美研究 [D]. 南京师范大学 2011: 25-27, 102

张靖

白俄罗斯国立艺术学院
(明斯克, 白俄罗斯)

景德镇外销青花瓷对欧洲陶瓷艺术发展的影响

中国元朝时期(1271-1368)商品经济和对外贸易比较繁荣。元朝时期中国对外交往频繁，元政府控制着中国出口的贸易路线。元朝时期的景德镇陶瓷工匠为伊斯兰国家定制青花瓷。这种外销青花瓷的特征是：大而重的瓷盘不容易在长期运输过程中破坏，瓷器表面绘有穆斯林风俗中的复杂几何图形和花卉图案。1295 年马可波罗(Marco Polo)从中国回到威尼斯后，他在意大利宣传瓷器的好处。他在《马可波罗游记》中写到：“中国大量的瓷器在城市中出售，一个威尼斯银币能买到八个瓷杯。”。[1, c.192-193]

1514 年，葡萄牙人占领了波斯湾和马六甲海峡，他们到达了中国的广州。他们把欧洲的文化带到了中国，同时他们研究中国的文化，并在中国开辟新市场和新的贸易路线。在 16 世纪末，葡萄牙的首都里斯本(Lisbon)成为了当时欧洲最重要的景德镇外销瓷器的销售地。何芳川在《澳门与葡萄牙大商帆》中写到：“葡萄牙人持续地向欧洲大量运载瓷器。西班牙占据菲律宾后，也开始以此为据点收购中国瓷器，1573 年拉开“马尼拉大帆船贸易”序

幕的两艘西班牙大帆船上就载有 22300 件瓷器。葡萄牙从 1522 年开始到 1599 年每年两艘船，西班牙从 1573 年起也两艘船，每年航行一次，每次每船装 1 万件瓷器来看，十六世纪中国向欧洲国家出口了超过 200 万件的瓷器。”[2, c.63-64]

1602 年，荷兰成立了荷兰东印度公司（VOC）。他们从中国采购景德镇外销青花瓷，并研制生产仿造中国的青花瓷，致使景德镇外销青花瓷的出口量明显减少。冯先铭在《荷兰东印度公司与中国明清瓷器》写道：“据国外有关档案的统计，从荷兰东印度公司建立到康熙三十四年（1602-1695）贩运到欧洲的中国瓷器约二千万件，包括明、清时期的青花瓷器、五彩瓷器及广彩瓷器；另一项统计从万历三十二年到顺治十三年（1604-1656）销到荷兰的瓷器达三百万件，平均每年六万件。雍正十二年（1734）一年销到荷兰四十万件中国瓷器。”[3, c.101-102]

1600 年英国成立不列颠东印度公司（BEIC），从十七世纪末开始，英国、法国开始中西方瓷器贸易。十八世纪三十年代，英国成为最大的中国外销瓷的进口国。康熙时期到乾隆时期（1662-1795）是清政府的繁荣时期，当时中国大量出口景德镇外销青花瓷至欧洲。英国、法国、荷兰、丹麦等国家在中国广州设立进出口贸易机构，景德镇外销瓷器更容易销往欧洲国家。18 世纪下半叶至 19 世纪中叶，由于陶瓷制作技术传到欧洲，欧洲的制瓷业蓬勃发展，导致中国瓷器失去市场竞争力。

景德镇外销青花瓷对欧洲陶瓷艺术的影响。意大利是欧洲国家最早仿制景德镇青花瓷器的国家。陈进海在《世界陶瓷艺术史》中写到：“15 世纪末，美第奇家族在佛罗伦萨近郊卡法乔罗（Caffagiolo）建起了陶瓷工厂，陶瓷工厂生产的产品构图严谨，具有学院派素描的功底，装饰题材出现大量的故事画，特别是受中国瓷器简洁装饰的影响，出现了“瓷器风格的纹饰”。卡法乔罗的陶瓷工厂生产的马约里卡陶器，蓝色色调显然受了中国青花瓷的影响。1575 年，托斯卡纳大公弗朗西斯科·马利亚·德·美第奇出资，在佛罗伦萨的另一处鲍博利公园建立陶瓷工厂生产仿制青花瓷。”[4, c.414-419]

景德镇外销青花瓷对荷兰陶瓷艺术的影响与“克拉克”瓷有关。刘军在《明代海上贸易的出口商品》写到：“1603 年，荷兰船队在马六甲海峡截获葡萄牙商船“Santa Catarina”号，这艘贸易船上载有近 60 吨货物，大约有 10 万件中国外销瓷器，荷兰人将船上的瓷器称作“克拉克”瓷（Kraak）（荷兰语中是“葡萄牙战舰”的意思）。”[5, c.26-27]“克拉克”瓷对荷兰的陶瓷艺术的发展具有非常大的影响力，17 世纪中叶，荷兰的代尔夫特（Delft）以仿制中国瓷器而得名。17 世纪中晚期至 18 世纪早期代尔夫特陶瓷工厂生产的仿制青花瓷器被称为“代尔夫特瓷”（Delftware）。“代尔夫特瓷”被称为彩陶式中国青花瓷仿制品的统称。

1650 年-1750 年法国的纳韦尔（法语：Nevers）的陶瓷工厂生产的陶瓷产品（法语：Faïence de Nevers）具有巴洛克风格，其形成来源于景德镇外销瓷，瓷器的表面描绘着中国青花瓷的装饰纹饰。鲁昂（Rouen）陶厂是法国著名的瓷器工厂，产品也追随中国青花瓷器的式样。1673 年，法国鲁昂陶瓷工厂的艺术家路易·波特拉（Louis Poterat）经路易十四国王的批准生产一种玻璃质软瓷，因此他成为了欧洲仿制景德镇青花瓷器的先驱之一。

法国的塞夫尔国家制造厂（法语：Manufacture nationale de Sèvres）生产的瓷器的装饰风格是中国样式与罗可可风格融为一体。塞夫尔国家制造厂是在蓬皮杜夫人（Madame de Pompadour）的倡导下，成立于 1738 年，1759 年成为皇家陶瓷厂，塞夫勒陶瓷工厂本来烧造的是软质瓷，1767 年塞夫勒陶瓷工厂掌握了硬质瓷的制造技术。

1709 年 1 月 15 日德国的约翰·弗里德里希·博特格（德语：Johann Friedrich Böttger）用 7 种矿物混合制造出了白色、透明的瓷器，他成了欧洲瓷器之父。奥古斯特二世（德语：Friedrich August I der Starke）在德累斯顿（Dresden）的迈森（Meissen）建立了瓷器工厂。熊

煜和丁磊在《简述 16—18 世纪中国外销瓷对欧洲制瓷的影响》中写道：“1710 年 1 月 23 日，奥古斯特二世用拉丁文、法文、德文和荷兰文发表宫廷最高敕令，宣布在萨克森大公国研制成功与中国瓷器一样的瓷器，并颁布专利证明，在德累斯顿建立陶瓷工厂，批量制作瓷器。”[6, c.95-96]

17 世纪的下半叶，英国的陶瓷业受到荷兰的代尔夫特陶瓷工厂的影响，开始在布里斯托（Bristol）附近地区尝试烧造仿制中国瓷器，布里斯托附近的 Redcliffe Backs 与 Brislington 地区的陶瓷工厂生产的釉陶大量运用中国瓷器图案。随着工厂在 18 世纪中叶发明了青花转印技术，于是大规模地生产仿制青花瓷器。哈里·加纳（Harry Garner）在《东方的青花瓷器》中写到：“英国斯塔福德郡（Staffordshire）生产的彩绘瓷大部分是青花瓷器，而且在许多的情形下，青花图案摹仿自中国，如著名的青花柳树图案就是如此。”[7, c.1-2]

德米特里·维诺格拉多夫（俄语：Дмитрий Иванович Виноградов）在俄罗斯圣彼得堡建立了帝国瓷器工厂（ИРМ）。1752 年，他使用俄罗斯的原材料制作出了优质的瓷器。卢杰章（Люд Цзечжан）在《中国瓷器绘画的构成和特征》中写到：“与欧洲一样，起初俄罗斯的瓷器还没有形成自己的装饰和形式体系，而是仿制中国的瓷器纹样。”[8, c.125-126]

欧洲国家对景德镇外销青花瓷器的收藏情况。14 世纪已有少量中国瓷器成为欧洲人的珍藏。有记录的最早外销瓷器名为“Gagnieres Fonthil”瓶，这个瓷器是个长颈的玉壶春瓶，如今收藏在爱尔兰国家博物馆。中国瓷器在 16 世纪进入欧洲，但是数量很少，十分昂贵，主要是王室和贵族在收集中国外销青花瓷。17 世纪荷兰人经营瓷器贸易。景德镇外销青花瓷器大量涌入欧洲。欧洲贵族把瓷器收藏和建筑融合起来。葡萄牙里斯本（Lisbon）的桑托斯宫（Palais de Santos）是欧洲著名的“瓷宫”。在桑托斯宫（Palais de Santos）的锥形拱顶上镶嵌着 300 件蓝白相间的青花瓷盘，其中包括来自 16 世纪和 17 世纪的景德镇外销青花瓷。

程庸在《瓷耀世界：器以载道传扬瓷韵风华》中写到“17 世纪中叶，荷兰奥兰治家族的两位公主露易丝·亨利塔和阿尔伯特娜·艾格尼丝分别嫁给德国北部的两位权贵布兰德堡-普鲁士选侯威尔汉姆一世和拿骚-迪茨的威廉·弗里德里克。这两位公主把收藏的瓷器带到了德国，分别在奥拉宁堡皇宫和奥拉宁斯泰因建立了中国瓷器厅。在当时的欧洲，拥有大量瓷器是一个国家国力强盛的标志。之后成为普鲁士王的弗里德里克三世（布兰德堡选侯）在 1690 年重建奥拉宁堡皇宫的瓷器厅时，委托设计师设计了天花板画。其中一幅描绘了一个裸体孩童高高举着中国和日本精致的青花瓷，被认为象征着“欧洲正享用东方的果实”[9, c.137-139]

1689 年奥兰治家族的威廉三世（荷兰语：Willem III, Prins van Oranje）带着王后玛丽二世（Mary II）返回英国并成为英格兰威廉三世国王时，玛丽二世把对中国瓷器的喜好传到了英国。英国各朝王室中，玛丽二世是著名的瓷器收藏家，她很可能影响了其他英格兰贵族的瓷器的展示方式。她在汉普顿宫的多层壁炉架、储物架和家具上摆设瓷器，她还将不少瓷器陈设在肯辛顿宫。

奥古斯都二世（波兰语：August II Fryderyk Moncny）被认为是瓷器收藏最丰富的帝王之一，奥古斯都二世痴迷中国外销青花瓷器。最著名的例子是 1717 年他与威尔汉姆一世的交易，奥古斯都二世用萨克森部队的一个兵团和威尔汉姆一世换取 151 件大型中国青花瓷器，这批瓷器从此称为“龙骑兵瓶”。奥古斯都二世的瓷器收藏最多的时候共有两万多件瓷器。

外销青花瓷向其他国家展示了中国陶瓷艺术的包容力与独特美感。16 至 18 世纪中国向欧洲大量出口景德镇外销青花瓷。欧洲国家从中国购买外销青花瓷器，并且研究景德镇青花瓷的制作方法。景德镇外销青花瓷对欧洲的陶瓷艺术的发展产生了深远的影响。由于欧洲各国逐渐流行起收藏中国瓷器，景德镇外销青花瓷成为了权力和财富的象征。研究景德镇外销青花瓷对欧洲陶瓷艺术发展的问题，有助于解决国内外古陶瓷收藏所面临的问题，并把握住新的机遇。

参考文献列表

1. 鲁斯蒂谦。马可波罗游记。– 福州: 福建科学技术出版社, 1981。– 281 页。
2. 何芳川。澳门与葡萄牙大商帆-葡萄牙与近代早期太平洋贸易网的形成。– 北京: 北京大学出版社, 1996。– 117 页。
3. 冯先铭。荷兰东印度公司与中国明清瓷器// 南方文物。– 1990。–101–105 页。
4. 陈进海。世界陶瓷艺术史。– 哈尔滨: 黑龙江美术出版社, 1995。– 578 页。
5. 刘军。明代海上贸易的出口商品// 财经问题研究。– 2010。–23–29 页。
6. 熊煜。简述 16-18 世纪中国外销瓷对欧洲制瓷的影响// 陶瓷研究。– 2011。–95–96 页。
7. 哈里加纳。东方的青花瓷器。– 上海: 上海人民美术出版社, 1992。– 96 页。
8. Люй, Ц. Композиционные особенности живописи на фарфоре Китая : дис. канд. искусствоведения : 17.00.04 /Ц. Люй. – Санкт-Петербург, 2008. – 168 с.
9. 程庸。瓷耀世界·器以载道传扬瓷韵风华。– 南昌: 江西美术出版社, 2017。– 289 页。

Ли И

*аспирант Белорусского государственного
университета культуры и искусств
(г. Минск, Республика Беларусь)*

ЭВОЛЮЦИЯ ПРИЕМОВ СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ ПЕРСОНАЖЕЙ В ТРАДИЦИОННОМ И СОВРЕМЕННОМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ КИТАЯ

Создание образов действующих лиц (персонажей) лежит в основе различных изобразительных практик, главным образом, портретного жанра живописи и графики, а также таких направлений художественной деятельности как графический и web-дизайн (практика создания образов рекламы, пропаганды, компьютерных игр и т.д.). Благодаря различным приемам разработки и визуализации образов можно показать культурные корни, личность, характер и другие особенности персонажа (реального человека, исторической личности, мифического или божественного существа), а также создать необходимую атмосферу различных тематических картин. При помощи изобразительных средств создается абстрактный образ персонажа, который может использоваться как духовный символ и является важным отражением развития истории, культуры и цивилизации.

Гу Кай, живописец эпохи династии Восточная Цзинь, при создании образов персонажей придавал большое значение изображению глаз. Он считал, что красота и уродство не являются ключевыми элементами, необходимо тщательно прорисовывать глаза, а с помощью выражения глаз передавать психологические особенности и духовный характер персонажа, тем самым достигая эффекта его «оживления», что свидетельствует о том, что в истории китайского изобразительного искусства большое значение придается передаче духовного облика персонажа.

Внешность людей может быть схожа, но их характер и духовные особенности различны. Духовный облик может отражать неповторимую индивидуальность персонажей. Например, художник Лян Кай из династии Южная Сун на своей картине «Бессмертный», созданной в жанре монохроматической живописи, прекрасно изобразил образ пребывающего в пьяном угаре персонажа, а также передал его беззаботность и расслабленность. Художник Жэнь Сюн использовал специфичные приемы для «Автопортрета», изобразив собственное горе и подчеркивая героический дух [1].

В европейской художественной традиции, например, в жанре портрета, художники часто используют свет, тень и цвет для представления особенностей образа и придания изображаемой фигуре объема и реалистичности. Например, «Мона Лиза» Леонардо да Винчи слегка улыбается, в то же время позади нее изображен темный пейзаж, что еще больше подчеркивает яркость образа, создается впечатление, будто в улыбке раскрывается печаль. Благодаря искусному использованию света и тени, уголки глаз и рта персонажа создают ощущение тайны, что пробуждает у людей глубокие размышления.

В западной живописи портрет ориентирован на раскрытие характерных и уникальных черт модели. Например, в написанном Веласкесом портрете Папы Иннокентия X, художник использовал насыщенный красный цвет, чтобы подчеркнуть величественную религиозную атмосферу, а также белый цвет для изображения мантии с целью создания очевидного контраста, говорящего о жестокости Папы. Одновременно, изображая его руки лежащими на ручках кресла, художник показывает слабость персонажа, благодаря чему образ наполняется индивидуальностью [2].

Переход от образного к реалистичному стилю. Линии являются важным элементом создания образа, их изменения позволяют повысить визуальную достоверность изображения. В линиях образов традиционных персонажей живописцы главным образом используют технику «отложенного подражания (отложенной имитации)», редко зарисовывают предметы непосредственно с натуры, отказываются от изображения объективных предметов, а изображают образы в соответствии с собственным впечатлением и пониманием. При создании образов традиционных персонажей больше внимания уделяется выражению настроения: после того, как художники отбирают объективные вещи, они объединяют особенности внешней формы, наблюдают за объектами и при помощи деталей создают образ. Например, картина Цянь Ци «Служанка расчесывает волосы» отражает внимание автора к деталям, художник раскрывает зрителям дух и характер образа, при помощи линий показывает взаимодействие между различными формами, а изменения черного и белого, виртуального и реального усиливают яркость изображения [3].

В рамках современной культуры и искусства произошло изменение мыслей и представлений людей. Западная культура подарила обществу культурное разнообразие, что поменяло эстетические нормы людей, и в то же время породило стремление к созданию собственной системы культуры и искусства. Фигуративная живопись в западном искусстве главным образом находит воплощение путем регулировки таких элементов, как цвет, структура и перспектива фокусировки, что оказывает большое влияние на форму линий.

Современные художники трансформировали традиционную особенность отсутствия пристального внимания к внешнему виду, интегрировали в свое творчество западные идеи реалистической живописи, такие как контурный рисунок, с целью создания различных форм линий. Интеграция традиционных методов создания образа с современными приемами живописи помогает сделать образы персонажей более точными и реалистичными. В настоящее время художники стремятся к красоте и качеству линий и продолжают вводить новшества в традиционные формы: они используют линии разной толщины для представления структурных особенностей человеческого тела, а затем при помощи их незначительных поворотов и различий вогнутых и выпуклых деталей создают образ персонажа. В композиционном эскизе, как важной форме живописи, особое внимание уделяется отбору объектов.

Понятие композиционного эскиза используется при создании образов персонажей, он представляет собой сочетание линий, плоскостей и объектов, а также детальное изображение лица, рук и других частей тела персонажа. Так, в картине современного художника Хэ Цзяина «Превратности судьбы» линии подчеркнута стилизованы таким образом, чтобы передать особенности старческого лица, а изменения характера линий использовал для представления морщин, подчеркивая возраст и характер персонажа.

Под влиянием временных обстоятельств и сложившейся ситуации общественного развития некоторые художники также изменили приемы создания образов в целях их соответствия законам общественного развития и требованиям общества. Например, на

знаменитой картине Сюй Бэйхуна «Глупый старик убирает горы» персонажи представлены в реалистическом стиле, линии сочетаются с композиционным эскизом, что добавляет образу гротескности.

Переход от монохромных к полихромным изображениям. В традиционной китайской живописи для изображения объектов используется тушь. Поскольку научная теория цвета предполагает, что сумма всех цветов равна черному, а черный и белый цвета являются важным цветовым содержанием живописи, на протяжении всей истории развития живописи художники использовали это правило в своем творчестве и очень любили цвет туши на белой бумаге. Например, Ли Гунлин в картине «Избранное общество в западном саду» использует черные линии и контурный рисунок монохроматической живописи, появившейся во времена эпох Тан и Пяти династий.

К приемам использования туши относятся «разбрызганная тушь», при помощи которого достигается эффект естественной мутности тона, «прерванная тушь», позволяющий добиться особой глубины черного цвета, «нагроможденная тушь» и т. д. Видно, что живописцы привыкли использовать черно-белые изображения для создания образа, а изменения туши использовали для передачи светотени, цвета и неравномерности изображения. Поскольку художники постоянно находятся в поиске подходящих приемов, они уделяют много внимания их использованию и меньше внимания исследованиям других цветов и материалов.

В настоящее время появились различные пигментные материалы, что изменило традиционный подход к созданию образов, художники обновили свои собственные концепции, начав использовать разнообразные материалы и техники при создании образов персонажей. Появление в Китае полихромных изображений восходит к временам первобытной расписной керамики Баньпо. Насыщенные цвета использованы на картинах по шелку и в лаковых росписях Мавандуй, а также в живописи гунби, процветавшей в эпоху династии Тан. Минеральные краски использовались для изображения различных персонажей.

Исследуя использование полихромии, можно обнаружить, что характеристики самих пигментов могли приносить в картину новые визуальные эффекты и делать линии более текстурированными. В серии картин «Цветы» Цзя Ли образы прорываются через двухмерную плоскость картины, создавая у людей визуальное ощущение трехмерного пространства, а также усиливая субъективность линий и как результат повышая общее чувство современности работы. Кроме того, современное эстетическое восприятие художников имеет тенденцию к отражению уникальности человека и повышению ценности жизни благодаря изображению внутренней жизненной силы человека.

Художники при создании образа персонажа принимают за основу творчества индивидуальный дух персонажа, представляют произведения при помощи индивидуальной манеры выражения. Разнообразие приемов в создании образов персонажей имеет важное исследовательское значение в области культуры и искусства. Художники разных периодов используют разные приемы и идеи для создания образов, что создает различия в представлении произведений. Необходимо расширять проведение сравнительного анализа образов традиционных и современных персонажей для более глубокого понимания внутреннего содержания и особенностей развития создания образа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. 张丽。浅谈西方人绘画中的东方人物形象变迁// 青年时代。 - 2017。 -20 页。
(Чжан Ли. Об изменениях образов восточных персонажей в западной живописи / Ли Чжан // Молодость. – 2017. – с. 20.).
2. 游洪琼。中国传统绘画与史前绘画中人物形象的肢体语言比较研究//。美术教育研究。 - 2014。 - 13-24 页。(Ю Хунцюн. Сравнительное исследование языка тела персонажей в китайской традиционной и доисторической живописи / Хунцюн Ю // Исследования в области художественного образования. – 2014. – с. 13-24.).

3. 侯晓培。浅论西方现代绘画中的人物变形// 美术文献。 - 2019。 - 63-64 页。(Xoy Сяопэй. О видоизменении персонажей в современной западной живописи / Сяопэй Хой // Художественная литература. – 2019. – с. 63-64.).

LiuZichun (刘子纯)

Master's degree student,

Belarusian State University of Culture and Arts

(Wuhan, China)

ACTING STYLES AND ACTOR TRAINING IN MODERN CHINESE DRAMA THEATRE – ON THE EXAMPLE OF NANJING ACADEMY OF ART

In this age of rapid information development, the arts can be a very efficient and rapid medium for cultural exchange between countries. Theatre is a comprehensive art performed on stage, and there are various emerging theatre styles that are influencing each other from country to country. For China today, avant-garde, absurdist and post-realist theatre styles are emerging and being accepted by audiences. But realism has always been the main style of modern Chinese theatre.

In the early 20th century, drama was introduced to China from the West, and Chinese theatre began to evolve from the classical era to the modern era of theatre, which "abolished singing and used dialogue". In the last century, modern Chinese drama has gone through different historical periods of inception, development and maturity, and has produced a generation of great and outstanding realist dramatists, such as Guo Moruo, Cao Yu, Lao She, Tian Han, Xia Yan, Yang Han Sheng, Hong Shen, Ouyang Youxian, Chen Baishen, Li Jianwu and many others. Their dramatic activities and plays have left a glorious page in the history of Chinese theatre.

However, the development of theatre is not complete with great playwrights and dramatic works alone. Drama needs to be presented through stage performances, and without the stage performances of actors, drama loses its artistic life. The acting style and performance system of modern Chinese theatre is an integral part of modern Chinese theatre art that cannot be missing. The formation of this theatre performance style and performance system is one of the main signs that modern Chinese theatre has completed its modernization process.

Realistic acting has a very important place in performance, because it comes from life. In other words, it is the actor's understanding of what is happening in the real world, and the actor's interpretation of it, which creates a realistic storyline with a certain degree of alteration. Due to the nature of realistic acting, it is easier to draw the viewer closer to the performance.

It is easier to bring the viewer closer to the screen. Due to the specificity of realistic acting, performers need to have excellent acting skills, firstly, they need to have a certain understanding of the character they are performing, the nuances of the character's language and body language, the meaning of the character's existence and the specific role of the character in the specific storyline. After understanding the character, you need to experience the character first hand, feel the psychological changes in the different storylines the character is in, understand the plot of the character's performance and incorporate some of your own thoughts to find ways to make the character you are performing realistically. With a certain understanding of the techniques involved in acting, and an overall grasp of the relationship between one's life and one's role, one is able to present the role to the viewer in a better way.

For the vast majority of theatre actors, their basic acting skills are largely developed at various professional theatre arts colleges. Herein lies the distinction between the academy and other ways of learning acting, as the teaching of acting in the academy is based on a realistic approach to creativity. Many of those who succeed in becoming stars and outstanding performers cannot, I am afraid, completely deny the fact that they are much more likely and contingent to succeed than those who have not been trained in this creative method and technique In terms of professional foundation training,

solidity of basic skills is also the key to success. As with the training of scales and fingering for pianists, the training of musicality, the foundation of sketching and the development of a sense of color, line and space for painters. In the acting profession, the mastery of those basic elements of action, the creation of a sense of creative self and the ability to cast those characterizations essential to creating a character, the training and strengthening of the qualities of the actor, the sharpening of understanding, sensing, imitation, imagination, sense of conviction, concentration, observation, memory etc. are all essential to later stage. The sharpening of understanding, sensing, imitation, imagination, sense of conviction, concentration, observation, memory, etc. are all fundamental abilities that develop for later practice on the stage that cannot be underestimated.

It is therefore important to summarize and examine how the relationship between the acting style of modern Chinese theatre art and the acting system that actors are trained in complements each other. This is an important part of the research for this report.

The ultimate expression of theatre is the art of stage performance, and the core of performance is the actor's performance. Performance training is an important method of training and strengthening the actor's basic skills. The teaching of drama in China's major art schools is heavily influenced by the Soviet Stanislavsky system of acting.

Stanislavsky says in his book «The Birth of a Character is similar to the System in its organization of the actor's creative process, but it is different. It changes the four periods of the System's rehearsal process into three, merging the first two to form three stages: preparation for the role, rehearsal for the role and performance of the role» [1, p. 3]. Stanislavski's understanding of the actor's process of creating a role has always been in flux. As early as the 1940s, one of the most influential was his 'four periods' of awareness - experience - embodiment - influence, which he published in a rehearsal of *The Agony of Wisdom*. --The four periods of influence.

On the basis of Sze's system, Chinese dramatists wrote a syllabus for theatre in 1956. The teaching plan in the "Acting" syllabus was as follows: The task of the first year - to enable students to achieve organic, genuine, i.e. rational, purposeful and effective movement in the prescribed situations they create for practicing their own sketches. (i.e. elemental training - ed. added) The task for the second year - to enable the pupils to achieve organic, genuine movement in the prescribed situations established by the author - the playwright. Use fragments of the play as material to complete the task. (i.e. fragmentary training - added by the editor) Task for the third year of study - begin to create characters. Use individual acts of the play as material to complete the task. (i.e. creation of a one-act play - editor's addition) Task for the fourth year - create a complete stage image in a play. (i.e. the creation of a multi-act play (big play) - editor's addition) Students should learn internal acting techniques alongside the hard work of mastering external means of expression (mastering the laws of the logic of the lines, training the breathing correctly, practicing the voice, loosening up the body, etc.). The actor must master his physical condition to the same extent as he masters his mental technique. The tutors of the courses (e.g. lines, physical training, etc.) are therefore expected to work closely with the acting teachers and to carry out their work in accordance with the requirements of the acting faculty [2, pp. 8–9].

This syllabus is constantly being updated and revised, but has always been used by Chinese theatre and art schools. As one of the top eight art schools in China, the Nanjing Arts Institute is no exception. In the acting classes of the Nanjing Arts Institute, teachers always emphasize the essence of the Sze system, and students are constantly practicing in class to experience the characters and the situations.

The exploration and practice of actor training and training began with the study and application of Stanislavski's acting system, and then moved on to absorbing and learning from the world's best acting training methods, and then to building a "Chinese School" of actor training system by combining the essence of ancient and modern acting arts.

The realist approach is still the mainstay of acting training, and whether it is for actors to experience different styles of theatre or to act in today's film and television productions, the realist system is the basic acting training method that universities should grasp.

Although the study of the Sze system is not yet systematic and in-depth, and the training techniques and artistic experiences of foreign countries have not yet been absorbed and borrowed in an analytical, selective and critical manner, I believe that in the future we should maintain our own characteristics in the process of incorporation and inclusion, and gradually manifest the Chinese national temperament in the process of innovation and transformation.

LIST OF USED SOURCES

1. Stanislavski, K.S. An Actor's Work on a Role. Trans. and ed. Jean Benedetti. London and New York: Routledge, 2010. – 272 p.
2. The syllabus for the course "Acting". – Central Academy of Drama, Beijing, 1956. – 136p.

Пэн Синьчжэн
*аспирант Белорусского государственного
университета культуры и искусств
(г. Минск, Республика Беларусь)*

ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОЙ ЖИВОПИСИ НА ГОРОДСКУЮ ТЕМУ

Образ города в традиционной китайской живописи представляет собой культурный феномен, основанный на концепции города, прошедшей с момента своего возникновения в эпоху династии Сун до сегодняшнего дня сотни лет исторического развития, при этом живопись «цзэхуа» («пограничная живопись»), как основной источник возникновения живописи на тему городской жизни имеет собственную долгую историю и особенности развития.

Жанр «цзэхуа» в китайской живописи отличается основательностью выполнения, прямолинейностью и аккуратностью, благодаря чему он играл важную роль в изображении архитектурных объектов. Он позволяет ощутить величие эпохи расцвета династии Тан, что говорит о его историко-культурной ценности. Между тем, до эпохи правления династии Сун основным содержанием выполненных в жанре «пограничной живописи» картин была не городская жизнь и сравнение дворцов и палат, а природные пейзажи. В условиях экономического развития того времени концепция города еще не была полностью сформирована, у художников отсутствовало ее глубокое понимание, а живопись «цзэхуа» существовала только как форма пейзажной живописи.

Начиная со времен династии Северная Сун, на фоне экономического роста Древнего Китая, города начали постепенно превращаться в крупные торговые и культурные центры, благодаря чему художники получили более полное понимание городской концепции, и как результат увеличилось количество картин на городскую тематику. В картинах живописи на тему городской жизни необходимыми элементами являются человеческие персонажи, экипажи и лошади, при изображении событийных сцен к ним часто добавляются изображения городских построек. Например, панорама «По реке в День поминовения усопших» Чжан Цзэдуаня занимает важное место в области искусства живописи, давая зрителям богатое описание представленной сцены. Данная картина служила образцом для дальнейшего творчества художников, что привело к расширению возможностей развития живописи на городскую тему. На данном этапе стало появляться больше картин, изображающих городские пейзажи, которые довольно сильно привлекали внимание людей, например, «Процветающий Сучжоу» Сюй Яна и иллюстрации У Южу в журнале «Дяньши студио пикториал».

В период новой истории под влиянием западной культуры и техники традиционная социальная система подверглась сильному воздействию, изменился образ жизни людей, а в условиях войны увеличилось число новых видов искусства, например, появилась фотосъемка.

Несмотря на расширение тематики жанровой живописи на данном этапе, включая появление сатирической темы и темы моды, однако в результате упадка городского развития культура городской жанровой живописи превратилась в «культурную пустыню», что продолжалось до середины XX века.

В 80-х годах XX века в развитии китайской живописи на городскую тему произошел перелом. На фоне постепенного совершенствования городской структуры концепция города стала более четкой, под эгидой социализма с китайской спецификой произошли изменения идеологии и мировоззрения. В своем творчестве художники начали сосредотачиваться на городской тематике, сочетая особенности развития новой эпохи и новые концепции для создания картин с более современными урбанистическими характеристиками. К данному направлению творчества также присоединились такие школы, как школа монохроматической живописи (шуймохуа) и школа живописи художников-литераторов (вэньжэньхуа), появился инновационный способ представления городского пейзажа, сочетающий в себе реальность и традиционное искусство живописи.

Объектами произведений живописи являются изменяющиеся явления, обладающие ярко выраженными индивидуальными характеристиками и уникальным внутренним содержанием. В таких картинах большое внимание уделяется достоверности и объективной передаче особенностей городской среды, на них могут быть изображены сцены общественной жизни, что существенно отличает их от других видов живописи. Таким образом, техника создания картин живописи на городскую тематику отличается непосредственностью выражения, точностью и объективностью.

В ходе развития китайского искусства интерпретация изображения должна основываться на социальном фоне и характеристиках окружающей среды. Образы, представленные на жанровых картинах, несут в себе сложные социальные и исторические элементы. Создание изображений не опирается на воображение, с их помощью необходимо интерпретировать особенности развития общества, благодаря чему их содержание приобретет более глубокий смысл. Если произведение не отражает реальную ситуацию общественного развития, то его ценность довольно трудно определить. В процессе исследования живописи следует учитывать факторы социального фона. Чтобы определить, в какую эпоху была создана картина, следует проанализировать социальные плоды эпохи [1], а также на основе объективных фактов и явлений изучить социальные и культурные обычаи тех времен. Таким образом, опора на объективное выражение современных общественных нравов является важной особенностью картин на городскую тему.

Например, Ма Хайфан путем наблюдения знакомился с местными городскими условиями и обычаями, путешествуя по разным местам он собирал соответствующие материалы, черпал материал из реальности, чтобы в своих картинах описать бытовые сцены пекинцев и показать то, как изменился современный город. На его картинах изображены старики, выращивающие птиц, приехавшие из других мест люди, уличные артисты, а также крестьяне и т. д. При изображении данных сцен и персонажей, при помощи передачи особенностей разных людей, в условиях городской жизни можно ярче выделить каждого человека. Несмотря на наличие различного индивидуального опыта, все персонажи картин представлены в единой оживленной пекинской городской сцене, что дает полное представление о городской жизни и включает в себе истинное гуманистическое внутреннее содержание [2].

Необходимость представления большого количества объектов в ограниченном пространстве требует большого количества времени и использования техники живописи, что выдвигает высокие требования к использованию живописных приемов. Для изображения городской архитектуры и восстановления реальных сцен городской жизни, в творчестве можно использовать прием рассеянной перспективы с целью придания картине большей яркости и непосредственного отражения общего социального облика города.

Например, в своих работах, выполненных в стиле монохроматической живописи в конце 1990-х годов, Ли Сяосюань уделял пристальное внимание жизни горожан, при помощи приема детализации он создавал произведения, точно воспроизводившие обычаи городской жизни.

Персонажи на картине «Автобус» подобны спичкам, таким образом художник показывает трудности выживания людей в городской среде. С помощью использования различных техник живописи можно в полной мере раскрыть тему произведения. Используемые для создания картины техники относятся к живописи идей, что позволяет в полной мере передать растерянное состояние изображенных на ней людей. Картина абстрактна, но несет в себе глубокий внутренний смысл. Для того, чтобы почувствовать внутренние чувства и эмоции автора во время изображения им городской жизни, необходимо внимательно наблюдать за деталями картины. В то же время в работе используются яркие цвета, способные оказать визуальное воздействие и оставить у людей разные впечатления.

Между созданием картин на городскую тематику и городским развитием существует тесная связь, имеющая большое значение для изучения особенностей урбанизации. Эти произведения имеют высокий статус в историко-культурных исследованиях, поэтому необходимо постоянно проводить подобные исследования, а также упорядочивать текущие исследования в данной области изобразительного искусства. Для приближения произведения на городскую тематику к реальной жизни, необходимо глубоко вникнуть в их внутреннее художественное содержание, тем самым способствуя созданию условий для передачи культурного наследия китайской нации, а также строительства и развития общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. 胡懿勋. 中国古代风俗画的研究方法概论// 艺术百家 – 2004. - 119 页。(Ху Исунь. Метод исследования древней жанровой живописи Китая / Ху Исунь // Художественная сотня. - 2004. - С. 119.).

2. 刘远江. 古意、新觉、谐趣与庄严—兼论京味儿代表画家马海方的艺术人生// 中国书画·创作 – 2021. - 116-121 页。(Лю Юаньцзян. Художественной жизни Ма Хайфана – Древние и новые идеи, гармония и торжественность города Пекин / Лю Юаньцзян // Китайская живопись и каллиграфия. - 2021. - С. 116–121.).

У Сянь

*аспирант Белорусского
государственного университета
(г. Минск, Республика Беларусь)*

ТВОРЧЕСТВО КИТАЙСКИХ ХУДОЖНИКОВ-МОДЕРНИСТОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВВ.

В 1960-х –1970-х гг. китайское изобразительное искусство было тесно связано с государственной идеологической пропагандой. Это обстоятельство сильно ограничивало творческие задачи, которые художники, как правило, достигают в свободных условиях поисков и экспериментов, что всегда обуславливает прогрессивное развитие искусства. Ряд китайских художников вынуждены были покинуть пределы КНР и продолжить свои творческие искания в других странах. Они добились там высокого признания и смогли раскрыть свои выдающиеся дарования.

За биографическими сведениями и образами многочисленных произведений скрывается большой и напряженный творческий путь великих новаторов, сумевших начать полноценный художественный диалог искусства Востока и Запада, который сейчас по праву воспринимается как величайший эволюционный путь модернизма XX – начала нашего столетия. Судьба этих художников не была легкой и однозначно успешной, каждый из них много испытал на своем веку, чтобы стать на равных среди лидеров международного модернизма своего времени.

Линь Фэнмянь родился 22 ноября 1900 г. в поселке Майсянь (провинция Гуандун) в семье резчика по камню. Увлеченность рисованием, несомненно, была привита сыну отцом, который помимо своего основного ремесла также занимался рисованием традиционных праздничных картинок. В 19 лет юноша уже не просто решил стать художником, но стремился получить необходимое профессиональное образование в Европе.

Благодаря материальной поддержке его семьи, молодому художнику удалось в 1921 году начать учебу во Франции в Дижонском художественном училище, а затем продолжить ее в Парижском высшем училище изящных искусств. Оказавшись в одном из самых прогрессивных центров мировой культуры, молодой китайский художник не только освоил основы реалистического европейского искусства, но увлеченно открывал для себя самые новые тогда достижения западного модернизма, которые в начале 1920-х гг. уже были достаточно популярными и признанными. Это – символизм, фовизм, кубизм, экспрессионизм и др. В 1925 г. он возвращается на родину и активно включается в творческую, педагогическую и искусствоведческую деятельность.

Линь Фэнмянь вскоре стал уважаемым преподавателем Пекинского художественного училища, а затем и Ханчжоуского художественного училища. Его по праву считают основателем Китайской государственной академии искусств, в которой он внедрял прогрессивную программу подготовки творческих специалистов на принципах равноправного синтеза национальных и западных художественных начал. Как художник он давал своим ученикам живой пример многочисленными живописными новациями, которые приводили в панику консервативных почитателей старины, но вдохновляли искателей новых художественных истин. По крайней мере его ученики Ли Кэжань, У Гуаньчжун, Чжао Уцзы, Чжу Дэцунь, которые последовали смелым советам своего педагога, в дальнейшем стали известными и уважаемыми китайскими художниками [1].

После создания КНР художник возлагал большие надежды на поддержку руководством молодой республики его современного творческого стиля. Но последовала официальная тенденциозная критика в “вестернизации”, в несоответствии творческих устремлений “прозападного” живописца-“формалиста” магистральным идейным установкам, предписанным для обязательного следования подавляющего большинства мастеров изобразительного искусства.

Не одно десятилетие лидер современного искусства незаслуженно оставался в забвении у себя на родине и даже подвергался гонениям. В 1977 г. Линь Фэнмянь, под предлогом навестить родственников, переезжает в Гонконг, который стал для него последним жизненным пристанищем. Там он продолжал интенсивно работать на протяжении более чем двадцати лет, во многом интерпретируя свои достижения предшествующих периодов. Как известно, китайские художники предпочитают создавать серийные произведения на волнующие их темы, посвящая этому многие годы творчества и постоянно совершенствуя мастерство и виртуозность изображаемого.

Это относится и к живописным циклам и сериям Линь Фэнмяня как раннего, так зрелого и позднего периодов. В 1970-х гг. художника уже не могли не заметить на различных выставках, коллекционеры начали охотно приобретать его впечатляющие живописные творения. Однако, не сразу в КНР, где уже началась культурная либерализация 1980-х, о нем своевременно вспомнили. 12 августа 1991 г. художник почил навеки в Гонконге в очень зрелом возрасте, оставив после себя величайшее творческое наследие, которое по-праву принадлежит не только дорожному его сердцу Китаю, но и всему миру.

Надо сказать, что этот замечательный художник создал, благодаря своему приобщению к глобальному творческому синтезу, свой ярко выраженный индивидуальный живописный стиль, что является для многих недостижимой вершиной истинного искусства. Чтобы

достигнуть эмоциональной гармонии своих творений, он избирает для них “спокойный” квадратный формат, что также стало необычным новшеством для дальневосточных зрителей. Художнику также удалось добиться неповторимого богатства колористических отношений в своих натюрмортах, пейзажах, сюжетных сценах, которые в китайской традиционной живописи столетиями были классически монохромными или слегка подкрашенными.

Линь Фэнмянь хорошо знал творчество величайших французских мастеров модернизма Анри Матисса, Пабло Пикассо, Марка Шагала, но никогда не “копировал” их художественных открытий. Скорее “переводил” их творческие идеи, ему близкие и понятные, на свой индивидуальный художественный язык. Так появилась его живописная серия “Китайских красавиц” в шелковых халатах, что стало безусловной вершиной его лирического видения национального идеала красоты. Более гротесково-экспрессивными воспринимаются танцы героев его серии “Актеры Пекинской оперы”. Но внимательно присмотреться – это, возможно, дружеские торжественные объятия фантастических персонажей, символизирующих творческое соединение восточной и западной цивилизаций.

Всю свою горячую любовь к трудовому народу он воплотил в сериях “Рыбаков”, “Ткачих”, “Крестьян”, которые своим монументально-обобщенным видом впечатляют значительно правдивее и глубже, нежели пафосные и надуманные идеологические штампы на тему “трудовых подвигов” в плакатах периода процветающего маоизма.

В пейзажах художник, глубоко осознающий величие национальных традиций жанра “шан шуй”, достиг исключительного лаконизма, но обогатил его разнообразными драматическими и лирическими мотивами водных потоков, цветущих садов, тихих природных уголков. Особенно трепетными в пейзажах у него получались птицы, стремительно летящие или, нахохлившись, сидящие на ветках под дождем, грустно и многозначительно вззирающие на зрителя [2].

В 1980-х гг. он создает свой известный “Автопортрет”, в котором с мудрой улыбкой измеряет зрителя всепонимающим взглядом. Можно понять его без слов: несмотря на все привратности судьбы, художник остался верным своим творческим целям и верил, что его настоящему оценят новые поколения людей Востока и Запада.

В настоящее время все больше приобретает международное признание творчество выдающегося китайско-французского художника-живописца Зао Вуки. [3] Его настоящее имя и фамилия Чжао Уцзи. Он родился в 1921 г. в Пекине в состоятельной семье, в которой ценили традиционное искусство. Но будущий художник был увлечен европейским модернизмом.

Его творческая судьба сложилась достаточно успешно. В 1948 г. молодой художник переехал на постоянное жительство в Париж, где сразу нашел близких друзей и единомышленников, начал выставлять свои произведения на многочисленных выставках в престижных галереях. Его относят к самым известным представителям Второй Парижской школы художников-модернистов конца 1940-х – начала 1950-х гг.[3. с.3; 4, с.32]

Его пребывание в США в 1957 г. также принесло ему признание и успех. Он познакомился там с представителями такого передового направления в живописи, как «абстрактный экспрессионизм». С 1959 г. Зао Вуки также переходит в своем творчестве символическую границу, которая отделяет фигуративные изображения на живописной плоскости от его абстрактных решений.

С того времени он также перестал давать конкретные названия многим своим новым произведениям, подписывал только даты завершения работ. Это позволяет каждому зрителю субъективно и свободно воспринимать его абстрактные композиции, не ограничивая свои самые многообразные ассоциации, возникающие при их быстром или длительном рассмотрении[5, с.327].

Немаловажную роль в судьбе великого художника в поздний период творчества сыграло его личное знакомство с Президентом Франции Жаком Шираком (1995-2007), который был большим ценителем восточного искусства и даже предложил художнику принять французское гражданство.[4,с.57] За великие достижения в сфере художественной деятельности Зао Вуки

был награжден Орденом Почетного легиона (1993), что является свидетельством высшего официального признания Франции. В 1998 г. художник посетил со своими выставками Пекин и Шанхай, где его ожидал заслуженный успех на родной китайской земле.

Так сложилось, что большинство европейских искусствоведов связывают живопись Зао Вуки с пейзажными образными началами, хотя, как известно, в абстрактном искусстве не существует разделения на жанры, на конкретизированные сюжеты и мотивы. Но ощущения природной первоосновы в каждом его произведении настолько завораживают, что возникло даже такое оригинальное определение как «абстрактный пейзажизм» Зао Вуки [5, с.117].

В композициях художника нетрудно ощутить колористические и контрастные соотношения больших и малых цветовых плоскостей и пятен, соответствующие разным временам года, когда сияет солнце или небо покрывается свинцовыми тучами и т.д. Можно также утверждать, что небесное пространство со своим необъятным чистым сводом разных расцветок или заполненное разного очертания облаками и тучами -- вполне абстрактное по своему естественному виду.

Также на земле и на воде можно увидеть очень много удивительно выразительных поверхностей, органических творений природы, которые могут вдохновлять тех, кто ищет связь природы с абстрактным искусством. Поэтому нельзя не согласиться с мнением близкого друга художника Анри Мишо (также известного художника и поэта), который писал: «Зао Вуки расстался со зримой реальностью. Но его картины сохранили семейную связь с природой» [5, с.143].

Многие исследователи творчества художника отмечают, что уже с 1960-х гг. он начал использовать в абстрактной живописи органическое соединение европейских и восточных традиций в передаче загадочного образного пространства. Как известно, в традиционной китайской живописи всегда присутствует большая и незаполненная цветовыми пятнами и штрихами поверхность бумаги или ткани. Это усиливает ощущение многозначительности и образной глубины в такой лаконичной и обобщенной недосказанности.

Иероглифические изречения, которые присутствуют в каждом традиционном живописном свитке, также трансформируются в абстрактной живописи Зао Вуки в разнообразные «эмоциональные графемы» – резкие и порывистые движения кисти, которые дополняют и объединяют светлые и насыщенные цветовые пятна на очень больших по размерам полотнах. В целом, создаётся такая образная картина жизненных наблюдений и созерцаний, переживаний и неповторимых чувственных состояний, которая глубоко затрагивает и впечатляет бесчисленных зрителей как на Западе, так и на Востоке.

Зао Вуки, как яркий представитель новаторской парижской школы искусств, создавая на протяжении почти шестидесяти лет свои удивительные по многообразному звучанию цветов «колористические симфонии». Более того, он сумел обогатить их образную выразительность дальневосточными цветовыми ритмами и контрастами. До него, пожалуй, таких инноваций в абстрактной живописи еще не существовало.

В настоящее время постоянно возрастает интерес к творческому наследию Зао Вуки на престижных аукционах искусства, в среде коллекционеров, художников, культурологов, исследователей современного искусства и др. Его многочисленные произведения таят в себе еще много удивительных и нераскрытых образных идей, осмысление которых необходимо для многогранного развития глобального диалога культур.

Валас Тинг стал американо-китайским художником, известным своими очень яркими «флуоресцентными» живописными картинами с изображениями кошек, эротических обнаженных тел и цветов. «Картины — мой мед, краски — мои цветы, скорость — вот что требуется от художника — он должен рисовать так же быстро, как стреляет пистолет», — писал он о своей скоростной и экспрессивной технике живописи.

Его настоящее фамилия и имя Дин Сюнцюань. Он родился 13 октября 1929 года в Уси, Его, в определенной степени, можно назвать талантливым самоучкой, Тинг некоторое время

посещал Художественную академию в Шанхае. Затем он некоторое время поселился в Гонконге, а затем, переехав в Париж в 1952 году, познакомился со многими членами движения CoBrA, а именно, с Карелом Аппелем, Пьером Алешинским и Астером Йорном. Это были лидеры послевоенного стиля информализма, совмещающего разные приемы абстракционизма, экспрессионизма, и т.п. Поскольку основатели группы были из трех соседних стран (Дания, Бельгия и Голландия), то и название группы связано с заглавными буквами, обозначающими столичные центры (Копенгаген, Брюссель, Амстердам). Здесь, в среде модернистов, он и получил свои латинизированные имя и фамилию: Валас Тинг (Walasse Ting).

Позже, в 1957 году Тинг переехал в Нью-Йорк, где погрузился в художественную жизнь и укрепил свои связи с абстрактным экспрессионизмом. В этот период он включил в свою практику смелые штрихи традиционной китайской каллиграфии.

Получив признание критиков, он был удостоен стипендии Гугтенхайма в 1970 году. Его красочные картины в стиле условного двухмерного фигуративизма вызвали восхищение множество поклонников такого оптимистического и безудержного «фонтана образных эмоций». Надо отметить, что он является также известным англоязычным постмодернистическим литератором, автором 13 книг («One Cent Life», 1964, «All in my head» 1974 и др.) [6, с. 340].

С 1990-х гг. художник жил в Амстердаме, но постоянно выезжал в творческих целях в США. Валас Тинг ушел из жизни на пике своей славы 17 мая 2010 года в Нью-Йорке в возрасте 80 лет. Сегодня его работы хранятся в коллекциях Смитсоновского музея американского искусства в Вашингтоне, в Музее современного искусства в Нью-Йорке, в Художественном институте Чикаго, в Музее Соломона Гугтенхайма в Нью-Йорке, в Музее Нортон Саймона в Пасадене, в Галерее Тейт в Лондоне, в Центре Помпиду в Париже, в Художественном музее Гонконга и др.

Надо отметить, что большое творческое наследие художника еще не в достаточной степени получило широкую известность в современном Китае. Но не представляет большой сложности для китайских искусствоведов в последующие годы более углубленно раскрыть особенности и достижения этого великого мастера модернистской живописи, в которой органично сливаются восточные и западные новаторские начала.

Среди китайских мастеров искусств, которые жили и творили во Франции, одной из первых была женщина-художница Пан Юйлян (1895-1977). Она родилась в Янчжоу в провинции Цзянсу. Ее удочерил дядя после безвременной смерти родителей. Она была известной как первая китаянка, которая занималась масляной живописью.

В 1920 году Пан Юйлян сдала вступительные экзамены в художественную школу города Цай, где изучала живопись. Оттуда она поехала в Лион и Париж, чтобы продолжить обучение. В 1925 году она выиграла престижную Римскую стипендию для обучения в Академии изящных искусств в Риме.

В 1926 году Пан Юйлян получила Золотую премию за свои работы на Международной художественной выставке в Риме. В 1929 году известный китайский художник и педагог Лю Хайсу пригласил ее преподавать в Тайской художественной школе, и она вернулась в Китай. Ее также пригласили стать профессором искусств в Нанкинском национальном центральном университете. С 1929 по 1936 год она провела пять персональных выставок в Китае.

Ее работы с изображением обнаженных женских моделей, в которых она часто изображала себя, в 1930-х годах вызвали большой скандал в среде чиновников и консерваторов. Ей напомнили даже со злорадством о горестных годах ее юности, когда ее насильственно продали в дом терпимости из-за материальных проблем в приемной семье. К сожалению, такое практиковалось в Китае не единожды вплоть до конца 1940-х гг. Поэтому художница-модернистка не стала вступать в неравную борьбу с общественной рутиной и уехала навсегда в Париж в 1937 году.

Там она очень плодотворно продолжила творить еще на протяжении последующих сорока лет. Благодаря своей известности, она была избрана президентом Китайской французской художественной ассоциации. Ее работы выставлялись, в Великобритании, США, Германии, Японии, Италии, Швейцарии, Бельгии и других странах мира. Только в 1985 году многие из ее работ были возвращены в его родную страну, где они хранятся в Национальном художественном музее Китая в Пекине и в Аньхойском музее в г. Хэфэй[7].

С тех пор ее личная жизнь и творчество все больше начинают привлекать внимание зрителей и деятелей культуры, о ее непростой судьбе и величии творчества создаются романы и кинофильмы в Китае и США.

Пань Юйлян была первой из китайских художниц, которая в творчестве обратила внимание на свое собственное "я", на самоощущение современной женщины. Поэтому в ее живописном наследии так много, словно солнечно-светлыми и проникновенными движениями чувств на острие кисти, написанных женских портретов, натюрмортов, пейзажей, камерных интимных сцен. Во многом ее творчество созвучно живописи и графике двух выдающихся французских художниц, ее старших современниц: Сюанны Валадон (1865-1938) и Мари Лорансен (1883-1956).

Вполне вероятно, что творчеством этих выдающихся художников не ограничивается число новаторских личностей, творивших за пределами Китая во второй половине XX в. Эта задача требует еще большей поисковой работы и новых открытий.

Но приведенные примеры убеждают в том, что развитие китайского искусства не знает границ и, благодаря ярким и целеустремленным личностям, которые смогли взять на себя инициативу, китайский модернизм в искусстве не утратил своего движения вперед, стал неотъемлемой частью международных достижений новаторского искусства второй половины XX века.

В творчестве этих художников нашли также свое подтверждение великие возможности представителей китайской цивилизации в деле международного и прогрессивного диалога искусств, который является одним из важнейших векторов развития современного мира.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. 林风眠《我们要注意——国立艺术院讲演，亚波罗第 1 期，1928 年.56 页=Линь Фэнмянь. Лекции Национальной академии искусств.1928. – 56 с.
2. Лю, Ц. Пейзаж в творчестве Линь Фэнмяня: от традиции к новаторству в пейзажной живописи нового Китая / Ц. Лю // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. – 2020. – № 1-1. – С. 334-342.
3. Крючкова, В.А. Творчество Зао Вуки: на перекрестке двух традиций / В. А. Крючкова // Грани творчества. Выпуск 2. – М: Прогресс-Традиция, 2005. – С.319-339
4. Marquet, F. Zhao wu ji : Carnets de voyage 1948-1952 / F. Marquet. – Paris: Éditions Albin Michel, 2006. – 160 p.
5. Zhao wu ji . Œuvres 1935-2010 / préface de Dominique de Villepin. -- Paris, Éditions Flammarion,2012. -- 392 p.
6. 陈丹青我与西藏组画北京：中国今日美术出版社，2011 年-123 页=Чен Данцин. Сборник рецензий на произведения избранных современных известных и великих художников / Чен Данцин. – Шанхай: Издательство Саньянь, 2005. – 344 с.
7. 张桂林.论潘玉良的绘画艺术及其成就[J].贵州大学学报(艺术版),2004,(第 2 期)=Чжан Гуйлинь. Живопись Пан Юйлян и ее достижения. Журнал университета Гуйчжоу(издание по искусству). 2004. – № 2. –39-42 с.

КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР ПРОВИНЦИИ ФУЦЗЯНЬ В РИТУАЛЬНО-ОБРЯДОВОЙ ПРАКТИКЕ ВРЕМЕН ДИНАСТИЙ МИН И ЦИН

Кукольные представления издревле и по сей день присутствуют в ритуально-обрядовой практике многих народов мира, от древнеегипетских мистерий об Осирисе и Исиде до белорусской батлейки. Изначально играя магическую роль, со временем они объединяются с характерными для региона религиозными традициями и прочно входят в народный быт. Китайская провинция Фуцзянь представляется показательным местом для изучения этих процессов, поскольку, помимо ханьцев – коренной этнической группы КНР, здесь также проживают представители 47 из 56 официально признанных национальных меньшинств и сосуществуют как мировые религиозные течения, так и множество локальных культов. В регионе насчитывается почти 30 театральных традиций, а местное марионеточное искусство впервые упоминается еще в 843 г. в «Рапсодии о деревянных куклах» Линь Цзы [1, с. 2]. К концу империи только в уезде Шанхан, на юго-западе Фуцзянь, насчитывается более 120 кукольных трупп, а в Цюаньчжоу, в центральной части побережья, изготавливают невероятной красоты и сложности марионеток, которыми манипулируют от 16 до 30 струн.

Вопросы бытования кукольных представлений в династиях Мин и Цин в провинции Фуцзянь затрагиваются в исследованиях локальных разновидностей театра [1; 2; 3], в публикациях, посвященных театру кукол Китая в целом [4; 5; 6; 7]. При этом чаще всего они рассматриваются в контексте светского театрального искусства, и лишь некоторые авторы акцентируют тему взаимосвязи кукольных представлений с ритуально-обрядовыми практиками [8; 9; 10; 11; 12]. Однако и эти работы либо ограничиваются узким ракурсом, ведя речь о конкретной разновидности театра, кратком временном отрезке или одном обряде, либо концентрируются в большей мере на самих обрядах и ритуалах, лишь упоминая представления театра кукол в их контексте. Данная статья имеет целью ввести в русскоязычное искусствоведение сведения о бытовании кукольного искусства в контексте ритуалов и обрядов провинции Фуцзянь в период правления династий Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911), который считается «золотым веком» традиционного китайского театра.

В первую очередь стоит отметить тот факт, что народная религия, представляющая собой синкретизм шаманизма, даосизма и буддизма, сложившийся в ходе исторического развития китайской цивилизации, с особым почтением относится к куклам. Это эклектическое сочетание верований и практик, широко распространенное в Фуцзянь, придает особую значимость почитанию неба, предков, сил природы, добрых и злых духов. Согласно древним верованиям, духи могут вмешиваться в мир людей, только получив материальную оболочку. Это могут быть, например, камень или дерево, но оптимальными являются антропоморфные формы: статуи божеств в храмах, гигантские фигуры героев и богов на праздничных процессиях, или куклы. А особенно – марионетки, способные двигаться.

Такие представления устраиваются на небольших временных сценах, сделанных из бамбуковых шестов и холста, которые можно установить как на специальной площадке, где проходят выступления живых актеров, так и просто на улице, внутри частного дома или перед храмом. Представления делятся на *куйлэйси* (*муоуси*), где используются объемные куклы (перчаточные, стержневые, марионетки на нитках), и *инси* – театр теней, «в котором плоские фигуры проходят между источником света и полупрозрачным экраном, а их тени затем наблюдаются с другой стороны экрана» [2, с. 82]. Их объединяет мобильность, которая очень важна, когда кукольный театр сопровождает человека не просто на протяжении всей жизни, а также еще до рождения и после смерти.

Исторически наиболее тесной остается его связь с похоронным обрядом и культом предков, так как само появление кукольных представлений связано с древними похоронными обычаями [1; 7]. О кукольном представлении на поминках по умершему герою упоминается, к примеру, в знаменитом своим реализмом романе конца эпохи Мин «Цветы сливы в золотой вазе». Подобные обряды фиксируются и до сих пор. Так, Кеннет Дин в статье «Похороны в Фуцзянь», пишет, что в них участвуют представители всех жанров популярных в региональной культуре исполнительских искусств. Пока в пространстве между сценой и храмом друзья и семья покойного устраивают различные подношения богам, одновременно с ритуалом в исполнении даосских священников, за пределами храма выступают труппы марионеток, кукол и местных театров – для богов и общины [13, с. 23]. Жак Пэмпано отмечает, что такая церемония обязательно проводится после того, как кто-то умер не естественной смертью, так как души умерших насильственным путем считаются наиболее злыми и опасными духами, и их требуется отогнать [об этом см.: 14, с. 180]. Чаще всего на похоронах разыгрывается спектакль «Мулянь спасает свою мать», в котором главный герой при помощи Будды избавляет умершую мать от перерождения в вечно голодный призрак и мук ада, положенных ей за кармические грехи.

Фиксируется участие театра марионеток и в тесно связанной с похоронными ритуалами обрядности культа предков. Во времена династий Мин и Цин жители округа Юнчунь в Цюаньчжоу, как и многих других мест Китая, устраивают представления на Фестивале голодных духов, история которого восходит к упомянутой сутре про Муляня (Будда велит ему предлагать еду и подарки монахам в 15-й день седьмого лунного месяца). В издании 1930 г. «Местная история округа Юнчунь» отмечается: «В седьмой месяц во многих буддийских и даосских храмах проводится “Фестиваль духов” по освобождению умерших. Чтобы развлечь божеств, труппы из семи амплуа или марионеток приглашаются для постановки рассказов “Мулянь спасает свою мать” и “Сюаньчжуан отправляется в паломничество”» [15, с. 1302]. В уезде Шанхан марионеточники участвуют в подобном фестивале вплоть до XX в., а в Путяне, на побережье, он сохраняется до наших дней. Здесь он проводится священниками саньицзяо – религии, сочетающей в себе элементы конфуцианства, даосизма и буддизма. Историю этого действия Хуан Юаньсинь прослеживает со времен ранней династии Цин [16, с. 352].

Не обходится без кукольников и свадебный обряд. По сей день театр марионеток Цюаньчжоу приглашают на свадебные церемонии, чтобы защитить счастье новой пары от злых духов [17]. При этом исполняется характерная музыка *куйлэй*. Кукольная труппа в идеале должна состоять из 72 голов и 36 тел, что символизирует весь сонм божественных сил мироздания [6, с. 378]. А репертуар может включать, например, постановку «Туаньюань» («Воссоединение») о счастливой встрече двух влюбленных, разделенных судьбой. Ж. Пэмпано фиксирует факты представлений на свадьбах на Тайване театра перчаточных кукол [14, с. 31]. Учитывая, что эта театральная традиция была заимствована тайваньцами из Фуцзянь, логично предположить, что в эпохи Мин и Цин она встречалась и по эту сторону пролива.

Вот примеры участия кукольников в родинной обрядности из Путяня: спектакль «Богиня Чэнь Цзингу», по сюжету которого божество помогает рожать императрице и обеспечивает здоровье наследника, ставится в контексте ритуала *гуань*, помогающего слабым детям «пройти через трудные жизненные моменты» [16, с. 349], в котором также могут участвовать даосские священнослужители, а «Юань» («Клятва») традиционно исполняется через месяц после рождения сына, во время обряда *миюэ*. Родственники младенца и община преподносят эту пьесу в качестве подарка Тянь Гуну, чтобы выразить благодарность за его благословение и защиту. Тянь Гун в Путяне считается божеством-покровителем местных общин, а также местного театра марионеток и оперы Пусянь [18].

С родинной обрядностью тесно связаны и обычаи празднования дней рождения. Та же постановка «Юань» часто сопровождает дни рождения старейшин. Так, Сюй Цзунгань (1796–1866) – интендант Чжанчжоу, расположенного на юге нашей провинции, в 11 томе «Информации об истории опер Фуцзянь» вспоминает: «Я занимал свой пост в течение пяти месяцев. В третий лунный месяц знатные и простые люди поздравили меня с

пятидесятилетием. Двери на улицах были украшены цветными лентами. Все семьи курили благовония. Спектакли с фонарями (т.е. *инси* – прим. авт.) длились три дня. Хотя они были запрещены, [эти традиции] не прекратились» [1, с. 48]. Важно отметить, что упомянутый запрет не только существовал в предыдущие эпохи, но и регулярно актуализировался властями на протяжении всего исследуемого периода, однако данные традиции не были утеряны, что свидетельствует об их глубоком укоренении в культурный код.

Представления театра кукол включены и в цикл календарных обрядов. Так, они выступают популярным развлечением во время китайского Нового года. В главе 38 «Истории династии Мин» говорится, что в Чжанчжоу в середине этой эпохи спектакли *инси* проводятся в первый лунный месяц, с 10 по 16 число, чтобы отпраздновать первое полнолуние [19, с. 950].

Со времен династии Сун не обходятся без кукольников храмовые праздники. Каждое такое событие – это целый драматический фестиваль, объединяющий различные формы традиционных китайских театров: оперу *луантань*, кукольные спектакли, танцоров в костюмах драконов и другие. В провинции Фуцзянь в эпохи Мин и Цин исследователи ассоциируют с подобной деятельностью такие виды региональных опер, как *куньцюй*, *иянцян*, *цинянцян*, *муляньси*, а также театры марионеток *гаоцян* и *дацян* [об этом см.: 12].

Храм организует торжества в день рождения повсеместно почитаемого или местного божества-покровителя, годовщину его канонизации, или в честь какого-либо знаменательного события из его жизни. К примеру, в 19-й день 6-го лунного месяца празднуется достижение Гуаньинь состояния будды. Гуаньинь – китайский вариант имени буддийской бодхисаттвы сострадания Авалокитешвары. Она представляется в женском облике и является очень популярным божеством, особенно в Фуцзянь, где издавна сильно влияние буддизма. По словам Е Миншэна, в Цюаньчжоу пьесы театра марионеток о Муляне, которые ставились в два дня рождения Гуаньинь, часто длились семь дней и семь ночей.

Персонажами кукольного театра являются и народные, и даосские, и буддистские божества и герои. Так, постановки «Басянь Гохай» («Восемь бессмертных, пересекающих океан») и «Дяньхуа Сянцзы» («Просвещение Сянцзы») прозелитизируют даосизм, «Гуаньинь Хуа» («Прославление Гуаньинь») и «Мулянь спасает свою мать» – буддизм, «Фэншэнь Яньи» («Обретение богов») демонстрирует синкретические народные верования, переплетая многочисленные элементы китайской истории, фольклора, мифологии, в том числе правителей, божеств, бессмертных и духов. Известно, что во время ранней династии Цин театр марионеток гаоцян, распространенный до наших дней в районах проживания субэтнической группы хакка на юго-западе Фуцзянь (Упин, Чантин и Шанхан), посвящает местным божествам такие пьесы как «Легенда о Хуагуане», «Легенда о Гуаньинь» и «Легенда о Леди» [5].

Ставятся они в первую очередь для богов и лишь во вторую – для человеческой аудитории [8, с. 133–135; 10, с. 3]. Театральная постановка, приуроченная к тому или иному обряду, выступает в качестве такой же жертвы, как, например, пища или благовония. Самим марионеткам, буквально являющим собой божеств, перед спектаклем также приносят жертвы. Ж. Пэмпано отмечает, что, когда куклы изображают богов, в символической форме выражается просьба к ним лица, пригласившего кукольника [об этом см.: 14, с. 31].

Буддисты и даосы изначально не устраивали своим божествам таких развлечений, как поклонники местных культов. Склонные к сдержанности и аскетизму, они выступали против жертвоприношений, чрезмерного веселья и эротизма в контексте ритуально-обрядовой практики. В этом их поддерживали конфуцианцы, часто подвергая театральные представления критике за пустые траты и распущенное содержание. Но к эпохе Мин даосизм слился с иными верованиями, поглотив народный пантеон и заимствовав аспекты местных культов, и кукольные представления используются для привлечения потенциальных жертвователей в буддийские и даосские храмы [об этом см.: 20].

Определенные векторы задает и государство, широко поддерживая культы одних божеств и запрещая другие. Последние в ответ часто мимикрируют так, чтобы внешне напоминать санкционированные, в том числе использованием кукольных постановок. К примеру, морская богиня Мацзу изначально является обожествленной формой легендарной фигуры Лин Мо,

фуцзянской шаманки начала эпохи Сун. Основная легенда описывает ее как спасительницу отца и братьев от тайфуна в море с помощью шаманских практик. Более поздние легенды, возникшие уже в эпохи Мин и Цин и призванные оправдать присутствие Мацзу в буддийских храмах, утверждают, что и ее родители, и она сама очень почитали Гуаньинь, и даже что Гуаньинь была воплощена как Мацзу. Другие легенды повествуют о встрече Мацзу с одним из даосских бессмертных; якобы именно от него она получила способности изгонять демонов, исцелять больных и предотвращать бедствия.

Мацзу считается покровительницей фуцзянских моряков и рыбаков. Храмы, посвященные ей, размещаются во всех прибрежных районах, а также вдоль крупных рек. Моряки из Сямэня, посещая их, преподносят Мацзу кукольные представления в качестве жертвы, чтобы испросить благословения. Таким образом, их функция остается неизменной вне зависимости от трансформации самого божества и обряда, а Фань Пэньчэнь даже утверждает, что во многих ритуалах кукольники непосредственно заменили собой шаманов [20, с. 45].

В крупных городах люди активно создают профессиональные гильдии, которые, как и местные общины, имеют своих божеств-покровителей, или даже группы таковых. Объединяются в гильдии и сами кукольники. Робин Руизендал утверждает, что в Цюаньчжоу к концу династии Цин штаб-квартира профессиональной ассоциации марионеточников находится в даосском храме тайн, посвященном Нефритовому императору. Каждый год, согласно его воле, избирается новый глава гильдии. А в день рождения Тянь Гуна лучшие кукловоды каждого ролевого типа ставят совместные спектакли [10, с. 31–32]. Известный исследователь даосизма Кристофер Сниппер отмечает, что его патриархи были также кукловодами [об этом см.: 6, с. 380]. Таким образом, можно заметить, что именно даосы в исследуемый период наиболее активно включают представления театра кукол в свои ритуальные практики.

Считается, что марионеточники, учившиеся у даосов, способны совершать экзорцистские обряды, приглашая того или иного духа, или божество вселиться в их куклу и отогнать менее могущественных и опасных для человека духов¹. Так, к концу эпохи Мин относится упоминание о том, как жители округа Пучэн, что на самом севере Фуцзянь, приглашают театр марионеток, чтобы изгнать *люша* («убийц воды»). Согласно поверьям, эти злые духи, помимо прочего, могут препятствовать развитию эмбриона и вызывать болезни у беременных женщин. Чтобы отогнать их от будущей матери, чаще всего ставится «История пяти проявлений», также известная как «Легенда о Хуагуане», «Легенда о Великом императоре» или «Путешествие на юг» [12, с. 73]. В то же время, существует поверье, что беременным не стоит смотреть представления театра марионеток, ибо дух куклы достаточно силен, чтобы пересечь границу плоти, и может овладеть плодом, тогда ребенок родится вялым и гибким, как марионетка.

Определенные ритуалы и обряды совершаются кукольниками, чтобы поблагодарить высшие силы за удачное завершение дела, попросить их о благословении, избавлении от болезни, о защите дома. Так, в пьесах «Тяо Лингуань» («Танец Лингуань») и «Тяо Чжун Куй» («Танец Чжун Куй») центральные персонажи – экзорцисты. Считается, что их появление изгоняет с места выступления злых духов и способствует созданию счастливой и шумной атмосферы, благоприятной для общества. Представления игрались в качестве очистительного обряда перед выступлением.

Существует в целом «благоприятный репертуар», предполагающий, что представление может предотвратить бедствия и сдержать зло. Распространенные пьесы этого типа – «Тяньгуань Цыфу» («Благословение небожителей»), «Фулушоу» («Сбор богов счастья, процветания и долголетия»), «Тяньной Саньхуа» («Фея дарит цветы»). Есть и более специализированные пьесы, призванные помочь в официальной карьере, получить высшее место в имперском экзамене. Например, «Цзяниань Цзиньцзюэ» («Повышение в звании и

¹ Кукловоды также приобретали у даосов бумаги с заклинаниями, оберегавшие их кукол от того, чтобы в них вселился нежелательный дух.

успех»), «Цзиньбан» («Доска почета»), или «Цзяогуань» («Повышение чиновника»), популярная еще со времен династии Мин.

Последняя длится всего полминуты. Ее персонаж Вэй Чжэн – китайский канцлер времен династии Тан, который во время войны выступил против будущего императора, однако последний настолько высоко оценил ум и храбрость Вэй Чжэна, что не только помиловал его, но и назначил своим советником. Чаще всего такие сценки ставятся в прологе перед основным спектаклем. В поздний имперский период их модно заказывать для мужчин и женщин из высшего сословия в дни их рождения. Они начинают приобретать рекреативный характер, превращаясь из представлений, предназначенных в первую очередь для богов и духов, в развлечение для богатых клиентов [21, с. 80].

Таким образом, кукольный театр провинции Фуцзянь во времена династий Мин и Цин имеет не только рекреативную, но и ярко выраженную ритуально-обрядовую функции. Он материализует философию и религиозные взгляды жителей Древнего Китая. Куклы для них символизируют богов и героев. Через них обращаются с просьбами о здоровье и предотвращении бедствий, благодарят божеств и предков за удачу и избавление от напастей. Они сопровождают человека на протяжении всей жизни, будучи включенным в семейную (полностью – родину, свадьба и похороны) и календарную (частично) обрядность многих народностей провинции Фуцзянь. Они тесно связаны с культом предков, с экзорцистскими и знахарскими ритуалами. Без кукольных постановок редко обходятся празднования знаменательных событий, укрепление солидарности в профессиональных сообществах.

Все присутствующие в регионе религиозные течения в той или иной степени используют кукольные театры в храмовых праздниках, повышая с помощью такой кооптации свой статус среди местных жителей. В большей мере это свойственно приверженцам даосизма и народных верований, в меньшей – буддистам. Центральными фигурами постановок являются как местные, так и повсеместно почитаемые божества и герои. Существует строго и условно приуроченный к тому или иному обряду репертуар. При этом в контексте одного и того же ритуала с одними и теми же целями иногда может ставиться несколько различных пьес, и в то же время существуют универсальные постановки, как, например, «Мулянь спасает свою мать».

Благодаря укорененности в ритуально-обрядовой практике, несмотря на не всегда благосклонное отношение со стороны властей, кукольное искусство в эти периоды бурно развивается, растет количество трупп, совершенствуются внешний вид и конструкция кукол, появляются новые их виды, как, например, перчаточные. Тем печальнее наблюдать, как при сегодняшнем официальном курсе КНР на возвышение традиций и обычаев ритуальные кукольные театры все равно постепенно уходят в небытие вместе с самими древними ритуалами и обрядами. Без живой аудитории последними зрителями этого «реликта» сегодня остаются боги и духи, а также сами кукольники.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. 叶明生. 福建傀儡戏史论: 上下册. 北京, 2004 (Е Миншэн. Об истории кукольного театра Фуцзянь: в 2 т. / Е Миншэн. – Пекин, 2004. – 1229 с.).
2. Tsao, Pen-yeh. Puppet Theatres in Hong Kong and their Origins / Pen-yeh Tsao. – Hong Kong: the Hong Kong Urban Council, 1987. – 99 p.
3. 蓝乐妍. 非物质文化遗产视域下的上杭傀儡戏研究. 广西, 2013 (ЛанЛейан. Исследование театра кукол Шанхан с точки зрения нематериального культурного наследия : диссертация на соискание степени магистра антропологии / Лан Лейан; Педагогический университет Гуанси. – Гуанси, 2013. – 40 л.).
4. Dolby, W. The Origins of Chinese Puppetry / W. Dolby // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. – 1978. – Vol. LXI. – pp. 97–120.

5. Rault, L. China / Lucie Rault // World Encyclopedia of Puppetry Arts [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wepa.unima.org/en/china/>. – Дата доступа: 12.12.2021.
6. Кобзев, А. И. Театр кукол и теней / А. И. Кобзев // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / Российская акад. наук, Ин-т Дальнего Востока ; гл. ред.: М. Л. Титаренко. – М.: Восточная лит., 2010. – Т. 6 (дополнительный): Искусство : [архитектура, каллиграфия, живопись, ремесло, музыка и танец, театр и кино]. – С. 376–384.
7. 孙楷第. 傀儡戏考原. 民俗曲艺. 1987. 第 23, 24 期 (Сунь Кайди. Исследование истоков [китайского] кукольного искусства / Сунь Кайди // Народное искусство : Театр и фольклорная серия, 2-е изд. – 1987. – Вып. 23, 24. – С. 12–19).
8. Chan, M. Ritual Is Theatre, Theatre Is Ritual; Tang-Ki: Chinese Spirit Medium Worship / M. Chan. – Singapore: SNP Reference, 2006. – 186 p.
9. Chen, Fan-Pen Li. The Chinese Shadow Theater: History, Popular Religion, and Women Warriors / Fan-Pen Li Chen. – Montréal: McGill-Queen's University Press, 2007. – 368 p.
10. Ruizendaal, R. Marionette Theatre in Quanzhou: Ph.D. Dissertation in Sinology / R. Ruizendaal; The University of Leiden. – Leiden, 1999. – 246 p.
11. Schipper, K. The Taoist Body / K. Schipper; trans. Karen C. Duval. – Berkeley: University of California Press, 1993. – 273 p.
12. Tuen Wai Mary Yeung. To entertain and renew: operas and ritual in South China : Ph.D. Dissertation / Tuen Wai Mary Yeung; The University of British Columbia – Vancouver, 2007. – 448 p.
13. Dean, K. Funerals in Fujian / K. Dean // Cahiers d'Extrême-Asie. – 1998. – Vol. 4, Numéro spécial: Études taoïstes I (Special Issue on Taoist Studies I en l'honneur de Maxime Kaltenamark). – Pp. 19–78.
14. Соломоник, И. Н. Традиционный театр кукол Востока : Основные виды театра объемных форм / И. Н. Соломоник. – М. : Наука : Изд. фирма «Вост. лит.», 1992. – 311 с.
15. 丁世良, 赵放. 中国地方志民俗资料汇编. 华东卷下, 1997 (Дин Шилян, Чжао Фан. Сборник китайских краеведческих и фольклорных материалов: Восточный Китай, Т. 2.– 2-е изд. – Пекин, 1997. – С. 1302).
16. Chen, Fan-Pen Li. A Survey of Puppetry in China (Summers 2008 and 2009) / Fan-Pen Li Chen // Asian Theatre Journal. – 2010. – Vol. 27, No. 2. – pp. 333–365.
17. Rault-Leyrat, L. Chine. Ka-lé. La Cérémonie du Bonheur, Musique des marionnettes à fils de Quanzhou (Fujian) / L. Rault-Leyrat // Cahiers d'ethnomusicologie. – 1997. – № 10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://journals.openedition.org/ethnomusicologie/935>. – Дата доступа: 06.01.2021.
18. 杨榕. 莆田市瑞云庙之田公信仰, 祭仪与戏剧. 民俗曲艺, 王秋桂, Vol. 122, 123 (ЯнЖун. Поклонение лорду Тиану в Храме благоприятных облаков в Путянь: ритуалы и оперы / Жун Ян // Журнал китайского ритуала, театра и фольклора. – 2000. – № 122, 123. – С. 7–100).
19. 何乔远 [1613], 闽书, 1994 (Хэ Цяюань. История Мин. – Т. 5. – Фучжоу, Фуцзянь, 1994. – С. 950).
20. Chen, Fan-Pen. Ritual Roots of the Theatrical Prohibitions of Late-Imperial China / Fan-Pen Chen // Asia Major. Third Series. – 2007. – Vol. 20, No. 1. – Pp. 25–44.
21. Mackerras, C. Chinese Drama – A Historical Survey / Colin Mackerras. – Beijing: New World Press : Distributed by China International Book Trading Corporation, 1990. – 274 p.

СЛЕДЫ МЫСЛЕЙ ОБ ИНЬ-ЯН В ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В долгой истории китайской литературы следы мысли Инь-Ян существовали всегда. И играть разные роли в разные периоды. Хотя в некоторые периоды Понятия Инь-Янь не единственные в китайской литературе. Понятия Инь-Ян был объединен с другими идеями, но следы мыслей Инь-Ян никогда не исчезали в истории китайской литературы.

Мысль Инь-Ян в «Шовэнь Цзецзы» (说文解字)

«Шовэнь Цзецзы» (说文解字) - самый ранний словарь, существующий в Китае. Он проанализировал первоначальное значение каждого китайского иероглифа через изображение Сяо Чжуань (Один из первых шрифтов в Китае). Теория Инь-Ян в «Шо Вэнь Цзе Цзы» в основном отражена в числовых символах. Например, числа, написанные на китайском языке, один, два, три, четыре (一、二、三、四) и т. д. Для этих китайских иероглифов, Сюй Шэнь не объяснил первоначальное значение этих слов, но используйте философскую теорию Инь-Ян, чтобы объяснить его значение [1, с.411].

С точки зрения традиционной китайской философии и литературы, теория Инь-Ян – важная часть китайской традиционной культуры. «Чжоуи» (周易) Одно из важнейших произведений древнего Китая, Главное - использовать символы Инь-Ян, чтобы Говорите об изменениях в вещах, обо всем хорошем и плохом. Основное содержание «Чжоу-и» рассказывает людям, Инь-Ян нельзя изучать отдельно, Инь-Ян появляются вместе в вещах, И Инь-Ян могут трансформироваться друг в друга при определенных условиях. Следовательно, мы можем обнаружить, что теория Инь-Ян - это мировоззрение древних китайцев. В мышлении Инь-Ян есть элемент простого диалектического материализма. В древней китайской литературе и традиционной культуре мысли Инь-Ян присутствуют во всех аспектах. Мы можем так думать : Теория Инь-Ян - ядро традиционной китайской культуры. Если не будет теории Инь-Ян, то традиционная культура Китая не будет такой богатой, как сейчас. Сюй Шэнь подчеркнул теорию Инь-Ян в «Шовэнь Цзецзы», а также отразил Культура Инь-Ян играет важную роль в традиционной китайской литературе.

Понятие Инь-Ян в «Хань Фу» (汉赋)

«Хань Фу» - литературная форма с характеристиками как поэзии, так и прозы времен династии Хань Китая. Что сказал Гу Цзиган: «Основа мышления людей династии Хань– это Инь, Ян и Пять Элементов. Будь то религия, политика или литература, они должны использовать мышление Инь-Янь». Результатом этого является то, что теория Инь-Янь обобщает не только такие явления природы, как небо и земля, день и ночь, мужчины и женщины. Он также резюмировал абстрактные понятия, такие как разные состояния, разные уровни и т. д. [2, с.229]

Инь-Ян— это основная мысль людей династии Хань. Поскольку Инь-Ян - главные мысли людей в династии Хань, мысли Инь-Ян прямо или косвенно влияют на зарождение и развитие «Хань Фу». Мысли Инь-Ян часто прямо выражаются в текстах «Хань Фу», Идеи Инь-Ян в основном проявляются в двух аспектах «Хань Фу», описывающих природу и общество.

Во-первых, давайте рассмотрим концепцию Инь-Ян, выраженную в описании природы в содержании «Хань Фу». В «Хань Фу» концепции Инь-Ян часто используются для объяснения формирования вселенной и роста всего в природе. Как в «Да Чжи» (达旨) описание: »В древности, когда начали меняться Инь-Ян, родился мир» [3, с.444].

Чжан Хэн «Череп Фу» (骷 髅 赋) описание: Когда я двигаюсь, я словно Инь-Ян свободно текут между небом и землей[4, с.132]. Все упомянутые выше «Инь-Ян» относятся к мысли об Инь-Ян, или двух основных элементах вселенной, а также могут относиться ко всем вещам во вселенной.

«Хань Фу» также описал влияние изменений Инь-Ян на рост всего в природе. Например, в «Токио Фу», в гармоничном состоянии Инь-Ян, Все развивается по законам природы [5, с.124]. В традиционном китайском мышлении гармония Инь-Ян сделает мир сбалансированным, и мир будет развиваться к лучшему. Если Инь-Ян не будут гармоничны, мир потеряет равновесие и будет полон войн, голода и различных стихийных бедствий.

Во-вторых, концепции Инь-Ян выражаются в описании общества и человеческих отношений в содержании «Хань Фу». Описание дворцового строительства в Хань Фу явно отражает влияние мысли Инь-Ян. Инь-Ян повлияли на концепцию дворцового строительства в династии Хань. «Хань Фу» подробно описывает расположение и внутреннее убранство «дворца Вэйян» (дворец, где жил император династии Хань). Восточное, западное, южное и северное направления дворца соответствуют принципу баланса Инь-Ян.

Видно, что влияние концепции Инь-Ян на содержание «Хань Фу» можно назвать обширным и глубоким. Формирование неба и земли, естественное функционирование, строительство дворца, человеческие отношения и порядок, методы успеха и неудачи, задействованные в «Хань Фу», могут найти следы концепции Инь-Ян.

В долгой истории китайской литературы, это не трудно найти, что, хотя мысль Инь-Ян находится под влиянием политики, экономики и культуры, иногда блестящие, а иногда и слабый, но нельзя отрицать, что для китайской культуры, мысль Инь-Ян никогда не исчезала. С древних времен мысли Инь-Ян влияли на мышление и письмо китайских писателей. Инь-Ян также сыграли важную роль в развитии китайской литературы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ли Цяньцзюй. О теории Инь-Ян в «Шовэнь Цзецзы» / Цяньцзюй Ли // Журнал педагогического колледжа Хуайхуа. – 1997. – № 4. – С. 411.
2. 顾颉刚. 秦汉的方士与儒生 上海古籍出版社 = Гу Циган. Алхимики и конфуцианцы в эпоху династий Цинь и Хань / Циган Гу. – Шанхай: Издательство древних книг, 2005. – 229 с.
3. 费振刚、仇仲谦、刘南平全汉赋校注 广东教育出版社 = Фэй Чжэнган, Цю Чжунцянь, Лю Наньпин. Комментарии к «Хань Фу» / Чжэнган Фэй, Чжунцянь Цю, Наньпин Лю. – Гуандун: Образовательная пресса, 2005. – 444 с.
4. 佚名古文苑章樵注 中华书局 = Неизвестный автор. Коллекция древнекитайской литературы/ Неизвестный автор. – Издательство «Чжунхуа», 1985. –132 с.
5. 萧统昭明文选 李善注 中华书局 = Сяо Тун. Литературный сборник /Тун Сяо. – Издательство «Чжунхуа», 2019. –124 с.

Чэнь Цаньбинь

*аспирант Белорусской государственной
академии искусств*

(г. Минск, Республика Беларусь)

МАСТЕРА КСИЛОГРАФИИ ПЕРИОДА КИТАЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ 1910-х –1940-х гг.

Искусство ксилографии (гравюры на дереве) в Китае насчитывает не одно столетие.

Истоки его связаны с традицией печатания иероглифических текстов, с культовыми изображениями буддизма и др. Но только в первой половине XX в. искусство ксилографии

достигло своего неповторимого взлета, стало настоящим видом прогрессивного национального искусства. Оно отразило все исторические перемены и было на передовой борьбы за свободу и справедливость [1, с.5].

С 1912 г., после свержения последней Цинской династии, в Китае начался рост новых революционных форм агитационного искусства графики (карикатуры, плакаты, иллюстрации на газетных страницах и т.п.). Многие творческие личности, а также прогрессивные общественные деятели прекрасно осознавали силу воздействия искусства печатной графики на сознание многомиллионной нации в тот переломный исторический период формирования новых устоев демократического образа жизни.

Начали создаваться разные художественные кружки и организации, которые пытались возродить технику ксилографии для достижения больших идейно-просветительских и воспитательных целей. Получили известность «Общество изучения гравюры на дереве», «Вольный ветер», «Весенняя земля», «Прибой» и др. Их названия сами за себя говорят о том, в какое они романтическое время возникли, и какая атмосфера великих надежд тогда овладела сознанием прогрессивной творческой интеллигенции[1, с.15].

Немаловажная заслуга в распространении граверного мастерства принадлежит великому реформатору китайского искусства, Ли Шутуну, который на страницах “Новой Шанхайской газеты” в 1913 г. начал использовать ксилографические иллюстрации для разных актуальных рубрик и публикаций. Это вызвало небывалую увлеченность гравюрой на дереве других художников, которые понимали значимость лаконизма, остроту выразительных средств и оперативность образного реагирования этого искусства на важные общественные явления[2, с. 15].

Искусство каллиграфии высоко оценил великий китайский писатель-революционер и реформатор Лу Синь (1881–1936). Он был уверен в том, что ксилография сможет быть катализатором, способным вывести из тупика консерватизма, например, традиционное китайское искусство. Этапным произведением писателя был сборник «Утренние цветы сада искусств» (1929 г.). В этом сборнике много место было впервые посвящено примерам современной ксилографии разных стран. В 1930 г. Лу Синь также организовал в Шанхае выставку ксилографии прогрессивных немецких, французских и советских художников [2, с.31].

Китайские зрители смогли ясно уяснить, как выразительные и жизненно-убедительные образы европейской графики могут стать примером для нового поколения отечественных художников в осознанном обращении к злободневным темам современности. В то время наибольшую возможность ежедневного диалога с социумом могли демонстрировать только многотиражные газеты, на печатных страницах которых активно воспринимались черно-белые, идейно-направленные ксилографические композиции.

Молодые художники-графики под идейным руководством Лу Синя создали в Шанхае настоящий демократический центр прогрессивной ксилографии, нацеленной своей образной остротой и проникновенностью на проблемы жизни простых и страдающих современников. В конце 1920-х -- начале 1930-х гг. усилилась идеологическая борьба коммунистической идеологии и правящей партии под руководством Чан Кайши. Начинается период японского вторжения на территорию Китайской Республики.

И искусство не могло быть в стороне от таких обостренных конфликтов того времени. Происходило политическое давление на прогрессивных художников. Их объединения запрещались. Официальные власти поддерживали искусство эстетического конформизма и буржуазного салона, воспринятых от западных стран. Но ксилография смело пробивалась сквозь запреты и несла свежие творческие идеи.

Лу Синь горячо поддерживал в то сложное время талантливого графика Ли Хуа из г. Гуанчжоу, основателя общества «Современная гравюра». Следуя советам великого писателя, этот художник стал широко отражать жизнь китайского народа, напряженного труда, лишений и страданий: «Беженцы» (1935), «Женщины – строители дороги» (1936), «И богатый урожай – не спасет от бедности» (1936), «Потерявшие надежду»(1936) и др. Драматическая тема помогла

художнику создать основу для современного национального стиля китайской графики, в которой органично сливаются приемы традиционной каллиграфии и европейские стилистические начала реализма и экспрессионизма.

В таких произведениях нет места случайным техническим “трюкам”. Все имеет большой эмоциональный заряд, экспрессивная деформация фигур и лиц вполне оправдана сложным психологическим состоянием. А самое главное, художник не просто фиксирует то или иное драматическое событие, но сопереживает своим героям, протестует против несправедливости, призывает к активному противостоянию. Ли Хуа становится лидером движения демократических гравюров 1930-х гг., его пример становится зажигательным для многих художников, несмотря на жесткое политическое противостояние и постоянные попытки подавления прогрессивного творчества [3, с. 57].

Время японской интервенции подтолкнуло художников-ксилографов к наиболее обостренным агитационным формам станковой графики, которые были сродни политическому плакату. В 1938 г. в г. Ухань была создана «Всекитайская ассоциация гравюров для борьбы с врагом». Вместе с Ли Хуа в нее вступили такие прогрессивные художники, как Чэнь Янцзяо, Хуан Синьбо и др. Военная тематика в тот период возобладавала, потому что на полях сражений решалась судьба нации. Стиль ксилографии становится предельно суровым и напряженным.

В это ожесточенное время Чэнь Янцзяо сумел создать очень сконцентрированные героические образы, которые передавали дух сопротивления и непобедимости китайского народа, хотя композиции и не посвящаются напрямую активным военным действиям: «Бойцы у костра» (1939) и особенно «Сбор урожая» (1939). В этой гравюре на переднем плане застыл в напряженной позе боец с оружием. Он всматривается вдаль и прислушивается к шуму ветра. А на поле в непрестанном движении работают крестьяне, собирают урожай и невзирая на непогоду и усталость.

Это образное направление получило развитие и в графике других мастеров «героического стиля» 1940-х гг. (Хуан Янь «Жажда», 1942; Цай Дичжи «Семья крестьянина», 1942; Ван Ци «Камнерубы», «Рыбаки», 1943 и др.) С каждым годом нарастают настроения протеста против ужасов войны, против противоборства разных политических сил, что приводит к страшным жертвам и разрушениям. Художники выступают на стороне страдающего народа, пытаются силой графики призывать к милосердию и человеколюбию (Ши Цзечжи «Кто виноват?», 1943; Цай Дичжи «Беженцы», 1944; Ван Шуи «Без вести пропавший», 1945 и др.)

В 1940-х гг. ярко проявился талант ксилографа Чжан Янси, который стал неутомимым и неповторимым хроникером того сложного, трагического, противоречивого времени. Его обостренно-социальное произведение «Два типа детей» (1944) никого не оставляет равнодушным. Мать из преуспевающего семейства дает заработать мелкую монету мальчику-чистильщику обуви. Она с нескрываемым презрением и превосходством взирает сверху на склонившегося к ее ногам тощего и утомленного малыша. И одновременно очень бережно держит на коленях своего сытого и хорошо приодетого сына. Вот такая остросюжетная картина нравов и резкая критика социальной несправедливости, усиленная до предела резкой и правдолюбивой графической линией художника [4, с. 59].

С конца 1930-х гг. начинает активно развивать свое творчество великий китайский ксилограф XX в. Гу Юань. Он был одним из самых успешных студентов а затем и авторитетным преподавателем Академии искусств им. Лу Синя в 1938-1946 гг. в г. Яньань. Не будучи непосредственно участником военных действий в действующей армии, он самым убедительным образом отразил героизм и мужество китайских солдат. Он без прикрас показал правду жизни в прифронтовых районах, суровые условия жизни и острые социальные конфликты, разделенные на два лагеря страны, в которой до 1949 года продолжалась гражданская война.

Выдающимся графическим произведением Гу Юаня стала его трехцветная ксилография «Живой мост» (1949), в которой он изобразил неудержимое стремление к победе безымянных китайских бойцов, перебегающих реку по символическому мосту, прямо в кроваво-красное полыхание пожара брательной войны [4, с. 65].

А в стремительном потоке реки стоят по груди в воде их самоотверженные товарищи по оружию и держат на плечах бревна, по которым можно стремительно перебраться на другой берег. В композиции почти отсутствует белый цвет бумаги. Напряженные контрасты черного, оранжево-красного и сине-бирюзового цвета гравюры передают весь накал сражения и вовлекают зрителя в бесстрашную атмосферу борьбы за объединение страны, где никто не считается с жертвами и потерями. Идея победы тут воспринимается превыше человеческой жизни.

Гу Юань проявил себя как мастер многофигурных композиций. Он создал остросюжетные сцены, где происходит столкновение разных общественных интересов, возникает прозрение и уходит прочь многовековая отсталость, рождается новое поколение свободных граждан народного Китая («Отара овец», 194; «Зимняя школа», 1941; «Собрание крестьян по вопросу снижения арендной платы», 1943; «Народный герой Лю Чжидань среди крестьян», 1944; «Крестьяне сжигают долговые расписки», 1947; «Восстановление», 1948 и др.).

Произведения художника, выражающего суть столь сложного и неповторимого по своей переломной сущности времени можно считать классикой его графического стиля, где каждая уверенная линия и штрих отточены до совершенства и выражают глубокий идейно-образный смысл. Его стиль является одним из вершин героического направления в китайской ксилографии XX века, рожденный проблемами времени и навсегда увековечивший страсть борьбы и силу народных стремлений к новой и достойной жизни.

На принципиальных демократических позициях стоял в своем творчестве 1940-х гг и великий график Ли Хуа. Он показал весь накал военных страстей и бездну трагедии, которую пережили жители гоминдановских территорий, обреченные на страдания и бесчеловечность со стороны властей. Этому посвящены его лучшие работы периода гражданской войны «Погоня за светом», 1946; «Мы солидарны», 1947; «Помогите ему», 1947; «Набор в солдаты», 1947; «Гнев народа», 1947 и др. По своему пафосу осуждения зла и агрессии они создают неповторимую серию человеколюбия, доказывая этим самым, какую великую роль может играть в современном мире боевое искусство графики в борьбе за права человека мирно жить на своей родной земле.

Под воздействием творческих примеров Ли Хуа, оставляющих неизгладимое эмоциональное впечатление и глубоко западающих в память, тягостные стороны жизни Китая в период гражданской войны конца 1940-х гг., выявили многие талантливые и наблюдательные художники-графики. По своей сути их работы максимально приближены к композиции фотокадра, что сообщает им документальность, достоверность и правдивость. Но ксилографическая острота и напряженность линий, выявляющих главное и характерное, создают ярчайшие документы жизненной правды, обладающей большой художественной убедительностью.

Чжан Янси раскрыл обличающую политику вымогательства и произвола властей во всей ее неприглядности, которая требовала от простых людей «излишки» продуктов питания на нужды войны («Грабят рис», 1947). Ему же принадлежит также потрясающая по своей трагичности графическая композиция «Рынок живого товара» (1947). Доведенные до отчаяния голодом и лишениями, бедные родители готовы продать свою молодую дочку на бесправное существование.

К сожалению, такие факты в то время были далеко не единичные. Но чуткий к страданиям людей художник не осуждает безвинную жертву социального беспредела, как это демонстрируют в композиции некоторые надменные покупатели при деньгах и случайные зеваки. Он гневно осуждает те антигуманные социальные причины, которые вынуждают людей на самые низменные поступки.

Гнев и осуждение деспотизма и бесчеловечности по отношению к своим согражданам выразил график Ян Навэй в композиции «Местопребывание пропавших без вести»(1947). На переднем плане резкими, экспрессивными штрихами он изображает тела безвинно погибших мирных жителей. На заднем плане на фоне горного пейзажа с деревушкой он показал на дороге маленьких как букашки карателей, рыскающих в поисках новых жертв.

Свое сочувствие обездоленным выразил в ксилографической композиции «На улице»(1947) художник-демократ Шао Капин. На тротуаре большой и респектабельной улицы лежит в лохмотьях нищий ребенок. А рядом безразличная парочка с собачкой. Но именно самый несчастный и обездоленный человек для художника является высшей образной ценностью на фоне праздной и состоятельной жизни, полной эгоизма и стяжательства.

Брошенные дети, сироты, обездоленные войной люди, неутомимые труженики, жертвы насилия стали настоящими героями остро социального протестного искусства китайской ксилографии того драматичного времени. Они по сей день являются творческой вершиной реалистической правды искусства, которое острием своего графического штриха боролось с угнетателями, проходимцами всех оттенков, врагами добра и справедливости на китайской земле.

В июле 1949 года в освобожденном от гоминдановских властей Пекине произошло Всекитайское собрание деятелей культуры и искусства, в котором активное участие принимали практически все известные художники графики. Они проявили поддержку революционным программам Мао Цзедунa и его партии. Были подведены итоги творческим достижениям социально ангажированного искусства и выражены надежды на дальнейшее активное участие творческих личностей в мирном строительстве и восстановлении страны. Однако, не всем надеждам суждено было сбыться.

В КНР с первых шагов новой народной власти была проведена политика объединения всех художников во Всекитайский союз работников изобразительного искусства. Важной идеологической целью культурной политики в молодой стране, только что пережившей все ужасы гражданской войны, было ее восстановление, создание новых устоев общественной жизни на коллективной социалистической основе. Пример соседнего Советского Союза с его всесторонней поддержкой был тогда очень популярный в китайском обществе. Великая сила советского искусства, которая опиралась на профессиональную академическую школу, привлекала одаренных китайских мастеров кисти и резца во имя совершенствования своего художественного мастерства.

Во всех правительственных делегациях, посещавших КНР в первые десятилетия становления Республики, принимали участия и известные советские художники. Среди них были также графики О.Верейский, А.Голованов, М.Богдеску, В.Жуков и др. Они отзывались о китайских художниках, как о достойных уважения коллегaх и единомышленниках, высоко ценили их творческие достижения.. Это была большая профессиональная поддержка, которая помогала проявляться и развиваться многим молодым художникам, укрепила авторитет мастеров старшего поколения [5, с.7].

Но ксилография уже перестает играть свою ведущую творческую роль , где сам художник определяет свою тематику и личное к ней отношение. С каждым годом нарастают “лакировка действительности” и идеологическая надуманность, которые вытесняют великие достижения, приобретенные в течение предыдущих десятилетий.

Время, к счастью, расставило все значимые акценты. С последней четверти XX в. интерес к творческому наследию великих китайских художников-ксилографов сложного, переломного и напряженного периода прошлого столетия неустанно возрастает.

Китайская ксилография первой половины XX в. пережила величайшую активность в творчестве большого количества демократически настроенных художников, которые связывали с этим искусством патриотические, воспитательные и эстетические задачи. Произведения художников выражали самые значимые темы, которые оказывали неизгладимое идейное и эмоциональное воздействие на многомиллионное китайское общество.

Искусство ксилографии Ли Хуа, Чжана Янси, Гу Юаня, Хуань Синьбо, Чэнь Янцяо и др. является значительным примером и стимулом для модернизации современной китайской графики, которая получила возможность широко и правдиво отражать жизнь китайского народа во всем ее многообразии. Острая и уверенная ксилографическая линия графического искусства вновь может выявлять связи с актуальными проблемами на новом историческом подъеме большой дальневосточной страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Червова Н. Современная китайская гравюра 1931–1958 гг. /Н.Червова. -- Москва: Издательство восточной литературы, 1960. – 170 с.
2. 李树生、马克, 《中国新兴版画运动五十年》[M].吉林: 辽宁美术出版社, 1981 // Ли, Хуа, Ли, Шушэн. Пятидесятилетнее движение за новую гравюру в Китае / Хуа Ли, Шушэн Ли. – Ляонин: Издательство изобразительных искусств, 1981. – 237 с.
3. 李树生、李小山, 《寒凝大地·1930 – 1940 国统区木刻版画集》, 长沙: 湖南美术出版社, 2000, 379// Шушэн, Ли. 1930 – 1940 Коллекция гравюр на дереве на территории Гоминьдана / Шушэн Ли, Сяошань Ли. – Чанша: Издательство изящных искусств Хунани, 2000. – 379 с.
4. 张望, 鲁迅论美术. 北京: 人民美术出版社, 1982, 216 // Чжан, Ван . Лу Синь о изобразительном искусстве / Ван Чжан. – Пекин: Народное издательство изящных искусств , 1982. – 216 с.
5. Советские художники о Китае / автор-составитель С.А. Герасимов. – Москва: Советский художник, 1959. – 135 с.

ПОДСЕКЦИЯ 2

Гу Чэньюань

*аспирант Белорусской государственной
академии искусств
(г. Минск, Республика Беларусь)*

БАТАЛЬНЫЕ СЦЕНЫ ПЕКИНСКОЙ ОПЕРЫ: СПЕЦИФИКА ВЗАИМОСВЯЗИ ЗВУКОВОГО И ЗРИТЕЛЬНОГО ПЛАСТОВ

Батальные сцены являются одной из визитных карточек Пекинской оперы. Яркие и динамичные сражения, в которых сплелись воедино боевые искусства, акробатика, пантомима и танец, любимы зрителями разных стран, ведь использование универсального языка тела делает их доступными для восприятия инокультурным зрителем. Неотъемлемой частью боевых сцен является музыка, которая, в отличие от пластики, достаточно непривычна для слуха иностранца и воспринимается как слишком резкая, громкая, неблагозвучная. Однако именно звуковой и сценический ряды, в сочетании с колоритными элементами сценографии, рожают тот уникальный художественный образ, который узнаваем далеко за пределами Китая. Батальные сцены в Пекинской опере – это не только демонстрация виртуозного владения телом под характерную музыку, но и важный драматургический элемент, а также обширное символично-метафорическое поле, которое невозможно дешифровать, не будучи погруженным в историко-культурный контекст. В этой статье осуществляется попытка осмысления специфики художественной образности батальных сцен Пекинской оперы как результата взаимодействия звукового и зрительного пластов с позиций историко-культурного и искусствоведческого анализа.

На протяжении долгой истории исследований Пекинской оперы батальные сцены редко становились объектом изучения с точки зрения взаимодействия всех элементов звукового и зрительного пластов. Появление ряда китайских академических исследований, посвященных батальным сценам, относится к 1990-м гг. Полезными для нашей работы стали статьи китайских авторов, в которых батальные сцены рассматриваются в следующих ракурсах: взаимодействие музыки в исполнении ударных инструментов и боевой пластики [1; 2; 3]; взаимовлияние боевых искусств и театральной боевой пластики [4]; специфика синтетической природы Пекинской оперы и музыкально-пластического синтеза [5]. Среди русскоязычных исследований можно выделить труды востоковеда С.А. Серовой, в работах которой рассматривается в том числе становление и эволюция «военного танца» [6; 7]. Важными стали размышления о сценографическом ряде Пекинской оперы исследователя советского периода С.В. Образцова, который справедливо указал на те отличия, которые необходимо учитывать при применении европейской терминологии к китайской традиционной театральной практике: «декораций в нашем понимании нет совсем, <...> нет и бутафории. Меч и щит актера, играющего воина, не имитируют настоящий щит и меч, а изображают их» [8, с. 204].

При анализе музыкального ряда мы обратились к работам музыковедов Лии Чао (2001 г.) [9] и Т.Б. Будаевой (2011 г.) [10], где проанализированы *логузин* – ритмические формулы, используемые в т.ч. и в батальных сценах. При сравнении батальных сцен китайского и европейского музыкальных театров нами применялись материалы статей театральных практиков [11] и теоретиков [12].

Отдельно следует выделить объемную статью востоковедов А.А. Маслова и А.Г. Юркевича, посвященную боевым искусствам, которая помогла в раскрытии смыслового спектра китайских понятий *ушу* и *гунфу* (*кун-фу*, *кунг-фу*), которые в русскоязычной литературе зачастую используются как синонимы, а также в поиске терминологического соответствия русскоязычному понятию «боевые искусства» в китайском языке [13, с. 431]. Так, термин «боевые искусства» («martialarts») имеет прямой эквивалент в китайском языке – ушу. Иероглиф у охватывает сферу воинственности и насилия в самом широком смысловом спектре, а иероглиф шу образует названия искусств, наук, технических навыков. Понятие «боевые искусства» в китайской культуре включает в себя также «<...> ритуальные танцы, весьма прозрачно связанные с первобытной охотничьей и боевой магией, танцевально-акробатические номера, являющиеся частью традиционного театрального или циркового представления, упражнения с оружием, выполняемые участниками праздничных шествий, комплексы упражнений, <...> гимнастику и единоборства» [13, с. 430]. В описании боевой пластики Пекинской оперы часто используется термин гунфу, который обозначает нравственное усилие, ведущее к духовной самореализации, а применительно к боевой практике трактуется как особое мастерство [13, с. 432]. В данном исследовании мы будем использовать термин «боевые искусства» и его синоним ушу, который, в отличие от гунфу, включает в себя не только мастерство владения боевыми приемами, но и военное дело, а также имеет тесное сопряжение с миром искусства.

В работе осуществляется попытка применения понятия «звукозрительный образ», разработанного в киноведении, для анализа художественной целостности, создаваемой комплексом театральных выразительных средств, для чего были использованы теоретические разработки С.М. Эйзенштейна [14].

Под батальной сценой (от франц. *bataille* – «битва, сражение») в данном исследовании мы понимаем сцену, в которой изображаются битвы, сражения, боевые действия. Традиционно репертуар Пекинской оперы разделяют на *вэньси* («гражданская пьеса» – спектакль, не содержащий боевых сцен) и *уси* («военная пьеса» – спектакль, содержащий множество боевых сцен). Более дробную дифференциацию по содержанию предлагает Т.Б. Будаева, выделяя гражданские, военные и фантастические оперы [10, с. 38], среди которых батальные сцены в большинстве случаев встречаются в двух последних. Это обусловлено обилием сцен сражений в сюжетах, посвященных историческим и мифологическим темам, в которых в схватку могут вступать люди, боги, а также мифологические существа.

Батальные сцены Пекинской оперы можно разделить на дуэтные и групповые (если на сцене число воинов превышает пять человек, то это олицетворяет целую армию), с использованием оружия или рукопашные, сражения на лошадях, на воде, битвы при осаде и т.д. Битвы в цзинцзюй, в отличие от европейских музыкальных спектаклей, могут быть достаточно продолжительными. В европейской опере длительность сражения обусловлена продолжительностью авторской музыки: «Тридцать-сорок секунд являются здесь обычным временем» [11, с. 83]. В цзинцзюй, благодаря гибкости и вариативности музыкального сопровождения, бой может длиться столько, сколько необходимо для решения сюжетно-драматургических задач.

Важно отметить, что драматические преимущества батальных сцен были осмыслены китайским театром задолго до появления Пекинской оперы, а в рамках цзинцзюй сцены сражений постепенно эволюционировали в сторону зрелищности. В этом состоит существенное отличие от европейского оперного театра, в котором батальные сцены в небольшом количестве начали появляться с XVIII в., представляя собой сражения между двумя-тремя героями. В большинстве случаев битва вовсе не изображалась, а описывалась посредством речитативной сцены или «<...> рассказов действующих лиц» [12, с. 9]. В батальных сценах Пекинской оперы звукозрительная образность изначально выстраивалась за счет целого комплекса средств художественной выразительности, среди которых ведущая роль отводилась не слову, а музыке и боевой пластике, сочетание которых давало сильнейший эмоционально-выразительный эффект.

В многосоставной структуре звукового и зрительного пластов батальных сцен Пекинской оперы отчетливо выделяются ведущие средства художественной выразительности, взаимодействие которых и формирует их уникальный художественный облик. Так, звуковой пласт в боевых сценах представлен преимущественно инструментальной музыкой в исполнении группы ударных инструментов оркестра (*учан* – «военная сцена»), в то время как пение и декламация практически не используются. В состав группы *учан* входят барабан *баньгу* (*даньпигу*, *сяогу*, *ганьгу*), трещотка-кастаньета *пайбань* (*таньбань*, *чобань*, *бань*), малый и большой *гонги* *сяоло* и *дало*, медные тарелки *наобо*. Также могут использоваться большой барабан *тангу*, колотушки *банцзы*, колокольчики *пэнчжун* и др. Барабану *баньгу* и трещотка-кастаньета *пайбань* несут функцию управления сценическим действием и ритмически организуют оркестр. Роль ударных в китайской опере сложно переоценить. Как гласит китайская пословица, «как только *гонги* и барабаны смолкают, представление завершается» [3]. Ударные выстраивают свой музыкальный рисунок на основе ритмических формул, которые могут быть ускорены или замедлены, удлинены, а также объединены в серии. По мнению Т.Б. Будаевой, «<...> многоформульная структура особенно характерна для продолжительных боевых, акробатических и танцевальных сцен» [10, с. 155].

Зрительный пласт можно разграничить на сценографический и сценический (действенный) ряды [15, с. 140]. Сценографический ряд включает декорации (лаконичный задник, украшенный узором, стол, один или два стула), костюм и грим, а также реквизит (подлинный или бутафория). В батальных сценах такие элементы сценографии как костюм и грим, сообщают зрителю характеристики героев и «расстановку сил». Специфика костюма и грима обусловлена принадлежностью персонажа к определенному амплуа. В батальных сценах принимают участие те амплуа, для которых ведущей исполнительской техникой является владение боевыми искусствами (*угун* – «военное дело»). В их числе *ушэн* (герой-воин), *удань* (женщина-воительница); *уцзин* (военный персонаж в ярком гриме), *учоу* (комик-воин), которые в свою очередь разделяются на субамплуа. Например, амплуа *ушэн* подразделяется на *чанкао* *усяошэн* (молодой герой-воин в длинных одеждах и полном вооружении) и *дуаньда* *усяошэн* (молодой герой-воин в коротких одеждах для участия в рукопашных схватках). *Удань* – на *чанкао* *удань* (военная героиня в длинных одеждах и полном вооружении) и *даомадань* (наездница с мечом).

Костюм каждого из амплуа строго регламентирован и позволяет знатоку Пекинской оперы сразу понять характеристики героев, т.к. пронизан символикой, которую несет в себе покрой, цвет, рисунок, орнамент, материалы, фактуры и др. Равно как и маска (грим), которая – не что иное как «<...> “национальная система”, знание которой помогает “прочитать его [героя] характер”, внутренние и внешние качества» [5, с. 26]. Костюм участников батальных сцен обусловлен их характером и функциями. Так боевой наряд полководцев, который называется *као*, является переосмыслением военных доспехов и призван подчеркнуть воинственность и величие героя, а четыре треугольных флага на одеянии, пришедшие в театральный костюм из военной практики, где использовались для обозначения приказов во время боя, говорят о том, что перед нами властный полководец.

В батальных сценах чрезвычайно важна бутафория, которая используется в боях с оружием (мечи, копья, пики и т.д.) и является неотъемлемой характеристикой отдельных амплуа. Например, чанкао усяошэн оперирует мечом (копьем), а чанкао удань – мечом и нагайкой. Бутафория несет не только практическую, но и семантическую функцию, выступая маркером времени и места события: «<...> достаточно лишь изменить предметы в руках актеров, и “камерная” сцена может превратиться в могучее военное шествие» [16, с. 49]. Также отдельные предметы указывают на определенные обстоятельства боя. Например, нагайка (палочка с пятью шелковыми кисточками) означает езду на лошади, а ее цвет – масть; весла и флаги с изображениями волн – переправу через реку и т.д.

В определенной мере реквизит в Пекинской опере выполняет те функции, которые в европейском театре выполняют декорации. В Пекинской опере декорации на протяжении всего представления зачастую остаются неизменными в физическом плане, однако меняются в плане символическом. Например, стол может становиться, крепостью, горой, палаткой военачальника и т.д., а стулья могут служить даже оружием во время сражения. Здесь в полной мере проявляется условность китайского театра, суть которого – «<...> уговор между создающим произведение и тем, кто его воспринимает», а «<...> уговор между китайским зрителем и традиционным театром существует сотни лет» [17, с. 7]. Поэтому китайский зритель безошибочно считывает значение многофункциональных предметов на сцене, которое может меняться в зависимости от цвета покрывающих столы и стулья чехлов, рисунков на них, а также расположения относительно друг друга и т.д.

Взаимодействие сценографического ряда с музыкальным прослеживается в системе музыкальных характеристик, которыми наделены сценические амплуа. Например, амплуа учоу включает в себя комические роли, которым свойственны гротеск, клоунада. Обычно учоу – это персонажи с невысоким социальным статусом. Для их музыкальной характеристики используется преимущественно гонг сяоло и тарелки наобо. Звук гонга сяоло подчеркивает низкий социальный статус персонажа, а тарелки иллюстрируют энергичный характер героев. Различие между гражданским и военным комиком может прослеживаться в разнице темпов одной и той же ритмоформулы: при сопровождении выступления военного персонажа темп будет быстрее [18, с. 285].

Сценический (действенный) ряд в батальных сценах формируется из сплава танца, пантомимы, акробатики и боевых искусств. По мнению С.В. Образцова, «наиболее существенное отличие китайского традиционного театра состоит в том, что в этот синтез входят такие элементы, такие выразительные средства, каких вообще нет в европейском театре» [8, с. 171]. В первую очередь это касается боевых искусств и акробатики, которые в Пекинской опере органично соединяются с танцем. Этот сплав формировался на протяжении тысячелетий и брал начало от древних ритуально-обрядовых форм, в рамках которых сформировались «батальные пантомимы» [19, с. 116], которые повествовали о ратных победах военачальников. Свидетельства об изначальной связи танца и боевых искусств прослеживается в древних легендах и преданиях, в которых упоминаются такие танцы как «Чи Ю си» (о победе Хуан-ди над чудовищем Чи Ю), «Гань ци у» («Танец со щитами и топорами»), что свидетельствует о том, что танец «<...> мыслился изначально родственным и боевым искусствам» [7, с. 346]. Вычленение из танцевальной практики собственно военных танцев

началось с XII-XIX вв., когда выделились военные (*у у*) или боевые (*бин у*) танцы с военными аксессуарами. Их отличительной особенностью была специфическая боевая пластика, призванная имитировать боевые действия, основанная на «<...> резких и агрессивных движениях с использованием щита (*гань*) и клевца/копья (*гэ*) или топора (*ци*)» [7, с. 340]. В этот период начинается формирование боевой техники *угун*. В результате на сцене появляется «<...> актер, виртуозно владеющий боевой техникой (*ухан* – мастер боевых искусств)» [6, с. 152]. В процессе своего развития боевая пластика находила отражение в таких танцах как «*Лю дай у*» («Танцы шести эпох»), в которые входили пластические номера, отражавшие деятельность правителей прошлого; «*Да у у*» («Большой воинственный танец»), демонстрирующий эпизоды войны *чжоусцев* против представителей *Шан-Инь*; «*Цзянь у*» («Танец мечами»), «*Гунь у*» («Танец с палками»), «*Дао у*» («Танец с ножами»), «*Гань у*» («Танец со щитами»), отображавшие тенденцию к совмещению танца с боевыми искусствами и цирком; «*У мань пай*» («Сценка с танцующими южными варварами – *мань*»), которая представляла собой танец-сражение со щитами, деревянными ножами или длинными перьями в руках и др. [7, с. 348–350]. Результатом эволюции боевой пластики в контексте собственно театральных форм стало преобладание боевых искусств в выступлениях отдельных трупп. Так к концу XVIII в. *ушу* стало основой представлений труппы «*Хэ Чун*», одной из «четырех успешных трупп из *Анхоя*», гастролировавших в Пекине в 1790-х гг. Как отмечает Хань Сяовэй, «<...> оперная боевая пластика является результатом работы многих поколений артистов, объединивших боевые искусства и акробатические техники в сочетании с танцевальными формами, которые в процессе переплавились в современные театральные методы ведения боя» [2].

Несмотря на долгую совместную историю танца и боевых искусств и их нерасчлененность в рамках театральной практики, можно утверждать, что именно боевые искусства являются ведущим средством художественной выразительности в батальных сценах. В Пекинской опере они многофункциональны, т.к. «формируют образ персонажа и излагают сюжет истории» [4, с. 79], а также выступают в качестве стилиобразующего средства. Также боевые искусства могут быть отнесены к элементам, которые «<...> являются решающими <...> в поведении актера» [8, с. 171]. В Пекинской опере актер является ключевой фигурой, «собирающей» воедино все пластические элементы. Если в европейском музыкальном театре сложность и динамичность боевой пластики ограничена физическими возможностями артиста, который, зачастую, «человек неспортивный» [11, с. 83], то актеры военных амплуа Пекинской оперы – это люди, имеющие великолепную физическую подготовку. Для актера Пекинской оперы обязательным является владение «четырьмя умениями» (*сыгун*), одним из которых является *да* («бить», «ударять»), которое предполагает владение приемами акробатики и боевых искусств. *Да* – это боевая пластика, являющаяся сценической версией *ушу*. Из техник *да* в Пекинской опере можно выделить *бацзы гун* и *таньцзы гун*. *Бацзы гун* – это боевые приемы манипулирования оружием разных типов и размеров, а *таньцзы гун* – техника выполнения различных видов сальто, прыжков, падений. *Таньцзы гун* используется для массового рукопашного боя, в котором группы противников поочередно совершают разнообразные боевые и акробатические трюки. Как отмечает Ли Чжао, в результате образуется своеобразный гимнастический текст, состоящий из фраз и напоминающий тему в музыке. Чередование сольных и ансамблевых эпизодов, идущих в строго определенном порядке, делает это похожим на имитацию в музыкальном произведении, где «<...> актеры “контрапунктически” выполняют всю акробатическую “экспозицию” с исполнением взлетов в определенные моменты, что вызывает ассоциации с музыкальным многоголосным складом» [9, с. 103-104].

В рамках театральной практики пластическая лексика разных стилей боевых искусств прошла процесс эстетизации и артизации. В Пекинской опере сам бой носит условный характер: противники редко дотрагиваются друг до друга, а сцены батальных демонстраций в «отанцованных формах» [9, с. 98]. Эти формы существуют в неразрывном единстве с музыкой.

Важно отметить, что музыка и боевые искусства были неразделимы на протяжении всей истории их развития. Это касается не только ритуально-обрядовых и театрализованных форм, но и собственно боевой практики. Например, оттачивание мастерства в школах ушу проходило под удары барабанов или гонгов, а перед началом реального боя наставник демонстрировал боевые приемы под звуки гонгов, барабанов и флейт, в то время как подопечные, двигаясь в ритме и темпе, заданном ударными, постепенно входили в транс и затем шли сражаться [13, с. 438]. Из боевой практики эти инструменты перешли в театральную, обретя символическое значение. Например, сигнал барабана в Пекинской опере может олицетворять приближающуюся армию. В европейском музыкальном театре схожее символическое значение было у фанфары. Также имея прообраз в военной музыке, она долгое время являлась «<...> главным музыкальным символом – топом артифицированной битвы» [12, с. 16].

Музыкальная характеристика образа в батальных сценах создается посредством тембральных и темпо-ритмических возможностей группы учан. Ритмоформулы логуцзин имеют разный интонационно-ритмический рисунок, семантику, функциональное предназначение. Например, ритмоформула «*Да чу шоу*», основу которой составляют тихие ритмичные удары малого барабана, исполняемые в быстром темпе, передает накаленную атмосферу сражения. Логуцзин «*Дало сыцзи тоу*», в котором ритмический каркас создается четырьмя ударами большого гонга, последний из которых исполняется оркестром tutti, используется для иллюстрации торжественной концовки батальной сцены. Большой гонг имеет низкий тембр и создает мощный громкий звук. Исходя из тембровых характеристик, гонг используют, чтобы подчеркнуть величественность персонажа, его высокий статус (император, генерал) а также при сопровождении напряженных и значимых баталлий. Для отражения характера военных действий также используют возможности большого барабана тангу, звук которого низкий и мощный. Частые удары тарелок наобо, гонгов дало и сяоло, создающие беспокойную атмосферу и могут предавать состояние хаоса.

Движение музыкального ряда предельно синхронизировано с боевой пластикой. В батальных сценах это осуществляется за счет «метрической и ритмической синхронности» [14, с. 96]. Как отмечал С.И. Образцов, «<...> ритм и сюжет взаимно подчинены в каждой доле секунды. Не только поворот корпуса или взмах руки, но даже поворот глаз настолько связан с ритмом, что иногда кажется, что не музыкальные инструменты сопровождают игру актеров, а само актерское движение звучит. Поворот глаз превращается в удар барабана, резкое повелительное движение руки – в такой же резкий и повелительный удар меди» [8, с. 78]. Например, в батальных сценах часто используется ритмоформула «*Цицзи фэн*» для показа ожесточенного боя. В ее основе – звучащие одновременно быстрые и очень быстрые (по аналогии с восьмыми и шестнадцатыми длительностями) ритмичные удары бангу, гонгов сяоло и дало, тарелок наобо. За счет простоты и ритмического единообразия «*Цицзи фэн*» «<...> ударной музыке легко следовать за движениями актеров пока бой не закончится» [1, с. 67]. В популярной опере «Хитрость с пустой крепостью», повествующей о коварном военачальнике Чжугэ Ляне, одерживающем победу над своим врагом Сым И, «*Цицзи фэн*» звучит в одном из батальных эпизодов и используется для сопровождения ритмичной круговой проходки армий противников (группы из четырех солдат), олицетворяющей битву. Ритмоформула не прекращается, когда движение армий сменяется битвой военачальников, в которой герои ритмично и синхронно совершают взмахи и удары копьями, их скрещивание и т.д. Серия движений противников завершается фиксированными движениями, которые выполняются синхронно с последними ударами инструментов.

Таким образом, в батальных сценах Пекинской оперы художественный образ рождается в диалектическом единстве звуковой и зрительной сфер. Благодаря взаимодействию актерского мастерства, музыки и танца, костюма, грима и декораций, а также свойственных китайскому театру боевых искусств и акробатики, происходит сложный процесс взаимообогащения совместно выступающих выразительных средств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Yao Hai-Hsing. The relationship between percussive music and the movement of actors in Peking opera / Hai-Hsing Yao // Asian Music. – 1990. – Vol. 21, № 2. – P. 39–70.
2. 韩晓伟. 浅谈武打在戏曲中的作用[J]. 人间. 2016 年 24 期 = Хань Сяовэй. О роли боевых искусств в традиционной китайской опере [Электронный ресурс] / Сяовэй Хань // Мир. – 2016. – Вып. 24. – Режим доступа: <https://www.fx361.com/page/2016/1123/340396.shtml>. – Дата доступа: 24.09.2021.
3. 王凯. 从昆曲京锣现象看昆剧锣鼓的历史变化[J]. 艺术大观. 2019 年 32 期 = Ван Кай. Разбор исторических изменений гонгов и барабанов оперы Кунычюй : к проблеме феномена пекинских гонгов оперы Кунычюй / Кай Ван // Великолепный вид искусства. – 2019. – Вып. 32. – Режим доступа: <https://m.fx361.com/news/2019/1012/7834926.html>. – Дата доступа: 14.10.2021.
4. 郭瑞青. 传统戏曲与武术关系研究的现状与未来[J]. 戏剧文学. 2014 年第 5 期(总第 372 期) = Го Жуйцин. Статус-кво и будущее исследований взаимосвязи традиционной оперы и ушу / Жуйцин Го // Драма, литература и спектакль : Драматическое искусство. – 2014. – Вып. 5(372). – С. 78–82.
5. Жуань Юнчэнь. Пекинская опера как синтетическое сценическое действо : дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.01 / Жуань Юнчэнь; [Рос. ун-т театр. искусства (ГИТИС)]. – М., 2013. – 177 л.
6. Серова, С. А. Китайский театр как эстетический образ мира / С. А. Серова; Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. – М.: Вост. лит., 2005. – 168 с.
7. Кобзев, А. И. Танец / А. И. Кобзев, С. А. Серова, А. Б. Вац // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / Российская акад. наук, Ин-т Дальнего Востока ; гл. ред.: М. Л. Титаренко. – М.: Восточная лит., 2010. – Т. 6 (дополнительный): Искусство : [архитектура, каллиграфия, живопись, ремесло, музыка и танец, театр и кино]. – С. 340–356.
8. Образцов, С. В. Театр китайского народа/ С. В. Образцов.— М.: Искусство, 1957. — 379 с.
9. Лии Чао. Роль танца и пантомимы в музыкальной композиции пекинской оперы : дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.02 ; 17.00.01 / Лии Чао ; С.-Петербург. гос. консерватория. – СПб., 2001. – 159 л.
10. Будаева, Т. Б. Музыка традиционного китайского театра цзинцзюй (Пекинская опера) : дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.02 / Т. Б. Будаева;[Моск. гос. консерватория им. П.И. Чайковского]. – М., 2011. – 253 л.
11. Мишенев, С. В. Оперные битвы / С. В. Мишенев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 15. Искусствоведение. – 2011. – Вып. 2. – С. 83–85.
12. Пилипенко, Н. В. Топос сражения в европейской опере конца XVIII – начала XIX века: батальные сцены и военные фанфары / Н. В. Пилипенко // Старинная музыка. – 2017. – № 3. – С. 9–17.
13. Маслов, А. А. Боевые искусства // А. А. Маслов, А. Г. Юркевич // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / Российская акад. наук, Ин-т Дальнего Востока ; гл. ред.: М. Л. Титаренко. – М.: Восточная лит., 2010. – Т. 6 (дополнительный): Искусство : [архитектура, каллиграфия, живопись, ремесло, музыка и танец, театр и кино]. – С. 430–453.
14. Эйзенштейн, С. М. Вертикальный монтаж / С. М. Эйзенштейн // Неравнодушная природа : в 2 т. / С. М. Эйзенштейн. – М., 2004. – Т. 1 : Чувство кино. – С. 84–164.

15. Лысенко, С. Ю. Взаимодействие музыкального и сценического рядов в опере-спектакле (на примере «Бориса Годунова» М. Мусоргского – А. Тарковского) / С. Ю. Лысенко // Ист., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. – 2014. – № 1, ч. 1. – С. 139–143.

16. Никитенко, О. Б. Пекинская опера как жанровая парадигма китайского национального театра / О. Б. Никитенко, Сюй Цзянь // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. – 2018. – № 1. – С. 48–52.

17. Шанхайский театр пекинской музыкальной драмы. Гастроли в СССР : Ноябрь–декабрь [1956 г.] : [Сборник материалов] / Шанхайский театр пекинской муз. драмы. – [Москва] : Гастрольбюро СССР, [1956]. – 63 с.

18. Thorpe, Ashley. Only Joking? The Relationship between the Clown and Percussion in «Jingju» / Ashley Thorpe // Asian Theatre Journal. – Vol. 22, No. 2 (Autumn, 2005). – P. 269–292.

19. Манзарханов, Э. Е. Особенности пластического искусства в драматургическом театре Запада и Востока : дис. ... кандидата искусствоведения : 17.00.01 / Э. Е. Манзарханов; Вост.-Сиб. гос. акад. культуры и искусств. – Улан-Удэ, 2006. – 196 л.

Лу Ся

*аспирант Белорусского государственного
университета культуры и искусств
(г. Минск, Республика Беларусь)*

АКТУАЛИЗАЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО КОСТЮМА ХАНЬЦЕВ

Китайская Народная Республика является полиэтнической страной, которую населяют 56 народностей. Из них самая монгочисленная – хань (91,51% населения Китая), а 55 других этнических меньшинств составляют 8,49%. Социально-демографический анализ населения КНР свидетельствует, что все провинции Китая представляют собой совокупность различных народностей. Так, ханьцы являются основной народностью в провинции Сычуань, которая занимает значительную территорию Юго-Западного Китая. Эта народность здесь сформировалась благодаря слиянию многих этносов еще в древние времена. Хань причисляют себя к потомкам первых мифических императоров Янь-ди и Хуан-ди, которые правили Поднебесной примерно пять тысяч лет назад. Они считают себя также наследниками дракона (луня) и часто ассоциируют себя с ним. Поэтому изображение дракона часто используется этим этносом в декоре. Кроме хань в Сычуани проживают и другие этнические меньшинства численностью более 5000 человек: ияне, тибетцы, цянцы, хуэйцы, монголы, лисуанцы, маньчжуры, насийцы, байцы, бутияне, дайцы, мяочане, туйцы и др. [4].

Народность хань прославились своими достижениями в различных областях. Им приписывают изобретение бумаги, компаса, книгопечатания, пороха, фарфора и т.д. Тысячелетиями у ханьцев отточена технология создания традиционного костюма, который называется ханьфу. Его изготовление вобрало в себя уникальные способы ткачества, окраски и вышивания. Одежда ханьфу известна с архаических времен. Ее, по мнению Жань Шанчуня, «носили в период династий Ся, Шан и Чжоу, в эпоху Вэй и Цзинь, в период Северных и Южных династий, в годы грозной династии Цин» [1, с. 56]. На всех этапах культурно-исторического развития потомки народности хань носили ханьфу, которая, естественно, изменялась по форме от эпохи к эпохе, но при этом оставалась аутентичной по эстетическому содержанию.

Традиционный костюм народности хань обычно состоял из двух частей – блузы и юбки – и изготавливался из парчи или хлопка, иногда из шелка, поэтому он очень мягкий, пластичный и элегантный [6, с. 70]. Следует отметить, что его форма изменялась в различные периоды развития китайской цивилизации. Исследование истории традиционной одежды этноса хань

свидетельствует, что в период династий Цинь и Хань костюм должен был тщательно скрывать все части тела. Во времена династий Вэй и Цзинь ханьфу напротив состояла из широкого длинного халата с обширными рукавами, была очень свободной и неординарной. Цвет одежды, ее материал и узор, а также сопутствующие аксессуары подбирались так, чтобы подчеркивало личность и статус того, кто носил данную одежду. Аксессуары у ханьцев были весьма изысканные и разнообразные, большой популярностью пользовались украшения из нефрита.

Традиционная одежда хань очень символична, каждый ее элемент имеет свой скрытый определенный смысл. Специалист по истории китайских традиционных нарядов и украшений Хуан Цян, полагает, верхняя часть и юбка являлись символами неба и земли, сущности инь и ян. Широкий рукав – символ неба, а запах одежды образовывали прямоугольник, обозначающую квадратную землю. Симметрия ханьфу символизировала честность человека, а спускающийся до лодыжки пояс обозначал следование по пути высокой морали и справедливости [1, с. 56].

Современный костюм хань – это длинное платье, сшитое из прекрасной ткани, прически девушек украшены жемчужными шпильками, костюм дополняют расшитые узорами туфельки. Однако глобализация, модернизация и коммерциализация негативно повлияли на традиционную культуру всех этносов Китая. Из повседневной жизни постепенно начали исчезать артефакты, созданные предками современной молодежи. Ханьфу заменялись современными модными не только китайскими, но и западноевропейскими нарядами.

XIX съезд Коммунистической партии Китая (2017 г.) поставил цель превращения КНР в глобальную культурную державу, что актуализировало проблему сохранения традиционной культуры в Поднебесной. Культурное наследие китайского народа представляет собой историческую основу всего многообразия направлений, видов и форм культуры современного общества КНР. До настоящего времени в Китае сохранилось богатое и разнообразное традиционное наследие, которое отличается чрезвычайной устойчивостью, стабильностью и здоровым консерватизмом. В его формировании и развитии существенную роль играли многочисленные ритуалы, обряды обычаи, традиции, и церемонии. По глубине эстетического и мифопоэтического проникновения в бытие природы оно, пожалуй, не знает себе равных в мире. Именно поэтому сохранение и репрезентация этнонационального историко-культурного наследия Коммунистической партией и государством КНР выдвигается сегодня в качестве первоочередной задачи.

Исходя из этого, в марте 2005 г. Генеральная канцелярия Государственного совета КНР опубликовала «Предложения по усилению охраны культурного наследия в Китае», в котором были определены основные принципы по его охране: защита, спасение, рациональное использование, развитие и передача последующим поколениям. В нормативно-правовых документах, разработанных народными правительствами юго-западной части Китая, где концентрированно проживают национальные меньшинства, особое внимание предлагалось обратить на защиту местных этнокультурных обычаев, традиций, религиозных верований.

Деятельность государственных структур вначале 2000-х гг. по усилению нормативно-правовых мер, направленных на сохранение нематериального культурного наследия, принесла определенные плоды. В настоящее время наблюдается заметный интерес у молодого поколения к артефактам традиционной культуры. Например, ношение одежды ряда этнических меньшинств становится признаком следования модному мейнстриму. Особенно это заметно по отношению к ханьфу. На улицах ряда китайских городов все больше становится девушек, одетых в традиционное платье хань. Несколько лет назад, если кто-то выходил на улицу в традиционном ханьском костюме, то горожане с удивлением смотрели на него. Сегодня отношение к любителям ханьфу сильно изменилось, повысилось в китайском обществе признание ценности традиционной одежды. В стране начали создаваться общественные объединения любителей костюмов этноса хань, разделяющих его философию, мировоззрение и традиционные ценности. Эти объединения стали регулярно проводить ряд мероприятий, направленных на популяризацию культуры ханьцев, таких как «Путешествия с ханьфу»,

«Китайский ритуал совершенствования», «Фестиваль культуры ханьфу» и др. Подобные представления привлекают большое количество не только молодежи, но и людей старшего возраста к традиционной ханьфу и заражают их этим традиционным костюмом [5].

Наши исследования показывают, что популярности ханьфу во многом содействуют современные медиа и кинематограф. В телевизионных сериалах все чаще появляются герои в традиционных костюмах. Молодое поколение с интересом смотрит исторические костюмированные телесериалы, выполненные в стиле традиционной культуры.

Современные производители китайских компьютерных игр, учитывая возрастающий интерес игроков к традиционной культуре, также начали создавать игры с отсылками к классической литературе, музыке, традиционному искусству, истории, героям древности. Это было реализовано уже ряде масштабных мобильных игр: «Жизнь в Цяннане», «Chinese Paladin: Sword and Fairy», «Fantasy Westward Journey». Так, эта последняя игра выполнена с отсылкой к классическому китайскому роману «Путешествие на Запад» и дополнена музыкой, исполняемой на древнекитайском инструменте пипе. Очень привлекательной стала мобильная игра «GloryofKingsGloryofKings», в которой ее персонажи нередко одеты в традиционное ханьское платье. Привлекательными такие игры для молодого поколения становятся потому, что современная китайская молодежь не знает традиционной культуры. Для нее она является чем-то абсолютно новым, а новое всегда привлекает.

Изучение игровой индустрии свидетельствует, что среди геймеров началась своеобразная мода на мобильные игры в китайском стиле. Опрос, проведенный газетой «Китайская молодежь» показал, что 88,8% респондентов из числа молодежи позитивно относятся к онлайн-играм с отсылками к древнекитайским традициям, а 86% опрошенных любят такие игры [2, с. 83]. Китайскими исследователями подсчитано, что компаниями, производящими игры, что с 2013 по 2019 г. ими было выпущено 2300 подобных игр, 50% китайских геймеров (300 млн. чел.) играли в них. Доход от них составил 4 639 млн. долл. США, что составляет 20% доходов китайской индустрии культуры [2, с. 82].

Немалую роль в популяризации ханьфу отыгрывает туристическая индустрия. Об этом свидетельствует интенсивность потока туристов в регионы производства и продажи ханьфу. Например, на фоне общего падения популярности большинства традиционных туристических маршрутов страны, вызванных пандемией, в 2019 г. древний городок Ситан захлестнул поток туристов, его индекс популярности туризма вырос на 22%. Причиной такого ажиотажа явилась Неделя культуры ханьфу.

Популярности ханьфу среди пользователей интернета содействуют видеоролики традиционной культуры хань. Так, Ли Цзици, девушка из г. Маньяна, снимающаяся в видеороликах о жизни обычных китайцев, об их одежде, обычаях, получила огромную популярность в Китае и за рубежом. На ее аккаунт в китайском микроблоге «SinaWeibo» подписались более 21 млн. человек, а на канал в Ютубе, созданный в 2017 г., – более 7 млн., при этом ее видеоролики на этой платформе уже набрали почти 980 млн. просмотров [3, с. 16].

В целом по стране количество видеороликов на тему ханьфу уже превысило 40 млрд. Возрождение этнического костюма хань вызвало массовое увлечение ханьфу. Например, в 2020 г. количество китайцев, имеющих ханьфу, превысило более 2 млн. и спрос на этот костюм продолжает расти, что в свою очередь обусловило интенсивное развитие связанного с ней производства и сбыта. Общий объем средств в отрасли, производящей с ханьфу, исчисляется более 1,09 млрд. юаней. По данным китайского торгового онлайн-портала Tmall.com, в традиционный день китайского шопинга, несмотря на относительно высокую стоимость комплекта ханьфу (5000-10000 юаней), в 2019 г. общая сумма средств от торговли традиционным костюмом народности хань превысила 180 млн. юаней. Из них 100 млн. юаней поступили от молодых покупателей, родившихся в 1990-е г.г. [1, с. 57].

В последнее десятилетие в КНР появилось ряд компаний, специализирующихся на пошиве нарядов национальности хань, которые не только изготавливают ханьфу, но изучают также историю этого костюма, его особенности. Например, в Китае широкой известностью пользуется бренд компании «Минхуатан», которая создана в 2007 г. Ее продукция пользуется

огромной популярностью и имеет большое количество заказов. В китайских городах функционирует большое количество магазинов, занимающихся торговлей ханьфу. Лидером по количеству аналогичных магазинов является столица провинции Сычуань г. Чэнду, где самые большие объемы продаж ханьских нарядов и самые максимальные объемы их производства.

В то же время исследование необходимо отметить, что в Чэнду и других городах рынок традиционных костюмов народностей Китая развивается стихийно. Их производством, сбытом и популяризацией занимаются в основном любители традиционной одежды и созданные ими общества и предприятия, что сдерживает интенсивность распространения традиционной одежды, в том числе и ханьфу. Думается, что дальнейшее развитие популярности ханьфу и традиционного костюма других этнических меньшинств может произойти, если в к ее производству подключатся крупные предприятия, а к их исследованию известные специалисты и ученые.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Жан, Шаньчунь, Новая мода на древнюю Ханьфу / Шаньчунь Жан // Китай – 2020 – № 2 – С. 56-57.
2. Жан, Шаньчунь. Отблески традиции в игровой индустрии / Шаньчунь Жан // Китай. – 2021. – № 2-3. – С. 82-84.
3. Ли, Цзци // Китай. – 2020. – № 1. – С. 16.
4. Сычуань // Энциклопедия – Вокруг света. [Электронный ресурс] : www.vokrugsveta.ru/encyclopedia/?title=Сычуань – дата обращения: – 22.11. 2021 г.
5. Фэн, Минь, Шан, Юньчуань. Основы костюмной культуры меньшинства Сычуани / Минь Фэн, Юньчуань Шан // Серия «Этническая жизнь провинции Хэйлунцзян». – 2002. – выпуск 2. – С. 32-41.
6. Хань: самый многочисленный народ Китая // Китай. – 2020. – № 1. – С. 70-71.

Лю Сюаньэр

*аспирант Белорусского государственного университета
(г. Минск, Республика Беларусь)*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ И КИТАЙСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК О "СНЕГЕ"

История культуры восточнославянских и китайского народов отмечена большим количеством популярных народных сказок, которые имеют свои отличительные черты как в характеристике, так и в символике. В данной статье в качестве объекта исследования рассматриваются китайские и восточнославянские народные сказки, проводится сравнительный анализ "снега" в китайских и восточнославянских народных сказках.

Если национальную культуру народа сравнить с рекой, имеющей долгую историю, то народные сказки - это один из бесчисленных потоков, которые сходятся воедино. В некотором смысле, народные сказки также являются средством наследования фольклора и народных традиций того времени. Они отражают ценности и культурную психологию людей того времени и имеют глубокий культурный подтекст.

Народные сказки - одна из важнейших категорий народной литературы. Созданные трудовым народом и передаваемые устно, они представляют собой устные литературные произведения с вымышленным содержанием в форме прозы и являются общим термином для всех фольклорных прозаических произведений. Народные сказки в узком смысле относятся к народной литературе более причудливого или реалистического прозаического характера, чем народные мифы, легенды и басни; народные сказки в более широком смысле относятся ко всей прозаической народной литературе, созданной и распространяемой народом. [1.С.84]

Различные народные сказки создаются в Китае, Беларуси, России под влиянием различий, вызванных такими факторами, как география, привычки, культура, ритуалы и религиозная культура. Поэтому целью данной работы является сравнение народных сказок о зиме в России, Беларуси и Китае, анализ их культурных коннотаций, а также изучение сходств и различий между народными культурами Китая и Японии. Народные сказки содержат опыт, знания, традиционные обычаи и традиции, которые народ накопил за свою жизнь. Анализ взаимосвязей и сходств между народными культурами Беларуси, России и Китая поможет учащимся обеих стран понять культурные различия и сходства между странами и будет способствовать культурному обмену между ними. Это позволит изучающим язык в обеих странах понять народную культуру, облегчит изучение языка и оживит эти народные сказки в "новом веке", который будет унаследован и перенесен в будущее.

1. Особенности создания китайских и восточнославянских народных сказок

1.1. Характеристика китайских народных сказок

Китайские народные сказки являются неотъемлемой частью традиционной культуры Китая, которая является результатом мудрости китайских предков. История китайских народных сказок уходит корнями далеко в прошлое, начиная с периода до Цинь и до наших дней, оставив после себя множество популярных народных сказок, таких как "Легенда о белой змее" и "Коровий пастух и ткачиха". Они являются воплощением различных идей и концепций из истории Китая. Народные сказки выражают традиционную культуру и корни жизни в Китае и являются уникальным видом народной культуры. Эти народные сказки воплощают специфику национальной культуры Китая и являются всеобъемлющими, охватывающими весь мир. Они повлияли на плодотворную жизнь людей, дали им знания и ожидания, сыграли важную роль в обучении, формировании характера, развлечениях и отдыхе, сопровождая поколения китайцев по мере их взросления, формируя общую память нации и вместе формируя духовное ядро китайской нации.

1.2. Характеристика русских и белорусских народных сказок

Являясь важным жанром фольклора, народные сказки фиксируют уникальные обычаи и идеологию народной жизни. Они являются отражением идей и убеждений народа и содержат представление людей о себе, своем обществе и мире.

Существует много различных типов славянских народных сказок, включая сказки о людях (социально-бытовые), о животных, волшебные сказки. Сказки иногда включают пророчества, в которых главный герой видит пророческий сон, который сбывается в реальной жизни. В народных сказках этого типа главный герой часто бывает двойственным. Главный герой начинает историю как ленивый, отрицательный персонаж, который после некоторых трудностей и приключений превращается в ключевую фигуру истории и разрешает события. В сказках о животных животные персонифицированы, а сложные отношения между ними отражают отношения между людьми, используются для представления социальных явлений в простой и понятной форме, с четким воспитательным посылом. Волшебные сказки отражали веру народа в чудеса, представления о потустороннем мире, возможности перевоплощений и так далее.

2. Снег в славянских и китайских народных сказках

Когда люди думают о зиме, они часто представляют себе холод и снег. В Китае люди считают снег благоприятным и называют его снежком.

2.1. Китайская сказка

Зеленая дева: из древнекитайской книги "Хуайнаньцзы". В четырнадцатый день девятого месяца года она спустилась на землю и встала на горе, со струн ее лютни медленно падали снежинки инея и пудры, осыпая землю, так что все злые и грязные духи сразу исчезли, а бедствия и болезни на земле были унесены снегом. [2] "Королева-мать спускается на Землю": Легенда гласит, что давным-давно в Северной Дикой местности было очень пустынно, и когда Королева-мать услышала об этом, она решила спуститься на Землю, чтобы узнать, что происходит. Но когда королева-мать спустилась во второй раз, то обнаружила, что люди не ценят данную им еду и оскорбляют людей, одетых как нищие. Ей было невыносимо видеть, что

люди страдают от голода, как прежде, поэтому она дала им семена, которые нужно было выращивать, и с тех пор людям пришлось самим добывать себе пропитание и работать. [3.С.68] "Вовлечение снега и глотание войлока": Во времена династии Западная Хань император У Хань послал Су У с миссией к Сюнну, но тот был задержан Сюнну. Чтобы заставить Су У сдаться, вождь хунну Шань Юй заключил Су У в большой погреб и лишил его еды и питья. Когда шел дождь или снег, Су У ложился на землю и ел шерсть из снега, и так продолжалось несколько дней. Когда хунну увидели, что он не умер, они приняли его за бога. Позже Сюнну отправили Су У к Северному морю (ныне озеро Байкал) пасти овец. Су У пробыл в Сюнну 19 лет, не сдаваясь, и в конце концов вернулся в династию Хань, где им восхищался весь мир. Эта история также известна как "Су Ву лежит на снегу" и "Су Ву пользуется снегом", и позже была использована как метафора национального мужества.

2.2. Восточнославянская сказка «Снегурочка». Сюжет этой сказки встречается и у русских, и у белорусов.

Жили-были старые дед и бабка, у них не было детей, и они были очень одиноки. Однажды зимой выпало так много снега, что из снега слепили прекрасную снежную девочку. Снегурочка ожила и стала дочерью деда и бабки. Когда наступила весна, Снегурочка постепенно растаяла. [4] В некоторых вариантах сюжета она вновь возвращалась каждую зиму. Возможно, в этой сказке отразилась вера людей в зимние снежные чудеса. Зимой не было тяжелой работы, люди могли отдыхать, мечтать, придумывать сказки для детей. Из снега лепили снежных людей – снеговиков -, играли в снежки, катались по снегу на санях.

В другой сказке, дети решили написать письмо Деду Морозу, чтобы он прислал из дремучего леса елочку - самую пушистую и красивую елочку. Дети отдали письмо снеговика, который преодолел трудности, чтобы увидеть Деда Мороза и получить елочку с помощью щенка, сороки и других животных. [5]

3.Сходства и различия "снега" в восточнославянских и китайских сказках

Снег - это природное явление, и благодаря своему белому цвету и кристальной чистоте он используется как символ красоты и чистоты или как метафора верности и благородства сердца и характера. Сравнительное исследование русских и китайских народных сказок о зиме показывает, что культуры двух стран имеют разную материальную и языковую основу, и поэтому существуют значительные различия в верованиях, представлениях и установках, которые привели к культурным различиям. Китайский "снежный" фон в основном используется для изображения трудностей окружающей среды, например, в "Chengmen Lixue", где студент Ян Ши ждет в фуге снега, чтобы увидеть своего учителя, или в "Su Wu", где Су Ву изгнан без воды и скорее выпьет снег, чем предаст Великую Хань. Русское "снег" часто является символом красоты и используется для описания характера главного героя.

Снегурочка - нежная, скромная и умная девушка, она тоже добрая и благородная. Она чиста и невинна как белый снег, но жизнь её скоротечна, как один зимний сезон. В сказочной истории "Трудно быть добрым", славянский персонаж Дед Мороз посылает снежинки, чтобы одеть лес, заставляет их танцевать и встречать Новый год чистой красотой. Он вроде бы холодный Мороз, но у него доброе и терпимое сердце, и он принимает "злых" волков, которые работают вместе с ним, доставляя подарки детям.

С тех пор как слово "снег" вошло в эстетический кругозор людей, смысл его постоянно расширяется и содержит бесконечное количество красивых метафор и глубоких символических значений. Несмотря на значительные культурные различия между славянами и Китаем, в образах русских, белорусских и китайских народных сказок есть совпадения и сходства. Снег - это не только символ холода, но и символ чистоты и красоты как славянской, так и в китайской культурах. Считается, что снег смывает грехи, бедствия и болезни. Это отражено во многих народных ритуалах и народных сказках. В русской сказке "Снегопад" волшебный заяц, который был волшебным хранителем всех зайцев, чтобы держать их в тепле и богатстве круглый год, покинул своих сородичей за то, что они его обижали, и зайцы начали испытывать холод и голод. А ранее добрый волшебный заяц укрывал их снежным мехом и посылал снег, чтобы сохранить растения в тепле зимой. Снег, как неотъемлемый образ в китайской культуре,

выполняет ту же функцию. Как гласит пословица, «Снег - знак удачи», снег - символ удачи, олицетворяющий хороший урожай в наступающем году. В романе Гуань Ханьцина "Небесное прикосновение" есть сцена, где Ду Е несправедливо обвиняют и собираются обезглавить. Перед смертью Ду Е говорит, что если небеса видят мою несправедливость, пожалуйста, принесите снег в июне.

Народные сказки имеют определенные общие черты, которые обусловлены восприятием белого цвета как символа чистоты в восточнославянской и китайской культурах, а также влиянием на флору и фауну. Сравнительное изучение таких образов позволит расширить культурный обмен между странами, углубить интерес к изучению языков друг друга, понимание истории культуры друг друга с точки зрения народного мировоззрения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. 黄涛.中国民间文学概论（第三版）. 北京：中国人民大学出版社，2013.84 页./Хуан Тао. Введение в китайскую народную литературу (3-е изд.). /ТаоХуан. -Пекин: Издательство Китайского народного университета, 2013.-С. 84.
2. 古代民间故事：王母下凡，白面变雪. 访问地址：
<https://kknews.cc/story/l46v63z.html>
3. 访问时间 2021.09.24.(Древние народные сказки: Королева-мать спускается на землю, и белое мука превращается в снег. Режим доступа: <https://kknews.cc/story/l46v63z.html>.Дата доступа: 2021.09.24.)
4. 3. 《淮南子·天文训》，刘安,西汉末年.上海古籍出版社,2019.68 页./Лю Ань,Хуайнаньцзы - Астрономическое обучение./ АньЛю.конец династии Западная Хань. Шанхайское издательство древних книг, 2019. –С.68.
5. Снегурочка. Режим доступа: <https://mishka-knizhka.ru/skazki-dlay-detey/russkie-narodnye-skazki/russkie-volshebnye-skazki/snegurochka/> . Дата доступа: 2021.09.24.
6. Ёлка. Режим доступа: <https://mishka-knizhka.ru/skazki-dlay-detey/russkie-skazochniki/skazki-suteeva/jolka/>. Дата доступа: 2021.09.24.

Лю Фэй

*аспирант Белорусской государственной
академии искусств
(г. Минск, Республика Беларусь)*

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ДИАПАЗОН КИТАЙСКОЙ ЖИВОПИСИ НАЧАЛА ХХІ ВЕКА, РАСКРЫВАЮЩЕЙ ОБРАЗ ГОРОДА

Развитие человеческой цивилизации привело к образованию городов, а непрерывный прогресс человеческого общества способствовал постоянному расширению масштабов городов и увеличению их количества [1, с. 216]. Изучение города как сложного художественного феномена стало одним из направлений в искусствоведении. Образ города вбирает в себя множественные характеристики и предстает как обобщенное выражение специфичных особенностей городского пространства, основанное на исторических и культурных событиях и моментах в представлении человека о самом городе.

Понятия город и образ города взаимосвязаны. Советский ученый, историк, урбанист и культуролог Н.П. Анциферов определяет город как «место, приспособленное для общежития социальной группы сложного характера, внутренне диверсифицированной (сословия, классы, иногда группировки национальные, религиозные), получившей определенную правовую форму» [2, с. 28]. Американский архитектор К. Линч считает, что у каждого города есть общественный образ (public image), который совпадает с множеством отдельных образов;

также имеется серия общественных образов города, каждый из которых сформировался у значительного числа горожан [3, с. 46]. Для каждого отдельного человека образ города уникален и формируется на основе конкретного жизненного опыта.

В китайской живописи начала XXI века образ города получает новое наполнение и уникальные трактовки, стал обширным стилистический диапазон полотен китайских художников, раскрывающих образ города.

Со времен Синьхайской революции (1911) китайская реалистическая живопись маслом воспитала пять поколений художников. Реалистический стиль предоставил китайским художникам большой набор средств к раскрытию образного мира. Не вызывает удивления то, что в начале XXI века в китайской живописи наиболее широко представлены работы реалистического стилистического направления. Реалистические полотна объективно воспроизводят отдельные смысловые грани городских пространств с сохранением типичных и конкретных особенностей городских пейзажей. В мимолетных сюжетах художниками-реалистами концентрируется глубокий смысл.

В реалистическом направлении работает китайский художник, профессор Китайской академии масляной живописи Китайской академии искусств Ян Фэйюнь (1954 г.р.), который был инициатором создания пекинской школы реалистической живописи. В полотнах Ян Фэйюня: «Виды на Санкт-Петербург» (2002), «Утренний замок» (2000), «Плывущие над старым замком облака» (2002), «Парк в Нотр-Даме» (2000), «Старая церковь Морей» (2012) раскрываются четкие моменты из сознания художника, в которых закрепился целостный взгляд на сиюминутное положение городского пространства.

Декан Сычуаньской академии изящных искусств Пан Маокунь (1963 г.р.) работает в портретном жанре и лишь изредка создает живописные пейзажи городских пространств. «Шанхайский Диснейленд» (2018) – атмосферно изображенный вид на развлекательную достопримечательность Шанхая, решенный в традициях реализма. Мы видим Диснейленд издали, во влажной дымке серого непогожего дня.

Живописец-реалист Шэнь Лэй (1977 г.р.) объективно отображает душу города через неприметные городские улочки, домашний быт горожан. Шэнь Лэй на своих полотнах применяет наибольший потенциал реалистического стиля в соприкосновении с каждодневным бытом повседневности. Художник создал небольшую серию работ с изображением заснеженных городских пространств: «Снег в маленьком городе» (2014), «Виды проезжей части дороги» (2016), «Безмолвный маленький город» (2016), «Однажды дома» (2016). Городские пейзажи Шэнь Лэя в снежной серии близки сердцу и не требуют смысловых пояснений. Подобные пространства встречал, должно быть, каждый житель северного Китая. Эффект активного восприятия создается колористическим наполнением работ, в которых заснеженные поверхности архитектурных построек лишь на несколько тонов белого отличаются от пасмурного январского или февральского неба.

В последней трети XIX в. во Франции возникло одно из крупнейших и влиятельных течений в искусстве – импрессионизм. Импрессионизм за XX век распространился по всему миру. Представители импрессионизма «не стремятся к точному воспроизведению, а ограничиваются общим восприятием... Они являются импрессионистами в том смысле, что воспроизводят не сам пейзаж, а впечатление, вызываемое данным пейзажем... Таким образом, они отходят от действительности и полностью переходят на позиции идеализма» [4, с. 66 – 68]. Импрессионистическое направление широко представлено в китайской живописи начала XXI века, раскрывающей образ города.

В полотнах Чжан Синьцюаня (1962 г.р.) прочно закрепился принцип «первого впечатления» от города. Художник живо изображает подвижность образа города через призму собственных впечатлений. В работах «Перекресток» (2006), «Сигнальная башня» (2004), «Река Сучжоу» (2017) городские пространства изображены без четких контуров, передавая мимолетное впечатление застывшего в сознании художника образа скучающего города. В центре полотен Чжан Синьцюань часто располагает размытые изображения зданий как знак прогресса китайского общества. Внизу полотна «Перекресток» располагается символ

человеческих устремлений, поисков, несбыточных надежд в виде перекрестка дорог. Чжан Синьцзоань обращает внимание на мелочность человеческих целей на фоне глобального бескрайнего бытия. Город видится Чжан Синьцзоаню подвергшимся пагубному влиянию технического прогресса.

Отдельные черты импрессионистического направления обнаруживаются в картинах Ван Цзяцзэна (1963 г.р.) «Промышленный дневник №248» (2010), «Руины города №83» (2016). Ван Цзяцзэн показывает промышленную сторону городов с фабриками и заводами, поднимает острую для Китая проблему загрязнения окружающей среды промышленными отходами, которые стали высокой ценой прогрессивного экономического развития страны за последнее время. Промышленная тематика была ярко представлена на выставке Ван Цзяцзэна в художественном музее Цзинань в 2014 году «Промышленный дневник – выставка масляной живописи Ван Цзяцзэна».

В китайской живописи начала XXI века представлены раскрывающие образ города полотна, в которых можно проследить черты символизма и абстракционизма. Цветовой абстракционизм прослеживается в творчестве у вице-президента Китайской академии живописи и каллиграфии Ян Синъя (1946 г.р.) в работах «Европейский город», «Мегаполис», «Заграничный портовый город», «Взгляд на границу». Ян Синъя позволяет себе сложную игру с цветом, запутывает смотрящего потоком красок на холсте. Стилистический диапазон живописи У Гуаньчжуна (1919-2010) колеблется от символизма до абстракционизма в его работах конца XX – начала XXI века.

В представленной статье были отобраны лишь нескольких представителей китайской живописи начала XXI века, именами которых не ограничивается стилистический диапазон китайского искусства. Однако, анализируемые художники позволяют сформировать достаточно целостный образ и понимание заявленной проблематики. Можно утверждать, что в современная китайская масляная живопись при раскрытии образа городского пространства в основном обращается к реалистической и импрессионистической стилистике, и в несколько меньшей мере к потенциалу символизма и абстракционизма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. 王恒. 城市与城市绘画. 艺术科技. (2017-6), 216. = Ван, Хэн. Город и городская живопись / Хэн Ван // Искусство и технологии. – 2017. – №6. – С. 216.
2. Анциферов, Н.П. Пути изучения города как социального организма: опыт комплексного подхода / Н.П. Анциферов. – 2-е изд., испр. и доп. – Л.: «Сеятель» Е.В. Высоцкого, 1926. – 150 с.
3. Lynch, K. The image of the city / K. Lynch. – Cambridge: The M.I.T. Press, 1960. – 194 p.
4. Рейтерсверд, О. Импрессионисты перед публикой и критикой: пер. со швед. / О. Рейтерсверд. – М.: Искусство, 1974. – 300 с.

Сюе Лина

*аспирант Белорусского государственного университета
(г. Минск, Республика Беларусь)*

МЫСЛЬ О ГАРМОНИИ В ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Китайская традиционная культура имеет долгую историю, в ней содержатся очень богатые и глубокие мысли о «гармонии». Эти мысли являются важной частью китайского национального духа, а также важными мыслительными ресурсами, которые современные люди могут использоваться для построения гармоничного общества. Концепция гармонии в китайской культуре возникла в эпоху Яо и Шунь. Такое мышление описано в «Шаншу» и «Чжоуи». Оно отражает прекрасное стремление к «мирной» жизни всех живых существ в мире

в древние времена Китая. В период Весны и Осени Гуань Чжун также четко выдвигал концепцию гармонии. Идея гармонии, предложенная Гуань Цзы, имеет не только социальное значение, определяющее политическое направление страны, но он также распространил эту идею гармонии на семейные этические отношения. После «Гуань Цзы» даосская философия обогатила и развила систему ценностей гармоничной китайской культуры. Лао-цзы считает, что всё имеет «инь и янь» в мире [1, с. 41], Он выдвинул ряд диалектических мыслей об «инь и янь», таких как взаимное противостояние, взаимозависимость и взаимное преобразование. Он расширил понятие гармонии в традиционной китайской культуре и поднял идею гармонии с общего социального уровня на философский и придал концепции гармонии более универсальную, глубокую философскую коннотацию. Конфуцианство, представленное Конфуцием, является важной частью гармоничного взгляда на традиционную культуру Китая. В древней конфуцианской идеологической системе стержнем является идея «золотой середины». И человеческое общество, и объективный мир построены на основе «чжун» и «гармонии». В своем образе мышления Конфуций всегда выступал против параноидальных и крайних методов мышления и выступал за поддержание беспристрастного промежуточного состояния в состоянии противоположностей, чтобы достичь состояния гармонии и совершенства. Следует подчеркнуть, что взгляд на гармонию в традиционной китайской культуре не противоречит личностным различиям между вещами. Основываясь на идее «гармонии», Конфуций выдвинул идею «достижения согласия при наличии разногласий» [2, с.141], подчеркивая реализацию общей гармонии и единства на основе сохранения своей индивидуальности.

Китайская традиционная культура является не только важной частью китайской цивилизации, но и неотъемлемой частью мировой духовной цивилизации. Она не только способствовала развитию мировой человеческой цивилизации в прошлом, но и воплощает свою ценность в современном мире. Современный мир сталкивается со многими противоречиями и конфликтами, такими как конфликты между человеком и природой, человеком и обществом, человеком и другими, цивилизацией и цивилизацией и т. д. Эти противоречия и конфликты существовали в разной степени на протяжении всей истории, но эти противоречия в современном мире становились все более интенсивными и все более напряженными и превратились в мировую проблему. Как разрешить эти противоречия и конфликты, в китайской традиционной культуре есть много идей, которые дают полезное откровение для разрешения конфликтов, с которыми сталкивается современный мир [3].

Идея «гармонии между человеком и природой» в традиционной китайской культуре способствует разрешению противоречия между человеком и природой. Идея единства природы и человека объясняет взаимозависимые и взаимно ограничивающие отношения между небом, землей, человеком и «Дао» (т.е. законом природы). Она подчеркнула, что, когда люди понимают и трансформируют природу, они должны уважать природу и не могут действовать произвольно. Идея «гармонии между человеком и природой» долгое время была доминирующей космологией в истории китайской мысли [4]. Идея «гармонии между человеком и природой» не только обеспечивает прочную идеологическую и теоретическую основу для управления современным Китаем, но и дает миру полезные советы по решению экологических проблем. В современном мире наука, техника и промышленность все больше развиваются, но из-за неограниченного покорения природы человечеством возник ряд экологических проблем. Как построить гармоничные отношения между человеком и природой и сохранить устойчивое развитие человечества стало актуальной проблемой, которую человечество должно думать и решать.

Традиционная китайская культура придерживается духа «мирного сосуществования», «не делай другому того, чего не хочешь делать» и «достижения согласия при наличии разногласий», что способствует разрешению отношений между людьми и различными цивилизациями. Что касается межличностных отношений, традиционная китайская гармоничная мысль выступает за идею «гармония драгоценна». Люди - это субъект социальной жизни, но также субъект социальной гармонии. Без гармоничных межличностных отношений

не может быть гармоничных социальных отношений. Конфуций всю свою жизнь изучал межличностные отношения. Он выдвинул такие моральные принципы, как доброжелательность, верность, сыновнее почтение, вежливость, мудрость и доверие, а также отстаивал принцип «не делай другим того, чего не хочешь делать» [5, с. 224]. Это подчеркивает, что в межличностном общении люди должны обращать внимание не на себя, также должны обращать внимание на других, они должны уважать других и относиться к ним одинаково. Менсий также обратил особенное внимание на гармоничные отношения между людьми и выдвигал идею о том, что «подходящее время не так хорошо, как удобное расположение, и удобное расположение не так хорошо, как сплочённость людей». Хотя традиционное китайское мышление отстаивает гармонию, оно также отстаивает «достижения согласия при наличии разногласий». Цель состоит в том, чтобы подчеркнуть, что люди должны сначала терпеть и жить в гармонии друг с другом, но в то же время уважать свою уникальность. Гармония в традиционной китайской культуре - основная ценность и важный национальный дух китайской нации. Такое гармоничное мышление не только оказывает большое влияние на прошлое, настоящее и будущее Китая. Это также мощная теоретическая основа для подхода Китая к международным отношениям и отношениям между различными цивилизациями. Китай всегда выступал за мирное сосуществование между странами и за то, что каждая страна и нация имеют право и обязаны сохранять и развивать свою собственную традиционную культуру. Мы должны полностью уважать разнообразие и различия разных наций и цивилизаций, отказаться от «менталитета холодной войны» и предложения о «цивилизованной конфронтации». На основе взаимного уважения, равного обращения и поиска единения при сохранении различий различным цивилизациям позволено играть активную роль в содействии непрерывному развитию человеческого общества и общему прогрессу всех стран мира.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Фэн, Юлан. Коллекция дискуссий по философии Лаоцзы / Юлан Фэн. – Пекин: Книжная компания Чжунхуа, 1959. – 302 с.
2. Ван, Хао. Принципы дружбы Конфуция из «Лунь Юй» / Хао Ван. – Тайюань: Журнал Университета Цзиньчжун, – 2011. – Т. 28. - №2.
3. Чен, Лай. Современная ценность и значение китайской культуры / Лай Чен. – Пекин: Жэньминь жибао, 17.03.2017. – Т. 24.
4. Ли, Цзюнь. Современная ценность традиционной культуры / Цзюнь Ли. – Пекин: "Гуанмин жибао", 22.02. 2019. - №6.
5. Фан, Дасюэ. Заметки к "Лунь Юй" / Дасюэ Фан. – Иньчуань: . Издательство народного образования Нинся. 2017. -359 с.

*Хуан Ичэн
аспирант Белорусского государственного
университета культуры и искусств
(г. Минск, Республика Беларусь)*

КУЛЬТУРНАЯ ИНДУСТРИЯ КУЛЬТУРЫ КНР: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

В 1970-е гг. высшее политическое руководство Китайской Народной Республики приняло историческое решение о переходе к политике реформ и открытости. Важнейшей задачей модернизации являлось построение сильного государства, состоящего из гармонично-сочетающихся сфер жизнедеятельности: культуры, политики, экономики, цивилизационного и экологического развития. Коммунистическая партия и государство Китая при этом придавали большое значение роли и месту культуры в реализации намеченных реформ. Так, председатель КНР Цзян Цзэминь на XVI съезде КПК в докладе, посвященном

реформам культурной системы, отмечал, что «твердая позиция государства состоит в том, чтобы совершенствовать культурную политику, направленную на дальнейшее развитие культуры, умножать в целом ее реальные силы и конкурентоспособность» [1].

Необходимость сохранения и укрепления целостного социокультурного пространства Китайской Народной Республики, усиление влияния транснациональных тенденций выявили, что эффективность социально-экономического развития китайского общества во многом зависит от признания государством доминантной роли культуры в динамике социальных процессов, в конечном счете – от выбора модели государственной культурной политики. В связи с этим социалистическое государство КНР, являясь публичной властью под руководством Коммунистической партии в процессе осуществления модернизации всех сфер общества, стремится к обогащению и духовной жизни китайского народа. Руководствуясь решениями XIX съезда КПК (2017 г.) правительство расширило финансовые фонды, предназначенные для инвестирования сферы культуры, постепенно увеличивая объемы кредитования потенциально успешных проектов. На съезде также были определены главные направления реформирования культурной индустрии (文化产业 文ьхуачанье). Ими стали: формирование системы ценностей, предоставление народу более высококачественной духовной пищи, преобразование и мощное развитие массовой культуры, гарантирование защиты культурных прав потребителей, изучение интересов народа в культурной сфере, становление культурной индустрии как важнейшего сегмента национальной экономики. Также особое внимание было уделено углублению реформы открытости (для расцвета и развития культурной сферы), подготовке специалистов в области производства культурной индустрии и дальнейшей реализации данной продукции, соответственно, и открытию или развитию центров (школ, университетов), занимающихся подготовкой данных кадров. По отношению к культурным объектам, имеющим инновационное, высокотехнологичное наполнение, правительству вменялось вводить политику государственного кредитования, т.е. предоставлять государственные займы под низкий процент или субсидирование, тем самым оказывая поддержку развитию сферы культуры [2, с. 98].

Определив культуру в качестве стратегического аспекта державы, в КНР был принят «План активизации культурной индустрии» [3]. Данным документом предусматривалось создание мощной индустрии культуры. Важную роль в развитии сферы культуры имела выработка «Стратегии построения могущественного культурного государства», которая была одобрена на Пленуме ЦК КПК. На партийном форуме была поставлена задача: уделять внимание культурной сфере не меньше, чем проблемам экономического развития. Под руководством партии Госсовет Китайской Народной Республики начал активно проводить политику по стимулированию строительства сферы культуры. Государство значительно увеличило капиталовложения в социально-культурную, ввело сборы на организацию культурных мероприятий, содействовало народным пожертвованиям в дело общественной культуры, поддерживало организацию различных культурных мероприятий силами общественности, расширило доступ на рынок, что в определенной степени позволило смягчить проблемы, связанные с долгосрочным недостатком вложений в строительство культуры, нехваткой средств и т. п.

«Планом национального экономического и социального развития на период тринадцатой пятилетки» предусмотрено уделить серьезное внимание развитию культурной индустрии, повысив ее влияние не только на общественную жизнь, но и на экономическую, политическую стороны страны.

В настоящее время государство, имея юридический статус инвестора, на равных участвует в рыночной конкуренции. В последние десятилетия государственные финансовые капиталовложения в область культуры достигли самого высокого за всю историю КНР уровня. Расходы на культурные мероприятия непрерывно увеличиваются, что в большой степени содействует развитию культурных мероприятий. Общая сумма расходов на культурные мероприятия по всей стране составила 58,082 млрд. юаней, среднегодовой рост достиг 22,5 процента. Так, если в 1978 году расходы на культурные мероприятия в масштабах всей страны

составили 444 млн. юаней, в 2007 году они достигли 19,896 млрд. юаней. Сумма, выделенная на развитие культурной отрасли, в 2015 году выросла на 11% по сравнению с предыдущим годом [4, с. 314]. На основе увеличения расходов на культурные мероприятия центральное правительство и провинциальные администрации установили специальные статьи расходов в области культуры для увеличения поддержки культурного строительства в деревенских районах, особенно в старых революционных районах и местах боев в ходе антияпонской войны, районах проживания национальных меньшинств, приграничных, отдаленных и бедных районах.

Примечательно, что государство постепенно начало формировать негосударственные механизмы финансовой поддержки развития культуры с участием, как государственных вложений, так и частных инвестиций в сферу культуры. Партией и правительством КНР был разрешен допуск частного и иностранного капитала в сферу культуры, а также выдвинута задача по активизации освоения международного культурного рынка и «продвижения» китайской культуры во внешний мир.

Одним из главных средств по развитию культурной индустрии стала политика постепенного снятия ограничений выхода на рынок, были разрешены и даже поощрялись частные иностранные инвестиции в сферу культуры. Государство поддерживало реализацию художественных произведений, продажу в розницу аудио- и видеопродукции, создание развлекательных проектов, а также строительство, улучшение и управление инфраструктурой в сфере культуры. Особенно развивались и поощрялись различные виды частного инвестирования, такие как спонсорство, совместный капитал, разные формы сотрудничества, акционирование предприятий, франшизы [5].

Культурно-массовые учреждения КНР, основанные на государственном капитале, также полноценно адаптируют и используют опыт управления и механизмы рыночной экономики. Вследствие чего происходит увеличение инвестиций в издательское дело, в производство электронной, аудио и видео продукции, в сферу исполнительского искусства, развлечений, кино и театра, анимации и рынка другой художественной продукции. В результате этого книги, газеты и журналы, издаваемые в Китае, отличаются богатством тематики и содержания, они освещают самые разнообразные сферы научной и общественной жизни китайского общества.

Государство стремится поддержать небольшие социально-культурные учреждения, а именно увеличить финансирование, ввести льготное налогообложение и оказать помощь при подборе кадров. Новый курс государственной культурной политики направлен на поощрение благосклонности банков и других финансовых институтов в принятии решений по предоставлению займов для таких организаций с персоналом менее 100 человек. Подобных компаний на рынке культурной индустрии Китая около 80%. Более того, предусматривалась разработка системы по увеличению зарплат и доходов для работников негосударственных учреждений на основе их опыта и достижений, что, способствовало повышению уровня качества их деятельности. Кроме того, государственные органы поощряли деятельность юридических и физических лиц перестройку заброшенных промышленных объектов в целях организации новых учреждений культуры и мест для проведения массовых культурных мероприятий.

Анализ современной внутренней структуры индустрии культуры в Китае, свидетельствует, что традиционные сферы культуры, такие как новостные агентства, издательства, радио- и телевидение и другие, составляющие «костяк» идеологии, в абсолютном большинстве управляются и финансируются государственным капиталом. Однако современные отрасли культуры: Интернет, сфера развлечений и активного отдыха, культурный туризм, реклама и другие сферы, формирующие «периферию», а также «примыкающие» сферы, занимающиеся культурными объектами, оборудованием и смежные с культурным производством, основаны на негосударственной форме собственности.

Таким образом, рыночный механизм и системная модернизация культурной отрасли КНР на основе принципов новой культурной политики позволила индустрии культуры превратиться в эффективный инструмент устойчивого развития социалистической культуры КНР. В

настоящее время она играет активную роль в устойчивом развитии китайского общества, ставшая частью национальной экономики. Так, с 2012 по 2016 год добавленная стоимость культурной индустрии Китая из года в год росла с 1,8 трлн. юаней в 2012 г. до 3,1 трлн. юаней в 2016 г., что составляет 4,14% [3]. Некоторые эксперты рассчитали процент прироста индустрии культуры и прирост ВВП, чтобы получить ставку вноса индустрии культуры. В 2012 года ставка вноса индустрии культуры в экономику КНР превышала 5%, а в 2016 г. – 5,5%. Это показывает, что статус и роль культурной индустрии в экономическом росте возрастают [5].

Уже в начале 2000-х гг. в Китае насчитывалось 197 предприятий, занятых в сфере кинематографии, из них 60 были с участием капитала частных предприятий, ими в 2004 г. было снято более 100 кинофильмов, 80% – частными компаниями [5]. Углубление реформы культурной системы обусловило процесс акционирования некоторых предприятий сферы культуры. В этот же период в КНР существовало свыше уже большое количество предприятий, задействованных в сфере культуры, вышедших на инвестиционные рынки, которые постепенно формируют современный сегмент индустрии культуры.

Наряду с китайским кинематографом важным сегментом индустрии культуры Китая является игровая отрасль. С появлением интернет-технологий сформировалось массовое увлечение индивидов китайского общества мобильными играми. Современная компьютерная игра – это яркий, образный трехмерный мир, который вполне можно считать настоящим из-за высокого качества изображения и звуковых эффектов. В этом мире интерактивное действие очень динамично, присутствует многоуровневая нить событий, создана реалистичная среда с детализированными предметами и персонажами.

С конца 1990-х гг. компьютерные игры становятся частью индустрии культуры, которая захватывает большое количество людей, преимущественно молодежь. Под «компьютерными играми» подразумевают широкий класс программ и технических устройств, на которые они установлены. КНР считается второй страной в мире по величине рынка для видеоигр после США. На магазинных полках можно встретить огромное разнообразие компьютерных игр. Всемирная глобальная сеть быстро и уверенно захватывает своими невидимыми нитями пространство земного шара. В настоящее время к Интернет подключены сотни миллионов компьютеров, узлов провайдеров, любителей и профессионалов, в том числе субъектов молодежной культуры. Динамично входят в жизнь компьютеры и Интернет, подчиняя себе все новых поклонников. Согласно 44-му Статистическому отчету о развитии Интернета в Китае, по состоянию на 2020 г. число интернет-пользователей в стране достигло 854 млн., а число пользователей мобильного телефона в Интернете насчитывало 847 млн. [6]. Исследования показывают, что использование Интернета через мобильные телефоны круглосуточно стало нормой для субъектов китайского общества. Кроме того интенсифицируется использование ими Интернет-приложений. Так, в 2019 г. их использование на душу населения среди пользователей в возрасте от 10 до 14 лет составляло 40 единиц, а в возрасте до 10 лет – 32 [6].

Наиболее увлеченными игроками считается молодежь. В соответствии с данными Информационного центра китайских интернет-сетей CNNIC, онлайн-игры в стране превышают общий уровень пользователей сети, достигнув 9,6 процентных пункта. Среди молодого поколения данный показатель самый высокий – 70, что на 13,1 процентного пункта выше, чем общий уровень пользователей сети [7].

Таким образом, сфера компьютерных игр все больше привлекает внимание представителей бизнеса. Так, в новостях Forbes компании, – отмечают белорусские исследователи, – разработчики игр все чаще выходят на первый план, а выставки компьютерных игр становятся заметными и значимыми событиями. Широкое распространение компьютерных игр послужило основой для возникновения особых субкультур, таких как геймеров, имеющих множество ответвлений: «казуальщики», «хардкорщики», «олдгеймеры», «общественники» и др. Существует даже киберспорт, история. Таким образом, сфера компьютерных игр все больше привлекает внимание представителей бизнеса. Так, в новостях Forbes компании, – отмечают белорусские исследователи, – разработчики игр все чаще выходят на первый план, а выставки компьютерных игр становятся заметными и значимыми

событиями. Широкое распространение компьютерных игр послужило основой для возникновения особых субкультур, таких как геймеров, имеющих множество ответвлений. Существует даже киберспорт, история которого началась в конце XX века. В последние годы проводятся чемпионаты по компьютерным играм различного уровня – от отдельных школ до международных турниров, самым известным из которых является Word Cyber Games (WCG), организованный подобно олимпийским играм. Призовые фонды соревнований по самым популярным играм составляют в среднем порядка 1,5 миллиона долларов. Имеются специальные сайты и блоги, на которых члены данной субкультуры могут делиться новостями и секретами любимой игры.

Мощная китайская индустрия компьютерных игр, учитывая стремительно растущую их популярность, постоянно совершенствуется. Современный уровень информационных технологий позволяет создавать игры с прекрасной графикой, анимацией и мультимедийными эффектами, что приводит к увеличению количества активных игроков, которыми являются люди разного возраста и социального статуса.

Исследования показывают, что наиболее увлекательными являются онлайн-игры «Dota 2», «WorldofTanks», MMORPS в мире – «WorldofWarcraft». Массово пользовательская игра «WorldofWarcraft», принадлежащая к жанру MMORPS, – как полагает российская исследователь О. Б. Савинская, – предоставляет ее игроку возможность стать героем и прожить в процессе взаимодействия как с запрограммированными персонажами, так и с реальными людьми [8]. Участник игры может освоить ряд профессий, проходить квесты совместно с другими игроками, проживать некоторые приключения, т.е. на некоторое время заменить реальную жизнь.

Dota 2», «WorldofTanks» относятся к многопользовательским соревновательным играм. По каждой из них существуют собственные киберспортивные лиги, проводятся турниры, по результатам которых команды-победители получают денежные вознаграждения, а также признание как среди фанатов, так и среди отдельных государственных и культурных деятелей.

Мобильная игра «Жизнь в Цяннане», появившаяся в 2020 г., отмечает китайский исследователь, не раз попадала в топ запросов в поисковой системе китайского сайта микроблогов. «Держится она в списке самых рейтинговых игр и на популярной платформе онлайн-игр «Тэп-тэп», где ее скачали почти 11 млн. раз, а активно пользуются ею почти 4 млн. человек» [9, с. 82].

Резюмируя сказанное выше, можно утверждать, что, индустрия культуры коренным образом повлияла на такой важный компонент социокультурной сферы, как игры, которая стала доходной статьей для предпринимателей и инвесторов. Так, в структуре валовой продукции индустрии культуры КНР игры приносят 43 млрд. юаней, кино и видеопродукция – 19,5 млрд. юаней, литература – 2 млрд. юаней, сопутствующие товары – 1,4 млрд. юаней [10, с. 39].

Исследования социодинамики культурных индустрий КНР показывает, что эти интеллектуалоемкие индустрии в первой четверти XXI в. задают потребительские тренды и становятся одной из новых точек роста китайской экономики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Цзян, Цзэминь. Всестороннее строительство общества малого достатка, открыть новые перспективы для дела социализма с китайской спецификой. Доклад на 16-м Всекитайском съезде КПК / Цзэминь Цзян // Жэньминь жибао. – 2002. – № 1 – 18 ноября.

2. 决胜全面建成小康社会夺取新时代中国特色社会主义伟大胜利[D].北京:人民出版社 2017:106. Си, Цзиньпин. Добиться решающей победы в полном построении среднеразвитого общества, одержать великую победу социализма с китайской спецификой в новую эпоху: Доклад председателя ЦК КПК на XIX съезде Коммунистической партии Китая / Циньпин Си. – Пекин : Нар. Изд-во, 2017. – 106 с.

3. Янь, Шуфан, Абрамов В.А. Культурные индустрии как механизм реализации ценностного потенциала «мягкой силы» Китая/ Шуфан Янь В.А. Абрамов //Вестник Читинского государственного университета. – 2011. – №7 (74). –С. 14-21. Report on Development of China's Media Industry (2015). – China : Social Scitncts Academic Press, 2015.

4. 《2016 年中国文化产业增加值首次突破 3 万亿元》，《光明日报》，2017 5 月 27 日，第 12 版 = «Добавленная стоимость культурной индустрии Китая впервые в 2016 году превысила 3 триллиона юаней», Guangming Daily, 27 мая 2017 г., – № 12.

5. Китайский информационный интернет-центр (CNNIC). 45-й «Статистический отчет о развитии Интернета в Китае», 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cnnic.net.cn/hlwfzyj/hlwzxbg/hlwtjbg/202004/t20200428_70974.htm– Дата доступа: 18.10.2020. =

6. Веб-сайт Китайского информационного интернет-центра: http://www.cnnic.net.cn/hlwfzyj/hlwzxbg/qsmbg/201608/t20160812_54425.htm– Дата доступа: 10.11.2021.

7. Савинская, О. Б. Влияние увлеченности онлайн-играми на интенсивность коммуникаций и социальные навыки игроков / О. Б. Савинская // Мониторинг. – 2013. – № 5. – С. 123-135.

8. Жан, Шаньчун. Отблески традиции в игровой индустрии / Шаньчун Жан // Китай. – 2021. – № 2-3. – С. 82-84.

9. Цзин, Ту Новая жизнь старого завода / Ту Цзин // Китай. – 2021. – № 4 (185). – С. 38-40.

Хуан Цзинъюань
аспирант Белорусской государственной
академии искусств
(г. Минск, Республика Беларусь)

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОБЕЙСТВИЯ

Китайская цивилизация – одна из немногих древних великих цивилизаций мира, которая не была прервана и сохранилась до нынешних дней. Пять тысяч лет истории существования и развития китайской нации взрастили превосходную традиционную культуру Китая, которая является отражением глубочайшей духовной связи времен китайской нации.

Чтобы осознать великое обновление китайской нации, необходимо встать на новую историческую отправную точку, искать выдающиеся культурные особенности китайского общества, творчески переосмыслить и преобразовывать их в соответствии с современной системой ценностей [1]. Только за счет инновационного развития мы сможем лучше интегрировать культуры и показать современную ценность превосходной традиционной культуры Китая. В Китае 56 этнических групп, и в большой семье китайской нации каждая этническая группа имеет свои особенности.

Китайская традиционная культура является общим названием национальной цивилизации, философии, образа мыслей и духа. Китайская традиционная культура - это национальная культура, которая отражает и сохраняет характеристики нации и особенности пластов, составляющих понятие культуры. Национальная культура представляет также совокупность проявления разнообразия различной идеологической культуры и концептуальных форм в истории национальной истории [2]. Таким образом, общность различных национальных цивилизаций, обычаев и духа находят свое выраженные в различных культурных формах.

Чтобы любое общество могло поддерживать баланс между людьми и природой, а также между людьми, должна существовать культура, и Китай – не исключение. Более того, Китай

сформировал набор социальных систем или «культурных структур», основанных на уникальных культурных концепциях. Стабильность государства, его зрелость и жизнеспособность являются логическим итогом продолжения традиций древней цивилизации.

Самый глубокий элемент культуры - это основные ценности. Культурная уверенность в себе фактически зависит от жизнеспособности, сплоченности и лидерства ее основных ценностей. Духовный темперамент китайской нации.

Инклюзивность, открытость и синтез китайской традиционной культуры – характеристики, которые не только сохраняют китайскую нацию и ее идентичность, но и поддерживают культурную уверенность в мировом культурном мультикультурализме [3]. В историческом тысячелетнем процессе развития китайская культура пережила блестящие эпохи, отдельные негативные феномены и события не прервали этот процесс и не повлияли на его развитие. Анализ исторических процессов и реальности доказывает, что китайская культура является открытой, гармонично синтезированной и интегрированной на протяжении всего существования Китая.

Современная китайская культура является отражением совокупности особенностей состояния общества. Китай находится на этапе активного динамического развития, серьезных изменений и глубокой корректировки. В области общечеловеческих ценностей тенденция к диверсификации и моральная составляющая часто противостоят друг другу, и необходимо подумать о концепции традиционных китайских культурных этических концепций, ценностей и социальных норм. Осознание и популяризация достижений многовековой культуры необходимы для более глубокого понимания ее значимости и прогресса.

Изучение великой китайской культуры послужит ценным теоретическим руководством для содействия социальному здоровью, гармоничному духовному состоянию и упорядоченному развитию. С приходом новых времен со свойственными им нормами и образцами модернизация различных этнических регионов Китая постепенно синхронизируется. В тенденции развития китайского общества и прогресса экономики, наша нация не только войдет в новый мир в разных формах, но и станет примером для многих стран мира [4]. В то же время, при этом непрерывный рост всеобъемлющей национальной силы Китая, инвестиции и поддержка государства и поддержка различных государств-партнеров также содействуют развитию этнических районов и взаимной интеграции всех этнических групп.

Обмен между народами Китая будут расти, поскольку сегодня каждая этническая группа взаимодействует с другими и существует с ними в едином пространственно-временном контексте. Количество и характер связей между людьми также изменяется. Сегодня в Китае активизировался процесс притока населения в крупные города из сельской местности и небольших городов, тем самым вызывая изменения в национальном распределении. Такой поток населения ускорит процесс урбанизации, и население этнических меньшинств будет продолжать распространяться из первоначальных поселений в города по всей стране.

Та же самая традиционная культура, которая изначально была сплоченной, будет распространена по всему миру и станет частью интеграции этнических культур. Люди поймут и осознают ценность своеобразия аутентичной культуры разных национальностей, складывающих сложную «мозаику» будущей национальной культуры. Тогда в долгосрочной совместной жизни, учебе и общении общие факторы среди всех этнических групп будут продолжать увеличиваться, но в результате характеристики этнической группы не будут потеряны [5]. Расширяя обмены, все этнические группы будут продолжать сохранять свои собственные этнические характеристики, а этнические характеристики и этнические различия будут продолжать существовать. Все этнические группы вступили в новый век со своими особенностями и общностями китайской нации.

Как синтезировать традиции и современность – вопрос, который будет постоянно стоять перед обществом. Сегодня многие сторонники современного общества полны негодования и неприязни к традициям, и вся ответственность за невыполнение каких-либо действий перекладывается на бывших людей. Необходимо сформировать и четко сформулировать критерии оценки при сравнении иностранных религий и культур, а также

норм жизни, морали и культуры, обеспечиваемых китайской культурой. Тогда можно будет бесспорно утверждать, что китайская культура незаменима. Поэтому в современном обществе трудно заменить роль традиционной китайской культуры в духовной стабильности, духовном продвижении и социальной гармонии.

Столкновение традиций и современной культуры - явление объективное и нормальное. Проявление конфликтов и столкновений имеет глубокие причины. Некоторые культурные и традиционные факторы смешаны; традиционное культурное наследие не может удовлетворить потребности нового общества, а культура новой эпохи представляет собой многогранную атаку на традиционную культуру; развитие культуры новой эпохи требует постоянного выбора традиционной культуры и некоторые варианты.

Традиция - это не застывший осадок, а многогранная и относительно устойчивая структура. Несение инерции истории без опережения времени - ее естественный характер. Но когда вода гетерогенной культуры тихо входит в эту реку, в результате накопления времени, присущая традиция будет увеличиваться или уменьшаться из-за процесса встречи и знакомства с процессом взаимного поглощения и растворения, пока она не мутирует.

И традиционная, и современная культура имеют общие характеристики, но в то же время имеют коренные различия. Именно из-за наличия различных сложных факторов традиционная культура и современная культура всегда находились в ситуации, когда есть противоречия и столкновения, но они также могут быть связаны и слиты. Столкновение и слияние двух культур относится как к культурному, так и к духовному уровню.

Современному Китаю по-прежнему не хватает культурного национального самосознания. Пожилые люди по-прежнему больше всего хотят интернационализации. Китайская культура не ждет, чтобы ее увидели. К счастью, молодое поколение полно уверенности в китайской культуре, надеясь на то, что китайская культура перешагнет границы Китая. И это уже происходит. Более того, начиная с 17 века китайские элементы культуры и науки проникали в европейскую цивилизацию. Очень важно понимать, что современному обществу нужно больше внимания уделять изучению и освоению традиций. Необходимая культурная традиция - это не внешняя, а внутренняя ценность человеческой природы, жизни, социальной культуры и культуры.

Продвижение китайской культуры требует изучения научной системы марксизма. Ищите и размышляйте о марксистских идеях и адаптируйте идеи, изначально выросшие в западной культуре, к текущей ситуации в Китае. Процесс китаизации марксизма - это процесс модернизации традиционной китайской культуры. Благодаря интеграции и развитию он обеспечивает новую теоретическую поддержку традиционной китайской культуре, обогащает ее духовную основу и совместим с превосходными истоками традиционной культуры. Развивайтесь вместе.

В этом столкновении между модернизацией и традиционной культурой культурное разнообразие со временем будет утрачено и заменено. Такой процесс развития необратим: вредные привычки будут постепенно искореняться в процессе культурной интеграции, а отличная и хорошая культура будет по-прежнему сохраняться.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. 关健英.中国传统文化的独特气质/关健英//《红旗文稿》-北京, 2019 年= Цзяньин, Гуань. Уникальный темперамент традиционной китайской культуры / Гуань Цзяньин // «Рукопись красного флага» - Пекин, 2019.http://www.qstheory.cn/dukan/hqwg/2019-11/11/c_1125217538.htm

2. 张利华.中国传统文化价值观与民族认同/张利华//《中国科学报》-北京, 2012 年 Лихуа, Чжан. Китайские традиционные культурные ценности и национальная самобытность / Чжан Лихуа // "China Science News"- Пекин, 2017. <https://carnegieendowment.org/2012/07/30/zh-pub-53753>

3. 刘梦溪.传统文化如何进入现代生活/刘梦溪//《中国文化报》-北京, 2017 年 = Мэнси, Лю. Как традиционная культура входит в современную жизнь / Лю Мэнси // Новости культуры Китая-Пекин, 2017. http://www.wenming.cn/ll_pd/whjs/201703/t20170316_4118988.shtml
4. 孔祥智.促进传统文化和现代文明有机融合/孔祥智//《光明日报》-北京, 2018 年 = Сянчжи, Кун. Содействие органической интеграции традиционной культуры и современной цивилизации / Кун Сянчжи // "Guangming Daily" – Пекин, 2018.https://china.gov.cn.admin.kyber.vip/zhengce/2018-09/18/content_5322877.htm
5. 潘建雷.中国传统文化: 百年历程与现代价值/潘建雷//《中国共产党新闻网》-北京, 2017 年 = Цзяньлэй, Пан. Китайская традиционная культура: век истории и современные ценности / Пань Цзяньлэй // "Сеть новостей коммунистической партии Китая" – Пекин, 2017. <http://theory.people.com.cn/n/2013/0110/c49163-20156495.html>

Цзяляльна
аспирант Белорусского государственного
университета культуры и искусств
(г. Минск, Республика Беларусь)

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ КНР

Китай, став на путь политики реформ и открытости, стремится создать оптимальную модель социально-экономического развития. В современных условиях это в первую очередь связано с эффективным использованием научно-технического потенциала. В процессе модернизации всех сфер жизнедеятельности китайское общество создало довольно развитую научно-технологическую структуру в области микроэлектроники, оптики, информационных технологий, сформировало мощную научную школу и эффективную систему подготовки научных кадров. «Однако, как отмечалось в докладе «О работе правительства на 2021 год» на 4-й сессии ВСНП 13 созыва (март 2021 г.), это уже результаты состоявшейся науки, результаты прошлого научного труда. Инновации сегодня уже охватывают различные сферы китайского общества. В будущем Китай должен приложить гигантские усилия к овладению ключевыми технологиями, сделать акцент на содействие прогрессу научных исследований» [1, с. 20].

Приращивание новых научно-технических знаний, технологий и их использование в практической деятельности, ориентация на постоянное обновление системы образования являются неотъемлемой задачей китайского общества. Разрабатывая общую стратегию развития реформ и модернизации, правительство Китая делало ставку на науку и просвещение. В качестве важнейшей задачи образования выдвигалось обновление знаний, подготовка специалистов, обладающих новым духом и творческой способностью. XIX съезд Компартии Китая подтвердил, что претворение в жизнь стратегии подъема страны и наращивание мощи государства возможно лишь при наличии развитой науки, современной системы образования и кадровых ресурсов [2]. Реформы коснулись всех ступеней образования: обязательного, специального, профессионального и высшего.

Термин «образование» впервые упоминается в сочинениях выдающегося философа и просветителя Мэн-цзы (372-289 гг. до н.э.). Китайский мыслитель полагал, что у благородного мужа (цзинь-цзы) есть три большие радости: благополучие родных, чистая совесть и обучение талантливых детей [3]. За всесторонний характер образования, имея при этом в виду, прежде всего, всестороннее и нравственное воспитание человека, ратовал и Конфуций – основоположник социально-морального учения. Формирование разума через образование являлось ключевой концепцией его педагогической мысли. Философ продвигал идею о доступности образования для всех, без дискриминации по критериям социального статуса, богатства, метальных способностей, характера, места жительства или этнического

происхождения [4]. Следуя заветам древних мыслителей, китайцы на протяжении всего исторического развития цивилизации уделяли большое внимание сфере образования. Признание важной роли образования и воспитания в развитии общества, на наш взгляд, детерминировало величайшие открытия, сделанные китайцами уже в древние времена, которыми пользуется до сих пор современное человечество (бумага, глобус неба, книгопечатание, компас, порох, сейсмограф и др.).

То обстоятельство, что процветание страны зависит, прежде всего, от образования, государственные и общественные институты имеют ввиду и в настоящее время. Особенно большое значение просвещению масс придавалось в Китае в 1950-е гг., после образования Китайской Народной Республики. Продолжительное время, вплоть до 1980-х годов, образование в Китае было бесплатным. Государственные финансовые органы КНР выделяли ассигнования по единому государственному плану развития системы просвещения. Однако охватить всех детей, подлежащих школьному образованию и воспитанию, государство и общественность не смогли. Недостаточные государственные инвестиции ограничивали реализацию права на образование для подрастающего поколения. К началу 2000-х гг. в КНР насчитывалось только 63 900 средних школ с общим охватом детей средней школой 88,6%, а коэффициент охвата выпускников средней школы равнялся 51,1% [5].

Курс на модернизацию китайского общества в контексте политики реформ и открытости потребовал изменить подходы к организации системы образования, так как оно непосредственно влияет на социальную жизнь во многих областях. Образование повышает производительность труда, увеличивает экономический потенциал, помогает ликвидировать бедность и нищету и является гарантией будущего процветания китайской нации. В процессе реформирования социально-культурной сферы постепенно сформировалась инновационная система образования. В 1986 г. в Китае специальным законом было введено обязательное девятилетнее образование. Бюджетные ассигнования на образование постоянно увеличивались, помимо этого во многих районах страны изыскивались дополнительные средства из местных бюджетов. К 2000 г. государственные инвестиции в систему просвещения составили 4% стоимости основной валовой продукции [6, с. 169]. С 1994 г. обязательное девятилетнее образование по-прежнему оставалось бесплатным, а за дополнительное образование взималась определенная плата по себестоимости. При поступлении ребенка в школу родители вносят значительную сумму денег. При эффективном управлении школой проценты или накопленные деньги идут на нужды обучения и воспитания. По окончании школы родителям возвращается вся сумма вноса. Например, 78,4% семей Пекина, Шанхая, Шэньчжэня тратят 16 тыс. юаней в год на дополнительное образование для детей-подростков [7].

В первой четверти XXI в. в КНР начали широко использоваться в сфере образования различные внегосударственные каналы капиталовложения в сферу образования. К ним относятся инвестиции частных предприятий. В 2019 г. свыше 90% от общего количества китайских предприятий составляли частные предприятия. Они платят более 50% налогов, обеспечивают работой 80% людей в городе и на селе. В отношении частных предпринимателей, создающих учебные заведения, правительство проводит политику активного поощрения. Таким предприятиям государство уменьшает налоги, а в некоторых случаях применяет безналоговую политику и систему оборотного капитала [8, с.33]. В соответствии с Правилами о создании учебных заведений, общественностью они приравнены к типовым государственным образовательным учреждениям. В начале 2000-х гг. в Китае насчитывалось 54 тыс. учебных заведений, функционирующих на средства частных предпринимателей, в которых обучалось 7 млн. человек. К такого типа образовательным учреждениям относятся начальные, подготовительные и средние, а также высшие учебные заведения. На взгляд китайского исследователя Су Сяохуаня, «их развитие не только пополнило недостающие финансы в государственном бюджете, но и предоставило для обучающихся разнообразный выбор в формах обучения» [6, с. 176].

С развитием государственно-частного партнерства стали более интенсивно создаваться частные образовательные учреждения разного типа. Первые такие школы впервые появились в 2000 г. К 2018 г. в КНР уже функционировало 183 500 частных школ всех уровней, что составляло 35-36% национальных школ. Число учащихся, обучающихся в них, равнялось 177975 тысяч человек. Среди них 5462 частных неполных средних школ с общим числом учащихся 2304700 человек. В 1997 г. все высшие учебные заведения перешли на платное обучение, в настоящее время размер платы составляет 15-20% себестоимости обучения студента. В 2019 г. в Китае насчитывалось 757 частных вузов с годовым приростом на 7 вузов. В частных вузах обучалось 7 млн. человек, что на 592, 3 тыс. человек больше, чем в 2018 г.[11].

Одним из каналов ассигнований на нужды системы образования в Китае являются пожертвование частных лиц и различных общественных формирований для детей бедных районов и некоторых этнических меньшинств. С этой целью в 1990-х гг. Китайским молодежным фондом развития были запущены проекты «Надежда» и «Весенний бутон». В результате их по всей стране развернулись движения «Сотни тысяч горячих сердец», «Помощь одной семье одному школьнику». Реализация данных проектов в КНР и за рубежом принесла ее организаторам значительные средства (1,8 млрд. юаней), на которые было построено 7812 начальных школ. Свыше 2 млн. детей младшего школьного возраста получили возможность посещать школу [6, с. 179].

Важным источником ассигнований на развитие образования являются иностранные инвестиции. В настоящее время фактически используемый во всей стране иностранный капитал составил в общей сложности 845,94 млрд. юаней [9, с. 28]. Определенную его часть весьма рационально использует Министерство просвещения КНР. Например, кредиты Всемирного Банка направляются на подготовку педагогических кадров, улучшение условий обучающихся. С большой эффективностью расходуются инвестиции Комитета по планированию развития ООН, Детского фонда ООН и Комиссии по народонаселению ООН.

Государственное инвестирование, привлечение средств частного сектора и иностранного капитала позволили достичь значительных успехов в повышении образовательного уровня китайских детей и молодежи. Согласно данным Государственного статистического управления Китая, в 1982 г. доля лиц, получивших образование на уровне средней школы старшей степени и выше составила 7,2%. В 1990 г. этот показатель составил 9,4%, в 2000 г. – 14,7%, в 2010 – 22,9%, а 2018 г. – 29,3%. В 2018 г. доля тех, кто получил высшее образование составила 13% от всего населения КНР, а количество выпускников высших учебных заведений достигло в 2020 г. 8,74 млн., что на 3 млн. больше, чем в 2010 г. [10, с. 25]. С 2017 г. в КНР реализуется проект создания до 2050 г. университетов мирового класса, готовящих первоклассных специалистов [11].

Таким образом, в результате усилий государства и общественности к настоящему времени образованием охвачено 99,95% детей младшего возраста и 100% детей среднего возраста. В процессе реформы правительство КНР, затратив неполные 2% общемировых расходов на общественное образование, решило проблему распространения обязательного образования среди населения, составляющего одну пятую часть людей всей планеты[12, с. 18]. Причем на достижение этих целей у Китая ушло около четверти времени, которое заняло у США, и одна шестая того, что затратила Франция на решение поставленных задач в области образования.

В 2019 г. темпы роста внутреннего валового продукта КНР достигли 6,1%. Это самый большой темп роста среди стран с объемом экономики от одного триллиона и выше. В настоящее время сохраняется стабильное функционирование экономики. На наш взгляд, одним из факторов, обусловивших такой рост ВВП, является инновационная система образования, созданная за короткий срок в процессе реформирования социально-культурной сферы. Сегодня количество лиц с высшим образованием, участвующих в общественном производстве Китая, достигло 13% от всего населения КНР.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Дай, Сяохэ, Чун, Яту. Новая движущая сила развития / Сяохэ Дай, ЯтуЧун // Китай. – 2021. – № 4. – С. 18–20.
2. Си, Цзиньпин. Добиться решающей победы в полном построении среднезажиточного общества, одержать великую победу социализма с китайской спецификой в новую эпоху: Доклад председателя ЦК КПК на XIX съезде Коммунистической партии Китая / Циньпин Си. – Пекин : Нар. Изд-во, 2017. – 106 с.
3. 孟子, 《孟子》, 《国学四库》编委会编, 吉林: 吉林出版集团有限责任公司, 2010 年, 191 页 = Мэн-цзы. / Мэн-цзы – Цилинь: Издательская группа-компания с ограниченной, 2010. – 191 с.
4. Конфуций. Луньюй. Суждения и беседы / Конфуций. – М. : Феникс, 2005. – 560 с.
5. 《2018 年全国教育事业发展统计公报》. 中华人民共和国中央人民政府网站. = Статистическое коммюнике о развитии национального образования в 2018 году. Сайт Центрального народного правительства Китайской Народной Республики: http://www.gov.cn/xinwen/2019-07/24/content_5414053.html. 10.12.2019.
6. Су, Сяохуань. Образование в Китае – реформы и новшества / Сяохуань Су. – Пекин, 2002. – 290 с.
7. Сюй, Цзин. Реформы в системе высшего образования КНР / Цзин Сюй, Цзинюй Ли. – Пекин, 1992. – 34 с.
8. Цзинь, Линьбо. Необходимо оказать помощь небольшим предприятиям / ЛиньбоЦзинь // Китай. – 2020. – № 6. – С. 33.
9. Ван, Хайфэн. Реформы и открытость в новую эпоху / Хайфэн Ван // Китай. – 2020. – № 2. – С. 27–29.
10. Хуан, Жихань. Инновационное развитие цифровой экономики / Жихань Хуан // Китай. – 2020. – № 2. – С. 24–26.
11. Ху, Вэй. Развитие и стандартизация частного образования / Вэй Ху. – Пекин: EducationSciencePress, 2000. – 173 с.
12. Мижегули, У. Образование в Китае: лексема и реальность / У. Мижегули // Пути Поднебесной : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т, Посольство Кит. Нар. Респ. в Респ. Беларусь, Респ. центр китаеведения «Иероглиф». – Минск, 2017. – Вып. 6, ч. 2. – С. 16–21.

Чжоу Лэчжэн

*аспирант Белорусского государственного университета
(г. Минск, Республика Беларусь)*

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КНР В ПЕРИОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВА СИ ЦЗИНЬПИНА

Осуществление культурной дипломатии, укрепление межкультурного общения, распространение позитивного имиджа Китая в международном сообществе — это важные составные части построения Сообщества единой судьбы человечества (внешнеполитической концепции, предложенной председателем КНР Си Цзиньпином на XIX съезде Коммунистической партии Китая [1]). Вступление социализма с китайской спецификой в новую эру поставило новые цели и задачи перед китайской публичной дипломатией. 14 мая 2017 г. Си Цзиньпин в своем выступлении на церемонии открытия Форума международного сотрудничества «Один пояс, один путь» сказал: «Дружба между народами заключается в близости людей, а близость людей заключается в их близости сердец» [2].

Китайская культурная дипломатия активно работает над улучшением образа Китая посредством крупных международных платформ и форумов. Полноценное использование межкультурного диалога содействует формированию позитивного восприятия китайского

духовного наследия представителями других народов, цивилизаций и культур. Юношеские Олимпийские игры в Нанкине, проведенные в 2014 г., стали еще одной крупной площадкой для международного обмена. В них приняли участие более 3700 молодых спортсменов из 201 страны, что дало возможность людям из разных стран и регионов не только посоревноваться, но и пообщаться. После их окончания углубленное изучение молодежных, спортивных, культурных материалов создало формат духовного наследия Юношеских Олимпийских игр в Нанкине. Всемирный форум молодежи по спорту, культуре и миру, состоявшийся в Нанкине в августе 2014 г., стал продолжением Юношеских Олимпийских игр и одновременно вкладом в лучшее понимание многовековой культуры китайского народа.

Еще одним каналом формирования нового образа Китая в международных отношениях является проектно-ориентированное продвижение «связей между народами» в рамках реализации китайской инициативы «Один пояс, один путь». Расширение культурных обменов между народами стран-участниц «Пояса и пути» стало неоспоримым консенсусом, который так же важен, как и экономическое сотрудничество. Если экономическое сотрудничество является «тяжелым проектом», то «мягкие проекты», соединяющие сердца людей, не менее важны. «Один пояс, один путь» — это инициатива международного сотрудничества, имеющая глубокое историческое и культурное наследие. С точки зрения межличностных и культурных обменов, эту инициативу можно рассматривать как вековой проект межличностного взаимодействия. Реализация стратегии «Пояса и пути» имеет большое значение для содействия культурному обмену, международному распространению китайской культуры, поддержанию мира и развития. В конечном счете, все это направлено на построение Сообщества единой судьбы человечества.

Культурная дипломатия Китая реализуется во многом усилиями руководителей страны. В последние годы Си Цзиньпин принял участие в таких важных международных мероприятиях, как два Саммита по международному сотрудничеству «Один пояс, один путь» и Конференция по диалогу азиатских цивилизаций. Книга «Си Цзиньпин о государственном управлении» переведена на несколько языков и издана тиражом в несколько десятков миллионов экземпляров в более чем 160 странах мира, включая страны-участницы инициативы «Один пояс, один путь». В книге описаны серия новых идей, стратегий и способов применения, направленные на усиление культурной мягкой силы страны [3].

Китай и страны-участницы «Пояса и пути» активно выстраивают разноплановый и обширный механизм обмена и сотрудничества в области гуманитарных наук. КНР подписаны соглашения о межправительственном культурном обмене и сотрудничестве со странами, расположенными вдоль «Пояса и пути», создано 153 Института Конфуция и 149 классов Конфуция в 54 странах, а также 734 пары городов-побратимов с 53 странами вдоль маршрута. Моя страна подписала соглашение о взаимном признании академических достижений и степеней, реализовала безвизовый режим и быстрый режим получения визы по прибытии. Заключены соглашения о взаимном переводе классических произведений с более чем 50 странами, включая страны, расположенные вдоль «Пояса и пути». Подписаны документы о сотрудничестве в области культурного наследия с Индонезией, Мьянмой, Сербией, Сингапуром, Саудовской Аравией и другими странами. Обеспечено прямое авиасообщение с 43 странами, что составляет примерно 4500 рейсов в неделю. Реализована специальная стипендиальная программа «Шелковый путь». В 2017 г. 38 700 человек из стран, расположенных вдоль «Пояса и пути», получили стипендии правительства Китая, что составляет 66% от общего числа стипендиатов. Местные органы власти также предлагают стипендии, связанные с совместным строительством «Пояса и пути» и поощрением международного культурного обмена. Китайская академия наук учредила стипендии для магистров и докторантов, а также учебные курсы по науке и технологиям в странах, расположенных вдоль «Пояса и пути» [4].

Деятельность Китая в области культурной дипломатии становится все более обширной и разнообразной. Китай и страны-участницы «Пояса и пути» через политические партии, парламенты, СМИ, аналитические центры и общественные организации осуществляют

различные обмены, гуманитарное сотрудничество в широком спектре областей, таких как: образование, наука и технологии, культура, здоровье, туризм, спорт. Соответствующие страны организывают у себя мероприятия, посвященные культуре и туризму, художественные фестивали, кино- и телемосты, семинары, книжные ярмарки, спортивные мероприятия, диалоги аналитических центров и многие другие мероприятия, такие как тренинги для талантливой молодежи, сотрудничество в области авторского права, совместные публикации и капитальное сотрудничество.

Если взять в качестве примера туризм, то он стал важным проводником межкультурной коммуникации вдоль «Пояса и пути». Он не только способствует интеграции и развитию культурного туризма, но и продвигает китайскую культуру в мире, формируя благоприятный международный имидж страны. Возьмем для примера иностранных студентов. В 2017 г. в китайских университетах обучалось в общей сложности 489 200 иностранных студентов. Среди них было 317 200 студентов из стран, расположенных вдоль «Пояса и пути», что составляет 64,85% общего количества иностранных студентов. Кроме того, Китай создал 81 зарубежное образовательное учреждение в странах, расположенных вдоль «Одного пояса, одного пути» [5].

Бренд китайской культурной дипломатии постепенно обретает все более завершенную форму. Страна активно поддерживает развитие нематериального культурного наследия, такого как китайский язык, медицина, боевые искусства, пища, фестивали и др. Был сформирован ряд знаковых символов культурного обмена с китайской спецификой на международном уровне, что повысило привлекательность китайских культурных обменов. В настоящее время КНР создала 17 китайских культурных центров в странах, расположенных вдоль «Пояса и пути». Организуя различные мероприятия, ориентированные на широкие слои населения, она постоянно усиливает значение культурных взаимоотношений. Обмены стали окном для понимания Китая и важной платформой для укрепления и расширения дружественного сотрудничества между моей и принимающей страной.

В июне 2018 г. Си Цзиньпин на Центральной рабочей конференции по иностранным делам КПК отметил, что дипломатия крупной страны с китайской спецификой фокусируется на сочетании традиций внешнедипломатической работы и особенностей времени для формирования уникального стиля китайской дипломатии [6]. Это духовный символ дипломатии Китая. 20 июля 2020 г. член Государственного совета и министр иностранных дел КНР Ван И на церемонии открытия Исследовательского центра международных отношений указал, что дипломатическая мысль Си Цзиньпина является наследием и новаторством превосходной традиционной китайской культуры. Дипломатия крупной державы с китайской спецификой вступила в новую эру с высоко поднятой головой [7].

Культурная дипломатия — это сложный систематический проект, который должен отражать уверенность государства в стратегии, концепции и практике, интегрировать культурные факторы, он требует участия правительства, неправительственных организаций и граждан. Как использовать культурную дипломатию для гибкого формирования национального имиджа Китая — предмет, требующий постоянных исследований. Непрерывное изучение этого процесса академическим кругом и неустанные совместные усилия, несомненно, будут способствовать быстрому развитию культурной дипломатии и внесут большой вклад в формирование имиджа «мирного развития» в Китае.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК [Электронный ресурс] // Агентство Синьхуа. 03.11.2017 URL: <http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm> (дата обращения: 10.11.2021).

2. Си Цзиньпин. Си Цзиньпин цай «Идай илу» гоци хэцуо гаофэн лунтан кайму ши шан дэ энцзян = Выступление Си Цзиньпина на церемонии открытия Форума международного сотрудничества «Один пояс, один путь» [Электронный ресурс] // Агентство Синьхуа. 14.05.2017 URL: <<http://cpc.people.com.cn/n1/2017/0514/c64094-29273979.html>> (дата обращения: 15.11.2021 (на кит. яз.)).

3. Си Цзиньпин. О государственном управлении [Электронный ресурс] // Издательство литературы на иностранных языках. URL: <http://russian.china.org.cn/exclusive/archive/xijiping/node_7214778.htm> (дата обращения: 11.11.2021).

4. Си Цзиньпин. Си Цзиньпин фабяо чжуняо энцзян сю гунн цзиэн сичоу чжи лу цзинци дай = Си Цзиньпин выступает с важной речью, призывающей к совместному строительству экономического пояса Шелкового пути, [Электронный ресурс] // Агентство Синьхуа. 07.09.2012 URL: <<http://www.chinanews.com/gn/2013/09-07/5257748.shtml>> (дата обращения: 04.11.2021 (на кит. яз.)).

5. Вэн Чжэнсюй. Чжунго цзюэци дэ гуйфан син лиян = Нормативная сила подъема Китая [Электронный ресурс] // Ляньхэ цзаобао. URL: <<http://www.zaobao.com/forum/views/opinion/story20150205-443439>> (дата обращения: 11.11.2021 (на кит. яз.)).

6. Си Цзиньпин. Си Цзиньпин чуси чжунян вайши гундзуо хуэйи бин фабяо чжуняо цзянхуа = Си Цзиньпин присутствовал на Центральной рабочей конференции по иностранным делам и произнес важную речь [Электронный ресурс] // Агентство Синьхуа. 29.11.2018 URL: <<http://www.xinhuanet.com>> (дата обращения: 28.10.2021 (на кит. яз.)).

7. Чжэн Юннань. «Идай илу» ю чжунго давайцзяо = «Один пояс, один путь» и великая китайская дипломатия / Юннань Чжэн // Современный мир. – Вып. 2. – Пекин, 2016.

Чжао Сылу

*аспирант Белорусского государственного университета
(г. Минск, Республика Беларусь)*

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТИЛЕЙ ДИСЦИПЛИНИРОВАНИЯ ДЕТЕЙ В КИТАЙСКИХ СЕМЬЯХ: ВЛИЯНИЕМ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Дисциплинирование ребенка является базовым компонентом воспитания ребенка. Несмотря на то, что воспитание и социализация человека продолжаются всю жизнь, основы дисциплины закладываются в раннем детстве. Научение ребенка дисциплине, в первую очередь – это забота о будущем ребенка, гарантия его успешной адаптации в последующей жизни, это вооружение ребенка инструментальными средствами для достижения успеха, это формирование навыков внутреннего контроля, взамен внешнему, это умение налаживать эффективные взаимоотношения с окружающими.

Понятие дисциплины сильно отличается у разных людей: родителей, воспитателей, учителей (разные люди, например, родители, воспитатели и учителя, понимают термин дисциплина по-разному). У многих из них существует мнение о том, что дисциплинирование – это реакция взрослого на плохое поведение ребенка. И лишь немногие считают, что дисциплина состоит по большей части в том, чтобы поощрять хорошее поведение ребенка. Лучше предупредить падение ребенка, чем потом лечить его синяки и ссадины [1, с.74-75].

Понятие дисциплины в психологии очерчено достаточно неопределенно. Основная трудность состоит в сложности конкретизации и операционализации этого понятия. Диапазон определений понятия дисциплины достаточно широк: от использования физических наказаний до любых действий родителей с целью улучшения поведения детей [2, с.355-364][3, с.166-173]. Например, в справочно-энциклопедической психологической литературе дисциплина – это контроль за поведением ребенка посредством либо наказаний, либо осторожного манипулирования [4, с. 249]. Также это участие взрослых в процессе формирования у детей самоконтроля, волевых черт характера, самоуважения, уважения к другим и подчинения правилам. При этом отмечается, что дисциплина должна быть позитивной и конструктивной, а не негативной, не связанной с наказаниями, хотя наказание может применяться в дисциплинарном процессе [5, с.184]. В психологии развития слово дисциплина означает инструктирование или обучение, а также использование методов моделирования характера и научения навыкам самообладания и приемлемого поведения [6]. Таким образом, если обобщить многочисленные определения, то под дисциплиной можно понимать любые действия родителей или взрослых в ответ на совершенный ребенком проступок с целью изменения или исправления его поведения.

Дисциплина является одной из основных характеристик контроля родителей над поведением ребенка.

Методика исследования: «Шкала тактики поведения в родительско–детском конфликте» М.А. Строоса [7, с. 249–270]. Возрастная динамика использования тактик разрешения родительско–детского конфликта фиксировалась в результате сравнения мер дисциплинирования ребенка в детстве и в период ранней взрослости, как со стороны отца, так и со стороны матери.

Эмпирическая база исследования: Выборку данного исследования составили участие 92 китайских студентов (47 мальчиков и 45 девочек) в возрасте 19-29 лет.

Статистическая обработка полученных данных осуществлялась с помощью пакета прикладных данных SPSS (версия 13.0). Были проведены расчеты средних, средних квадратических отклонений, сравнение выборок проводилось по Т–критерию.

В китайских семьях наиболее распространенными видами дисциплины, которые родители применяют к своим детям, являются психологическая агрессия, дисциплинирование и телесные наказания. Наблюдались гендерные и возрастные различия. Не было значительных различий в выборе дисциплинарных тактик родителями с детьми разного пола, но матери, в отличие от отцов, дисциплинировали своих детей больше. Тенденция к дисциплине в целом снижается по мере роста возраста, но она все еще существует, и есть преемственность.

В детстве девочек матери и отцы часто использовали три тактики дисциплины: телесные наказания, психологическую агрессию и дисциплинирование, но проявление жестокости и физическую жестокость реже как вид дисциплины. Примечательно, что по мере взросления дочерей отцы и матери сохраняли использование дисциплинирования, психологической агрессии и телесных наказаний, и наблюдалась тенденция к тому, что родители реже использовали различные тактики.

В детстве мальчиков отцы и матери для дисциплины своих детей предпочитали телесные наказания, психологическую агрессию и дисциплинирование двум другим тактикам – физической жестокостью и проявлением жестокости. Однако обе матери использовали эти тактики чаще, чем отцы, особенно телесные наказания и дисциплинирование. По мере взросления мальчиков наблюдалась тенденция к снижению выбора родителями следующих тактик: таких как, психологическая агрессия, дисциплинирование и телесные наказания. В выборе проявления жестокости и телесных наказаний значительных изменений в тенденции не наблюдалось. Также наблюдались некоторые изменения тенденции в тактиках, выбранных отцами и матерями для дисциплины своих детей по мере взросления сыновей, показывая общее снижение частоты использования различных тактик родителями. Более последовательно

родители продолжали чаще использовать дисциплинирование, телесные наказания и психологическую агрессию для воспитания своих сыновей. Матери дисциплинировали своих сыновей чаще, чем отцы.

Независимо от пола родителя и ребенка, три тактики - дисциплинирование, психологическая агрессия и телесные наказания - являются предпочтительными тактиками родителей для воспитания дисциплины детей в детстве и ранней взрослости. Эти тактики чаще используются при дисциплине детей, чем такие тактики, как проявление жестокости и физическая жестокость. Это свидетельствует о постоянстве выбора родителями тактик воспитания детей. Более того, согласно традиционной китайской культуре, родителям необходимо сохранять свою позицию авторитета, поэтому даже в отношении детей старшего возраста родители чаще используют ненасильственные формы поддержания дисциплины, а психологическую агрессию и телесные наказания - для обеспечения своей позиции авторитета.

Когда дети взрослеют, родители используют большинство дисциплинарных тактик реже и более дифференцированно. На наш взгляд, это происходит потому, что ребенок начинает быть самостоятельным, проводит меньше времени с родителем, конфликты происходят все реже, а родитель перестает быть для ребенка наиболее авторитетной фигурой, поскольку ребенок развивается и приобретает знания и понимание. Обе стороны становятся более равноправными.

Таким образом, на основании проведенного исследования, можно сделать следующие обобщенные выводы:

В общем, в китайских семьях наблюдается тенденция к тому, что родители реже дисциплинируют своих детей по мере их взросления.

Конфликт возникает независимо от пола ребенка.

Каждый родитель использует различную комбинацию тактик воспитания своего ребенка в зависимости от пола ребенка.

Независимо от пола родителя и ребенка, три вида тактики - дисциплинирования, психологическая агрессия и телесные наказания являются предпочтительными тактиками для родителей, чтобы дисциплинировать своих детей в детстве и ранней взрослости.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. И.А. Фурманов. Дисциплинирование ребенка: тактики разрешения родительско-детского конфликта / Фурманов И.А. // Психологический журнал. – 2008. – № 4. – С. 74-75.
2. Socolar, R. R. S. A Classification scheme for discipline: Type, mode of administration, context / R. R. S. Socolar // Aggression and Violent Behavior. – 1997. – № 2. – P. 355-364.
3. Socolar, R. R. S. The Discipline Survey: A New Measure of Parental Discipline / R. R. S. Socolar, E. Savage, R F. Devellis, H. Evans // Ambulatory Pediatrics. – 2004. – № 4. – P. 166-173.
4. Большой толковый психологический словарь. Т. 1. – М.: ООО «Изд-во АСТ», Изд-во «Вече». – 2003. – С. 249.
5. Психологическая энциклопедия. 2-е изд. / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. – СПб.: Питер, 2003. – С. 184.
6. Papalia, D.E. A Child's World Infancy Through Adolescence. 1 ed. / D.E. Papalia, O.S. Wendkos, R. Duskin Feldman. New York: McGraw-Hill, 2006.
7. Strauss, M. A. Identification of child maltreatment with the parent-child conflict tactics scales: development and psychometric data for a national sample of American parents. / M. A. Straus, E. M. Kinard, L. M. Williams // Child Abuse & Neglect. – 1998. – Vol. 22, No. 4. – P. 249-270.

СЕКЦИЯ 3. ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ КИТАЕВЕДЕНИЯ

Свилас Светлана Францевна

доктор исторических наук

профессор кафедры международных отношений

Белорусский государственный университет

(г. Минск, Республика Беларусь)

Ткачук Карина Ивановна

студент Белорусского государственного университета

(г. Минск, Республика Беларусь)

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ БРАЗИЛИЕЙ И КИТАЕМ В ДУХОВНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРАХ

Культурные различия между странами оказывают значительное влияние на их взаимодействие в политике и экономике. В начале XIX века китайские чайные фермеры пересекли бескрайние океаны и прибыли в Бразилию. Они установили прочную дружбу с местным населением, положив начало дружественным отношениям между двумя народами [1].

Все больше бразильцев «влюбляются» в культуру Китая. Празднование китайского Нового года в Праса-да-Либердаде в Сан-Паулу уже стало важным культурным событием и вошло в официальный календарь города. Ежегодно сотни тысяч людей, среди них много бразильцев, участвуют в мероприятии, которое включает музыкальные фестивали, художественные выставки, боевые искусства и танцевальные представления [2].

Бразилия была практически неизвестна Китаю еще несколько десятилетий назад. Самая старая запись в китайских книгах об этой стране встречается в лекарственном сборнике династии Цин (1864-1911). Бразилия описывалась в сборнике как «прекрасное место», «плодородная земля, полная экзотических животных и птиц», где «нет болезней, а больные, прибывшие извне, исцеляются» [3].

В 1974 г. КНР восстановила дипломатические отношения с Бразилией, разорванные в 1949 г., а спустя 44 года между этими крупнейшими развивающимися странами в Восточном и Западном полушариях были установлены отношения «стратегического партнерства», ориентированные на прочное и стабильное сотрудничество во всех областях, в том числе и в культуре, в 2012 г. – отношения всестороннего стратегического партнерства [4]. Основным достижением бразильско-китайского культурного сотрудничества стало открытие Института Конфуция в Сан-Паулу и Китайско-бразильского исследовательского центра при Академии общественных наук в Пекине. По состоянию на 2021 год, в Бразилии насчитывалось 11 институтов Конфуция, находящихся как в государственных, так и в частных высших учебных заведениях [5].

Институты Конфуция способствуют тому, чтобы граждане Бразилии имели больше шансов на работу, более широкий культурный кругозор и больше возможностей в карьерном росте. По оценке посла в Китае Жозе Альфредо Граса Лима, соглашение о «приводе» институтов Конфуция в его страну является одним из самых плодотворных результатов Глобального стратегического партнерства. Институт Конфуция университета Сан-Паулу признан крупнейшим во всей Южной Америке. В главном кампусе университета имеется все необходимое для комфортного получения образования (компьютерные технологии, лингафонные кабинеты, многофункциональный лекционный зал на 300 человек, библиотека). Преподавательский состав насчитывает более 20 учителей и волонтеров из Китая и около 10 бразильских сотрудников, отобранных штаб-квартирой Института Конфуция в Китае (Ханьбань), для обеспечения высокого уровня преподавания [6].

Институт Конфуция университета Сан-Паулу трижды стал «Лучшим институтом Конфуция года» (в 2010, 2012, 2016 гг.). Помимо Института, имеются еще и классы Конфуция,

которые занимаются продвижением китайского языка в общеобразовательных школах и предлагают также факультативные курсы (спорттайчицюань и занятия каллиграфией) [7]. Китай ценит свою традиционную культуру, адаптированную к современности, и активно стремится создать её привлекательный образ в бразильском обществе на платформе институтов и классов Конфуция.

Интенсификации академического бразильско-китайского взаимодействия способствовала реализация программы «Наука без границ», принятая администрацией президента Дилмы Руссеф (2011–2016 гг.). Программа ориентировала на содействие консолидации, расширение и интернационализацию науки и техники, инноваций и конкурентоспособности Бразилии посредством международного обмена и международной мобильности [8]. В рамках программы «Наука без границ» реализуется сотрудничество с Китайским стипендиальным советом (КСС) – некоммерческой организацией под эгидой Министерства образования КНР. Цель этой структуры – предоставление финансовой помощи как китайским, так и иностранным студентам. В 2012 г. правительства Бразилии и Китая подписали соглашение о предоставлении 5 тыс. мест бразильским студентам в китайских университетах и 250 ежегодных стипендий для них [9].

В китайских вузах работают центры по тестированию португальского языка и центры культуры Бразилии, а в Азиатском культурном центре Сан-Паулу создан центр по тестированию китайского языка. В Академии общественных наук и ведущих вузах Китая созданы центры по исследованию и изучению культуры Бразилии [10].

Китай также проводит мероприятия, направленные на пропаганду своей национальной и современной культуры: фестивали, художественные выставки, бизнес-туры и другие мероприятия. Ежегодно 15 августа отмечается День китайской иммиграции в Бразилию. В парке Сан-Паулу проходят мастер-классы по китайской каллиграфии и традиционной китайской медицине, организуемые Институтом Конфуция [11].

В феврале 2017 г. состоялась встреча министра культуры Бразилии Жоау Батишты де Андраде и заместителя министра культуры Китая Яна Чжицзинь, на которой обсуждались вопросы расширения двустороннего культурного сотрудничества (экономика культуры, литература, музейный обмен). Участники отметили популярность в Китае бразильских сериалов и перспективы сотрудничества в области кинематографии и кинопроката [12].

В том же году было подписано соглашение о совместном кинопроизводстве, по которому фильмы, снятые совместно, получили доступ к механизмам государственного финансирования в обеих странах [13]. Одним из успешных результатов сотрудничества стал бразильский художественный фильм «Низе – сердце безумия» режиссера Роберто Берлинера, демонстрировавшийся в 600 китайских кинотеатрах. В 2017 году фильм получил премию «Панда» на II кинофестивале БРИКС в Чэнду и был выбран для открытия Недели бразильского кино в Пекине, организованной Китайским киноархивом [14]. Фильм основан на реальных событиях, происходивших в 1944 году в пригороде Рио-де-Жанейро, и посвящен бразильскому психиатру Низе да Сильвейра, которая изменила представления о психиатрическом лечении [15].

В ноябре 2019 года China Media Group (CMG), крупнейшая коммуникационная группа в Китае, подписала меморандум о сотрудничестве с бразильской конгломератной корпорацией Grupo Globo в Рио-де-Жанейро, предусматривающий сотрудничество в области кино, телевидения, спорта, развлечений, 5G и других областях. Соглашение включает в себя обмен фильмами и телевизионными программами, а также продвижение бразильских кинофестивалей в Китае и китайских кинофестивалей в Бразилии [16].

Бразильско-китайское сотрудничество в сфере здравоохранения также является значимым направлением взаимодействия. В ноябре 2019 г. было подписано Соглашение о взаимопонимании по традиционной медицине [17]. Техника иглоукалывания, практикуемая более четырех тысяч лет в Китае, все чаще используется в Бразилии для лечения различных заболеваний и расширяется в качестве альтернативной практики или дополнительной

медицины не только в частных клиниках, но и в государственных медицинских учреждениях. В некоторых бразильских университетах курсы иглоукалывания преподаются на уровне аспирантуры для медицинских работников [18].

В июле 2020 г. институт Бутантана и компания-производителем китайского биофармацевтического препарата Sinovac (при содействии правительства Сан-Паулу) подписали соглашение о сотрудничестве с целью производства и расширенного тестирования вакцины против Covid-19. В том же месяце обязательства по тестированию и производству вакцин на базе Технологического института Параны взяли на себя правительство штата Парана и китайская государственная компания Sinopharm [19].

В 2020 г. Федеральный Университет Минас-Жерайс (Бразилия), Фонд Освальда Круза, Университет Королевы Марии (Великобритания) и Научно-технический университет Хуажонга (Китай) подписали соглашение о создании коалиции для обмена научной информацией по борьбе с Covid-19. По оценке бразильских экспертов, это может иметь решающее значение для предпринимаемых в стране усилий по спасению жизней и смягчению последствий пандемии [20]. В 2021 г. посол Бразилии в Китае Паолу де Мескита отметил: «Бразилия и Китай работают вместе с самого начала пандемии, с того времени, когда пожертвования материалов, таких как маски и другие предметы, помогали сдерживать ее распространение...» [21].

Таким образом, культурное взаимодействие способствует ознакомлению бразильцев и китайцев с повседневной жизнью друг друга, богатым историческим и культурным наследием обеих стран, современными успехами и достижениями в разных сферах, созданию «Сообщества единой судьбы человечества». Потенциал сотрудничества Бразилии и Китая достаточно велик, и в перспективе можно ожидать еще большей интенсификации культурных отношений с переходом их на новый уровень.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Mão de obra chinesa em terras brasileiras nos tempos joaninos: experiências, estranhamentos, contratos, expectativas e lutas [Recurso Eletrônico] // Universidade Federal Fluminense. – Modo de acesso: <https://www.redalyc.org/jatsRepo/770/77055186006/html/index.html>. – Data de acesso: 31.01.2022.

2. Ano Novo Chinês na Liberdade: São Paulo dá boas-vindas ao ano do Rato [Recurso Eletrônico] // Cidade de São Paulo. – Modo de acesso: <https://www.prefeitura.sp.gov.br>. – Data de acesso: 31.01.2022.

3. Relações culturais Sino-brasileiras [Recurso Eletrônico] // Embaixada da República Popular da China no Brasil. – Modo de acesso: <https://www.mfa.gov.cn/ce/cebr/por/whjy/t410251.htm> – Data de acesso: 01.12.2021.

4. Малевич, Ю. И. Культурные связи КНР со странами Латинской Америки [Электронный ресурс] / Ю. И. Малевич. – Режим доступа: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/30320/1/malevich_2012_Trudy.pdf. – Дата доступа: 01.12.2021.

5. Instituto Confúcio [Recurso Eletrônico]. – Modo de acesso: <https://www.institutoconfucio.com.br/sobre>. – Data de acesso: 31.01.2022.

6. Diplomacia cultural e diplomacia pública como conceitos que apoiam o soft power da China [Recurso Eletrônico] // Revista Relações Exteriores. – Modo de acesso: <https://relacoesexteriores.com.br/diplomacia-cultural-e-diplomacia-publica-como-conceitos-que-apoiam-o-soft-power-da-china/>. – Data de acesso: 07.12.2021.

7. Falando a mesma língua [Recurso Eletrônico] // China hoje. – Modo de acesso: <http://www.chinahoje.net/falando-a-mesma-lingua/>. – Data de acesso: 01.12.2021.

8. Presidente Dilma Rousseff lança regras do Programa Ciência sem Fronteiras[Recurso Eletrônico] // Ciência sem Fronteiras[. – Modo de acesso: <http://cienciasemfronteiras.gov.br/>. – Data de acesso: 01.12.2021.

9. Ciência sem Fronteiras pretende abrir 5 mil vagas para estudantes brasileiros na China [Recurso Eletrônico] // Universia fundación. – Modo de acesso: <https://www.universia.net/ec/actualidad/orientacion-academica/ciencia-sem-fronteiras-pretende-abrir-5-mil-vagas-estudantes-brasileiros-na-china-945086.html>. – Data de acesso: 01.12.2021.

10. Encontro traça um paralelo entre as culturas do Brasil e da China no ambiente de negócios[Recurso Eletrônico] // Instituto de Estudos Avançados da Universidade de São Paulo. – Modo de acesso: <http://www.iea.usp.br/noticias/encontro-traca-um-paralelo-entre-a-cultura-do-brasil-e-da-china-no-ambiente-de-negocios>. – Data de acesso: 07.12.2021.

11. Câmara homenageia Dia da Imigração Chinesa no Brasil[Recurso Eletrônico] // Câmara dos Deputados. – Modo de acesso: <https://www.camara.leg.br/noticias/543509-camara-homenageia-dia-da-imigracao-chinesa-no-brasil>. – Data de acesso: 01.12.2021.

12. Brasil e China assinam acordo de coprodução cinematográfica [Recurso Eletrônico] // Ministério do Turismo. – Modo de acesso: <http://cultura.gov.br/brasil-e-china-assinam-acordo-de-coproducao-cinematografica/>. – Data de acesso: 07.12.2021.

13. Brasil se destaca no Festival Brics de Cinema realizado na China[Recurso Eletrônico] // Agência Nacional do Cinema. – Modo de acesso: <https://antigo.ancine.gov.br/pt-br/sala-imprensa/noticias/brasil-se-destaca-no-festival-brics-de-cinema-realizado-na-china>. – Data de acesso: 07.12.2021.

14. Brasil e China assinam 14 atos que fortalecem relação entre os dois países[Recurso Eletrônico] // Presidência da República Planalto. – Modo de acesso: <https://www2.planalto.gov.br/mandatomicheltemer/acompanhe-planalto/noticias/2017/09/brasil-e-china-assinam-14-atos-que-fortalecem-relacao-entre-os-dois-paises>. – Data de acesso: 07.12.2021.

15. Nise, o coração da loucura[Recurso Eletrônico] // Papo de Cinema. – Modo de acesso: <https://www.papodecinema.com.br/filmes/nise-o-coracao-da-loucura/>. – Data de acesso: 07.12.2021.

16. Brasil e China celebram acordo de intercâmbio audiovisual [Recurso Eletrônico] // Brasil Audiovisual Independente. – Modo de acesso: <https://bravi.tv/brasil-e-china-celebram-acordo-de-intercambio-audiovisual/>. – Data de acesso: 07.12.2021.

17. Conheça os acordos firmados entre Brasil e China em cerimônia realizada no Itamaraty[Recurso Eletrônico] // Governo do Brasil. – Modo de acesso: <https://www.gov.br/planalto/pt-br/acompanhe-o-planalto/noticias/2019/11/conheca-os-acordos-firmados-entre-brasil-e-china>. – Data de acesso: 07.12.2021.

18. Acupuntura Médica [Recurso Eletrônico] // Centro Universitário São Camilo. – Modo de acesso: https://saocamilo-sp.br/pos_graduacao/lato_sensu/acupuntura_medica. – Data de acesso: 07.12.2021.

19. Na China, Butantan assina acordo de colaboração para desenvolvimento de vacina contra rotavírus [Recurso Eletrônico] // Instituto Butantan. – Modo de acesso: <https://butantan.gov.br/noticias/na-china-butantan-assina-acordo-de-colaboracao-para-desenvolvimento-de-vacina-contrarotavirus>. – Data de acesso: 01.12.2021.

20. UFMG e Fiocruz formam coalizão com China e Reino Unido para combate à Covid-19[Recurso Eletrônico] // Mais cohnecer. – Modo de acesso: <https://www.maisconhecer.com/mundo/1878/UFMG-e-Fiocruz-formam-coalizao-com-China-e-Reino-Unido-para-combate-a-Covid-19>. – Data de acesso: 01.12.2021.

21. Embaixador brasileiro na China fala sobre ampliação da cooperação bilateral [Recurso Eletrônico] // Xinhua português. – Modo de acesso: http://portuguese.xinhuanet.com/2021-03/07/c_139792110.htm. – Data de acesso: 01.12.2021.

Свила́с Светлана Францевна
доктор исторических наук
профессор кафедры международных отношений
Белорусский государственный университет
г. Минск, Республика Беларусь)
Станкевич Юлия Викторовна
Студентка Белорусского государственного
университета
(г. Минск, Республика Беларусь)

О ВКЛАДЕ ФОНДА ИМ. КУРТА КЁРБЕРА В СОДЕЙСТВИЕ ВЗАИМОПОЗНАНИЮ И ВЗАИМОПОНИМАНИЮ МЕЖДУ КИТАЕМ И ЕВРОПОЙ

Фонд Кёрбера, активно работающий на национальном и международном уровнях, был основан в 1959 г. немецким предпринимателем Куртом Кёрбером, которому удалось достичь баланса между получением прибыли и инвестициями на благо общества. Он особо выделял «Круглый стол Бергедорфа», организованный в 1961 г., в качестве своей самой значимой инициативы, главная цель которой - создать пространство для свободного и доверительного обмена мнениями между ведущими политиками и экспертами в отношении ключевых вопросов современного общества. Тео Зоммер, главный редактор «Die Zeit» с 1973 до 1992 г., отмечал, что Курт Кёрбер обладал невероятным талантом устанавливать близость между людьми [1].

Фонд Кёрбера является единственным акционером компании Körber AG, которая входит в состав активов фонда. Körber AG – это холдинговая компания международной технологической группы с числом занятых почти 10 тысяч человек из разных стран. Фонд получает ежегодные дивиденды от своего пакета акций, которые использует исключительно на благотворительные цели. Ежегодно на деятельность Фонда выделяется около 19 млн евро. В Гамбурге и Берлине в работе фонда задействованы около 150 сотрудников и 100 волонтеров [2].

На официальном сайте Фонда в разделе реализуемых программ размещен список инициатив под заголовком «Международное понимание». Среди них «Круглый стол Бергедорфа», «Внешняя политика в диалоге», «Берлинский форум внешней политики», «Исторический форум Кёрбера», «Парижский форум мира», «Молодые лидеры», «eCommemoration», «EUSTORY», «Исторический конкурс федерального президента». Регулярные собрания международных экспертов по внешней политике, доклады представителей правительств о текущих событиях в своих странах способствуют укреплению доверия между участниками из Китая, России, США, Европы [3].

Форум Кёрбера – это площадка Фонда, расположенная в гамбургском районе Хафенсити и функционирующая с 2005 года. Ежегодно там проводится около 100 общественных мероприятий, среди которых дискуссии и дебаты, концерты и выступления артистов, литературные выставки и кинопремьеры, причем все мероприятия для посетителей бесплатны [4].

В апреле 2015 г. гостями Форума стали Маркус Херниг (1968 г.р.) - доктор синологии, публицист и автор книг, а также Цзин Барц, культурный менеджер и эксперт по Китаю. Встреча была посвящена премьере книги Хернига «Живот Китая» («Chinas Bauch»). Автор с 1992 г. живет в КНР, работая в Институтах Гете, университетах Ханчжоу и Шанхая, консультируя всемирно известные немецкие компании по вопросам китайской культуры и коммуникации. В своей книге он помогает читателю постичь менталитет народа, который трудно понять европейцам. В качестве эксперта выступила Цзин Барц, руководитель Пекинского книжного информационного центра на книжной ярмарке во Франкфурте. Данная выставка способствовала распространению знаний о китайской культуре в Европе [5].

Концерт «Ухо к миру: Шелковый путь» был организован фондом Кербера в мае 2019 г. Композитор Елена Дабич, стремясь к гармонии между традициями и инновациями, объединила артистов из Европы и Азии. За ударные инструменты отвечала уроженка Китая Линь Чен – солистка различных ансамблей и оркестров, преподаватель Гамбургской академии. «Многонационального звучания» удалось достичь и на концерте в рамках фестиваля NORDLIED (ноябрь 2021 г.) [6].

С октября 1972 года, когда были установлены дипломатические отношения КНР с ФРГ и ГДР, китайско-германское взаимодействие обрело многогранность. В 2020 г. Китай стал самым крупным торговым партнером объединившейся в 1990 г. Германии: объем торговли составил 212 млрд евро. Пекин рассматривает это государство не только в качестве важнейшего торгового, но и как ключевого политического партнера в Европе. Берлин, в свою очередь, выступает за укрепление единства в ЕС по отношению к Китаю [7].

Весомая роль Китая в торговой и внешнеполитической повестке Германии отражается и в деятельности Фонда Кербера. В 2018 г. в рамках серии «Дебаты Кербера» было проведено мероприятие под названием «Выше и быстрее, Китай!». Ключевым вопросом стала оценка растущего влияния Китая на Германию и Европу в целом. Дебаты состоялись между Райнхардом Бютикофером, членом Европейского парламента и депутатом Европейской партии зеленых, и Ван Ивэем, профессором и директором Института европейских исследований Университета Жэньминь в Пекине [8].

В ноябре 2019 г. фондом Кербера была организована дискуссия «Диалог с Китаем». Амрита Нарликар из Немецкого института глобальных и региональных исследований, Микко Хуотари из Института китайских исследований Меркатора, Ян Яо из Китайского центра экономических исследований и Чанхуа Ву из Центра инноваций будущего в Пекине обсуждали, какие разногласия могут возникнуть в немецко-китайских отношениях. Для Китая Германия – главный политический партнер в Европе, поэтому развитие двусторонних китайско-немецких отношений содействует взаимопониманию между Китаем и Европой в целом [9].

Пандемия COVID-19 стимулировала дискуссии о роли Китая в мировой политике. Сотрудники Фонда Кербера провели беседу с Фу Ин, руководителем Центра международной безопасности и стратегии Университета Цинхуа, о влиянии коронакризиса на отношения между США и КНР [10]. В сентябре 2020 г. организованное фондом мероприятие «Молодые лидеры Мюнхена по всему миру» было акцентировано на анализе международных отношений в Индо-Тихоокеанском регионе. На трех параллельных секционных заседаниях обсуждались напряженность в отношениях между США и Китаем, роль Индии и ее партнеров в многосторонних подходах к вызовам безопасности в Азии, а также Закон о защите национальной безопасности в Гонконге [11].

Вклад Фонда им. Кербера в содействие взаимопониманию между Китаем и Европой оценил Председатель КНР Си Цзиньпин, выступая в Берлине 28 марта 2014 года. Китайский лидер подчеркнул, что прогресс билатеральных отношений был достигнут путем готовности сторон выслушать друг друга, несмотря на различный культурный опыт и строение социальной системы. В выступлении, помимо признания Китая и Германии крупнейшими экономиками Азии и Европы, ставилась цель сделать жизнь двух народов «более вдохновляющей». Оратор назвал китайскую и немецкую нацию великими нациями, которые внесли значительный вклад в развитие человеческой цивилизации. Германия знаменита передовой наукой, технологиями, развитой обрабатывающей промышленностью. Выходцы из Германии являются светилами с мировым именем в философии, литературе, музыке, многие из их произведений популярны в Китае. Си Цзиньпин сделал акцент на стремлении Китая укрепить диалог с остальным миром и надежде на объективное и многомерное восприятие Китая [12].

С 2014 г. фонд Кербера регулярно организует опросы среди немецкого населения об отношении к внешней политике Германии. В апреле 2020 г. в таком опросе участвовали 1000 избирателей в возрасте от 18 лет, имеющие право голоса. Данный опрос по поручению фонда Кербера проводился Институтом исследования

общественного мнения Kantar Public. По результатам опроса 37% немцев предпочитают установление тесных отношений с США, а 36% респондентов считают отношения с Китаем более важными. В сентябре 2019 г. ответ на этот же вопрос был однозначно в пользу США – 50% к 24%. Согласно репрезентативному опросу, параллельно проведенному Pew Research Center, 44% американцев придерживаются мнения, что близкие отношения с Китаем важнее, в то время как 43% респондентов все же отдали бы предпочтение Германии [13].

Возрастающую роль Китая во внешней политике Германии и Европы подтверждает запланированная фондом Кёрбера на август 2021 г. дискуссия «Брюссель, Берлин, Пекин – китайская стратегия Германии». Организаторы исходили из того, что Китай – важный партнер Европы в сфере торговли, защиты климата, глобального потепления. Предполагалось участие в этом мероприятии министра иностранных дел Хайко Мааса, государственного министра Нильс Аннен, а также Микко Хуотари, директора Института китайских исследований Меркатора, и Валери Нике, руководителя отдела Азии Фонда стратегических исследований в обсуждении китайского вектора европейской политики, однако в связи с событиями в Афганистане дискуссию пришлось отложить [14].

Таким образом, наблюдается интенсификация немецко-китайских и европейско-китайских отношений. В связи с растущей ролью Китая не только в мировой торговле, но и в мировой политике Германия все больше стремится укрепить двусторонние отношения с КНР. Деятельность фонда им. Кёрбера в международном направлении активно поддерживает китайский вектор дипломатии Берлина. Фонд Кёрбера поощряет общественную активность, иницируя дискуссии и тестируя возможные решения. Реагируя на мировую повестку, частой темой мероприятий стали отношения Европы и Китая. Под эгидой Фонда освещаются особенности китайской внешней и внутренней политики, достижения в социальной и культурной сферах, перспективные направления сотрудничества. С учетом пандемии COVID-19 и образцовым преодолением её Китаем можно говорить о возросшем престиже немецко-китайского сотрудничества и о диверсификации его направлений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Der Stifter [Elektronische Ressource] // Körber Stiftung. – Zugriffsmodus: <https://www.koerber-stiftung.de/ueber-uns/der-stifter>. – Zugriffsdatum: 30.11.2021.
2. Über uns [Elektronische Ressource] // Körber Stiftung. – Zugriffsmodus: <https://www.koerber-stiftung.de/ueber-uns>. – Zugriffsdatum: 30.11.2021.
3. Projekte im Programm Außenpolitik im Dialog // Körber Stiftung. – Zugriffsmodus: <https://www.koerber-stiftung.de/programme-a-z/programm-aussenpolitik-im-dialog>. – Zugriffsdatum: 30.11.2021.
4. KörberForum [Elektronische Ressource] // Körber Stiftung. – Zugriffsmodus: <https://www.koerber-stiftung.de/veranstaltungen/koerberforum-hamburg>. – Zugriffsdatum: 30.11.2021.
5. Buchpremiere. Chinas Bauch [Elektronische Ressource] // Körber Stiftung. – Zugriffsmodus: <https://www.koerber-stiftung.de/veranstaltungsuebersicht/chinas-bauch-617>. – Zugriffsdatum: 30.11.2021.
6. Gesprächskonzert. Ohr zur Welt: Seidenstraße [Elektronische Ressource] // Körber Stiftung. – Zugriffsmodus: <https://www.koerber-stiftung.de/veranstaltungsuebersicht/ohr-zur-welt-seidenstrasse-2643>. – Zugriffsdatum: 01.12.2021.
7. Deutschland und China: Bilaterale Beziehungen [Elektronische Ressource] // Auswärtiges Amt. – Zugriffsmodus: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/china-node/bilateral/200472>. – Zugriffsdatum: 01.12.2021.
8. Streitgespräch. Körber Debatte: Höher, schneller, China! [Elektronische Ressource] // Körber Stiftung. – Zugriffsmodus: <https://www.koerber-stiftung.de/veranstaltungsuebersicht/koerber-debate-hoehler-schneller-china-2372>. – Zugriffsdatum: 01.12.2021.

9. Diskussion. Dialog mit China [Elektronische Ressource] // Körber Stiftung. – Zugriffsmodus: <https://www.koerber-stiftung.de/veranstaltungsuebersicht/dialog-mit-china-2816>. – Zugriffsdatum: 01.12.2021.
10. Körber-Netzwerk Außenpolitik mit Fu Ying [Elektronische Ressource] // Körber Stiftung. – Zugriffsmodus: <https://www.koerber-stiftung.de/koerber-netzwerk-aussenpolitik-mit-fu-ying-2070>. – Zugriffsdatum: 01.12.2021.
11. MYL Around the World – Zoom in on Asia// Körber Stiftung. – Zugriffsmodus: <https://www.koerber-stiftung.de/myl-around-the-world-zoom-in-on-asia-2175>. – Zugriffsdatum: 01.12.2021.
12. Speech delivered by the President of the People's Republic of China, Xi Jinping, to the Koerber Foundation [Electronic resource]. – 2014. – Mode of access: https://www.koerber-stiftung.de/fileadmin/user_upload/koerber-stiftung/redaktion/koerber-global-leaders-dialogue/pdf/2014/Speech_Xi_english.pdf. – Data of access: 01.12.2021; СиЦзиньпин. О создании Сообщества единой судьбы человечества / Цзиньпин Си. – Пекин : Изд-во «Чжунъян бяньи чубаньшэ», 2021. – С. 108 – 117.
13. Transatlantische Partnerschaft verliert an Rückhalt: 36 Prozent der Deutschen finden enge Beziehungen zu China wichtiger als zu den USA [Elektronische Ressource] // Körber Stiftung. – Zugriffsmodus: <https://www.koerber-stiftung.de/transatlantische-partnerschaft-verliert-an-rueckhalt-36-prozent-der-deutschen-finden-enge-beziehungen-zu-china-wichtiger-als-zu-den-usa-2066>. – Zugriffsdatum: 02.12.2021.
14. Lunch Talk. Brüssel, Berlin, Peking – Deutschlands China-Strategie [Elektronische Ressource] // Körber Stiftung. – Zugriffsmodus: <https://www.koerber-stiftung.de/veranstaltungsuebersicht/bruessel-berlin-peking-deutschlands-china-strategie-3214>. – Zugriffsdatum: 03.12.2021.

Жэнь Сюе

*аспирант Белорусского государственного университета
(г. Минск, Республика Беларусь)*

КОНФУЦИАНСТВО И ПОЛИТИКА КИТАЯ

Одной из характерных черт китайской политической культуры является тесная связь политики с историей. Вместе они образуют своеобразный институт, самостоятельную политическую традицию [2, с.3]. Конфуцианство — религиозно-философская система, которая включает социальную этику, образование и политическую идеологию. На протяжении тысячелетий конфуцианство играло важную роль в развитии китайской духовной культуры, политической жизни, общественного устройства.

В период Восточного Чжоу, сопровождавшийся упадками власти чжоуских ванов, в обществе возникли непримиримые противоречия и конфликты. Мыслители, представляющие интересы различных классов, предлагали различные решения социальных проблем. Политическая нестабильность поспособствовала активизации идеологических изысканий ученых. Дискуссии между ними заложили духовной фундамент конфуцианства.

Конфуций систематизировал, теоретически обобщил и усовершенствовал традиционную культуру Ся, Шан и Чжоу. Конфуцианство было сформировано в поздний период Чуныцю. Биография Конфуция основывается главным образом на сведениях Лунь юе («Беседы и суждения») – своде записей, сделанных его учениками, и на тех сведениях, которые удалось собрать великому китайскому историку Сыма Цяню (1459–1489 гг. до н.э.) [1, с. 10].

Правитель династии Хань У-ди принял предложение представителя конфуцианства Дун Чжушу и провел политику «искоренения ста школ». Он стал почитать только конфуцианство. Таким образом, конфуцианство стало ортодоксией, руководящей идеей господствующего класса в китайском феодальном обществе. Тем не менее, философ эпохи Южная Сун Чжу Си, придавший учению конфуцианства всеобщую и систематизированную форму, стал одним из

представителей неоконфуцианства. Неоконфуцианство являлось важным предметом государственных экзаменов в императорском Китае. Содержание нравственного воспитания конфуцианства способствовало развитию и прогрессу общественных производительных сил. Благодаря поддержке правителей оно стало бурно развиваться и постепенно превратилось в мощный инструмент идеологии.

В классических произведениях конфуцианства, таких как «Четыре книги» («Сы шу») и «Пять классических произведений» («У-Цзин»), в полной мере проявился ряд богатых идеологических культур, таких как политические предложения, этические мысли, нравственные концепции и педагогические идеи конфуцианства. Как выдающие древние мыслители, в частности Мэн-цзы, Сюньцзы, Дун Чжуншу, Чжу Си, так и современные мудрецы, к примеру Ду Вэйминь, Тан Ицзе, Чен Лай, сосредоточили внимание на обогащении и развитии конфуцианства в сочетании с историческими традициями. Они стремились, «добиваться самосовершенствования, содержать в порядке семью», а также «управлять государством и нести Поднебесной мир».

Несомненно, конфуцианство за долгую историю также претерпело множество потрясений и отрицаний. Поскольку само раннее конфуцианство неизбежно имело определенные теоретические недостатки, оно не было принято правителями династии Цинь, осуществившими акцию «сожжения книг и погребения книжников». Активное вторжение иностранной культуры, произошедшее после 1840 г., разрушение китайской феодальной системы, развитие движение ян-у и продвижение новой культуры (Синь вэньхуа юньдун) нанесли сильный удар по конфуцианскому мышлению. В условиях нестабильной общественной ситуации положения конфуцианства больше не могли полностью соответствовать тенденциям времени и потребностям правителей. В силу этого доминирующее положение конфуцианства было поставлено под сомнение.

После образования КНР 1 октября 1949 г. философские дискуссии в Китае протекали в русле марксистской ортодоксии. Разрыв с традиционной культурой, включая конфуцианство, во времена «культурной революции», принес огромный ущерб китайскому народу. После проведения политики «реформ и открытости», ученые смогли анализировать конфуцианство с научных и рациональных позиций. В 1990-х гг., ученые в Китае и за рубежом стали активнее рассматривать взаимосвязь между конфуцианством и современным социально-экономическим развитием Китая и оценивать статус, влияние и роль конфуцианства в китайском обществе. Приход к власти в Китае Си Цзиньпина поспособствовал возрождению и значительному росту интереса к учению Конфуция. Си Цзиньпин подчеркнул, что Конфуцианство вместе другими идеологиями и культурой, возникшими в процессе формирования и развития китайской нации, стали важной частью духовной жизни китайской нации в борьбе за создание страны, отразили ее духовные устремления, зарядили энергией и усилили развитие китайского народа [3]. Руководители Коммунистической партии Китая должны черпать мудрость из традиционной китайской культуры, уметь ее использовать в ходе государственного управления, искать решения практических задач у классиков конфуцианства.

Таким образом, конфуцианские мыслители обладают сильным чувством социальной ответственности, что дает идею конфуцианства возможность изменяться и самосовершенствоваться в соответствии с потребностями времени. Задача заключается в построении гармоничного общества с помощью индивидуального воспитания носителей общественного сознания. Хотя развитие конфуцианства не всегда проходило активно, оно сохранило статус идейно-политической основы Китая.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Мартынов, А. С. Конфуцианство. «Лунь Юй». Перевод А. С. Мартынова. – В 2 томах. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001. – Том 1. – 368 с.
2. Переломов, Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая, –. Москва: Наука, 1981, – 336 с.

3. Си Цзиньпин. Выступление Си Цзиньпина на открытие Международного симпозиума по случаю 2565-й годовщины со дня рождения Конфуция и 5-го Конгресса Международной ассоциации по изучению Конфуция [Электронный ресурс]. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2014/0925/c64094-25729647-2.html> (дата обращения: 25.11.2021).

Ли Чан

*аспирант Белорусского государственного
университета культуры и искусств
(г. Минск Республика Беларусь)*

ФЕСТИВАЛЬ КАК ПРОСТРАНСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Фестиваль – одна из форм массового праздника. Китайский иероглиф, обозначающий фестиваль, первоначально взят из иероглифа, означающего бамбук. По аналогии с этим растением, используемым для измерения отрезков времени, фестиваль имеет следующее значение – интервал, установленный китайским народом в системе временных координат [1]. Фестиваль представляет собой пространство межкультурной коммуникации и в таком качестве характеризуется наличием особой фестивальной атмосферы.

Термин «межкультурная коммуникация», как полагает исследователь Е. А. Гайдукевич, впервые был сформулирован в работе американских лингвистов Г. Трейгера и Э. Холла «Культура и коммуникация. Модель анализа» (1954 г.). Межкультурная коммуникация рассматривалась ими как идеальная цель, в стремлении к которой человек лучше всего способен приспособиться к окружающей среде. Также межкультурная коммуникация может трактоваться как адекватное взаимопонимание между участниками коммуникативного акта, если они являются представителями различных национальных культур. Данная коммуникация становится процессом коммуникативного взаимодействия индивидов, взятых в качестве носителей отдельных культур, имеющих свой собственный языковой код, конвенции поведения, систему норм и ценностей, обычаи, традиции. Наиболее характерными особенностями межкультурной коммуникации выступают принадлежность отправителя и получателя сообщения к разным культурам, а также символическое взаимодействие в ходе коммуникации между индивидами и группами, культурные отличия которых воспринимаются. Понятия «межкультурная коммуникация», «межэтническая коммуникация», «кросс-культурная коммуникация», «межкультурная интеракция», по мнению Гайдукевича, находятся в одном синонимичном ряду [2, с. 70, 71].

Советские ученые В. Ю. Боров и А. В. Коваленко в монографии «Культура и массовая коммуникация» делают попытку применить теоретико-коммуникативный подход к анализу культуры. Исследователи убеждены, вопрос о массовой коммуникации и ее средствах (кино, радио, телевидение, пресса, реклама, мода, дизайн, массовые празднества) обязательно включает в себя проблему коммуникации культур [3, с. 23]. С одной стороны, считают Боров и Коваленко, необходимо изучать механизмы коммуникации таких, к примеру, культур, как Запад и Восток, европейского и восточного культурных типов. С другой – механизм перекодировки, переосмысления культуры прошлого в историческом и настоящем времени ее существования.

Авторы исследования предлагают различать понятия «коммуникация» (организованное в одну сторону поступление информации) и «общение» (предполагает наличие другого, стремление к взаимопониманию, многозначность и толерантность к инакому). В искусстве «необходим не коммуникативный поток, однонаправленный от коммуникатора к аудитории, а особая ситуация общения, где художественный текст есть лишь основа, на фоне которой это общение организуется» [3, с. 86-87]. Оформляется группа средств общения, специализирующихся на передаче и создании сугубо художественных произведений, основная

черта которой – особый тип коммуникативной связи с аудиторией. Художественная информация, протекающая по каналам средств массового общения, требует в восприятии не монолога, но диалога.

Обосновывается мысль о том, что понятие «коммуникация» в культурно-философском его значении входит в научный обиход лишь в XX в. Основы гуманитарного исследования проблем коммуникации заложил Р. Якобсон, предложивший в 1964 г. модель коммуникативного процесса. Вместе с тем, еще в 20-30-х гг. XX в. интерес к коммуникативным процессам возникает в рамках теории журналистики. К концу 1940-х гг., наряду с точным подходом к изучению коммуникации (К. Э. Шеннон, Н. Винер), формируется гуманитарный подход (К. Леви-Строс). В 1960-х гг. теория коммуникации выделилась в самостоятельную междисциплинарную отрасль знаний. С этого времени начинают интенсивно разрабатываться художественные проблемы средств массовой коммуникации, в том числе и в контексте эстетики.

Основоположник классической философской герменевтической традиции Ф. Шлейермахер, задаваясь вопросом о коммуникации культур, высказывался о своеобразии и взаимной несводимости различных культур [3, с. 103]. Однако китайские фестивали как раз включают в себя установку на межкультурное взаимодействие, обмен творчеством и художественной информацией. В фестивальном пространстве массовое общение используется как основа для создания единого эмоционального порыва, атмосферного настроения всех участников фестивального мероприятия. Возникает чувство полноты бытия. Формируется чувственно осязаемая среда, которая опосредует и направляет желания и устремления людей. Устанавливаются контакты. Человек испытывает ощущения насыщенности культурной продукцией, полной и настоящей включенности в нее, поскольку эмоциональная коммуникация воздействует сильнее, чем чисто информативная. Запечатлевается не столько сам факт состоявшегося события, сколько выразительное отношение к нему.

Российский культуролог Е. А. Широкова, характеризуя дефиницию «социокультурная коммуникация», выделяет такие составляющие ее типы коммуникации, как межличностная, внутрикультурная и межкультурная. В контексте межкультурной коммуникации фестиваль выступает в качестве феномена, который с культурологической точки зрения обладает символическими свойствами, а также признаками культурного текста. По мнению Широковой, фестиваль является предпосылкой межкультурного взаимодействия и «должен рассматриваться в контексте тех культурных систем, контакт которых он репрезентирует» [4, с. 409]. Переход к межкультурной коммуникации в сфере современного искусства обусловлен общей направленностью мировых социальных процессов на глобализацию культурных отношений. В XXI в. многократно возрастает роль механизма межкультурной коммуникации, тех форм культурного творчества, которые основаны на межкультурном контакте. Фестиваль все активнее начинает восприниматься как поле для формирования глобальных связей между представителями разных национальных культур, этнических сообществ и меньшинств.

Значительный эвристический потенциал исследований теоретических и практических аспектов коммуникации накоплен в трудах Г. Г. Почепцова. В его книге «Теория коммуникации» [5] рассматриваются модели коммуникации в различных областях гуманитарного знания, анализируются виды коммуникативного взаимодействия. Межкультурная коммуникация осмысливается автором работы как важная часть международных коммуникаций.

В ходе изучения специфики функционирования китайских фестивалей, такого, к примеру, молодежного фестивального проекта, как StrawberryMusicFestival, востребованной оказалась модель психотерапевтической коммуникации К. Г. Юнга. Юнг считал, что способность подражания является ценной для коллектива, однако она вредна для индивида. Общественная психология не может обойтись без подражания, которое предполагает также внушаемость, суггестивность, духовное заражение. Как утверждал ученый, любой эмоционально окрашенный процесс немедленно вызывает сходную реакцию. Если человек находится в движимой эмоциями толпе, он не может не поддаться массовым аффектам [5, с. 88]. Опасность

психического заражения содержат в себе архетипы, которые обнаруживаются лишь в творчески оформленном материале. Архетип демона, человека или события повторяется в истории культуры везде, где свободно действует творческая фантазия, и в этом смысле он есть мифологическая фигура.

Представляют интерес модели мифологической коммуникации К. Леви-Строса, Р. Барта, Б. Малиновского. Леви-Строс большое внимание уделял изучению структуры мифа, которая, как оказывается, и является его содержанием, заключенным в логическую форму. Для Леви-Строса в структурности заключается вся суть мифа, ради которой он существует. Мифы формируют метаязык, структура которого действительна на всех уровнях [5, с. 213]. Приводится такой пример, сказочные король и пастушка составляют оппозиции мужской/женский, высокий/низкий. Структура мифа преобразуется в набор функционально схожих событий.

На наш взгляд, данная модель коммуникации во многом уточняет смыслы известного древнекитайского мифа о Пастухе и Ткачихе. Миф сопровождает церемонию проведения праздника Циси, ставшего прообразом современных китайских фестивалей. Это история о том, как бедный пастух полюбил искусную ткачиху, небесную фею. Характерная для мифа и сказки повторяемость затруднений подобного рода имеет специальную функцию – выявление универсальной структуры мифа.

Р. Барт, анализируя миф, добавлял к уже существующим его характеристикам еще одну – императивность. Миф побуждает к действию, он навязывает человеку свою агрессивную двусмысленность. Б. Малиновский усматривал проявление истинной сути мифа в принципах организации совместной жизни людей. Именно контекст социальной жизни, а также последовательное понимание того, что все, что велят делать, имеет свой прецедент и образец в ушедших временах, ставили в сознании человека на свои места содержащиеся в мифе сведения [5, с. 111]. Следует отметить, в ритуальных действиях воспроизводилось не просто одинаковое поведение многих, имело место не просто равенство другому в поведенческих формах, но равенство сакральной норме, откуда и следовало равенство другому.

В соответствии с моделью коммуникации М. Фуко, основополагающие коды любой культуры управляют ее языком, схемами восприятия, формами выражения, ценностями. Культурные коды определяют для каждого человека эмпирические порядки, с которыми в жизни придется считаться. Г. Почепцов указывает на то, что международные коммуникации осуществляются в ситуации несовпадения таких кодов, даже шире – «национальных картин мира» [5, с. 568].

М. Фуко пытается обнаружить связь между механизмами власти и символическими механизмами. Он подчеркивает, всякое общество имеет свой режим правды. Это те типы дискурсов, которые социум принимает и заставляет функционировать в качестве правды. Бесспорно, в Китае действенным механизмом трансляции господствующей идеологии являются официально принятые фестивали. Они нацелены на формирование и поддержание одобренной обществом системы взглядов, культурных норм. Фестиваль как праздничное событие, вовлекающее в зону своего влияния огромное количество людей, способен формировать необходимое государству отношение к той или иной современной проблеме. Фестивальные мероприятия являются чрезвычайно эффективным средством пропаганды политических идей, «мейнстримового дискурса». В XXI в. многие национальные фестивали в Китае финансируются государством (Министерство культуры КНР, народные правительства провинций, городов). Региональные фестивали китайского искусства официально проводятся органами культуры всех уровней почти в каждой провинции и муниципалитете. В 2013 г. в Китае был учрежден Национальный фонд искусств. Создание фонда способствовало появлению целого ряда художественных произведений, соответствующих такому направлению китайской идеологии, как «служение народу и социализму» [6].

В сфере художественного творчества Фуко обнаруживает пространство, в котором автор как бы растворяется. Персона автора не входит в замысел произведения, но в сумме с ним создает дискурсивный конструкт, задавая особый статус существования творения. Функция

автора различна в дискурсах времен и цивилизаций. В нашей цивилизации, полагает Фуко, автор с его точкой зрения мешает свободной циркуляции, свободной манипуляции, свободной композиции, декомпозиции представлений в искусстве.

Как представляется, в пространстве некоторых современных фестивалей формируется благоприятная атмосфера, для того чтобы нечто произошло само, без участия автора. Фестивали демонстрируют такую особенность, как смещение коммуникативных акцентов с цепочки «автор – текст» на цепочку «текст – аудитория». Здесь уже значимыми становятся игровой элемент коммуникации, сам процесс передачи определенного содержания. Для игры, как утверждал нидерландский мыслитель Й. Хейзинга, характерен особый модус существования человека. По проблеме текста и аудитории компетентно высказался Ю. Лотман. По его мнению, именно такое отношение возникает в рамках фольклорной коммуникации. Анализируя эту коммуникацию, Лотман определял специфику фольклорной аудитории. Положение фольклорной аудитории заключается в том, что зрители или слушатели весьма активны, непосредственно вмешиваются в текст: принимают участие в играх или плясках, перекиваются с актерами на балаганной сцене, дают советы и указания и т. д.

У. Эко, рассуждая о жанрах массовой культуры, созданных одновременно автором и читателем, высказывается об избыточности в искусстве. Массовая литература, по его мнению, представляет собой сообщение высокой степени избыточности. Так, криминальный роман производит избыточность. Притворяясь, что возбуждает читателя, он фактически расслабляет его, отправляет в состояние лени воображения. Избыточность содержания программ, экстравагантность и расточительность демонстрируют некоторые крупномасштабные китайские фестивали, за что их резко критикует правительство Китая. Введены довольно жесткие меры по упорядочиванию развития фестивалей. В 2013 г. Министерство культуры КНР совместно с Главным управлением пропаганды выпустило «Уведомление о прекращении экстравагантности и продвижении экономных торжественных мероприятий». В документе рекомендовалось выполнить следующее: провести тщательную перепись и стандартизацию фестивалей; строго рассмотреть предлагаемые зарезервированные проекты, представленные различными ведомствами в различных регионах, объявить о них общественности; дать понять, что партийные и правительственные органы не будут утверждать новые фестивали в будущем. Указывалось также на то, что государственные награды за китайскую культуру и искусство сохраняются лишь при условии сокращения количества соответствующих подпунктов и уровней на 30% [6].

Рассмотренные выше модели коммуникации, согласно представлениям Почепцова, уточняют аспекты коммуникативного пространства, представляющего собой базовое понятие коммуникологии. В рамках коммуникативного пространства реализуются коммуникативные дискурсы. Коммуникативное пространство структурировано первичными и вторичными коммуникативными процессами. Последние связаны с обсуждением и широким распространением информации в СМИ, на их приоритетности основывается менеджмент событий поп-культуры. Виды коммуникативного взаимодействия составляют вербальная, визуальная, перформансная, а также художественная и др. коммуникации.

Социальный теоретик XX в. Ю. Хабермас был серьезно озабочен проблемами коммуникации. Представляется необходимым актуализировать идеи Хабермаса, изложенные им в труде «Моральное сознание и коммуникативное действие» [7]. Важными условиями объективности теоретического знания, по Хабермасу, являются независимость ученого от социокультурного контекста, а также его ценностная нейтральность. Однако исследователь, изучающий общество, сам к нему принадлежит и должен определенным образом «относиться» к изучаемой им реальности. Хабермас задается вопросом: можно ли в социальных науках дистанцироваться от социального жизненного мира? Или социальный исследователь, теряя позицию безучастного наблюдателя, всегда вынужден интерпретировать существующее, неизбежно включаясь в коммуникативные процессы?

Жизненный мир, утверждает Хабермас, образует дотеоретический уровень процессов понимания. Будучи общим для многих, жизненный мир «предлагает определенный запас

культурных самоочевидностей, из которых участники коммуникации в своих интерпретативных усилиях заимствуют устраивающий всех образец истолкования» [7, с. 202]. Доступ к контексту жизненного мира открывают общие коммуникативные структуры, господствующие над говорящими и действующими субъектами. Признаками принадлежности к социальному жизненному миру являются убеждения людей, произведения искусства, предметы материальной культуры, социальные институты и общественные системы, а также речь и действие. Коммуникативное действие задает систему отсчета для описания и понимания происходящего, конституирует действительность как предмет познания.

Хабермас называет коммуникативными такие интеракции, «в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий; при этом достигнутое в том или ином случае согласие измеряется intersubjectивным признанием притязаний на значимость» [7, с. 91]. Притязаний на то, что, во-первых, произнесенное высказывание истинно; во-вторых, с учетом данного нормативного контекста речевое действие правильно; в-третьих, в манифестируемой речевой интенции подразумевается то же, что и выражается явно [7, с. 204].

Противоречие между социальной организацией и социальной интеграцией становится главным фактором развития общества. Усиление организации ослабляет интеграцию, которая достигается на коммуникативном уровне – базовом и опережающем по отношению к процессам социального менеджмента. Хабермас делает существенный для нашего исследования вывод о необходимости реализации коммуникативного действия на уровне стратегического управления обществом. Отказ от государственной идеологии в пользу коммуникации создаст, как он полагает, новые формы социального управления. Таким образом, коммуникация в качестве духовного феномена противопоставляется идеологии, понимаемой как иллюзорная и искаженная форма интеграции.

В гуманитарных науках для решения задач анализа коммуникации активно используется такой метод, как контент-анализ. Приведем в качестве примера следующие возможные определения контент-анализа:

статистическая (квантитативная) семантика;

исследовательская техника для объективного количественного анализа содержания коммуникации;

техника для получения выводов при помощи объективного и систематического установления характеристик сообщений.

К числу преимуществ контент-анализа относятся некоторые его особенности:

метод ненавязчивый (нет взаимодействия с фоном исследования, который мог бы исказить результаты);

метод косвенный (выводы исходят из того, что непосредственно исследователем не наблюдается).

Контент-анализ – это всегда сопоставление двух информационных потоков. Можно, к примеру, сравнить статистические данные, свидетельствующие о росте экономики Китая, и данные оценок темпов развития, а также увеличения прибыльности китайских фестивалей.

Характеристики современных китайских фестивалей во многом сопряжены с осуществляемой китайским руководством политикой реформ и открытости. По мере проведения реформ и открытости политические, экономические и культурные реформы в Китае становились все более стремительными и основательными. Что касается сферы экономики, данные Национального бюро статистики показывают, что ВВП Китая достиг 36 863 млрд. юаней в 2001 г., 48 930 млрд. юаней в 2010 г. и превысил 74 412,7 млрд. юаней в 2016 г. За семнадцать лет, прошедших с начала XXI в., экономика Китая почти удвоилась, а общий ВВП поднялся с шестого на второе место в мире, причем быстрое экономическое развитие привело к значительному повышению уровня жизни людей. Одновременно правительство стало больше инвестировать в культурную «мягкую силу» страны с точки зрения стратегии национального развития. С введением ряда политических мер местные органы власти также начали осознавать важность культурного строительства. Они увеличили свою поддержку ряда фестивальных проектов [8].

В настоящее время трудно подсчитать количество официальных китайских фестивалей, организуемых на национальном и местных уровнях. Помимо некоторых фестивалей, которые проводятся, начиная с 1980-90-х гг., постоянно появляются фестивали провинциальных и муниципальных властей. Театральные фестивали, спонсируемые различными частными организациями, продемонстрировали бурный рост в течение 2010-х гг. [9].

Первым прибыльным музыкальным фестивалем в Китае стал фестиваль в горах Хелань, инициированный в 2004 г. музыкальным критиком и куратором Хуан Ляюань. В 2007 г. при финансовой поддержке китайского правительства состоялся фестиваль Midi – первый фестиваль в истории музыкальных фестивалей на открытом воздухе, который начал приносить доходы. В 2013 г., согласно отчету China Commercial Performance Box Office Report, кассовые сборы фестивалей поп-музыки материкового Китая выросли на 44,7%, что сделало их самым быстрорастущим сегментом индустрии культуры Китая. С момента возникновения openair-фестивалей появился относительно четкий вектор расширения их коммуникативного пространства, отражающий тенденцию распространения социально-экономических ресурсов – от центра, таких крупных, экономически развитых городов, как Пекин, Шанхай и Гуанчжоу, к столицам периферийных провинций, городам второго и третьего уровней [10]. Таким образом, контент-анализ показал, эффективность экономики, а также плотность городского населения, наличие платежеспособной аудитории из числа молодежи определяют географию китайских фестивалей. Перечисленные факторы имеют основополагающее значение в ходе планирования, организации и проведения фестивальных мероприятий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. 许慎, 说文解字, 北京: 中华书局, 1963 年= Сюй, Шэнь. Шуоуэнь Цзези (словарь иероглифов) / Шэнь Сюй // Пекин: Книгоиздательство Чжунхуа, 1963. – 1234 с.
2. Гайдукевич, Е. А. Фестиваль как форма межкультурной коммуникации современной молодежи / Е. А. Гайдукевич // Национальные культуры в межкультурной коммуникации: сб. науч. ст. В 2 ч. Ч. 1. – Социально-исторические аспекты межкультурного взаимодействия / БГУ, ф-т социокультурных коммуникаций, кафедра культурологии; редкол.: Э. А. Усовская (отв. ред.) [и др.] – Минск : Колоград, 2016. – С. 69–78.
3. Боров, В. Ю. Культура и массовая коммуникация / В. Ю. Боров, А. В. Коваленко. – М. : Наука, 1986. – 302 с.
4. Широкова, Е. А. Джазовый фестиваль как социокультурное явление / Е. А. Широкова // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 6 (37). – С. 408–410.
5. Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук, К. : Ваклер. – 2001. – 656 с.
6. 陈成, 中国当代戏剧节的类型与特征研究, 上海: 上海戏剧学院, 2018 年= Чен, Ченг. Исследование типов и характеристик современного китайского театрального фестиваля: дис. ... канд. искусствоведения: Ченг Чен; Шанхайская театральная академия. – Шанхай, 2018. – 135 с.
7. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука. – 2001. – 377 с.
8. 陈成, 中国当代戏剧节的类型与特征研究, 上海: 上海戏剧学院, 2018 年= Чен, Ченг. Исследование типов и характеристик современного китайского театрального фестиваля: дис. ... канд. искусствоведения: Ченг Чен; Шанхайская театральная академия. – Шанхай, 2018. – 135 с.
9. 罗丽, 狂欢中的国内戏剧节, 上海: 上海艺术评论 2016, 03 期 59-61 页 = Луо, Ли. Китайские театральные фестивали на карнавале / Ли Луо // Шанхай: Шанхайское художественное обозрение, 2016. – Вып. 3. – С. 59–61.

10. 殷玉环, 中国大陆户外流行音乐节发展现状分析, 北京: 音乐传播 2015, 03 期 55-66 页 = Инь, Юйхуань. Анализ современного развития фестивалей поп-музыки на открытом воздухе в материковом Китае / Юйхуань Инь // Пекин: Музыкальные коммуникации, 2015. – Вып. 3. – С. 55–66.

*Мэйди Айниваэр
аспирант Белорусского государственного университета
(г. Минск, Республика Беларусь)*

ВЛИЯНИЕ ДВИЖЕНИЯ ЗА НОВУЮ КУЛЬТУРУ НА РАЗВИТИЕ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Движение за новую культуру (1911–1920 гг.) стало чрезвычайно важным поворотным пунктом для современной истории Китая. Примерно ко времени Движения Четвертого мая (1919) общественное сознание китайского народа начало постепенно претерпевать значительные изменения: от криков нескольких интеллектуалов до борьбы всей нации. Система ценностей культурного сознания также постепенно претерпевала трансформацию: «наука» и «демократия» стали главными темами общества, распространился марксизм. В это время глубоко укоренившийся национальный характер культурного сознания был в определенной степени преобразован, и народ постепенно освобождался от тысячелетнего авторитаризма. Все эти изменения отражали пробуждение самосознания нации в исторических условиях того времени, и современная система общественного сознания постепенно создавалась через подрыв и реконструкцию традиционного культурного сознания. Важной особенностью Движения за новую культуру стало решение задач трансформации культурных средств – языковых символов и популяризации просторечного языка, что привело к унификации китайского языка и письменности.

Движение за новую культуру было освободительным движением, направленным против феодализма. В Китае его инициировало небольшое число передовых интеллектуалов, наиболее выдающимися представителями которых в 1915 году были Чэнь Дусю, Ли Дачжао, Лу Сюнь и Ху Ши. Значение Движения за новую культуру было трояким: идеологически оно боролось против феодализма и распространяло дух западной демократии и свободы; в культурном плане оно разрушило господство старой феодальной культуры и расширило общение между Востоком и Западом, что привело к более глубокому пониманию Запада в Китае; в политическом плане оно воспитывало патриотов китайской нации и внесло значительный вклад в продвижение политической демократии в Китае.

Литературные и интеллектуальные изменения как результат Движения за новую культуру в некотором смысле имеют исторические прецеденты. Во времена поздней династии Чжоу (около 1046–256 гг. до н.э.) в Китае наблюдалось очень значительное литературное и интеллектуальное развитие. В письменный словарь того времени было добавлено много новых компонентов местного языка. В эпоху династии Тан (618–907 гг.) произошла важная литературная реформа, известная как «Движение древних текстов». Были разработаны новые стили поэзии и прозы, а также новое буддистское направление – дзен-буддизм. При династии Сун (960–1279) возникли одна за другой различные неоконфуцианские школы, доминирующее положение в китайской литературе получили прозаические жанры, в поэтических произведениях стала проявляться народная стилистика. В эпоху правления династии Юань (1271–1368) расцвели новые формы драмы. Во время династии Мин (1368–1644 гг.) длинные романы и короткие рассказы на простонародном языке приобрели огромную популярность. Позднее при династии Цин (1644–1911), чтобы заполнить «пустоту прошлого», возникло изучение классической науки, текстология.

Несмотря на эти прецеденты Движение Четвертого мая было уникальным как по широте своей деятельности, так и по глубине своего значения. Китайские интеллектуалы впервые

осознали необходимость перестройки китайской цивилизации. До контакта с современным Западом китайская цивилизация никогда не подвергалась серьезному вызову со стороны иностранных сил, за исключением влияния индийского буддизма. И хотя буддизм тесно затрагивал многие аспекты интеллектуальной и социальной жизни Китая, он в меньшей степени влиял на его основные политические и экономические системы. Многовековой научный и иной прогресс Запада, а также многие другие факторы, обусловленные социальными различиями между двумя сторонами, сделали влияние Запада на Китай гораздо более значительным.

После «опиумных» войн 1840–1842 и 1856–1860 гг., доказавших неустойчивость западных держав к неограниченной торговле на всей территории Китая, включая торговлю опиумом, ведущие представители китайской интеллигенции начали осознавать, что Китаю действительно необходимо учиться у западной науки и техники, хотя они по-прежнему считали, что традиционные институты и традиционное мышление Китая превосходят западные и поэтому не нуждаются в реформах. Однако после китайско-японской войны 1894–1895 гг., когда Китай потерпел поражение от Японии, первая фаза реакции китайской интеллигенции на западную цивилизацию подошла к концу. С этого времени молодые китайские интеллектуалы, учитывая достижения реставрации Мэйдзи в Японии, считали, что помимо изучения научных методов Китай должен подражать правовым и политическим системам Запада; при этом они по-прежнему настаивали на том, что китайские философские основы, этические концепции и принципы, лежащие в основе традиционного общества, которые они считали более фундаментальными и существенными, не должны быть изменены. Чжан Чжидун просто и лаконично выразил это понятие в 1898 году фразой: «Средняя школа – это тело, западное обучение – это применение» [1, с. 41-42]. И все же Стодневная реформа 1898 года не смогла довести до конца начатую реформу правовой и политической систем, а Синьхайская революция 1911–1912 гг. осуществила лишь ее часть. После свержения монархии и установления Китайской Республики усиление власти военачальников и две попытки восстановления имперской системы доказали, что прогресс будет затруднен, если реформировать только правовую и политическую системы без проведения других изменений.

Наступил третий этап – эпоха Движения Четвертого мая. В ходе этого движения зарождающаяся интеллигенция не только открыто выступала за необходимость внедрения западной науки и техники, правовых и политических систем, но и заявляла, что традиционная китайская философия, этические концепции, естественные науки, социальные доктрины и институты должны быть полностью переоценены и воссозданы с учетом достижений таких секторов на Западе. Это была широкая, страстная попытка свергнуть основные элементы застойной старой традиции и заменить ее совершенно новой культурой.

Литературная революция в Китае началась с революции в поэзии. «Поэтическая революция» пропагандировалась в Китае в течение нескольких лет. Почти все политические реформаторы, принимавшие участие в Стодневной реформе 1898 года, были молодыми поэтами, некоторые из них также были сторонниками «поэтической революции». Программа реформ одного из ведущих китайских мыслителей Ху Ши только вывела Движение Четвертого мая на новый этап. Как он вспоминал, в 1919 году его взгляды на «поэтическую революцию» во многом основывались на его собственных теориях экспериментализма и литературной эволюции. Эти теории были основаны на уроках, извлеченных из истории китайской литературы и европейского Возрождения. Мы видим, что на господина Ху также могло повлиять американское литературное движение 1910–1920-х гг. С тех пор, как в 1912 году журнал Гарриет Монро (1860–1936) «Poetry: A Magazine of Verse» начал выходить в свет, новое поэтическое движение потрясло весь американский литературный мир. К 1917 году некоторые даже считали новую поэзию «первым национальным искусством Америки». В этот период поэты прерий, поэты-имажисты, новые лирики и экспериментаторы, начали публиковать свои основные произведения. Период с 1912 по 1918 год в Америке называют «поэтическим ренессансом», и 1920-е годы действительно стали новой эрой не только для американской поэзии, но и для американской литературы и мысли. Как написал один американский историк:

«Это был век американского Возрождения, – сказал Эзра Паунд, – итальянское Возрождение по сравнению с ним было просто бурей в чашке. Все в этом веке было новым: новые женщины, новый гуманизм, новое искусство, новый национализм, новая свобода, даже новая история, как выразились Робинсон и Бирд» [2, с. 176].

Именно в эту творческую и вдохновляющую эпоху Ху Ши и другие сторонники реформы литературного образования во время Движения Четвертого мая учились в США. Этот дух новаторства перетек и в новую эру в Китае. Создание новой китайской литературы во время Движения Четвертого мая было также заслугой студентов, вернувшихся из Японии. Во-первых, несмотря на то, что тогдашняя китайская литература в значительной степени подражала русской и западной литературе в плане техники и тематики, большинство произведений, доступных китайским читателям в период Движения за новую культуру, были переведены с японского языка. Во-вторых, влияние японской литературы на стиль новой китайской литературы того времени также было очевидным. Например, «стиль Лян Цичао», который был довольно популярен среди писателей в начале Движения Четвертого мая, несет на себе явные следы японского письма. Многие из ведущих литераторов, участвовавших в создании новой китайской литературы, такие как Лу Сюнь (псевдоним Чжоу Шурэна) и его брат Чжоу Цзуорен, учились в Японии. Известный китайский писатель Го Моруо однажды сказал: «Большая часть китайской литературной сцены была построена японскими студентами» [3, с. 54]. На самом деле литературные реформы в Японии, особенно появление новой поэзии и нового мышления, которые оказали глубокое влияние на китайские реформы, опередили Китай всего на несколько лет.

Следует особо отметить те художественные биографические произведения (жизнеописания), которые были плодом Литературной революции в плане развития жанра, – они оказали значительное влияние на литературный мир того времени, способствуя более глубокому развитию литературных реформ. Например, «Мои воспоминания» китайского поэта Дай Ваншу, опубликованные в 1929 году, которые, можно сказать, являлись либеральной поэтической биографией с эстетикой прозы, повлияли на стиль его «Дождливой аллеи», представляющей собой идеальное сочетание французского символизма и традиционной китайской поэтической образности. Поэтические произведения Дай Ваншу получили широкое признание в литературном мире благодаря своей сосредоточенности на отображении реальности. Ду Хэн, один из основателей литературного объединения «Новолуние» (1924–1930), и Ай Цин, всемирно известный китайский поэт, выразили свои похвалы, при этом литературный критик Ду Хэн даже сказал, что создание поэмы показало возможности развития новой поэзии, «найдя обширный и бурный путь» [4, с. 49-56].

Другими словами, художественные жизнеописания того времени в виде биографий людей не только отражают отдельные моменты Движения за новую культуру, но и являются незаменимым источником исторической информации для его изучения. В частности, в таких биографических описаниях новое культурное движение представлено двумя основными способами:

во-первых, через биографии его сторонников и пионеров, где воссоздается среда, в которой зародилось, началось и получило развитие Движение за новую культуру. Чэнь Дусю и Ху Ши, как и Цай Юаньпэй, Цянь Сюаньтун, Лу Сюнь, Ли Дачжао, Лю Ханон и Чжоу Цзуорен, были ведущими сторонниками и идейными вдохновителями нового культурного движения. Когда «Автобиография Шианя» Чэнь Дусю [5, с. 695-704] была написана в 1937 году (тогда ее автор находился в заключении в Нанкине) и была напечатана в единственном экземпляре в 1938 году, издатель Ван Мэнцзоу сказал: «Значение публикации “Автобиографии Шианя” для современной истории, особенно для молодежи, самоочевидно. Будущие поколения, несомненно, узнают что-то новое из автобиографии человека, возглавлявшего эпоху» [6, с. 366-374]. Действительно, рассказ в автобиографии о годах становления Чэнь Дусю, особенно о постепенном созревании его идей, полезен для понимания причин, побудивших его выступить в поддержку нового культурного движения.

Сорок автобиографий Ху Ши начинаются со времени свадьбы его родителей, охватывают его детство и юношеские занятия и продолжаются до публикации «Размышлений о литературной реформе» в 1917 году, когда он присоединился к Литературной революции. Это незаменимый рассказ из первых уст о начале литературных реформ. В 1948 году была опубликована биография Лу Сюня, написанная Ван Шицзином, объемом в 400 000 слов, которая подтолкнула к новой отправной точке в изучении жизненного и творческого пути Лу Сюня и стала его первой биографией. Она также заложила прочную основу для понимания будущими поколениями личностного становления Лу Сюня, особенно той важной роли, которую он сыграл в период Движения Четвертого мая;

во-вторых, когда сами биографии ключевых фигур отражают развитие и глубокое влияние Движения за новую культуру. Юй Дафу, Шэнь Цунвэнь, Линь Ютань, Ба Цзинь, Сюй Чжимо, Дин Линь и Ху Епин, которые составляли костяк нового культурного движения, имели или автобиографии или свои биографии, написанные другими авторами и переданные им. Эти жизнеописания погружают в контекст времени и изображают историю жизни своих героев, отражая изменения в обществе и ход развития нового культурного движения. В биографиях личностей Цзяня показано глубокое влияние нового культурного движения того времени, а также рассказывается об эволюции жизненной траектории биографа. Так, Лу Инь была активной участницей Движения за новую культуру, известной писательницей Движения Четвертого мая и одной из «трех великих талантливых женщин Фучжоу» (вместе с Бин Синь и Линь Хуэйинь). Ее статья «Эмансипация женщин в Китае», опубликованная в 1924 году в журнале «MinDuo», была направлена против феодальных ритуалов, «пережитков» и «суеверий», связанных с неравенством женщин. «Автобиография Лу Инь» [7, с.438-439], состоящая из восьми частей, опубликованная в 1934 году, представляет собой яркий рассказ о ее жизни, особенно о трансформации ее мышления и ее литературной эволюции под влиянием Движения за новую культуру, отражающий один из аспектов глубокого влияния нового культурного движения на молодежь ее времени.

Когда редакцию журнала «Новая молодежь», который к этому времени фактически стал органом печати Коммунистической партии Китая, в июле 1922 года закрыли, тогда в конце 1923 года Движение за новую культуру подошло к концу. Однако влияние нового культурного движения на литературу было далеко не исчерпано. Как продукт Литературной революции родилась, развивалась и находилась под влиянием этого движения китайская биография, которая еще не раз станет неисчерпаемым объектом исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Чжан Чжидун. Убеждение учиться. Создание школы / Чжан Чжидун. – Пекин, Конвергентный источник текста, сентябрь 2015. – С. 41–42.
2. Коммаджер, Г. С. Рост американской республики / Г. С. Коммаджер. – Лондон : Оксфорд Юниверсити Пресс, 1969. – 176 с.
3. Продолжение литературного трактата Го Моруо «Танец столов» // Полное собрание сочинений Го Моруо. – Т. 16: Литература. – Пекин : Изд-во народной лит., 1989. – 54 с.
4. Ду Хэн. Предисловие / Ду Хэн // Полное собрание сочинений Дай Ваншу. – Под ред. Дай Лянчжэня. – Ханчжоу : Чжэцзянское изд-во лит. и искусства, 1989. – С. 49–56.
5. Чэнь Дусю. Автобиография Шианя / Чэнь Дусю. – Шанхай : Шанхайское народное изд-во, 2016. – С. 695–704.
6. Шэнь Тишина. Биографический очерк о Чэнь Дусю / Шэнь Тишина. – Аньхой : Изд-во Аньхойского ун-та, 2007. – С. 366–374.
7. Хуан Луинь. Автобиография Лу Инь / Хуан Ин. – Шанхай : Первое изд-во, 1934. – С. 438–439.

АДАПТАЦИЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ К СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ БЕЛАРУСИ: ЛОНГИТУДНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В «модели процесса культурной адаптации», предложенной К. Уордом, продолжительность пребывания в другой культурной среде является одним из важных факторов, влияющих на способность человека успешно адаптироваться к ней. Степень культурной адаптации человека имеет тенденцию увеличиваться с увеличением продолжительности проживания. Исследование К. Уорд показывает, что продолжительность проживания положительно коррелирует со степенью адаптации в другой культуре [1, с.291–306].

С. Лисгаард провел опрос скандинавских студентов, обучающихся в США, и обнаружил, что студенты, которые проживали менее 6-ти и более 18-ти месяцев, были более адаптируемыми, чем те, которые обучались в течение 6–18-ти месяцев. Полученные данные позволили сделать вывод о том, что кросс-культурная адаптация представляет собой модель U-образной кривой [2, с.58–73]. К. Оберг разделил процесс культурной адаптации указанной теории на четыре этапа: период «медового месяца», период кризиса, период восстановления и период адаптации [3, с.177–182]. Т. Гуллахорн и Е. Гуллахорн [4, с.33–47], изучив процесс культурной адаптации большого количества иностранных студентов и подтвердили идеи о наличии культурного шока, т.е. появления эмоционального или физического дискомфорта, дезориентации индивидов, вызванной попаданием в иную культурную среду, столкновением с другой культурой, незнакомым местом проживания. Кроме того, они подтвердили модель U-образной кривой, предложенную С. Лисгаардом. Обобщив полученные данные они предложили модель W-образной кривой и разделили данную модель на 7 этапов: период медового месяца, период борьбы, период запутывания, период адаптации, период повторного запутывания, период до возвращения и период после возвращения. Однако в теории кривой просто описывается процесс культурной адаптации временно проживающих индивидов и не объясняется механизм культурной адаптации.

Модель U-образной кривой и модель W-образной кривой являются ранними классическими теориями в области межкультурной адаптации. У этих двух моделей есть одна общая черта: культурный шок временно проживающих индивидов в незнакомой культурной среде из-за культурных различий снижает степень их адаптации. Очевидно, культурный шок оказывает огромное влияние на временно проживающих индивидов. До сих пор многие исследователи анализировали и пытались объяснить концепцию культурного шока. В частности, Ан Ран [5, с.50-51] считает, что для определения концептуальных различий, помимо справочной литературы, необходимо тщательно выяснить первоначальное значение понятия культурного шока. Помимо моделей U-образной и W-образной кривой, и другие исследователи предлагали модели для периода кросс-культурной адаптации. Например, Дж. Мезиров [6, с.55] предложил 10 этапов процесса кросс-культурной адаптации: замешательство перед лицом новой среды; самоанализ с чувством вины или стыда; анализ и оценка когнитивных подходов, социальной культуры и духовных концепций; признание того, что процесс неудовлетворенности и изменений не является уникальным для самого индивида и что другие испытывают аналогичные проблемы; изучение возможностей новых ролей, отношений и поведения; планирование планов действий; овладение знаниями и навыками, необходимыми для реализации действий; временное принятие новых ролей; формирование способностей и уверенности в новых ролях и отношениях; наконец, реинтегрировать жизнь на основе новых целей. К. Уорд и другие [1, с.291–306] считали, что на начальном этапе межкультурной адаптации индивиды испытывают наибольшие изменения в жизни, и у них меньше всего

доступных адаптационных ресурсов, и на этом этапе уровень адаптации индивидов самый низкий.

Основываясь на теории межкультурной адаптации, предложенной К. Уордом и коллегами [1, с.291–306], в настоящем исследовании изучались гендерные особенности социокультурной адаптации 198 китайских студентов (107 мужчин и 91 женщина).

В исследовании использовалось китайский вариант «Шкалы социокультурной адаптации» [7, с.50–54] (Revised Sociocultural Adaptation Scale, SCAS-R) [8, с.77–78], который состоит из 21 утверждения, оценивающих 5 измерений (межличностное общение; личные интересы и общественная активность; адаптация к окружающей среде; знание языка) по пятибалльной шкале Ликерта.

Замеры производились в течение трех лет: первое измерение в январе 2019 года после полугодия пребывания в стране (T1), второе измерение – в январе 2020 года (T2), третье измерение – в январе 2021 года (T3).

Для определения гендерных различий использовался односторонний повторный анализ ANOVA и апостериорный анализ. Обработка осуществлялась с помощью программного обеспечения SPSS 26.0.

В результате проведенного исследования были выявлены статистически значимые различия в показателях социокультурной адаптации китайских студентов (Табл. 1).

Полученные данные свидетельствуют о том, социокультурная адаптация китайских студентов постепенно улучшается в течение трехлетнего периода обучения.

Так, было установлено, что показатели социокультурной адаптации китайских студентов имеют восходящую тенденцию к улучшению в течение трехлетнего периода: повышаются показатели межличностного общения, эффективности обучения, личных интересов и общественной активности, адаптации к окружающей среде, знания языка.

Таблица 1

Показатели социокультурная адаптация китайских студентов

Факторы	T1(M±CD)	T2(M±CD)	T3(M±CD)	F	Апостериорный анализ
Межличностное общение	3.43±0.72	3.59±0.61	3.64±0.61	10.41***	T1 < T2, T1 < T3
Эффективность обучения	3.49±0.80	3.63±0.69	3.66±0.68	5.80**	T1 < T2, T1 < T3
Личные интересы и общественная активность	3.06±0.88	3.39±0.72	3.49±0.74	26.44***	T1 < T2, T1 < T3
Адаптация к окружающей среде	3.70±0.79	3.82±0.70	3.86±0.70	4.43*	T1 < T3
Знание языка	2.81±1.19	3.36±0.90	3.44±0.88	34.72***	T1 < T2, T1 < T3
Общий балл культурной адаптации	3.36±0.71	3.58±0.58	3.64±0.58	20.36***	T1 < T2, T1 < T3

Прим. М– средние значения, СД– стандартное отклонение: Т1 Представляет первое измерение, Т2 Представляет второе измерение, Т3 Представляет третье измерение; * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, $p < .001$, то же самое ниже.

В целом, полученные данные свидетельствуют о некотором рассогласовании с теорией U-образной модели адаптации. В частности, определено, что значимые изменения наблюдаются по показателям общей адаптации, межличностного общения, эффективности обучения, личных интересов и общественной активности, знания языка от периода Т1 к периоду Т2. В последующий период (от Т2 к Т3) эти показатели стабилизируются (различия не значимы). Показатели адаптации к окружающей среде имеют плавную тенденцию к повышению.

Таким образом, за трехлетний период обучения все показатели социо–культурной адаптации китайских студентов значительно повысились.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ward C. Home and host culture influence on sojourner adjustment. /C. Ward, A. Rana-Deuba // *International Journal of Intercultural Relations*. – 2000. –Vol.3.– P.291–306.
2. Lysgaad S. Adjustment in Foreign Society: Norwegian Fulbright Grantees Visiting the United States. / S. Lysgaad // *International Social Science Bulletin*. – 1955.–Vol. 7.– P.58–73.
3. Oberg K. Culture shock: Adjustment to new cultural environment. /K. Oberg // *Practical Anthropology*. –1960.–Vol. 7.– P.177–182.
4. Gullahorn T, Gullahorn E. An extension of the U-Curve Hypothesis. / T Gullahorn, E Gullahorn // *Journal of social issues*. – 1963. –Vol. 19(3). – P.33–47.
5. An Ran. A Probe into the Translation and Interpretation of "Cultural Shock" / Ran An // *Academic Research*. – 2010.–Vol.3.– P.50–54.
6. Mezirow J. Transformative Dimensions of Adult Learning. / Mezirow J// 1nd ed. San Francisco: Jossey–Bass. –1991.–P.55.
7. Yue H. Research on the Chinese Sojourners' Cross-cultural Adaptation in Confucius Institutes / H Yue // *Henan University of Technology*. – Zhengzhou. –2016.– P.50–51.
8. Wilson J. Exploring the past, present and future of cultural competency research: The revision and expansion of the sociocultural adaptation construct. / J Wilson // *Victoria University of Wellington*. – Wellington. –2013. –P.77–78.

Хань Ваньчэнь

аспирант Белорусского государственного университета
(г. Минск, Республика Беларусь)

О РЕАЛИЗАЦИИ ПОТЕНЦИАЛА КИТАЙСКО-УКРАИНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

После установления 4 января 1992 года дипломатических отношений между Китаем и Украиной отношения в сфере образования развивались как важная часть двустороннего взаимодействия, которое приносит ощутимые результаты, но все еще имеет нереализованный потенциал, который необходимо изучать.

В статье Ли Шуцзиня, бывшего первого секретаря отдела культуры и образования Посольства Китая в Украине, отмечается дисбаланс в направлениях образовательного сотрудничества: совместные вузовские проекты реализуются в основном по техническим специальностям, а большинство китайских студентов предпочитают изучать гуманитарные и художественные специальности [1, с. 86]. Му Чунхуай, профессор из Исследовательского центра стран Балтии при Ляонинском университете, считает, что китайско-украинское сотрудничество в сфере образования должно расширять масштабы на основе достигнутых

результатов и использовать сформированные механизмы для повышения привлекательности обеих сторон для зарубежного обучения [2, с. 13]. Ли Чаохуа, кандидат филологических наук, дает оценки образовательной среде в Украине с позиции китайских студентов [3, с. 436].

Магистр по специальности «теория и история международных отношений» Е. Г. Алпеева представляет актуальные направления развития Китая и Украины в образовательной, культурной и гуманитарной сферах [4, с. 673 — 675]. С. А. Колода, доцент Горловского института иностранных языков при Донбасском государственном педагогическом университете, обосновывает тезис о том, что сотрудничество в сфере образования как важная часть культурных обменов стимулирует развитие двусторонних отношений [5, с. 60–62]. С. Захарин, профессор Научно-исследовательского института экономического развития, и Л. П. Гальперина, профессор из Киевского национального экономического университета, также рассматривают состояние и перспективы двустороннего сотрудничества между китайскими и украинскими университетами [6, с. 81–82; 7, с. 53].

И Китай, и Украина испытывают потребность в совершенствовании сотрудничества в области образования, однако оно в рамках международных организаций еще ограничено, механизм многосторонней образовательной дипломатии нуждается в оперативном совершенствовании. Еще в мае 2005 года Украина присоединилась к Болонскому процессу [8]; Китай и Украина активно взаимодействуют в контексте реализации инициативы «Один пояс, один путь» [9]. При этом китайско-украинский Подкомитет по сотрудничеству в области образования нуждается в уточнении направления работы для удовлетворения все более разнообразных потребностей двух стран в определенных специалистах [10].

Подписание соглашений о сотрудничестве, реализация совместных проектов и создание совместных образовательных учреждений способствовали процессу сотрудничества. Вместе с тем большинство совместных проектов охватывают технические специальности, гуманитарные науки в них представлены скромно. Трудности заключаются и в том, что уровень кооперируемых институтов не равен друг другу [11]. Китай и Украина должны в полной мере использовать преимущества высококачественных образовательных ресурсов двух стран и создавать диверсифицированную, многопрофильную модель сотрудничества. Университеты двух стран должны искать партнеров для сотрудничества и устанавливать отношения сотрудничества, основанные на своих характеристиках и преимуществах дисциплин. В то же время вузы двух стран должны полностью укрепить сотрудничество с китайскими или украинскими культурными центрами, институтами Конфуция и другими учреждениями, чтобы обогатить форму и содержание образовательного сотрудничества.

Под влиянием географических факторов обмена и взаимопонимание между образовательными кругами Китая и Украины не являются глубокими, а каналы информационного взаимодействия между образовательными учреждениями двух сторон — не богатыми и гладкими. В последние два года из-за воздействия коронавируса нового типа обе стороны в полной мере использовали дистанционное образование для проведения лекций, тренингов и других мероприятий [12], но степень совместного использования высокотехнологичных средств и ресурсов все еще ограничено. В ответ на такие проблемы обе стороны должны усилить обмен информацией об образовательной политике и информации, в полной мере использовать достижения высоких технологий и активно развивать Интернет-ресурсы для распространения информации и обмена знаниями.

В июне 2021 г. исполнилось десять лет со дня установления стратегического партнерства между Китаем и Украиной; обе страны в январе 2022 г. отметили 30-летие установления дипломатических отношений. Таким образом, в контексте всеобъемлющего стратегического партнерства и в рамках совместного строительства инициативы ОПОП Китай и Украина должны с максимальной полнотой задействовать потенциал сотрудничества, еще больше повысить уровень двустороннего сотрудничества в области образования и оказать сильную гуманитарную поддержку развитию всего комплекса двусторонних отношений.

1. Ли Шудинь. Китайско-украинское сотрудничество и обмен в сфере высшего образования // Вестник Национальной академии управления образованием. – 2007. – № 2. – С. 85–86 (на кит. яз.).
2. Му Чунхуай. Международное сотрудничество Китая со странами Центральной и Восточной Европы в области образования // Журнал Цяюань. – 2020. – № 4. – С. 12–13 (на кит. яз.).
3. Ли Чаохуа. Образовательная сфера Украины глазами китайских учащихся. Украина и мир: гуманитарно-техническая элита и социальный прогресс: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Харьков, 8–9 апреля 2014 г. / Харьковский национальный технический университет; редкол.: Л. Л. ТОВАЖНЯНСКИЙ. – Харьков: НТУ «ХПИ», 2014. – С. 436–437.
4. Алпеева Е. Г. Основные направления сотрудничества Украины и КНР // Постсоветские исследования. – 2020. – Т. 3. – № 5. – С. 664–678.
5. Колода С. А. Социально-культурные отношения Украины и Китая: история, современное состояние и перспективы // Мир русскоговорящих стран. – 2021. – № 2 (8). С. 42–63.
6. Захарин С. Китайско-украинское сотрудничество в сфере высшего образования. Проблемы интеграции образования, науки и бизнеса в условиях глобализации: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Киев, 4 октября 2019 г. / Киевский национальный университет технологий и дизайна. – Киев: КНУТД, 2019. – С. 81–82 (на укр. яз.).
7. Гальперина Л. П., Гуторова Л. Н. Новые перспективы сотрудничества КНЭУ и китайских научных и образовательных учреждений // Информационный журнал ВУЗа КНЭУ. – 2018. – № 5. – С. 45–53 (на укр. яз.).
8. Украина присоединилась к Болонскому процессу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elvisti.com/news/2005/5/20/ukraina-prisoedinilas-k-bolonskomu-processu> – Дата доступа: 02.12.2021 (на укр. яз.).
9. Китай и Украина будут сотрудничать по вакцинам и инфраструктурным проектам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-raporama/11894779> – Дата доступа: 02.12.2021.
10. Сотрудничество в сфере образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://shanghai.mfa.gov.ua/spivrobotnictvo/spivpracya-u-sferi-osviti> – Дата доступа: 03.11.2021.(на укр. яз.).
11. Министерство образования КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.crs.jsj.edu.cn/index/sort/1006> – Дата доступа: 24.11.2021.(на кит. яз.).
12. Министерство образования и науки Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mon.gov.ua/ua/news/mon-rekomenduye-zaprovaditi-distancijne-navchannya-v-zakladah-fahovoyi-peredvishoyi-vishoyi-pislyadiplomnoyi-osviti> – Дата доступа: 02.12.2021.(на укр. яз.).

Крыцук Мікіта Іванавіч
магістрант,
выкладчык кафедры ўсходніх моваў
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
(г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)

АГУЛЬНАЧАЛАВЕЧЫ БАЗІС І ВАРЫЯТЫЎНАСЦЬ КУЛЬТУРНА- ЦЫВІЛІЗАЦЫЙНЫХ ПРАГРАМ

«Вырас і памужнеў выдатны і магутны бог Зеўс. Ён паўстаў супраць свайго бацькі і прымусіў яго вярнуць зноў на свет паглынутых ім дзяцей. Аднаго заіншым выкінуў з вуснаў Крон сваіх дзяцей-багоў, выдатных і светлых. Яныпачалі барацьбу з Кронам і тытанаі за ўладу над светам» [1].

Гэта знакаміты міфалагічны сюжэт Старажытнай Грэцыі. Вядома, мы, беларусы, не прыналежым да Заходняй Цывілізацыі ў поўнай меры, але варта і важна адзначыць тую ролю, якую адыгрывала і адыгрывае станаўленне Захада для нашай культуры. Пачынаючы нашымі архетыпамі і сканчаючы дэталёвым спектрам паводзін.

Мы бачым перад сабой матыў паўстання сына, Зеўса, супраць бацькі, Крона. Бацька, зрынуты сваім сынам, не адрозніваўся высокімі дабрачыннасцямі, інакш не магла б Багіня Ноч у пакаранне Крону нарадзіць «цэлы шэраг жудасных бажэстваў: Таната – смерць, Эрыду – разлад, Апату – падман, Кер – знішчэнне, Гіпнос – сон з роем змрочных, цяжкіх бачанняў, Немесіду, якая не ведае літасці, – помста за злачынствы – і шмат іншых»[1].

Ды толькі ў пакаранне за што Багіня Ноч нарадзіла яму падобныя бажэсты? За тое, што Крон некалі сам паўстаў супраць свайго бацькі, Урана. І што вельмі паказальна, падбукторвала яго на падобны ўчынак не хто іншая, а яго ўласная маці: «Зненавідзеў Уран сваіх дзяцей-волатаў, у нетры багіні Зямлі заключыў ён іх у глыбокай цемры і не дазволіў ім выходзіць на свет. Пакутавала маці іх Зямля. Яе душыў гэты страшны цяжар, заключаны ў яе нетрах. Выклікала янадзяцей сваіх, тытанаў, і пераконвала іх паўстаць супраць бацькі Урана, але яныбаяліся падняць рукі на бацьку. Толькі малодшы з іх, падступны Крон, хітрасцю скінуў свайго бацьку і адняў у яго ўладу»[1].

То бок, мы маем сына, які зрынуў свайго «падступнага» бацьку, які ў сваю чаргу праз утавары ўласнай маці зрынуў свайго бацьку, што таксама не адрозніваўся высокай мараллю, як мінімум, у адносінах да сваіх «дзяцей-волатаў». І нібыта дзеянні Крона асуджаюцца, інакш Багіня Ноч не нараджала б яму такіх злых бажэстваў. Але давайце на імгненне ўявім сабе, што падобны міф у ідэальным перакладзе трапляе ў рукі прадстаўнікам таго, што ў далейшым стане Кітайскай Цывілізацыяй, на тым самым этапе культурнага станаўлення, на якім знаходзілася Старажытная Грэцыя ў перыяд фармулявання сюжэта пастаяннага паўстання дзяцей супраць уласных бацькоў. Безумоўна, жыццё падкідвае самыя розныя гісторыі. Вядома, міфалагічныя архетыпы і рэальныя паводзіны носьбітаў міфалагічных архетыпаў далёка не заўсёды павінны супадаць. Аднак наўрад ці мы знойдзем у Кітаі афіцыйна зацверджаныя, «кананічныя» сюжэты паўстання дзяцей супраць уласных бацькоў, якія б асуджаліся не толькі сюжэтна, а яшчэ і з пункту гледжання носьбіта традыцыі: усё ж мы не бачым у старажытнагрэчаскім сюжэце нейкага пазасюжэтнага асуджэння дзеянняў Крона альбо Урана. І складаецца меркаванне, што ў Старажытным Кітаі падобны міф не мог бы карыстацца папулярнасцю.

Мы не ставім перад сабой мэты параўнання прынцыпаў узаемаадносін паміж бацькамі і дзецьмі ў Заходняй і Кітайскай Цывілізацыях. Таксама мы не ставім перад сабой мэты параўнальнага даследавання адпаведных міфалагічных сюжэтаў. Але, сыходзячы з дапушчэння аднолькавага агульначалавечага базіса ў абсалютна ўсіх грамадстваў, мы папярэдне ставім перад сабой мэту набліжэння да ўсведамлення і разумення гэтага самага агульначалавечага базіса, які можа самым розным чынам праяўляцца ў бясконцасці сваіх варыянтаў. Бо спасціжэнне іншага – гэта заўсёды спасціжэнне сябе, а як казаў Фрыдрых Макс Мюлер, «Хто ведае адну рэлігію, не ведае ніводнай»[2]. Шлях да спасціжэння кагосьці іншага – гэта заўсёды шлях да спасціжэння сябе самога. Гэта не значыць, што мы аднолькавыя. Гэта значыць, што мы дасягаем узаемаразумення тады, калі адштурхоўваемся ў сваіх поглядах, словах і дзеяннях ад чагосьці агульнага. Таму што прадстаўнікі любой іншай цывілізацыі, іх культура і сама гэтая цывілізацыя не аб'екты нашага ўспрымання, а суб'екты, якія таксама нейкім чынам нас успрымаюць. І немагчыма разумець таго, з кім няма ніякіх вызначальных кропак перасячэння.

У XXI стагоддзі чамусьці ўсе актыўна пачынаюць забываць, хто мы ёсць насамрэч і якія матывы намі штурхаюць. Нехта забывае, нехта робіць выгляд, што забывае. Але нават калі мы з'явіліся невыпадкова – Бог ува ўсіх сваіх магчымых, у т.л. безасабовых аперсонных варыянтах, – наша «цела», наша аснова мае біялагічную прыроду. Здаецца, гэта азбучная ісціна, але мала хто яе прымяняе цалкам.

«З непазбыўным пастаянствам вымаўляецца тэзіс аб тым, што нельга пераносіць на чалавека заканамернасці, вывучаныя на жывёлах, гэта, маўляў некарэктна і з'яўляецца толькі знешнім падабенствам... Аднак доказы такой некарэктнасці пры бліжэйшым разглядзе аказваюцца

толькі свайго роду “прэзюмпцыяй выключнасці чалавека”, гэта значыць прынятай у гуманітарыяў дамоўленасцю, што любыя сумневы (а глеба для сумневаў непазбежна прысутнічае ў тлумачэнні любога навуковага досведу або назірання) тлумачацца на карысць сцвярджэння аб тым, што чалавек настолькі ўнікальны, што з жывёламі нічога агульнага, акрамя ніжэйшай фізіялогіі, не мае. Так ці інакш, але многім людзям здаецца непрымальным і нават абразлівым сам факт супастаўлення паводзін чалавека з жывёламі. І гэтаму таксама ёсць эталагічнае тлумачэнне! Заклучаецца яно ў дзеянні інстынкту эталагічнай ізаляцыі відаў... Сутнасць гэтага інстынкту можна выказаць у выглядзе дэвізу “палюбі свайго – нелюбі чужога”; “чужымі” ў нашым выпадку з’яўляюцца малпы, непрыязнае стаўленне да якіх распаўсюджваецца і на тэзіс аб сваяцтве нашых паводзінаў з іх паводзінамі» [3].

Мы вымушаны аб’ектыўна згадзіцца з тым фактам, што людзі часцінам адмаўляюць нейкія свае сувязі з жывёльным светам, прыводзячы довады, якія не маюць нічога агульнага з лагічнай абгрунтаванасцю. Высвятленне ступені, у якой наш біялагічны (а дакладней, інстынктыўны) базіс паўплывае на ўвесь астатні спектр дзейнасці, не з’яўляецца мэтай дадзенага артыкула ў прыватнасці і краіназнаўства Кітая – у агульным. Мы толькі прывядзём ніжэй цытату, што цалкам адлюстроўвае пазіцыю, якой мы прытрымліваемся ў гэтым артыкуле: «...хіба чалавек не можа нічога захацець проста так? Хіба ў чалавека не бывае пачуццяў і перажыванняў не звязаных з інстынктыўнымі механізмамі? Уявіце сабе – не» [3].

Мы не зводзім вывучэнне чалавека і чалавечых супольнасцяў выключна да эталагічнага аспекта, але вымушаны адзначыць уласную пазіцыю: абсалютна ўвесь эмацыйны план чалавечай дзейнасці, незалежна ад культурнай альбо цывілізацыйнай прыналежнасці, у значнай ступені, а часам і амаль цалкам, абумоўлены інстынктыўна. Ні мы, ні Кітайская, ні Заходняя, ні Індыйская, ні якая-кольвечы іншая Цывілізацыя – аніхто не пазбаўлены свайго інстынктыўнага базіса. Безумоўна, выхаваўчае, педагагічнае, адукацыйнае і непасрэдна культурнае ўздзеянне адыгрываюць ролю ў нашых паводзінах, у асобных выпадках нават цалкам трансфармуючы тую лінію паводзін, якую мы абіраем. Але куды часцей, асабліва на ўзроўні штодзённа-побытавага светапогляду, мы толькі думаем, што мы самі вызначаем накірунак сваіх думак. Аднак у рэальнасці «...маючы вольны і прамы доступ да матывацыйных цэнтраў мозгу, інстынкты здольныя выклікаць АДЧУВАННЕ сваёй правасці ў чым заўгодна» [3].

Інакш кажучы, саманазва Кітая (中国 Zhōngguó) як «пасярэднія царствы», што традыцыйна супрацьмастаўлены знешнім нецывілізаваным «варварам»; варна-каставая сістэма Індыі; аўраамічнае ў агульным і хрысціянскае ў прыватнасці місіянерства «крыжом і мячом»... абумоўлены нашай інстынктыўнай прыродай. Гэтаксама як абумоўлена той самай інстынктыўнай прыродай памкненне Заходняй Цывілізацыі ажыццяўляць «экспарт дэмакратыі і ліберальных каштоўнасцяў». «Інстынктыўныя крытэрыі моцна ад сацыяльнай эвалюцыі адсталі» [3]. І гэта адна з найвялікшых супярэчлівасцяў сучаснага чалавецтва, асабліва ў цывілізацыі, найбольш развітай у аспекце сацыяльнай эвалюцыі – у цывілізацыі Захаду. Але задача, пастаўленая намі, не заклучаецца ў высвятленні магчымых шляхоў вырашэння падобнай супярэчлівасці.

Ні ў якім выпадку нельга зводзіць усё даследаванне любой культуры да эталагічнага ракурса, але важна памятаць: усе чалавечыя культуры больш біа- чым сацыя-. Праз гэта стаўленне да любой культуры альбо цывілізацыі наогул і да Кітайскай у прыватнасці не можа і не павінна сыходзіць з таго, хто лепшы. Яно мусіць сыходзіць з таго, як прадстаўнікі розных культур і цывілізацый рэалізуюць свой інстынктыўна-эмацыйны план і чаму гэта адбываецца менавіта так (агульначалавечы інстынктыўна-эмацыйны базіс, які рэалізуецца ў асобных культурных/цывілізацыйных варыянтах). Прадстаўнікі Кітайскай Цывілізацыі традыцыйна лічылі сваю культуру выключнай і цэнтральнай, «Паднябеснай» (параўнайце: «Святая Русь»). Падобную тэндэнцыю мы можам назіраць і зараз – і яна набірае размах адпаведна поспехам Кітая ў эканамічнай, навукова-даследчыцкай, тэхналагічнай, сацыяльнай і іншых сферах. Верагодна, у кагосьці гэта можа выклікаць суб’ектыўную непрыязь, але калі б у Беларусі была, напрыклад, 5-я па велічыні эканоміка свету і каля 1 тыс. ядзерных баегаловак, агульная знешнепалітычная дзейнасць нашай краіны, гэтаксама як і паводзіны яе грамадзян у іх стаўленні да прадстаўнікоў іншых краін, набылі б куды больш агрэсіўныя і эгацэнтрычныя

формы, магчыма, ува ўтоеным выглядзе. Гэта адбылося б, незалежна ад тых палітычных сіл, якія стаяць на чале ўлады. Безумоўна, ступень агрэсіўнасці і эгацэнтрычнасці вар’іравалася б у залежнасці ад набору разнастайных чыннікаў, пачынаючы агульным узроўнем «культурнага напылення» ў грамадстве і сканчаючы канкрэтнымі людзьмі, што атрымаюць уладу ў той момант. Тым не менш, мы занадта моцна падпадаем пад уплыў інстынктыўна-эмацыйных матываў, каб меркаваць, што будзе інакш.

Наступны пераход будзе, верагодна, не зусім правільны з пункту гледжання метадалогіі: пры параўнанні нейкага факта адной культуры (напрыклад, гісторыя ўзаемаадносін бацькоў і дзяцей на прыкладзе Урана, Крона і Зеўса) з адпаведным фактам іншай культуры больш карэктна было б выбіраць факт з тымі самымі характарыстыкамі ў культурнай сістэме каардынат. То бок, найкарэктнейшым было б знайсці адпаведны міф падобнай тэматыкі (адносіны бацькоў і дзяцей) у старажытнакітайскай міфалогіі, якая ў перыяд узнікнення падобнага міфа знаходзілася прыкладна на той самай стадыі свайго развіцця, што і міфалогія Старажытнай Грэцыі на момант узнікнення вышэйзгаданага міфа. З шэрагу прычын ажыццяўлення падобнай задачы падаецца даволі праблематычным. Да таго ж, у гэным артыкуле падобны карпатлівы падыход не вымагаецца: нам дастаткова ўзяць такі факт з рэалій Старажытнага Кітая, які сваёй паказальнасцю будзе знаходзіцца на ўзроўні, бліжэй да такога ўжо акрэсленага намі старажытнагрэчаскага міфа. І падобныя факты ў агромністым мностве можна ўзяць са знакамітага старажытнакітайскага помніка «Лунь юй» («Размовы і выслоўі»).

У нашым выпадку (параўнанне з вышэйпрыведзеным старажытнагрэчаскім міфам) асабліваю цікавасць складае наступны ўрывак: «Нават калі бацька ліхадзей, злодзей або забойца, пачцівы сын абавязаны пакорліва пераконваць бацьку, прыніжана прасіць яго вярнуцца на шлях дабрадзейнасці» [4].

То бок, на фундаментальным узроўні і ў гістарычнай рэтраспектыве, і ў культурным станаўленні, мы бачым відавочнае, архетыпічнае адрозненне паміж Заходняй і Кітайскай Цывілізацыяй: калі ў першым выпадку сыны вырашаюць праблему «ліхадзейнага бацькі» радыкальным чынам, у другім выпадку нават сама думка падобных паводзін не з’яўляецца дапушчальнай. І менавіта тут мы яскрава бачым, наколькі адныя і тыя самыя інстынктыўна-эмацыйныя праграмы ў выніку могуць па-рознаму рэалізоўвацца ў адрозных культурах. У сілу пэўных культурна-гістарычных акалічнасцяў у розных культурах складаюцца розныя каштоўнасці ўстаноўкі. Пры гэтым прадстаўнікі розных культур, асабліва дастаткова глыбока знаёмыя толькі са сваёй уласнай культурай, будуць прыкладна ў роўнай ступені адстойваць адрозныя, а часам нават і радыкальна супрацьлеглыя каштоўнасці, сыходзячы з агульначалавечага, фактычна аднолькавага інстынктыўна-эмацыйнага базіса. І вось менавіта з усведамлення гэтага факта пачынаецца глыбіннае даследаванне адрозненняў розных культур і цывілізацый.

Тут жадалася б адзначыць дзве важныя пазіцыі, якіх мы прытрымліваемся ў артыкуле. Першы момант: катэгарычна нельга казаць пра нейкае ўсходнаўстава без усведамлення таго, што насамрэч не існуе Усхода і Захада – існуюць самыя розныя культуры і цывілізацыі. Кітайская, Індыйская, Араба-мусульманская... Яны сутнасна і прынцыпова непадобныя адна на адну. Любыя спробы спрашчэння карціны, характарыстыкі накшталт «наватарскі захад і традыцыйны ўсход» – гэта пустыя спекуляцыі маладасведчаных аўтараў, якія прытрымліваюцца заведама суб’ектывізаваных пазіцый. Верагодна, ёсць пэўныя факты, якія падштурхоўваюць да ідэі, што, прыкладам, прадстаўнікі Заходняй Цывілізацыі больш схільныя да нейкага мадэрнізавання і наватарства. Але прычынай гэтага сталі пэўныя культурна-гістарычныя ўмовы і пэўныя культурныя прадукцыі, ды ніяк не «іх абмежаванасць як пастаянная характарыстыка».

Мы схільныя меркаваць, што цяперашняе памкненне Заходняй Цывілізацыі да афіцыйнага, заканадаўчага, паўсямяснага адстойвання інтарэсаў меншасцяў, якія на працягу амаль усёй гісторыі з’яўляліся ў грамадстве маргінальнымі; дазволена, а часам нават і пажаданая крытыка дзеючай улады; агромністая колькасць іншых зусім нядаўніх з пункту гледжання гістарычнай рэтраспектывы з’яваў, якія прадстаўнікі Заходняй Цывілізацыі лічаць перадавымі, але якія выклікаюць вельмі супярэчлівыя ацэнкі ў прадстаўнікоў іншых

Цывілізацый – усё гэта ў большай ступені абумоўлена не ўсвядомленым памкненнем да стварэння прынцыпова новага і лепшага грамадства, а канкрэтнай уласнай рэалізацыяй (умоўна назавём гэта «культурна-цывілізацыйнай праграмай») агульначалавечага базіса. То бок, якім бы высокаарганізаваным ні было сацыяльнае развіццё прадстаўнікоў Заходняй Цывілізацыі, інстынктыўна-эмацыйны ўзровень іх развіцця не істотна адрозніваецца ад такога ў жыхароў Аўстралійскага кантынента ў XI ст. Фактычна ён і не змяняецца, змяняецца здольнасць і ступень усведамлення ўласных інстынктыўных матываў. Але пакуль у гэтым накірунку на масавым узроўні, відаць, мала хто дасягнуў істотных зрухаў. Калі дасягнуў наогул.

Адсюль мы прыходзім да другой важнай высновы: на агульначалавечым (інстынктыўна-эмацыйным) базісе у працэсе культурна-гістарычнага развіцця ўзнікаюць культурна-цывілізацыйныя праграмы, як правіла, з пэўным архетыпам альбо наборам архетыпаў. Іх рамкі і межы вызначыць складаней, чым рамкі і межы біялагічных супольнасцяў: генатып, месца нараджэння і пражывання, інш. могуць не з'яўляцца тут паказчыкамі наогул. І паколькі агульначалавечы базіс фактычна мае інстынктыўна-эмацыйную прыроду, паміж гэтымі праграмамі пастаянна адбываецца барацьба, як яна адбываецца паміж прадстаўнікамі розных біялагічных відаў. Можна называць яе па-рознаму, ад канкурэнцыі да барацьбы за выжыванне. Гэта не прынцыповы момант. Прынцыповы момант заключаецца ў тым, што ўзаемаадносіны паміж носьбітамі гэтых праграм як супольнасцямі сутнасна мала адрозніваюцца ад таго, што адбываецца ў свеце жывёл. Фактычна яны адрозніваюцца толькі некаторай ступенню «культурнага напылення» ў выглядзе маралі (у т.л. рэлігійнай), міжнароднага права, розных палітычных інстытутаў і гэтак далей. Але з прычыны таго, што падобнае «культурнае напыленне» (а дакладней нават, «культурныя напыленні») узнікае ў рамках канкрэтных культурна-цывілізацыйных праграм, гэта аўтаматычна выклікае прынцыповае адрозненне розных відаў «культурнага напылення». А адпаведна, і супрацьстаянне тых праграм, што прывялі да ўзнікнення гэтых самых «напыленняў» і змяняліся, дэталізаваліся пад іх уплывам.

«У цяперашні час ЗША прынялі ў адносінах да Кітая стратэгію “мірнай эвалюцыі”, вэстэрнізацыі, расслаення. На падставе чаго яны ажыццяўляюць падобную стратэгію? У першую чаргу, на падставе культуры» [5, с.192].

Пры чым жа тут дэмакратыя? Для параўнання можна правесці паралель з тым, як трансфармаваліся розныя ідэі, у т.л. і такія рэлігійнага характару. Кітаізаваны будызм, іслам у Іране, праваслаўнае хрысціянства ўва Усходнеславянскіх краінах... Чаму дэмакратычныя ідэі, трапляючы ў іншыя краіны, павінны адпавядаць уяўленням прадстаўнікоў Заходняй Цывілізацыі? Адказ нам падаецца вельмі просты: гэта змаганне за месца пад сонцам. Груба кажучы, калі нельга зрабіць чорных і жоўтых белымі, то прынамсі іх можна павярнуць у сваю веру, тым самым робячы іх умоўна «сваімі». І гэта не абвінавачанне Заходняй Цывілізацыі: адыгрываючы на міжнароднай арэне ролю, супамерную з такой Заходняй Цывілізацыі ў нашы дні, а асабліва ў XIX-XX стст., прыкладна той самай палітыкі будзе прытрымлівацца любая Цывілізацыя. Пытанне заключаецца толькі ў тым, якімі сродкамі і да якіх маштабаў будзе ажыццяўляцца падобная дзейнасць за ўмацаванне сваёй прывілеяванай пазіцыі: камусьці трэба захапіць увесь свет, а камусьці дастаткова мець неаспрэчныя (пажадана мірныя) рычагі кантролю.

У выніку мы маем наступнае: на агульначалавечым (інстынктыўна-эмацыйным) базісе пад уплывам пэўных культурна-гістарычных чыннікаў фарміруюцца і трансфармуюцца культурна-цывілізацыйныя праграмы, што знаходзяцца ў супрацьстаянні, архетыпам якога з'яўляецца барацьба за выжыванне відаў.

І тут мы прыходзім да вельмі важнага паваротнага пункта: як у дзікай прыродзе супрацьстаянне відаў не з'яўляецца абавязковым, гэтаксама і розныя культурна-цывілізацыйныя праграмы не абавязкова знаходзяцца ў барацьбе (з іншага боку, падобныя прыклады мы бачым у т.л. і ў дзікай прыродзе і не з'яўляецца ўнікальным для чалавека). Насамрэч гэта той паваротны момант, які сведчыць пра магчымасць наладжвання супрацоўніцтва паміж прадстаўнікамі розных культурна-цывілізацыйных праграм. Аб'ектыўна кажучы, супрацоўніцтва як культурная з'ява ў прыватнасці і наогул культура ў цэлым – гэта крытычна кволае ўтварэнне. І гэтае крытычна кволае ўтварэнне можа разваліцца на вачах у

самы нечаканы і непадыходзячы момант – ці то гістарычны перыяд, калі размова датычыцца ўзаемаадносін паміж макраносьбітамі культурна-гістарычных праграм, ці то нейкі адрэзак камунікацыі, калі гамонка ідзе пра міжасабовыя зносіны (мікраносьбіты).

Сярэднестатыстычныя мікраносьбіты пэўнай цывілізацыі, як правіла, нават і блізка не асэнсоўваюць тыя адрозненні, якія могуць быць паміж рознымі культурна-цывілізацыйнымі праграмамі. Асабліва калі ўзнімаецца, напрыклад, тэма ўзаемаадносін Беларусі з такой Цывілізацыяй як Кітай – цывілізацыяй, вельмі непадобнай на нашу. Калі дробнае непаразуменне ўзнікае паміж двума звычайнымі сярэднестатыстычнымі мікраносьбітамі розных культурна-цывілізацыйных праграм – гэта праблемка. Калі падобныя мікраносьбіты з’яўляюцца прадстаўнікамі палітычнай сістэмы ў сваіх краінах, а тым болей палітычнымі лідарамі, і паміж імі ўзнікае вялікае непаразуменне, што пераходзіць на макраўзровень – гэта бяда.

Найвялікшая праблема навукі – яе бессэнсоўнасць. Можна быць геніем, але наўрад ці да геніяў прыслухоўвацца людзі, што знаходзяцца на чале ўлады, калі максімальна аб’ектыўныя ідэі геніяў не адпавядаюць інтарэсам «правадыроў» і «багаццяў». Верагодна, прычынай падобнай сітуацыі з’яўляецца вядзенасць грамадства наогул і тых самых «правадыроў» і «багаццяў» у прыватнасці інстынктыўна-эмацыйнымі матывамі пры мінімальнасці іх асэнсавання і ўсведамлення. Але хіба гэта магчыма, калі чалавечыя супольнасці ў сваёй сутнасці не схільныя выпрацоўваць усвядомленае стаўленне да сітуацыі ў асобе, пачынаючы выхаваннем з боку бацькоў, як правіла, мала знаёмых з пытаннем усвядомленасці, і сканчаючы рэкламнымі шчытамі, якія мэтаскіравана ўздзейнічаюць на інтуітыўна-эмацыйны план?

Ці гэта праблема? Калі яе немагчыма вырашыць, то наўрад ці. Гэта наша прырода. І задача – не ў выпраўленні ўласных характарыстык, а ў правільным прымяненні нашых даных.

Ува ўмовах канкурэнцыі паміж культурна-цывілізацыйнымі праграмамі шлях да пазнання і ўзаемаразумення не павінны схіляцца ні да адрывання чужых дасягненняў, ні да неўсвядомленага іх ухвалення. Дасягненні іншых культурна-цывілізацыйных праграм не абавязкова будуць эфектыўныя і нават дзейныя ў іншых рэаліях. Тым не менш, сыходзячы з дапушчэння аднолькавасці агульначалавечага (пераважна эмацыйна-інстынктыўнага) базіса, даследаванне іншых культурна-цывілізацыйных праграм адкрывае нам шлях да глыбейшага ўсведамлення сваёй уласнай сутнасці і дзейнасці. Рэчы, якія падаюцца на першы погляд відавочнымі, аказваюцца суб’ектыўна (тут раўно «эмацыйна») абумоўленымі, прычым нярэдка на калектыўным узроўні. І нават пры развіцці навыка ўсвядомленасці пакуль яшчэ не хапае сістэматызаванасці і паслядоўнасці.

Кітайская Цывілізацыя з’яўляецца такой з найдаўжэйшай пераемнасцю дзяржаўнасці. Кітайская мова – адна з нешматлікіх моваў, для актыўнага пісьмовага карыстання якой цэнтральнае месца належыць ідэаграфічнай сістэме [6], а наколькі вядома, «калі літарны запіс дае нам магчымасць аднавіць толькі маўленне, што гучыць, сэнс якога можа заставацца невядомым, то іерагліфічны запіс непасрэдна раскрывае сэнс» [7, с.9]. «Сінтаксіс кітайскай мовы характарызуецца строгай сістэмай правілаў, якія датычацца парадку словаў, спалучэння словаў у сказе і структурных асаблівасцяў сказаў розных тыпаў» [8, с.12], прычым «абсалютныя лінгвістычныя ўніверсаліі адносяцца да семантычнага сінтаксісу, а не да марфалогіі, якая, такім чынам, выступае як своеасаблівае дублюючая сістэма, здольная гарантаваць правільнае разуменне ролі маргінальных элементаў фразы ў адносінах да яе прэдыкатнага ядра» [7, с.15]. Кітайская культурна-цывілізацыйная праграма, што ўсё яшчэ знаходзіцца ў працэсе сутнаснай трансфармацыі, абумоўленай, у першую чаргу, дамінаваннем Заходняй Цывілізацыі, бяспрэчна з’яўляецца вельмі кампетэнтнай і ў далейшым будзе набіраць магутнасць. І гэта адзін з ключавых чыннікаў, чаму нам важна даследаваць Кітайскую Цывілізацыю, гэтаксама як і павышаць – няхай і не глыбока ўсвядомлены – агульны ўзровень разумення мікра- і макраносьбітаў кітайскай культурна-цывілізацыйнай праграмы ў масах. У той самы час мусіць ажыццяўляцца даследаванне нас саміх, кааперацыя паміж даследчыкамі-краіназнаўцамі Кітая і даследчыкамі-краіназнаўцамі Беларусі. У адваротным выпадку канкурэнтнасць нашай культурнай (да цывілізацыі нам далёка) праграмы, а значыць, і яе жыццяздольнасць, аказуцца пад вялікім пытаннем.

СПИС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. 1. Николай Кун. Легенды и мифы Древней Греции [Электронны рэсурс] // ООО «ЛитРес» — Рэжым доступу: <https://www.litres.ru/nikolay-kun/legendy-i-mify-drevney-grecii/chitat-onlayn/>. — Дата доступу: 08.12.2021.
2. 2. Мюллер Ф. Введение в науку о религии [Электронны рэсурс] // Библиотека Гумер — гуманитарные науки. — Рэжым доступу: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Muller/intro.php. — Дата доступу: 08.12.2021.
3. 3. Анатолий Протопопов: Трактат о любви, как ее понимает жуткий зануда [Электронны рэсурс] // Электронная библиотека ЛибКат. — Рэжым доступу: <https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/psihologiya/246030-anatolij-protopopov-traktat-o-lyubvi-kak-ee-ponimaet-zhutkij-zanuda.html#text>. — Дата доступу: 08.12.2021.
4. 4. Конфуций. Лунь юй. Перевод: Л. Переломов [Электронны рэсурс] // Онлайн библиотекаknijky.ru. — Рэжым доступу: <https://knijky.ru/books/lun-yuy>. — Дата доступу: 08.12.2021.
5. 5. Щичко В. Ф., Яковлев Г.Ю. Китайский язык. Полный курс перевода: учебник / В. Ф. Щичко, Г. Ю. Яковлев. — М.: Восточная книга, 2012. — 368 с.
6. 6. Идеографическое письмо[Электронны рэсурс] // mvechkanova (УлГТУ, кафедра “Прикладная лингвистика”). — 2013. — Рэжым доступу: http://ling.ulstu.ru/linguistics/resources/student_works/pismennost/pages/ideograph.html. — Дата доступу: 08.12.2021.
7. 7. Мартынов В. В. Основы семантического кодирования. Опыт представления и преобразования знаний / В. В. Мартынов. - Мн.: ЕГУ, 2001 г. -140 с.
8. 8. Задоев Т.П., Хуан Шуин. Основы китайского языка. Вводный курс. 2-е изд., испр. — М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. — 271 с.: ил.

Прыдзін Васілій Вадімовіч
*студент Масквоўскага дзяржаўнага
лінгвістычнага ўніверсітэта
(г. Масква, Расійская Федэрацыя)*

КИТАЙ В ОБРАЗАХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Все гуляющие по центру города петербуржцы привыкли к группам китайских туристов. Их присутствие на улицах и площадях Северной столицы даже стало неотъемлемой частью пейзажа подобно дворцам, паркам, на которые они приезжают посмотреть. Петербуржцы настолько привыкли к гостям из Поднебесной, что уже вторую весну подряд удивляются, когда не слышат эмоциональной китайской речи, прогуливаясь у Смольного или Исаакия. Сегодня в городе привычны не только китайская речь, но и написанные на китайском многочисленные вывески и указатели. Такое присутствие Китая в Петербург демонстрирует отношение города к приезжающим гостям. Однако отношение к китайской культуре особенное. Например, восприятие иных стран Азии иное. Ещё недавно в метро Москвы присутствовали указатели на узбекском и таджикском. И это начинание вызвало волну недовольства. Соответственно, растущая роль отношений Китая и России важна для исследования.

Все знают, что Пётр I «прорубил окно в Европу», однако монарх России уделял много внимания и противоположному направлению — Дальнему Востоку. К сожалению, о дальневосточной политике первого русского императора у нас знают мало и вспоминают нечасто. Между тем именно при Петре началась регулярная торговля России с Китаем, а китайское посольство впервые побывало в европейской части нашей страны. С именем Петра I связан и город Санкт-Петербург. Начал он с торговли, когда, меняя в Пекине различные меха,

зеркала, русские и европейские шерстяные ткани на товары Китая — шёлк, фарфор, чай, ремень и пр., — эти караваны приносили немалый доход царской казне. Прибыль первого, отправленного в 1697 году, превысила 24 тысячи рублей, а караван, посетивший Пекин в 1708 году, принёс прибыли уже на 270 тысяч. Это помогло России выжить, потому что в разгар войны со шведами такие доходы оказались нужны. На сумму в 270 тысяч рублей можно было построить 9 фрегатов или в течение года содержать 17 пехотных полков. Известно, что доход от торгового каравана, покинувшего Пекин в 1709 году (как раз когда далеко на западе прогремела Полтавская битва), позволил Петру I закрыть половину бюджетного дефицита за тот год¹.

Наибольшее влияние на царя оказало его “Великое посольство”, когда, в частности, в Кунсткамерах Голландии китайский фарфор, например, немалая коллекция есть во дворце Петра “Монплеизир”. В 1715 году Петр Великий отправил в Пекин посольство, которое состояло из ученых. В конце путешествия найденные редкости этих исследователей и ученых в 1718 году послужили основой создания Кунсткамеры. В частности, сегодня их можно найти на втором этаже, где представлено около двухсот различных ценностей народностей Китая или образцы китайского искусства.

Впервые китайцы официально задокументировано прибыли в Петербурге в 1732 году. А в 1737 году в городе появился первый постоянный житель из Поднебесной — переводчик Коллегии иностранных дел Чжоу Гэ. Его окрестили Фёдором Петровым и дали ему звание прапорщика.

Помимо дипломатических и экономических контактов, активно происходило взаимодействие между религиями. Православие расширялось на Востоке с помощью миссионеров, в то время как из Китая и Монголии в Россию пришел буддизм (возможно именно поэтому русские исследователи сначала ознакомились с буддизмом китайского толка, а не с индийской версией учения). Например, в 1741 году императрица Елизавета Петровна (1709-1762 гг.) издала указ, по которому буддизм был официально принят как разрешённая в пределах России религия. В дальнейшем Екатерина II (1729-1796 гг.) способствовала развитию буддийского монашества.

Екатерина II также следовала моде распространения в европейском искусстве XVIII века моде на шинуазри («китайщину»). Около столицы она приказала архитекторам Ринальди и Камерону создать проект деревни на основе китайской гравюры из её личной коллекции. Деревня должна была включать китайский сад и состоять из 18 стилизованных китайских домов, над которыми возвышалась бы восьмиугольная куполообразная обсерватория (так и не завершённая вообще). До нас сад дошел в частичном виде.

В интерьерах Китайского дворца присутствует довольно много предметов китайского искусства, эта коллекция не только разнообразна, но и обширна: мебель, ширмы, веера, фарфор, полотна, подносы и блюда, фонарики. Среди впечатленных красотой китайской деревни был А.С. Пушкин (1799-1837 гг.), который, еще учась в Царскосельском лицее, именно в этом поселении познакомился с элементами китайской культуры².

Проект Антонио Ринальди - единственный в России дворец, представляющий стиль рококо. В эпоху рококо в моде был стиль «шинуазри» (китайщина). Отсюда и название дворца, выстроенного Ринальди для Екатерины Второй, и интерьеры в этом стиле. 12 июля 2018 года в дворце отметили юбилей китайского дворца. В честь торжественного события здесь были открыты три новых зала.

Во второй половине XIX века развивались не только русско-китайские дипломатические отношения, но и отечественная синология. Это связано с активной научной деятельностью Русского географического общества, основанного 6 августа 1845 года. В общество входили такие известные путешественники как П.П. Семенов-Тянь-Шанский, Н.Н. Миклухо-Маклай, Н.М. Пржевальский, П.А. Кропоткин, А.И. Воейков и многие другие. Найденные артефакты великолепно сохранились благодаря сухому климату. Большое количество найденных предметов сейчас хранится в Государственном Эрмитаже³.

Самые популярные элементы китайского стиля, выполненные архитекторами и декораторами в Петербурге и его пригородах, испытывают как влияние западной традиции использования стиля шинуазри, что говорит тот факт о популярности в той эпохе “китайской темы”. Россия не смогла отойти от массовой тенденции увлечения Востоком и Китаем, но это было присуще только элитарному вкусу, потому что китайский фарфор был редкостью и стоил очень дорого, поэтому лишь очень состоятельные люди могли себе позволить пользоваться им.

Приезжать активно китайцы стали в город во время Первой мировой войны во многом из-за беспорядков внутри самого Китая (Синьхайская революция). Самая распространенная работа среди них была работа дворником. Стоит отметить, что в Китае существует другая система исчисления, поэтому арабские цифры они не понимали, и поэтому помечали убираемые территории своими знаками, один из которых был похож на удлинённый крест, что вызвало разные слухи в городе, вплоть до предсказаний скорого апокалипсиса.

Вернулись к китайской культуре снова в 1949 году с момента образования Китайской Народной Республики. Началось это после первого визита ученых КНР в Советский Союз уже в 1949 году, они попросили о помощи в развитии науки и образования, и тем самым подтолкнули обе стороны к сотрудничеству в сфере культуры. В основном культурный обмен происходил в Сибири и на Дальнем Востоке в виду территориальной близости, однако китайские ученые и студенты доезжали и до Ленинграда.

С 1953 года в Академии художеств (на тот момент – Ленинградский институт имени И.Е. Репина) начали обучаться китайские художники, которые впоследствии задавали тон развитию монументальной живописи в КНР⁴.

В Советском Союзе и постсоветской России Китай в первую очередь ассоциировали с восточными единоборствами. В частности, в Петербурге в 90-е годы работали несколько десятков клубов, где учили ушу.

Официального органа управления у диаспоры нет. В сложных ситуациях большинство петербургских китайцев обращаются в консульство.

Главным китайским праздником является Новый год по лунному календарю. Как правило, это конец января — середина февраля. Но в 2012-м он наступил в ночь с 22 на 23 января.

У Китая есть разветвлённая сеть образовательных учреждений по всему миру. Все носят общее название Институт Конфуция и распространяют национальную культуру. В декабре 2007 года на основе международного соглашения в Петербурге открыли «Класс Конфуция» — единственную в мире частную школу, вошедшую в сеть. Также Институт Конфуция работает при Восточном факультете СПбГУ⁵.

Так как большинство петербургских китайцев — студенты, их легче всего встретить в студгородках и недалеко от университетов: в Петергофе, на Казанской улице или, например, на Васильевском острове. Живут они в разных районах города. Их быт мало чем отличается от быта других студентов.

У петербургских китайцев есть своя газета — «Лун Бао», которая выходит раз в неделю. Пишут там и о жизни диаспоры, и о решениях ЦК КПК, и о выборах президента России.

В середине нулевых правительство города разрешило строительство «Балтийской жемчужины» — своеобразного китайского делового квартала в Петербурге. За ходом работ можно следить на специальном сайте. Что интересно, среди 2 000 потенциальных жильцов комплекса, уже оставивших заявки на приобретение недвижимости, пока нет ни одного гражданина Китая.

Россия очень интересуется гражданами Китая, особенно людей среднего и старшего поколений, которые росли во времена СССР. Революция, победа в Великой Отечественной войне, строительство социализма вызывают большое уважение китайцев. Поэтому многие туристы в первую очередь посещают Москву, где находится мавзолей Ленина, и Санкт-Петербург, где можно посетить крейсер "Аврору".

Китайские туристы рассказали, когда хотят приехать в Петербург и сколько готовы потратить. Комитет по развитию туризма Санкт-Петербурга составил портрет индивидуального китайского туриста, который интересуется Северной столицей.

Более 44 % респондентов сообщили, что они были в Северной столице хотя бы один раз в жизни, а еще 44,6 % сказали, что посещали наш город каждый год⁷.

Также эти туристы хотели бы, чтобы на предлагаемых туристских маршрутах Северной столицы появились указатели на китайском языке, увеличилось количество обслуживающего персонала, владеющего их родным языком.

До наступления пандемии коронавирусной инфекции число гостей из Поднебесной в Петербурге росло от года к году. В 2019 году турпоток достиг 951 тыс. гостей. После снятия всех международных ограничительных мер при соответствующей информационной кампании китайские туристы могут вновь проявлять большой интерес к Петербургу, считают в КРТ.

Самыми популярными в массовой среде являются выставки в Государственном Эрмитаже, которые представляют, как предметы из собственных собраний и архивов, так и экспонаты, привезенные из музеев разных стран, в том числе и Китая. Так, в 2007-2008 гг. была организована выставка «Возвращение Будды. Памятники искусства из музеев Китая», а в 2007 году – «Сокровища китайского искусства из Шанхайского музея», обе приурочены к Году Китая в России.

В Эрмитаже находятся наиболее ценные экспонаты, редкости и предметы роскоши. Среди них – большая коллекция фарфора, а также шелк, который в 18 веке использовался для светских нужд – «расписные шелка либо узорчатые дамаски, с орнаментами из цветов и птиц». Кроме этого, культурный ландшафт современно Петербурга также переплетен с влияниями Китая. Примером этого может служить «Сад дружбы». Он был преподнесен Петербургу от города-побратима Шанхая на 300-летие. Здесь находится «Пагода дружбы», камни с озера Тай Ху, мостик над искусственным водоемом и «Стену девяти драконов», которая украшена керамическими драконами. И так же из-за чего этот сад известен — это цветение сакуры.

Продолжает своё существования Китайская деревня в Царском селе. Во время войны Китайская деревня сильно пострадала. Восстановление продвигалось мучительно и долго. В 60-х годах домики превратились в коммунальные квартиры, затем после перепланировки трансформировались в туристическую базу отдыха. В настоящее время Китайская деревня полностью восстановлена. Домики используются как гостевые апартаменты. Для обычного человека остался доступен только фасадный вид Китайской деревни.

Особой популярностью пользуется Ши-Цза – пара гранитных мифологических львов-стражей, установленных при спуске к Неве на Петровской набережной в Санкт-Петербурге. Скульптуры имеют высоту 4,5 м и вес 2,5 т каждая. На обоих постаментах высечена надпись: «Ши-цза из города Гирина в Маньчжурии перевезена в Санкт-Петербург в 1907 году. Дар генерала от инфантерии Н. И. Гродекова». В Китае такие скульптуры устанавливают парами по обе стороны от входа в храм, дворец, на кладбище. Они изображают льва и львицу, охраняющих вход. Лев в лапе держит шар, символизирующий буддийское знание, несущий свет во тьму и могущий исполнять желания. Львица придерживает лапой львёнка.

Вследствие внешнеполитических процессов и в силу географической предрасположенности Россия сумела легко адаптироваться к культурным запросам своего могущественного восточного соседа. КНР и СССР, а в наши дни Россия имели и имеют близкие идеологические и культурные основы, позволяющие им сохранять свой культурный “суверенитет” в условиях глобализации. В этих условиях Санкт-Петербурге стал одним из многих мест, где проводятся ежегодные мероприятия по привлечению граждан к изучению китайского языка и расширению знаний о культуре Поднебесной. Но перед городом стоят и иные не менее важные задачи: сделать город более благоприятным для гостей и преодолеть стереотипы в отношении туристов, представляющих иные расы, народы и культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ду А. Анализ китайских садов в исторических парках Санкт-Петербурга // Перспективы науки. 2021. № 5 (140). С. 163-166.
2. Завьялова А.А. Институты Конфуция: интеграция или экспансия? // Высшее образование сегодня. 2010. № 9. С. 54-59.
3. Лебедева Е.Н. Десятилетие великой дружбы. Советско-китайские отношения в 1950-е гг. // Исторический архив. 2006. № 4. С. 29-44.
4. Мясников В.С. Россия и Восток. Становление отечественного китаеведения // Перспективы. Электронный журнал. 2017. № 1 (9). С. 20-39.
5. Самойлов Н.А. Вклад Петра Великого в социокультурное взаимодействие России со странами Восточной Азии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43. № 6. С. 65-76.
6. Ян Чжи Я.Ч. Китайские беседки в Царском селе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 12. № 33. С. 287-289.
7. Китайские туристы хотят видеть в Петербурге больше табличек на родном языке и просят сделать город более безопасным// Фонтанка.ру [Электронные ресурсы] // <https://www.fontanka.ru/2021/08/09/70068746/> . Доступно (проверено 6.12.2021).

Научное издание

ПУТИ ПОДНЕБЕСНОЙ

Сборник научных трудов

Выпуск IX

Ответственный за выпуск *Н. В. Михалькова*

В авторской редакции

Подписано в печать 25.02.2022. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография, цифровая печать. Усл. печ. л. 16,28. Уч.-изд. л. 22,97. Тираж 100 экз. Заказ 10.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 10.07.2020 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.